

عشق ز دهر څه پېژنئ ، سره د دهر څه پېژنئ ؟

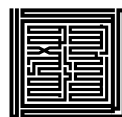

ᠭᠠᠯᠳᠠᠨ
ᠯᠡᠨᠬᠣᠪᠣᠭᠡᠨᠨᠠᠭᠤ
ᠪᠯᠠᠭᠣᠰᠣᠯᠣᠪᠡᠨᠠᠭᠤ
ᠰᠤᠳᠤᠪᠠ

ГАЛДАН
ЛЕНХОБОЕВ:
*благословенная
судьба*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ
БУРЯД-МОНГОЛ НОМ
УЛАН-УДЭ
2014

БУРЯД-МОНГОЛ
НОМ ХЭБЛЭЛ
УЛААН-ҮДЭ ХОТ
2014

УДК 615.89+947.1/.9
ББК 53.59кр+63.3 (2Рос.Бур)
Л 463

ГАЛДАН ЛЕНХОБОВЕВ: БЛАГОСЛОВЕННАЯ СУДЬБА
/ Галдан Ленхобоев. — Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном хэблэл,
2014. — 448 с.: ил.

Л463 Об этом человеке писали много еще при его жизни: в центральной прессе, научно-популярных журналах, республиканских газетах, книгах. Рабочий-модельщик, заслуженный рационализатор РСФСР, член Союза художников СССР, краевед, археолог, действительный член Географического общества СССР, фольклорист и, наконец, известный лекарь-тибетолог Галдан Ленхобоев. О нем снимали документальные фильмы, создавали поэтические произведения. О нем рассказывали писатели, ученые, артисты, общественные деятели. Приведенные в книге публикации разных лет — только небольшая часть. Прочитав эту книгу, вы поймете, что научный, художественный, философский, творческий вклад Галдана Ленхобоева в науку и культуру Бурятии по достоинству еще во многом не оценен.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Бурятии в частности и востоковедением в целом.

2014
© Галдан Викторович Ленхобоев
© Буряад-Монгол Ном хэблэл

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена в какой-либо форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

В книге использованы документы и фото из архива семьи Ленхобоевых и авторов статей. Медали и значки, представленные в оформлении книги, являются личными наградами Г.Л. Ленхобоева.

ISBN 978-5-9905883-5-6

ГАЛДАН
ЛЕНХОБОВЕВ
1907–1991

БЛАГОСЛОВЕННАЯ СУДЬБА

Меня зовут *Галдан Ленхобоев* — я тезка своего дедушки, чья личность поистине многогранна и интересна. Мне было всего десять лет, когда дедушки не стало. Очень жаль, что я не успел хорошо с ним пообщаться. Ах, если бы дожил он хотя бы до моего совершеннолетия.

Во время работы над книгой я столкнулся со многими интересными фактами из его жизни. У нас дома сохранилась всякая всячина, но кое-что все же отсутствовало. Многое нашел в библиотеке. Так, я открыл для себя книгу о бурятских узлах, плетениях, швах. До этого я не читал и не знал о статьях в журнале «Байгал».

В музее имени Галдана Ленхобоева на его малой родине в Гильбиринской средней школе Иволгинского района я увидел иллюстрированный цветной чехословацкий журнал, в котором есть статья о моем дедушке. В музеях Улан-Удэ подержал в руках те работы, которые он в советское время подарил музеям и различным организациям. Особенно интересно было взаимодействие с Национальным музеем Бурятии, куда наша семья сдала на хранение сохраненные дедушкой религиозные книги Янгажинского дацана.

У нас дома более тридцати различных удостоверений дедушки, семнадцать медалей и памятных знаков отличия и принадлежности к различным организациям. Глядя на них, я не перестаю восхищаться работоспособностью, умом и талантом дедушки. Медали и удостоверения в абсолютно разных сферах деятельности: промышленность, искусство. Галдан Ленхобоевич Ленхобоев был также и известным общественником. Депутатские удостоверения городского, районного Советов депутатов трудящихся города Улан-Удэ за номерами 65, 240, 256 говорят о неоднократном доверии коллег, друзей и избирателей. Все удивительно. Удостоверение личности еще на монгольском вертикальном письме, которым мой дедушка

владел в совершенстве, трудовая книжка с более чем тридцатилетним стажем работы на одном заводе, удостоверение члена Географического общества СССР и многое другое.

Я заново перечитал многие работы Галдана Ленхобоева и то, что о нем писали. Заламинированные мною газетные вырезки будто снова ожили. Я их читал раньше, но сейчас при более внимательном прочтении намного лучше, в деталях, понял смысл содержащейся информации, они открыли мне многие грани таланта моего деда. Некоторые газетные статьи на бурятском языке я перевел на русский. Это был для меня необычный опыт, ведь я занимаюсь переводами с английского и китайского.

Меня впечатлили газетные вырезки на болгарском и якутском языках — о Галдане Ленхобоевиче знали и за пределами СССР. Я подарил их землякам в музей. Перебрал дома кучу фотографий, отсканировал и с помощью современных технологий дал новую жизнь этим старым снимкам. Перелистывая страницы фотоальбомов восьмидесятых годов, я вспоминаю, как мы с дедушкой и мамой, а также друзьями и земляками выезжали за травами. Дедушка собирал лекарственные травы и показывал мне, что брать, как и где. Я ходил за ним по лесу или степи с мешком и тоже собирал то, что потом станет лекарственным сырьем. Во время этих поездок мы устраивали небольшие пикники. Такое светлое воспоминание. Спокойные восьмидесятые годы незадолго до развала. Было ощущение спокойствия, семьи в трех поколениях под одной крышей.

В книге Алексея Павловича Окладникова «История и культура Бурятии» в главе «Мой друг Галдан» Алексей Павлович Окладников пишет, что первая ассоциация у него при имени Галдан была связана со средневековой историей Монголии, Средней Азии и Китая, с Джунгарским ханством во главе с Галдан Бошигт Ханом. Галдан — имя тибетское. Переводится как «имеющий благословенную судьбу». Имя Галдан, я знаю по своему опыту, поездив по Монголии, Китаю и Средней Азии, до сих пор не забыто народами этих стран. Войны Галдан Бошигт Хана, Галдан-Церена помнят до сих пор в регионе. Хотя с тех пор уже прошло более трех веков.

Это непростое имя. Тяжелое имя, как, наверное, говорят у нас. Мой дедушка с честью нес это имя. Не на полях сражений, а как труженик, лекарь, общественник, художник и просто равнодушный человек. Мой дедушка служил в Красной Армии, но не воевал в Великой Отечественной войне, так как был мастером цеха и у него как у очень ценного специалиста была бронь.

У нас дома много альбомов из разных поездок дедушки по городам и республикам бывшего Советского Союза: Москва, Ленинград, Грузия, Украина и другие. Кроме того, он бывал в командировках

*Два Галдана, дедушка и внук,
в деревянном доме на Шишковке.
Улан-Удэ, 1984 г.*

в зарубежных странах: Монголии, Китае, Германской Демократической Республике и так далее. Мы знаем, в те годы было непросто поехать за границу. Дедушка занимался фотографией и много сам фотографировал. Я помню эти старые советские фотоаппараты, закрепители, проявители у нас дома.

Мне рассказывали, как в некоторые города мой дедушка ездил по личным приглашениям ученых, разных известных людей. Именно его деятельность в сфере восточной медицины стала визитной карточкой моего дедушки, и наиболее часто его имя ассоциируется с этим древним методом исцеления. Многие известные люди со всего СССР лечились у Галдана Ленхобоевича, как, например, маршал Жуков, Галина Вишневская и многие другие. О нем узнавали по «сарафанному радио». Зачастую прием приходилось ему вести на тайных квартирах.

В восьмидесятые годы к дедушке в наш дом на Амагаева приходило немало гостей, посетителей, пациентов. Помню, с крыши сарая и с дерева у забора я видел толпящихся у ворот нашего деревянного дома людей.

*С внуком Галданом.
Квартира на ул. Чертенкова.
Улан-Удэ, 1985 г.*

Он охотно делился своими знаниями и сам написал немало работ по восточной медицине. Сейчас в XXI веке восточная медицина стала популярной во всем мире и в нашей стране, но в советское время, в последние десятилетия существования СССР, это была деятельность, которая не всегда одобрялась государством, и тогда восточная медицина была не в тренде.

В настоящее время клиники восточной медицины открыты по всей стране и огромное количество как россиян, так и иностранцев из Тибета, Китая, Монголии, Индии практикуют у нас восточную медицину и делают хорошие деньги на этом.

У нас есть дома большая газетная вырезка, сохраненная дедушкой, в которой очень сильно критикуют травников, народных целителей, грозя им всякими проблемами и статьями уголовного кодекса. В то время было много ограничений. Статьи о незаконном предпринимательстве и прочее.

Меня часто посещает мысль о том, что мой дедушка в наше время смог бы сделать намного больше: полностью открытый мир, свобода предпринимательства, интернет-технологии и многое другое.

С внуком Галданом во время сбора лекарственных трав в конце 1980-х годов в Иволгинском районе.

Он, как мне кажется, намного опередил свое время. Но, несмотря на советскую действительность, он смог сделать очень много полезного для общества.

Кроме того, мой дедушка был настоящим знатоком истории родного края, интересовался археологией и много времени проводил в горах в поисках петроглифов и других артефактов древней истории Бурятии. Многие тогда искренне не понимали, зачем Галдан Ленхобоевич столько времени посвящает данному занятию. Это ведь не просто найти скалы с петроглифами, разбив по дороге не одну пару обуви, но и детально зарисовать все эти древние рисунки. Требовалась очень сильная мотивация, художественные способности и терпение.

Мой дедушка был другом академика Окладникова, с которым они участвовали вместе в экспедициях, изучая древнюю историю и культуру Бурятии. Уже прошел *рабжуун* (60-летний цикл) с того времени, как в 1952 году они открыли и описали Обоо Чингисхана. Во время работы над книгой мне посчастливилось познакомиться с дочерью великого советского археолога Еленой Алексеевной Окладниковой.

Мой дедушка также писал литературные произведения на бурятском языке: рассказы, стихи, загадки, повести, которые издавались в советское время. Литературное творчество моего дедушки было тоже своеобразным и интересным. Например, я очень люблю его книгу «Сэлэнгын түрэ хуримай түүхэнээ» («Из истории свадебных традиций селенгинских бурят»). Необычность ее в том, что детальное этнографическое описание традиций, быта, вплетенное в очень интересный сюжет жизни двух семей, которые сватаются по обычаям селенгинских бурят и становятся родственниками. Это художественная книга, она написана с юмором, легко читается, и эту особенность отмечали многие современники.

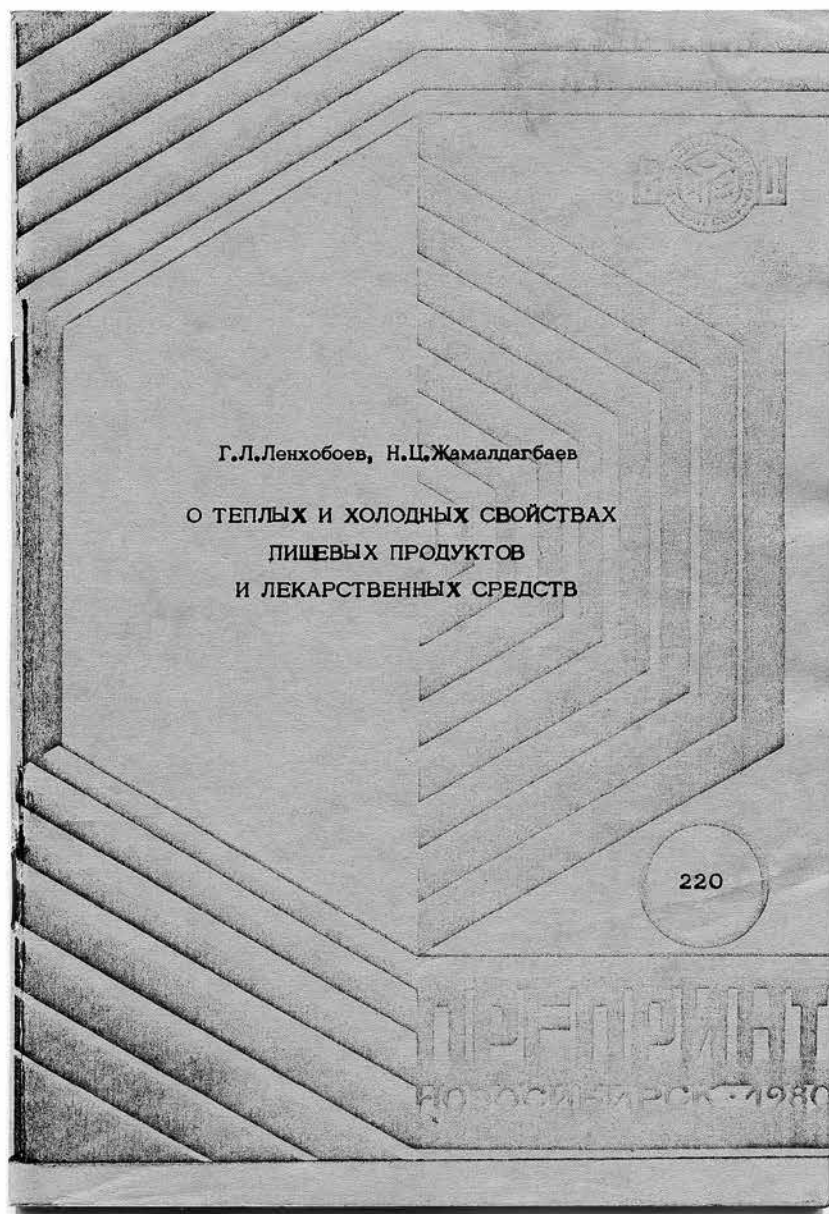
Уже в те советские годы мой дедушка понимал важность экологии и охранения окружающей среды. Он написал ряд работ, посвященных богатству родного края и сохранению его для будущих поколений. Я думаю, что он как лекарь, много времени проводивший на природе в поисках лекарственных трав, был проникнут чувством любви и ответственности перед природой. Он проводник древних знаний своих предков для последующих поколений.

Да, у моего дедушки была поистине благословенная судьба. Он успел сделать очень много за свою жизнь. Как когда-то Галдан Бошигт Хан получил благословение от Далай Ламы в войнах за свою родину, так и мой дедушка, как говорят земляки, когда-то получил благословение и защиту от Хамбо ламы Даши-Доржо Этигэлова. По воспоминаниям моей мамы, дедушка часто упоминал имя великого ламы, храня в себе сокровенную невидимую связь с ним. С возвращением Этигэлова многое, что было в забвении, вновь вспоминается, становится достоянием народа. Я счастлив, что наследие моего деда Галдана Ленхобоева вновь возвращается людям.

Глава I

ТАЙНЫ тибетской медицины

Рабочий кабинет
в доме на Шиш-
ковке.

**О ТЕПЛЫХ И ХОЛОДНЫХ
СВОЙСТВАХ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ
И ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ**

*Г.Л. Ленхобоев,
Н.Ц. Жамбалдагбаев.
Препринт № 220
(Новосибирск, 1980)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа носит несколько необычный характер. В ней делается попытка установить связь между некоторыми положениями учения восточной медицины о «теплых» (согревающих) и «холодных» (охлаждающих) элементах с одной стороны и физическим параметром, характеризующим оптическую активность вещества, который измеряется точными методами, с другой стороны.

Работа состоит из двух препринтов. В препринте № 220 (авторы Г.Л. Ленхобоев и Н.Ц. Жамбалдагбаев) излагаются основы учения восточной медицины о так называемых «теплых» и «холодных» элементах и их регулирующей роли в живом организме. Г.Л. Ленхобоев известен читателям по предыдущим двум препринтам, опубликованным в ВЦ СО АН СССР [2, 3]. В процессе этой работы Г.Л. Ленхобоев делился с ее участниками своими знаниями и опытом в области восточной медицины, предоставил свои записи, наблюдения и переводы литературы по восточной медицине, составил таблицы «теплых» и «холодных» свойств компонентов пищи и лекарственного сырья, используемого в восточной медицине, а также передал для измерений образцы лекарственного сырья (около двухсот образцов).

Н.Ц. Жамбалдагбаев, сотрудник ВЦ СО АН СССР, участвовал совместно с Г.Л. Ленхобоевым в переводе и редактировании основных источников восточной медицины.

В препринте № 227 (авторы — сотрудник ВЦ СО АН СССР Э.Ю. Кушниренко и другие) излагаются методики и результаты проведения измерений выбранного физического параметра для некоторых видов пищи, для которых содержание «теплых» и «холодных» элементов было предварительно определено Г.Л. Ленхобоевым на основе традиций восточной медицины.

*Г.Л. Ленхобоев, Н.Ц. Жамбалдагбаев.
О теплых и холодных свойствах пищевых
продуктов и лекарственных средств.
— Препринт № 220. — Новосибирск:
Ротапринт ВЦ СО АН СССР, 1980. — 56 с.*

Понятия «теплых» и «холодных» элементов в учении восточной медицины являются основными, и им принадлежит важная роль в понимании регулирующего воздействия, которое, по мнению специалистов восточной медицины, могут оказать пища, одежда, различные факторы окружающей среды на процессы, происходящие в организме человека. В связи с тем, что эти понятия сложились в результате обобщения опыта многолетних наблюдений, они могут оказаться интересными для исследования закономерностей процессов управления в здоровом и больном организме.

Работами ВЦ СО АН СССР по математическому моделированию динамики процессов заболевания, основанными на современных положениях теории иммунитета, выяснена важная роль количественных характеристик интенсивности иммунного ответа, размножения бактерий и вирусов, восстановления функций поврежденного органа и др.

Весьма возможно, что вещества, содержащие «теплые» элементы, играют роль биостимуляторов, а вещества, содержащие «холодные» элементы, — роль депрессантов, в том числе и процессов иммунного ответа.

Физический параметр, выбранный во второй части работы, связан со структурой вещества, которая в данном случае характеризуется с помощью определения оптической активности. Возможно, что этот параметр может характеризовать регулируемую роль, которую оказывает исследуемое вещество на процессы, происходящие в живом организме. Во всяком случае, полученная во второй части работы значимая связь между результатами измерений введенного параметра и содержанием «теплых» или «холодных» элементов по учению восточной медицины представляет интерес для дальнейших исследований. Естественно, что эти результаты носят предварительный характер и не могут еще рассматриваться как доказательство возможности измерять степень содержания «теплых» или «холодных» элементов физическими методами. Из этих результатов тем более не может еще следовать никаких медицинских рекомендаций по лечению человека.

Однако предпринятая здесь попытка исследования точными методами некоторых положений восточной медицины нам представляется интересной. Было бы полезно, если бы полученные результаты привлекли внимание ученых в областях медицины, биохимии, иммунологии и физики.

Академик
Г. И. Марчук

§ 1. ВНУТРЕННЯЯ ТЕПЛОТА, ТЕПЛЫЕ И ХОЛОДНЫЕ СВОЙСТВА

1. Тибетская медицина располагает богатейшим арсеналом лекарственных средств естественного происхождения. По некоторым данным, количество их составляет около трех тысяч [7]. Лекарства,готавливаемые из них, как правило, представляют собой многокомпонентную смесь из компонентов самого различного происхождения. Число их варьировалось от двух до восьмидесяти. Было принято считать, что подобные смеси действуют на организм человека более эффективно, чем применяемые порознь отдельные виды лекарственных средств. Но для их использования необходимо было знать не только характеристики отдельных разновидностей сырья, но и иметь представление об их взаимовлиянии и взаимодействии как компонентов сложного препарата и также об их совокупном действии на организм больного. Сведения подобного рода, которые собирались и систематизировались в течение тысячелетий и представляли собой плод многовекового опыта народов Тибета, Индии, Монголии, были зафиксированы и обобщены в соответствующих руководствах тибетской медицины и фармакогнозии. Но немалая часть их передавалась устно из поколения в поколение, от учителя к ученику. Это имело свое объяснение. Считалось, что если эти знания сделать доступными всем, то могут объявиться многочисленные самозванцы и шарлатаны, которые, обучившись делу врачевания самостоятельно, увеличат количество больных, поскольку не каждый из них может обладать необходимыми для этого способностями. Но все же по описаниям, имеющимся в таких трактатах, как «Чжуд-ши», можно получить определенное представление об основных принципах, которыми руководствовался тибетский медик при составлении лекарственных препаратов. Естественно, что те языковые средства и тот понятийный аппарат, посредством которых они описываются, существенно отличаются от современных.

Для того, чтобы представить это различие более наглядно, достаточно вспомнить, что основные сведения, на основании которых древний медик судил о лечебных свойствах лекарственных средств, опирались на многолетние наблюдения за больными и на органы чувств самого медика. Последние, доведенные до совершенства в результате продолжительной практики, могли стать хорошим средством для надежной оценки воздействий лекарственных препаратов и пищевых продуктов на организм человека. Поэтому неудивительно, что язык тибетской медицины, в частности ее фармаколо-

гии, в основном ориентирован именно на такие методы познания, в отличие от языка современной фармакологии, который опирается на физические и химические методы.

11. Одно из своеобразий тибетской медицины проявляется в том, что болезни, в особенности их этиология, рассматриваются в тесной связи с природно-климатическими условиями проживания больного, с его образом жизни и системой питания. Идея зависимости физиологических процессов, происходящих внутри человека, от указанных факторов пронизывает все теоретические и практические части этой медицины. К одним из основных понятий, характеризующих подобного рода зависимость, относится понятие «внутренняя теплота».

По «Чжуд-ши» (глава 5, часть 2) оно описывается следующим образом:

Внутренняя теплота суть желчь, посредством которой переваривается и усваивается пища. Если сила ее велика, то питательные соки пробегают, не успевая передать соки организму... Если сила ее мала, то пища не переваривается.

Отсюда видно, что «внутренняя теплота» определяет возможности организма переваривать и усваивать пищу. От нее существенно зависит характер всех процессов, происходящих в организме; в частности, она способствует сохранению теплоты в тканях, во внутренних органах, определяет продолжительность жизни, возобновляет силы организма и т.д. Но, в свою очередь, состояние внутренней теплоты определяется характером питания человека и природно-климатическими условиями его проживания. Последние могли оказывать на нее угнетающее или активизирующее воздействие. Пищевые продукты и лекарственные средства, способствующие активизации ее сил, было принято считать обладающими теплыми свойствами, а те, которые угнетают эту силу, — обладающими холодными свойствами. Что же касается природно-климатических условий, то холод, согласно традиции, угнетает силу внутреннего тепла, а тепло, наоборот, способствует ее росту.

В соответствии с этим, для того чтобы сохранить равновесие с окружающей средой, тибетские медики рекомендуют в разных условиях различную по характеру пищу. По их мнению, пища всегда должна быть приведена в соответствие с местностью, с ее погодными условиями и климатическими особенностями. Одна из рекомендаций подобного рода из «Чжуд-ши» (глава 5, часть 2) звучит следующим образом:

Прежде всего (выясни) мясо какого из шести животных подходит человеку, проживающему в данной местности, и какое питание могло бы привести к развитию сил внутренней теплоты и следуй по этому пути.

Нарушение этого соответствия, согласно учению тибетской медицины, создает самые благоприятные условия для возникновения болезней.

Мясо животных холодного свойства, пенистые фрукты и ягоды самых различных вкусов — вся пища холодного свойства, если она не соответствует условиям данной местности, порождает множество болезней, в особенности болезни слизи. (Джуд-ши, глава 5, часть 2)

Считалось также, что от состояния внутренней теплоты существенно зависит течение болезней, ее степень тяжести и возможные осложнения. Поэтому тибетский медик при распознавании болезней определял прежде всего уровень внутренней теплоты больного и проводил лечение всегда с учетом этого. Это проявлялось в том, что одновременно с лечением данной болезни приводились в соответствие с природно-климатическими условиями проживания больного и внутренняя теплота его организма. Этого можно было достигнуть посредством специально подобранной системы питания и лекарственных препаратов. Так, например, если сила внутренней теплоты угнетена, то ее рекомендовалось увеличить посредством теплых свойств веществ, в противном случае, когда она чрезмерно активна, рекомендовалось уменьшить эту силу, воздействуя холодными свойствами веществ.

Таким образом, медик при выборе средств лечения и системы питания должен был учитывать не только их направленные действия на болезнь, но и возможность угнетающего или активизирующего воздействия их на внутреннюю теплоту. При этом важно было знать, что одно и то же лекарственное средство может действовать двояко: и на болезнь, и на внутреннюю теплоту. Именно в умелом сочетании подобных действий этих средств во многом заключалось искусство тибетского врача.

111. Как мы видим из вышесказанного, свойства пищевых продуктов и лекарственных средств делятся на холодные и теплые, смотря по тому, как они действуют на внутреннюю теплоту. Кроме того, тибетские медики выделяют особый класс лекарственных средств и пищевых продуктов, которые мало влияют на внутреннюю теплоту — их называют обычно нейтральными.

При распознавании подобных свойств и других целебных качеств веществ тибетский медик обычно опирался на:

- 1) вкусовые качества;
- 2) изменение лекарственных средств после усвоения их организмом;
- 3) характер действия веществ на организм.

Было выделено шесть видов вкусовых ощущений: приятный, кислый, соленый, горький, жгучий, вяжущий. В «Чжуд-ши» (глава 19, часть 2) эти ощущения описываются следующим образом:

Вкус приятного при соприкосновении: из-за предрасположенности полости рта к приятному вызывает желание; кислый — стягивает зубы, коржит лицо, выделяет слюну; после соприкосновения соленого ощущается тепло и уменьшается (выделение) слюны; горький — уничтожает запах во рту и отбивает желание; жгучий — обжигает рот и язык, из глаз выступают слезы, при соприкосновении вяжущего с языком и небом ощущается шероховатость.

Например, изюм, шафран, мед, мясо, масло считались на вкус приятными; гранат, облепиха, кумыс — кислыми; поваренная соль, солонцы — солеными; мак голостебельный, ластовень лекарственный, лапчатка прямостоячая — горькими, кизильник черноплодный, перец длинный, лук репчатый, лук зеленый — жгучими; сандал, мироболан, ягоды боярышника и черемухи — вяжущими.

Знание вкуса лекарственных средств имело огромное значение для тибетского медика, поскольку оно, во-первых, облегчало распознавание нужного сырья, во-вторых, это было ему необходимо для составления сложных лекарственных рецептов. Вкусовые ощущения зачастую позволяли опытному медику довольно точно определить целебные свойства лекарственных средств, их теплые или холодные свойства.

IV. В тибетской медицине существовало учение о формировании вкусовых качеств. Согласно этому учению, вкусы определяются деятельностью «пяти махабут» — земли, воды, огня, воздуха, пространства — этих стихий, по законам которых, согласно тибетской философии и медицины, существует и развивается весь живой и неживой мир. Каждая из этих стихий играет свою специфическую роль в формировании того или иного вкуса. Земля является основой мира, где находятся все лекарственные средства; вода придает им влажность; огонь — теплоту; их движущим началом является воздух, а простран-

ство предоставляет место. Когда вкус порожден преимущественно сочетанием земли и воды, то он будет приятным; если огня и земли, то кислым; воды и огня — соленым; воды и воздуха — горьким; огня и воздуха — жгучим; земли и воздуха — вяжущим.

Если иметь в виду, что для тибетского медика человеческий организм также является полем деятельности «пяти махабут», то для него представление о зависимости целебных свойств лекарственных средств и пищевых продуктов от их вкуса, порожденного, как мы видели выше, этими же «пяти махабутами», является совершенно естественным. Поэтому неудивительно также и то, что автор «Чжуд-ши» приходит к следующему заключению: «На земле нет ничего, что не представляло бы собой лекарство», ибо на ней мы находим проявление деятельности все тех же «пяти махабут».

V. Если каждая из этих стихий в сочетании с другой давала какое-либо вкусовое ощущение, то по отдельности они имели следующие характеристики:

Земля — тяжелая, постоянная, слабая, мягкая, маслянистая, сухая, укрепляющая тело.

Вода — жидкая, прохладная, тяжелая, слабая, маслянистая, липкая, придающая мягкость и влажность телу.

Огонь — жгучий, резкий, сухой, жесткий, легкий, маслянистый, способствует движению в организме и усиливает его внутреннюю теплоту.

Воздух — легкий, подвижный, холодный, жесткий, матовый, укрепляет организм и активизирует в нем движение.

Пространство — это присутствующее во всех лекарствах. Лекарства, которые поднимают лишнее вверх и возбуждают рвоту, принадлежат в основном к лекарствам огня и воздуха. Лекарства, выгоняющие лишнее вниз, принадлежат к лекарствам земли и воды.

Конечно, нельзя здесь понимать выражение «земля», «вода», «огонь», «воздух» в буквальном смысле. Скорее всего, тибетские медики под этими выражениями имели в виду определенные комплексы свойств и качественных особенностей веществ, для которых эти стихии выступают как некоторые обобщенные символы.

VI. Тибетскими медиками было выделено семнадцать характерных свойств пищевых продуктов и лекарственных средств, которые важно было учитывать при составлении лекарств для лечения той или иной болезни. Эти свойства были выделены в зависимости от их характера воздействия на органы чувств и организм человека. Перечислим их:

1) мягкость;	10) водянистость;
2) тяжесть;	11) сухость;
3) теплота;	12) матовость;
4) маслянистость;	13) жгучесть;
5) постоянство;	14) легкость;
6) холод;	15) резкость;
7) слабость;	16) жесткость;
8) прохладность;	17) подвижность.
9) липкость;	

Некоторые из них были выделены как особые. Это: 1) тяжесть, 2) маслянистость, 3) прохладность, 4) слабость, 5) мягкость, 6) жесткость, 7) жгучесть, 8) резкость. Особенность их заключается в том, что они проявляются вместе со вкусовыми ощущениями веществ. Согласно «Чжуд-ши», вещества соленые, вязкие, приятные — *тяжелы*; соленые, кислые, приятные — *маслянисты*; вязкие, горькие — *прохладны*; горькие, вязкие, приятные — *слабы*; кислые, жгучие, горькие — *легки и жестки*; жгучие, кислые, соленые — *жгучи и резки*.

Тибетский медик на основании вышеперечисленных свойств и вкусовых качеств вещества мог уже получить довольно определенное представление о его лечебных свойствах. Но, кроме того, нужно было учитывать те изменения, которые претерпевают пищевые продукты и лекарственные средства во время их усвоения. Так, считалось, что вещества соленые или приятного вкуса усваиваются в приятном виде; кислого — в кислом виде; горького, жгучего, вязкого вкуса — в горьком виде.

Учитывая это и комбинируя вкусы и свойства веществ, тибетский медик мог составить лекарства, направленные против самых разных заболеваний, с самым разным диапазоном действий. Но они, какими бы свойствами ни обладали, как бы ни действовали на организм, всегда так или иначе оказывают какое-то влияние на внутреннюю теплоту. В свете этого теплые и холодные свойства рассматривались как концентрированное воплощение всех остальных свойств вещества, как конечное проявление их совместных действий. Думается, что более подробный и тщательный анализ вышеперечисленных характеристик лекарственных средств и пищевых продуктов, в силу их исключительной важности для составления лекарственных препаратов, был бы весьма полезен для понимания принципов лекарствоведения тибетской медицины.

VI. Направленное действие лекарственных средств и пищи, особенно растительного происхождения, на внутреннюю теплоту в значительной мере определялось природно-климатическими условия-

ми их произрастания. Так, например, считалось, что в большинстве случаев растения, произрастающие под солнцем, в сухих каменистых местах, обладают теплыми свойствами, тогда как холодными свойствами обладали, по мнению тибетских медиков, как правило, растения, произрастающие в условиях, где много влаги, почва рыхлая, черноземная. Нейтральными считались те растения, которые испытали в равной мере влияние сил Солнца и Луны.

В общем случае холодные и теплые свойства растений определялись соотношением этих двух сил. Поскольку это соотношение не всегда одинаково, то растения обладают разными свойствами. В случае, когда влияние солнца больше, чем луны, то свойство растения считалось теплым, в противном случае — холодным. В «Чжуд-ши» рассказывается об одном городе искусных врачей, на южной стороне которого в горах, именуемых Нэбтэлэгшэ и преисполненных сил солнца, произрастают ценные целебные растения, такие как гранат, черный перец, перец длинный, красный перец. Лекарствами, получаемыми из них, лечили холодные болезни, то есть болезни, которые вызваны уменьшением внутренней теплоты организма. Вкус у них был жгучим, кислым, соленым. Они обладали свойствами согревать и укреплять организм человека. На северной стороне того города, в горах, именуемых Цасату (Снежный) и преисполненных сил Луны, произрастали сандал белый, камфорное дерево, агар, нимба. Лекарствами, получаемыми из них, лечили горячие болезни, то есть болезни, которые были вызваны увеличением внутренней теплоты организма. Вкус у них был горьким, приятным, вяжущим. Они обладали свойством охлаждать и успокаивать.

Кроме того, было замечено, что в разные времена года влияния сил Солнца и Луны бывают разными. Весной сила Луны ослабевает и укрепляется сила Солнца. Осенью, наоборот, сила Солнца ослабевает и укрепляется сила Луны. Тибетские медики имели представление и о суточном ритме. Считалось, что ночью растения находятся под преимущественным влиянием Луны, а днем — Солнца. Все это, в конечном итоге, и определяло теплые и холодные свойства растений. Степень выраженности этих свойств у одного и того же вида растений во многом зависит от места произрастания. В местах влажных, болотистых теплые свойства менее выражены, чем в сухих, каменистых, и, наоборот, в местах солнечных и сухих менее выражены холодные свойства растений. Однако растение не меняет свое теплое свойство на холодное и, наоборот, в зависимости от условий произрастания.

Выше мы уже говорили о важности учета при лечении болезней состояния внутренней теплоты организма. Для регулирования и нормализации ее тибетские медики использовали как раз холод-

ные и теплые свойства пищевых продуктов и лекарственных средств. Особое значение при этом придавалось пище, поскольку в ней эти свойства выражены более ярко, чем в лекарствах.

Таковы некоторые общие представления тибетской медицины о лекарственных средствах и пищевых продуктах, а также об их теплых и холодных свойствах.

§ 2. СВЯЗЬ С СОВРЕМЕННЫМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ

Из материалов, изложенных в параграфе §1, можно заметить, что вещества, обладающие, согласно учению тибетской медицины, теплыми и холодными свойствами, способны оказывать управляющее воздействие на некоторые важные биологические процессы, происходящие в живом организме. При этом вещества, которые усиливают интенсивность этих процессов, обладают, по-видимому, теплыми свойствами, а вещества, снижающие эту интенсивность, — холодными свойствами. Отсюда видно, что вещества с теплыми и холодными свойствами могут рассматриваться как «стимуляторы» или как «ингибиторы» этих биологических процессов.

Работы по математическому моделированию процессов заболевания [8–10], а также по исследованию процессов восстановления функций заболевшего организма [11–13] показали, что некоторые характеристики интенсивности этих процессов играют важную роль при прогнозировании течения заболевания и его возможных исходов. Так, в [8–10] исследованы качественно различные формы заболевания в зависимости от параметров иммунологического статуса организма. Показано, что в зависимости от этих параметров могут иметь место следующие четыре качественно различных формы:

- 1) заболевание не возникает, а вирус выводится из организма, если «иммунологический барьер» превышает скорость размножения вируса;
- 2) наблюдается острая форма с выздоровлением, если «иммунологический барьер пройден», но иммунный ответ достаточно эффективен;
- 3) заболевание переходит в хроническую форму при «вялом» ответе иммунной системы [10];
- 4) наконец, заболевание может закончиться летальным исходом, если иммунный ответ малоэффективен.

В работах [11–14] на большом фактическом материале по заболеванию вирусным гепатитом и пневмонией установлена связь такой характеристики как «темпа функционального восстановления» с динамикой и возможными исходами заболевания. Показано, что «гладкому» течению заболевания детей вирусным гепатитом соответствует определенное значение «темпа функционального восстановления» и относительно небольшая неравномерность процесса [11, 12].

При снижении «темпа функционального восстановления» по сравнению с нормальным значением возрастает вероятность перехода заболевания в хроническую форму. Примерно такие же результаты были получены и для заболевания взрослых острой пневмонией [14].

Из анализа содержательного смысла введенных характеристик можно заметить, что все они связаны с интенсивностью определенных процессов, происходящих в организме (процессы обмена, иммунные процессы, процессы восстановления и др.). Как было указано выше, на такие процессы могут оказывать регулирующее воздействие вещества, обладающие теплыми и холодными свойствами.

Таким образом, если материалы §1 позволяют высказать предположение о том, что вещества, обладающие теплыми и холодными свойствами, управляют интенсивностью некоторых важных биологических процессов, то результаты указанных выше работ, основанных на современных представлениях об иммунной системе организма, показывают, что определенные группы таких процессов требуют управления. Ввиду этого представляют значительный интерес исследования физическими и химическими методами свойств веществ, обладающих, по учению тибетской медицины, теплыми и холодными качествами. К числу таких веществ в первую очередь относятся пищевые продукты и лекарственные средства, используемые в тибетской медицине.

§ 3. ТЕПЛЫЕ И ХОЛОДНЫЕ СВОЙСТВА ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ

В тибетской медицине деление свойств пищевых продуктов на теплые и холодные имело исключительно важное значение в практической деятельности врачей. Эти свойства использовались ими двояко:

во-первых, для приведения силы внутренней теплоты в соответствие с окружающей средой при различных заболеваниях;

во-вторых, для сохранения необходимого уровня этой силы в соответствующих природно-климатических условиях.

В последнем случае пища, по существу, рассматривалась как средство защиты организма от заболеваний [1].

Кроме того, учитывалось, что условия проживания человека могут быть самыми разными, поэтому рекомендовались самые различные системы питания, соответствующие этим условиям [1].

Тибетские медики уделяли серьезное внимание и временам года. По их мнению, система питания должна меняться в зависимости от сезона и места проживания. Летом, например, рекомендовалась пища более прохладная, чем зимой, а весной и осенью теплые и холодные свойства пищи нужно было использовать в промежуточных соотношениях (теплых больше, чем летом, но меньше, чем зимой). В условиях сурового холодного климата рекомендовалось больше использовать пищу с теплыми свойствами.

Следует отметить, что все эти рекомендации были выработаны и испытаны народами Востока в течение тысячелетий и представляют собой плод их коллективного опыта приспособления к условиям окружающей среды. Подробный анализ этого опыта в настоящее время представляет значительный интерес. Сведения о степени выраженности теплых и холодных свойств пищевых продуктов, приведенных ниже, как раз и должны послужить материалом для подобного рода анализа.

Мы приводим эти сведения в виде таблиц.

Степень выраженности этих свойств была оценена следующим образом:

1. *Очень теплое.*
2. *Теплое.*
3. *Слабо теплое.*
4. *Нейтральное.*
5. *Слабо холодное.*
6. *Холодное.*
7. *Очень холодное.*

При сборе и анализе этих данных были учтены изменения, которые произошли в системе питания бурят за последние десятилетия. Это связано с тем, что появился ряд новых продуктов питания, не характерных для бурятской кухни. В силу этого мы приводим две таблицы, где в первой рассматривается традиционное деление на холодные и теплые свойства, а во второй — дается оценка нетрадиционным продуктам питания.

ТЕПЛЫЕ И ХОЛОДНЫЕ СВОЙСТВА ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ РАСТИТЕЛЬНОГО И ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОДУКТЫ¹

Таблица 1.

№	Название	Свойство
СЕМЕНА, ПОКРЫТЫЕ ШЕЛУХОЙ (КОЖУРОЙ)		
1.	Кунжут восточный	Очень теплое
2.	Овес посевной	Очень теплое
3.	Конопля посевная	Теплое
4.	Пшеница обыкновенная	Теплое
5.	Ячмень обыкновенный	Теплое
6.	Гречиха посевная	Слабо холодное
7.	Просо обыкновенное	Очень холодное
8.	Рис посевной	Очень холодное
9.	Рожь посевная	Очень холодное
10.	Чумиза	Очень холодное
СТРУЧКОВЫЕ		
1.	Фасоль	Холодное
2.	Горох посевной	Очень холодное
СКРЕБУЩИЕ КОГТЯМИ		
1.	Кедровка	Очень теплое
2.	Глухарь	Слабо теплое
3.	Индюк	Слабо теплое
4.	Фазан	Слабо теплое
5.	Черный дятел	Слабо теплое
6.	Горный конек	Нейтральное
РАСКАПЫВАЮЩИЕ КЛЮВОМ		
1.	Жаворонок	Теплое
2.	Кукушка	Теплое

¹ Классификация растений и животных в таблице 1 дана в том виде, в котором она принята в тибетской медицине.

3.	Рябчик	Теплое
4.	Голубь дикий	Слабо теплое
5.	Сорока	Слабо теплое
6.	Соловей	Слабо холодное

ПОЖИРАЮЩИЕ СИЛОЙ

1.	Беркут	Очень теплое
2.	Орел	Очень теплое
3.	Ворон	Теплое
4.	Дрофа	Теплое
5.	Сова	Теплое
6.	Ворона	Слабо теплое
7.	Филин	Слабо теплое
8.	Ястреб	Слабо теплое

ОБИТАЮЩИЕ В НОРАХ

1.	Тарбаган	Очень теплое
2.	Хорек	Теплое
3.	Барсук	Теплое
4.	Ёж	Слабо теплое
5.	Черепаша	Нейтральное
6.	Змея	Холодное
7.	Ящерица	Холодное

ОБИТАЮЩИЕ В ВОДЕ

1.	Выдра	Теплое
2.	Гусь серый	Слабо холодное
3.	Баклан горный	Слабо холодное
4.	Гагара	Слабо холодное
5.	Турпан	Слабо холодное
6.	Журавль	Холодное
7.	Рыба	Холодное
8.	Чайка	Холодное

ДИЧЬ

1.	Архар	Теплое
2.	Джейран	Слабо холодное
3.	Заяц	Слабо холодное
4.	Кролик дикий	Слабо холодное
5.	Косуля	Слабо холодное
6.	Дзерен	Холодное
7.	Кабарга	Очень холодное
8.	Олень пантовый	Очень холодное

КРУПНАЯ ДИЧЬ

1.	Гаур	Очень теплое
2.	Бизон	Слабо теплое
3.	Як	Слабо теплое
4.	Зубр	Слабо холодное
5.	Горал	Холодное
6.	Кабан дикий	Холодное
7.	Козел горный	Холодный

ХИЩНИКИ

1.	Барс	Очень теплое
2.	Тигр	Очень теплое
3.	Гиена	Очень теплое
4.	Леопард	Очень теплое
5.	Манул	Теплое
6.	Рысь	Теплое
7.	Шакал	Теплое
8.	Корсак	Слабо теплое
9.	Лиса	Слабо теплое
10.	Песец	Слабо теплое
11.	Медведь бурый	Слабо теплое

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ		
1.	Баран	Очень теплое
2.	Конь	Очень теплое
3.	Кошка	Очень теплое
4.	Осёл	Очень теплое
5.	Собака	Очень теплое
6.	Буйвол	Слабо холодное
7.	Хайнак	Слабо холодное
8.	Корова	Слабо холодное
9.	Курица	Слабо холодное
10.	Верблюд	Холодное
11.	Олень домашний	Холодное
12.	Коза	Очень холодное
13.	Свинья	Очень холодное

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ПРОДУКТЫ

Таблица 2.

№	Название	Свойство
ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ПЛОДЫ И ЯГОДЫ		
1.	Репа	Нейтральное
2.	Банан	Слабо холодное
3.	Боярышник	Слабо холодное
4.	Картофель	Слабо холодное
5.	Малина	Слабо холодное
6.	Редис	Слабо холодное
7.	Хурма восточная	Слабо холодное
8.	Шиповник	Слабо холодное
9.	Черемуха	Слабо холодное
10.	Абрикос	Холодное
11.	Голубика	Холодное
12.	Гранат	Холодное
13.	Изюм	Холодное

14.	Морковь	Холодное
15.	Облепиха	Холодное
16.	Огурец	Холодное
17.	Персик	Холодное
18.	Помидор	Холодное
19.	Рябина	Холодное
20.	Слива	Холодное
21.	Турнепс	Холодное
22.	Тыква	Холодное
23.	Ананас	Очень холодное
24.	Арбуз	Очень холодное
25.	Брусника	Очень холодное
26.	Виноград	Очень холодное
27.	Груша	Очень холодное
28.	Дыня	Очень холодное
29.	Калина	Очень холодное
30.	Капуста	Очень холодное
31.	Клубника	Очень холодное
32.	Клюква	Очень холодное
33.	Лимон	Очень холодное
34.	Мандарин (плод)	Очень холодное
35.	Ранетка	Очень холодное
36.	Смородина черная	Очень холодное
37.	Сахарная свекла	Очень холодное
38.	Яблоко	Очень холодное

ЦВЕТЫ И ПРЯНОСТИ

1.	Гвоздика китайская	Очень теплое
2.	Горчица	Очень теплое
3.	Имбирь	Очень теплое
4.	Лук зеленый	Очень теплое
5.	Лук репчатый	Очень теплое
6.	Перец красный	Очень теплое
7.	Перец черный	Очень теплое
8.	Тмин	Очень теплое
9.	Чеснок	Очень теплое

10.	Анис	Теплое
11.	Укроп	Теплое
12.	Черемша	Теплое
13.	Кордамон	Теплое
14.	Мак	Слабо холодное
15.	Фенхель	Слабо холодное
16.	Розмарин	Нейтральное
17.	Ревень	Нейтральное
18.	Петрушка	Слабо холодное
19.	Хрен	Холодное
20.	Щавель	Холодное
21.	Лавровый лист	Очень холодное

ОРЕХИ

1.	Кедровый орех	Очень теплое
2.	Грецкий орех	Холодное
3.	Китайский орех	Холодное
4.	Фундуковый орех	Теплое

§ 4. КРАТКО О ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВАХ

Согласно представлениям тибетских медиков, существует восемь разновидностей лекарственных средств: 1) цветные металлы; 2) камни; 3) различные пески, минеральные соли и грязи; 4) деревья; 5) соки; 6) экстракты; 7) травы; 8) животные.

Каждое лекарственное сырье имело соответствующие рекомендации к использованию, которые описаны в многочисленных справочниках и руководствах тибетской медицины.

Эти средства применялись с лечебной целью в виде различных лекарственных форм. Выбор формы зависел от многих условий: от характера заболевания, от вида сырья, из которого готовится лекарство, и путей его применения. Наиболее простой формой были порошки, представляющие собой сильно измельченные частички сырья. Кроме того, лекарства использовались в виде пилюль, сиропов, отваров, настоев, маслянистых лекарств, мазей.

Лекарственные средства растительного происхождения занимают особое место в этой медицине. Обычно использовались корни, стебли, ветки, сердцевина, кора, смола, цветы, плоды, тычинки, листья растений. Каждая часть растения имела свои сроки сбора. Кору, например, рекомендовалось собирать весной, во время сокодвижения. В это время она легко отделяется от древесины. Листья собирали все лето, до увядания растения. Примерные сроки сбора различных частей растений указаны в приведенной ниже *таблице 3*.

У животных в качестве лекарственных средств брали рога, кости, мясо, кровь, желчь, жир, кожу, копыта, волосы, перья, головной мозг, мочу, кал, ногти, мускус. Добыча каждого вида сырья также имела свои сроки. Вообще говоря, эти сроки связаны с тем, что сырье естественного происхождения обладает целебными свойствами только в определенное время года. Так, например, исключительные целебные свойства всем известных пантов объясняются тибетскими медиками благоприятными условиями, в которых находится олень ранней весной: «обилием кормов, свежестью воздуха, благоуханием леса».

К лекарственному сырью из цветных металлов относятся: золото, серебро, медь и др. Кроме того, использовались в качестве лекарственных средств минералы, полевой шпат, малахит, сталактит, селитра, железистая охра, мумиё и т.д. Они в основном использовались для приготовления препаратов при лечении гнойных ран, переломов костей, а также для лечения воспалительных заболеваний органов брюшной полости.

В «Чжуд-ши» описано всего 58 различных средств минерального происхождения.

Следует отметить, что технология приготовления лекарственных препаратов была в тибетской медицине довольно разнообразной. В некоторых случаях она представляла собой профессиональную тайну.

Нами были собраны и переданы для исследования физическими и химическими методами около двухсот образцов лекарственного сырья, используемых в тибетской медицине.

В приводимых ниже таблицах мы указываем бурят-монгольские, русские и тибетские названия лекарственных средств, используемые части и время сбора. Наряду с ними указаны холодные или теплые их свойства. При этом надо иметь в виду, что растения в различных районах Бурят-Монголии имеют различные бурятские названия. В данной работе приведены названия, принятые у иволгинских бурят. В силу технических трудностей тибетские названия приведены в транскрипции, соответствующей произношению бурят-монгольских медиков, прошедших школу тибетской медицины.

Полная идентификация названий и анализ приводимых таблиц лекарственного сырья представляют собой предмет специального исследования. Поэтому данные, приведенные ниже, следует рассматривать как предварительные и некоторые из них в дальнейшем могут быть уточнены.

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Таблица 3.

№	№ ¹	Название ²	Используемая часть	Время сбора	Свойство
1	2	3	4	5	6
1.	73	Черёда трехраздельная Ажаг сэргжэм Ажаг сэргжэм, ажаг	Цветы и листья	Лето	Холодное
2.	77	Цмин песчаный Алтан утаһан Сэргүд	Надземная часть	Лето	Теплое
3.	76	Девясил британский Алтан сэсэг Миньян сарбо (мано)	Корень	Осень	Теплое
4.	78	Золотарник Алтан харгана Дамай гэсэр	Цветы	Разгар лета	Нейтральное
5.	81	Шеллак индийский Анхисха Цой	Смола	Начало лета	Холодное
6.	82	Мироболан Арура (Аро) Хэ цзы, арура	Плоды	Во время созревания	Теплое
7	306	Коричное дерево Хурин холтоһон Шинса	Кора	Весна	Теплое
8	85	Бадан Бадаан Лигдүр, гадүр	Корень	Осень	Слабо холодное
9	88	Одуванчик лекарственный Багбаахай бэлигтэ набша Хурмон (цо) ломо	Все растение	Начало лета	Холодное

¹ Нумерация дана по системе Г.Л. Ленхобоева.

² Названия даны в следующей последовательности:
— русское; — бурятское; — тибетское.

10	89	Мирикария даурская Балга модон Омбу	Надземная часть	Лето	Холодное
11	90	Луносемянник даурский Балига Балига	Листья и цветы	Лето	Нейтральное
12	91	Валерьяна лекарственная Бамбай Банбой	Корни	Осень	Чуть теплое
13	92	Тысячелистник щетинистый Банбу Бамбо	Листья и цветы	Лето	Нейтральное
14	95	Анафалис бархатистый Банзадобо Банза дово	Листья и цветы	Лето	
15	96	Резуха черковая Барабада Бар бада	Все рас- тение	Лето	Нейтральное
16	98	Герань луговая Батаганаан хушуу Шэмтэглэ	Листья и цветы	Лето	Нейтральное
17	104	Рябина Бишэ модон Сэрэншин (мар)	Ягоды	Осень	Холодное
18	116	Миндаль обыкновенный Бүйлөөһэн худри Цэндэн (мидог) Цэндэн хамбуу	Цветы	Начало лета	Нейтральное
19	107	Карагана мелколистная Боро харганаа Жэ брай	Цветы	Весна	Нейтральное
20	108	Сахарный тростник Бором Бурам			Теплое
21	117	Перец длинный серый Бибэлин (халуун үбһэн) Бибэлин	Плоды	Осень	Теплое
22	122	Пастушья сумка Гаймуу Сог бо, габа	Листья	Лето	Слабо теплое

23	124	Тимьян ползучий Ганга (хадын хүжэ) Браг бой	Надземная часть	Лето	Теплое
24	100	Ярутка ложечная Башага үбһэн Бшага, брэса, брэшин	Надземная часть	Лето	Чуть теплое
25	125	Бузина сибирская Гандгаари Ганд гаари	Цветы	Весна	Холодное
26	130	Марь лекарственная Гахайн (халаахай) хоро Сүйчемо	Листья и цветы	Лето	Чуть теплое
27	131	Редька посевная Гашуун лубан Лапуг	Клубни	Осень	Нейтраль- ное
28	133	Анис обыкновенный Гонид (сагаан губасмид) Гонид	Плоды	Осень	Теплое
29	134	Каштан съедобный Гоюу Гоюу	Плоды	Осень	Холодное
30	137	Кардамон горький Гурбан үри Сүгмэл	Плоды	Осень	Теплое
31	139	Бамбук китайский белый Гүгүл хора Угүл нагва	Смола	Лето	Нейтраль- ное
32	141	Зопник клубненосный Гүзээн үбһэн Лүгмүр ба, тополн	Листья и цветы	Лето	Холодное
33	144	Шафран индийский Гүргүм улаан Ургүм	Тычинки	Лето	Холодное
34	145	Шлемник байкальский Гүүн хүхэн Һонлин, хонглин, Һонлин сэрко	Корень	Осень	Нейтраль- ное
35	149	Ревень лекарственный Гэшүүнэ Чумца, чумза	Корень	Осень	Нейтраль- ное
36	151	Каучуковое дерево Дабсанай холтоһон Дабсан	Кора	Весна	Нейтраль- ное

37	152	Остролодочник нитевидный Дагша Дагша	Листья	Лето	Нейтраль- ное
38	153	Звездочка развельистая Далан зандилаа Сароло горбо	Корень	Осень	Холодное
39	154	Курильский чай кустарниковый Далан халиһан Сагаан орьел Бигман сербо, сэгод	Цветы и листья	Лето	Чуть теплое
40	155	Стеллера карликовая Данан туруу Рэжаг, синбуу сог Шинбии мидог	Корень	Осень	Холодное
41	158	Боярышник Долоогоно Барура, бару мидог	Плоды	Осень	Холодное
42	160	Какалия копьевидная Егүүшэ Югушэн (рамбар) Югушэн ханда	Все растение	Лето	Нейтраль- ное
43	163	Просвирник сорный Жамба Жамба, жимба Барайбу, браг жамба	Листья и цветы	Лето	Нейтраль- ное
44	167	Мускатный орех Зади Зади	Плоды	Осень	Холодное
45	180	Купальница азиатская Ленхобо сэсэг Жамжан мидог, Сэмжан мида	Цветы	Весна	Нейтраль- ное
46	170	Аир болотный Зуун үетэ Шүдэг нагбо	Корень	Осень	Нейтраль- ное
47	172	Борец синий Зэмбэ Маншан	Корень	Осень	Холодное
48	176	Эфедра хвощевая Зээргэнэ Цэдум, цэд бой	Надземная часть	Лето (июль)	Нейтраль- ное
49	181	Гвоздика китайская Лишэ (лүгшэ маар ба) Лишэ, лүгшэд	Плод	Осень	Теплое

50	182	Марена красильная Лүгзод (зодой занда) Зод, зоддон	Корень	Осень	Нейтральное
51	184	Пижма обыкновенная Маарал сэсэг Гандана бадара	Цветы	Лето	Теплое
52	197	Роза даурская Нохой хушуун Цэгод мидог, цы бий мидог, цэби барай, цэгод	Плоды	Осень	Нейтральное
53	202	Рябинник рябинолистный Онбу сагаан Онбу мидог	Цветы и листья	Лето	Нейтральное
54	203	Вздутоплодник сибирский Рүдэ Рүдэ	Корень	Осень	Нейтральное
55	205	Чемерица Лобеля Дүгсэл гарбо, сэрбо	Листья	Лето	Чуть холодное
56	207	Полынь каменная Сагаан ая (ахи) Ханба, ханба гарбо, агарон, хамбай заба	Надземная часть	Лето	Теплое
57	211	Лоза Сагаан бургааһан Лугма	Кора	Весна	Теплое
58	214	Рододендрон Адамса Сагаан дали Доли гарба	Цветы и листья	Лето	Теплое
59	217	Княжик сибирский Сагаан зүрхэй Бимон гарбо, Жэмон	Цветы и листья	Лето	Нейтральное
60	216	Сандал белый Сагаан зандан Зандан гарбо	Древесина	Зима	Холодное
61	221	Гедихиум колосистый Сагаан хажа Гаа, гажа	Корень	Осень	Холодное
62	230	Багульник болотный Сургар Бала гарбо	Цветы и листья	Лето	Нейтральное

63	235	Горечавка луговая Сэнхир дэгдэ Сэмжүү дэгдэ, Сондиг, долдиг	Надземная часть	Осень	Нейтральное
64	236	Подорожник Табан халаа Тарам, тарами	Листья	Лето	Нейтральное
65	239	Белена черная Танжа сэсэг Лантан за	Плоды	Осень	Теплое
66	246	Панцерия шерстистая Тэмээнэй хүм Жибзэн гарбо	Цветы и листья	Лето	Чуть теплое
67	247	Ластовень лекарственный Тэмээнэй хүхэн Дэгм үнин	Незрелые плоды	Лето	Слабо холодное
68	248	Астрагал густоветвистый Тэмээнэй хүл Сэрнон	Надземные части	Лето	Слабо холодное
69	252	Водосбор сибирский Удбал Удбал нагба, Удбал	Надземные части	Лето	Нейтральное
70	255	Перец красный Улаан задарга Задарга	Плоды	Осень	Теплое
71	265	Горец перечный Улаан тарна Тарна, цамариза Гарбо	Надземная часть	Лето	Холодное
72	256	Сандал красный Улан зандан Занда марба	Древесина	Зима	Нейтральное
73	269	Кишнец посевной Усу Усу	Плоды	Осень	Теплое
74	271	Ильма Хайлааһан Енбо, евог, ершин	Кора	Весна	Холодное
75	274	Черемша Халаяр Дэба	Надземная часть	Лето (начало)	Теплое

76	278	Босвеллия Сагаан гугул Байгор	Смола	Лето	Теплое
77	280	Перец черный Хара побарай Побарай, нилчам	Плоды	Осень	
78	285	Канавалия мечевидная Хара шоша Алиа шоша	Плоды	Осень	Холодное
79	286	Энтади ползучая Лагар шоша Лагар шошо	Плоды	Осень	Холодное
80	291	Льнянка бурятская Хонин жажалгана Лугал, дүгсэл, Гаобо	Надземная часть	Лето	Теплое
81	296	Колокольчик скученный Хонхо сэсэг Жилшэ нагба	Корень	Осень	Нейтраль- ное
82	302	Щавель конский Хурьган шэхэр Чурза	Цветы	Лето	Холодное
83	308	Мытник голубой Хүхэ, боро хониной эбэр Лүгрү, мүгбэ, Галдари	Надземная часть	Лето	Чуть теплое
84	310	Горечавка бородатая Хүхэ дэгдэ Дигда	Надземная часть	Лето	Чуть теплое
85	314	Дягиль лекарственный Һанжагар балшаргана Бру наг за, брума	Корень	Осень	Теплое
86	318	Мак голостебельный Шара бадма Жамэн, мидог	Цветы	Лето	Теплое
87	319	Лютик едкий Шара жэцэ Жэца	Надземная часть	Лето	Нейтраль- ное
88	320	Барбарис сибирский Шара модон (шүлэн) Жарба, жарбын Ханда	Кора	Весна	Холодное

89	322	Красоднев желтый Шара сахилза (алтан сэсэг) Сэржэ мидог	Цветы	Лето	Чуть теплое
90	323	Мытник мутовчатый Шара хониной эбэр Лугару марба	Надземная часть	Лето	Теплое
91	327	Ферула вонючая Шингүн Шингүн	Корень	Осень	Холодное
92	336	Чистотел большой Шүдэр сэсэг Донгорой силба	Надземная часть	Лето	Слабо теплое
93	339	Солодка уральская Шэхэр Шэнэр (шэнмэр)	Корень	Осень	холодное
94	343	Куркума длинная Юнба Юнба	Корень	Осень	Холодное
95	346	Можжевельник обыкновенный Ямаан арса Шүгдэр, банма	Хвоя	Лето	Слабо теплое
96	349	Толокнянка Яшаг Яжама бру	Листья	Лето	Чуть теплое
97	350	Жостер красный Яшал Замушэн	Корень	Осень	Чуть теплое
98	615	Брусника Алирһан Ласа шог лума, Яша, жама	Листья	Осень	Холодное
99	617	Родиола розовая Алтан үндэһэн Машан сэр, баһан Дара, мидог	Корень	Осень	Холодное
100	618	Донник лекарственный Алтан шүдэн Сира, сир, срад сэр	Цветы	Лето	Слабо теплое
101	621	Лимонник китайский Альма (сойшон модон) Үбэй — цзи	Плоды	Осень	Холодное

102	622	Апельсин Амди Манга, манго чабо	Кожура плода	Осень	Холодное
103	626	Свекла красная Анхисха (үнэнхэн) Сой, сой тол	Зола, ко- рень	Осень	Холодное
104	628	Укроп Баатаргша тари мал Ганьод	Надземная часть	Осень	Теплое
105	641	Поповник сибирский Банжан гарбо (сагаан шэбэгшэн) Адон нагцал	Надземная часть	Осень	Теплое
106	652	Герань лесная белая Батаганаан хушуун сагаан Сэлжэд гарбо	Надземная часть	Лето	Нейтраль- ное
107	658	Бадьян Баяг Баяг	Плоды	Осень	Теплое
108	660	Змееголовник сибирский Бирьянга Бриянгугу	Цветы и листья	Лето	Слабо холодное
109	661	Зверобой продырявлен- ный Бугын шэриг Жибзи наг ерма	Надземная часть	Лето	Холодное
110	672	Горох посевной Борсог Саранма, сармай Мидог	Цветы	Лето	Холодное
111	678	Аконит Фишера Бунгар сагаан Фо пянь, бунгар	Корень	Осень	Теплое
112	702	Вахта трехлистная Гурбан набшата Шүдэг гарбо	Корень	Лето	Нейтраль- ное
113	704	Абрикос сибирский Гүйлсэ зарлиг Хамбар, хамбо		Весна	Холодное
114	705	Земляника лесная Гүлзээргэнэ Сэнү маршан лума жан, рай	Листья	Лето	Чуть теплое

115	725	Белозор болотный Дүндэг Дүмдэг гарбо	Цветы	Лето	Нейтраль- ное
116	710	Гусиная лапчатка Гэжэгэнээн (улаан утаһан) Дама сазин доло сазан	Надземная часть	Лето	Чуть холодное
117	726	Вороний глаз Дүрбэн набшата Хирээн нюдэн Жараг мидог	Цветы	Лето	Чуть теплое
118	732	Мак снотворный Жамнин мидог Мидог сэр шэ, жамни мидог	Плоды	Осень	Теплое
119	735	Пихта Жодоо Сорогшон, бойшон, Сама шон, бойгор	Кора	Весна	Чуть теплое
120	743	Алоэ китайское Зузаан үетэ Лу хуй, шог шин	Листья	Лето	Холодное
121	744	Ломонос шестилепестковый Зургаадайн зогдор Срубга гарбо	Надземная часть	Лето	Нейтраль- ное
122	746	Истод тонколистный Зүрхэн сэсэг Баяг заба	Надземная часть	Лето	Чуть теплое
123	749	Спаржа Зээрин шэлбэ Рамнай	Корень	Осень	Нейтраль- ное
124	751	Иван-чай Имагта Дүгнин манбо дүгнин мидог	Цветы	Весна	Холодное
125	752	Синюха голубая Инжаэ буурал Мано сэршэн	Надземная часть	Лето	Нейтраль- ное
126	758	Диоскорея много-кистевая Коорин Гонго тогбоца Ца гарбо	Корень	Осень	Холодное

127	763	Софора желтоватая Лидэр Лидэр, лэдрэ	Корень	Осень	Холодное
128	770	Мандарин Мандарин Цзюй ло, бод Барии су зэ	Кожура плода	Осень	Чуть теплое
129	771	Желтушник серый Манжа гонтог, улаан юнгар Гонтог бру	Плоды	Осень	Чуть теплое
130	781	Омела белая Модоной шэмэг Ару сэр мидог	Листья	Осень	Чуть теплое
131	783	Купена душистая Мухар сагаан Зар хурнуг, Рабня нишэн Лугмо шог	Корень	Осень	Чуть холодное
132	790	Калужница болотная Намаагай бадма Балбо пагба	Надземная часть	Лето	Теплое
133	796	Сосна Нархан (уула) Фу лин		Лето	Слабо теплое
134	797	Ноготки аптечные Наги шанба Нига гамба	Плоды	Осень	Нейтраль- ное
135	805	Лопух большой Нюбан Ню бан зи, бубсан	Все растение	Осень	Нейтраль- ное
136	807	Горец змеиный Ньяла Ньяла	Корень зола	Осень	Холодное
137	809	Хвощ полевой Ожорхон Жаданга	Надземная часть	Лето	Нейтраль- ное
138	812	Прострел Ургы Срубга нагбо	Надземная часть	Весна	Теплое
139	823	Тмин обыкновенный Сагаан гонид Гонид	Плоды	Осень	Теплое

140	830	Ландыш майский Сагаан хонхоолжэ Яань вэцао, сонсог	Надземная часть	Лето	Холодное
141	836	Яснотка белая Сазан Сэза сазан	Надземная часть	Лето	Чуть теплое
142	837	Лен степной байкальский Сарма (зэрлиг үлтэнэг) Сарма	Надземная часть	Лето	Теплое
143	842	Патриния средняя Сэрхүлиг Гудуй сэрбо ронбу жолже (сэл)	Надземная часть	Лето	Чуть теплое
144	844	Гранат Сэнбэру Сэнбэру	Плод	Осень	Холодное
145	845	Кунжут восточный Сэзам Дила	Плод	Осень	Теплое
146	848	Таволга извилистая Табилга Пан май барай, Пан май мидог	Цветы	Лето	Нейтраль- ное
147	853	Термосис ланцетный Тарбаган шиир Срин дуг, дэ угчай Сэрбо	Надземная часть	Лето	Нейтраль- ное
148	856	Полынь горькая Тобшотой үрмэдхэн Сан бан	Листья и цветы	Лето	Теплое
149	862	Ластовень лекарственный Тэмээн хүхэн Дугмо ньян, манбо	Цветы	Лето	Нейтраль- ное
150	864	Багульник сибирский Тэрэлжи, тэрэнги Дали мугбо	Цветы	Весна	Слабо теплое
151	871	Дерн белый цветковый Улаан дорhoto модой Лужэг мидог	Цветы	Весна	Холодное
152	880	Осина Уляахан Дагмай шун, зогдон шун рэшэн жалбо	Кора	Весна	Теплое

153	804	Эвкалипт шариковый Унан модон Зон мой лома	Листья	Лето	Холодное
154	888	Конопля посевная Үлтэнэг Сама раза манба	Плоды, листья, цветы— все вместе	Лето Осень	Теплое
155	883	Камыш болотный Уушжа холһон Сум сунба, дамбу гара	Надземная часть	Лето	Холодное
156	894	Проломник северный Үрбэлгэ сэсэг Бадиг гарбо	Надземная часть	Начало лета	Нейтраль- ное
157	897	Левзея сафлоровидная Үхэр ургы Жанцар нагбо	Корень	Осень	Теплое
158	904	Дурман индейский Хадхуурта хоро Радуг	Плоды	Осень	Нейтраль- ное
159	913	Мята полевая Халуун үбһэн Жадад бой	Надземная часть	Лето	Очень теплое
160	916	Полынь горная Хара ая, пурнэг Агару марбо агар Нагбо, ага	Надземная часть	Лето	Слабо теплое
161	921	Лавровишня лекар- ственная Хара модон Габур бру	Плоды	Осень	Холодное
162	923	Черника Хара нэрэһэн Нарсу нагбо лаг	Листья	Лето	Нейтраль- ное
163	924	Чернокорень растопыренный Хара сэсэг Жэцэрэн	Надземная часть	Лето	Нейтраль- ное
164	936	Мордовник даурский Хонгор зула (тэмээн халаахай) Жэнцэр пори, Лоу-лу, жаг цэрэн	Корень	Осень	Слабо теплое
165	937	Можжевельник ложно-казацкий Хонин арса Шугба, жашуг барай	Ветви	Лето	Теплое

166	942	Полынь цитварная Хонин шаралжа Ханмар сан цибя	Надземная часть	Лето	Теплое
167	959	Кедр сибирский Хуша Танраг шэндуг ханбара марбо	Шелуха ореха	Осень	Теплое
168	957	Береза Хуһан (шүлтэ) Даг шэлда	Чага	Лето	Слабо теплое
169	971	Борец синий Хүхэ зэмбэ Ма цзо, зэнбэ, зэн дуг	Цветы и листья	Лето	Холодное
170	974	Цикорий обыкновенный Хүхэ сэсэг Оибо мидог	Цветы	Лето	Нейтраль- ное
171	975	Астрагал поднимающийся Хүхэ хониной эбэр (сэсэг) Сэрэд гар сэр дон	Надземная часть	Лето	Теплое
172	984	Остролодочник колючий Ногооной эм, Улаан дагша Дагша марбо	Цветы и листья	Весна	Нейтраль- ное
173	986	Кровохлебка лекарственная Һүдэн Банжан тодмар бала сазин	Корень	Осень	Нейтраль- ное
174	991	Пион белоцветковый Цээнэ сагаан Бай шио, Барбу гарбо	Корень	Осень	Холодное
175	996	Айва душистая Шабтэг Сэяб	Плоды	Осень	Чуть хо- лодное
176	997	Астрагал перепончатый Шамарһан Хуан ши, шангар	Корень	Осень	Нейтраль- ное
177	999	Большеголовник одноцветковый Шапо рудэ Жапо руда	Корень	Осень	Нейтраль- ное

178	1001	Молочай ядовитый Шара баатар Суй-суй-цзы Годбой мидог	Корень	Осень	Теплое
179	1015	Борец дубравный Шара зэмбэ Һали сэр мидог, Лошон сэрбо, ползом, бод маншан сэр	Цветы и листья	Лето	Холодное
180	1016	Барбарис сибирский Шара модон Жарбайбру, жарбай зүр шэн, жарбай барай багсүм	Корень	Осень	Холодное
181	1020	Кассия остролистная Шара талга Талага доржо, ронсо рон	Плоды	Осень	Нейтраль- ное
182	1031	Вудсия эльбская Шулуунай хүжэ Бараг бой	Надземная часть	Лето	Нейтраль- ное
183	1038	Лиственница Шэнэһэн (агли, сонсочой) Агалэг дэба, фу-линь, агалэ гарбо	Губка	Осень	Теплое
184	1032	Лук горный Шулуунай нонгино Гогзом ланго барай	Все растение	Лето	Чуть теплое
185	1046	Кинза Ягаан баатарша Лало мар	Плоды	Осень	Теплое
186	1055	Полапала Палын набша Пало поло	Листья	Лето	Нейтраль- ное

МИНЕРАЛЬНОЕ СЫРЬЕ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ Таблица 4.

№	Название ¹	Форма использования	Свойство
1	2	3	4
1.	Горный шпат Жоншо Жоншо	Опускают в горячем виде в воду или водку, потом сушат и используют в виде порошка	
2.	Жуган Жуган	порошок	
3.	Слабительная соль Забагшара, Тунамал дабхан Ябагшара	порошок	
4.	Малахит Оюу Юу, загю	порошок	
5.	Нашатырь Туулган дунсаа Жаса, жацай	порошок	
6.	Солонцы Хужар (марса) Бүлдэг	порошок	теплое
7.	Селитра Шигу Сэса, сургар	порошок	теплое
8.	Соль озерная горная Шулуунай дабхан, нуурай, хадын Жамса, (рхамза) анса	порошок	теплое
9.	Бура Мүнгэнэй дунсаа Саяа, дрээсин	зола из пены	
10.	Белое мумие Сагаан барагшан Дун зи, сира гаро	порошок	
11.	Свинцовая руда Хара туулганай шулуун Нагба сур	порошок	холодное
12.	Янтарь Шара хуба Бүр лин сэр	порошок	

1 Названия даны в следующей последовательности:
— русское; — бурятское; — тибетское.

ЛЕКАРСТВЕННОЕ СЫРЬЕ ТИБЕТСКОЙ
МЕДИЦИНЫ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Таблица 5.

№	Название ¹	Форма использования	Свойство
1	2	3	4
1.	Лошадиная кровь Адуунай шуһан Датаг	сушится, используется в виде порошка	теплое
2.	Рога сайгака Бүхэнэгэй эбэр Жару, дго бару	порошок	теплое
3.	Мумие Барагшанай бааһан Барагшан	порошок	холодное
4.	Хвост пантового оленя Бугын һүүл Лувей	порошок	холодное
5.	Сухожилия пантового оленя Бугын шүрбэһэн Луд зинб цзин	зола	теплое
6.	Пенис пантового оленя Бугын шэбэ Лубинь, мурму-сай, жүмэрсэ	порошок	
7.	Змеиное мясо Могойн мяхан Брулша	порошок	холодное
8.	Улитка белая Сагаан дунгар Дон гар	зола	теплое
9.	Рога барана Хусын эбэр Луг туг ру	порошок	теплое
10.	Кровь домашней козы Ямаанай шуһан Ратаг	сушат, используют в виде порошка	холодное
11.	Рога горного козла Янгар ямаанай эбэр Сэру	порошок	нейтральное
12.	Желудок дикого кабана Бодон гахайн хото Погарил	обжигается до черноты, используется в виде порошка	теплое

1 Названия даны в следующей последовательности:
— русское; — бурятское; — тибетское.

13.	Мясо пантового оленя, печень, жир, желчь Бугын мяхан эльгэн, һүлһэн оохэн Шаби ша, шаби чин Шат шан, шаби сэл	порошок	холодное
14.	Панты Бугын шуһан эбэр Шару	порошок	холодное
15.	Кости слона Заанай яһан Лангай руй	порошок	нейтральное
16.	Тарбаган: мясо, кости, сердце, печень, желчь Тарбаган: мяхан, яһан, зүрхэн, эльгэн, һүлһэн Чабой ша: чай ру чай бой ньян, чай дай	порошок	теплое

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенной работе получены следующие результаты:

1. Выяснено, что теплые и холодные свойства веществ относятся к числу основных положений тибетской медицины. Вещества, обладающие теплыми и холодными свойствами, оказывают регулирующее воздействие на процессы жизнедеятельности, повышая или понижая их интенсивность.
2. Приведены данные о холодных и теплых свойствах пищевых продуктов, традиционно используемых в Центральной Азии, и выявлены методами тибетской медицины подобные свойства ряда продуктов питания, появившихся в последнее время.
3. Собраны и переданы для исследования около двухсот образцов лекарственного сырья, которые используются при приготовлении лекарств согласно учению тибетской медицины. Приведены данные о теплых и холодных свойствах лекарственных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленхобоев Г.Л.* Причины внутренних болезней (некоторые сведения из тибетской медицины): Препринт № 148, вц со ан СССР, Новосибирск, 1979.
2. *Ленхобоев Г.Л.* Некоторые сведения о пульсовой диагностике (фрагменты из трактатов тибетской медицины): Препринт № 149, вц со ан СССР, Новосибирск, 1979.
3. Джуд-Ши. Рукопись на бурятском языке. Перевод с тибетского и монгольского языков Г. Л. Ленхобоева.
4. Шэлпрэн. Рукопись на бурятском языке. Перевод с тибетского и монгольского языков Г. Л. Ленхобоева.
5. *Бадмаев П.А.* О системе врачебной науки Тибета. Санкт-Петербург, 1898.
6. *Позднеев А.М.* Учебник тибетской медицины. Санкт-Петербург, 1908.
7. *Хунданова Л.Л., Хунданов Л.Л., Базарон Э.Г.* Слово о тибетской медицине. Улан-Удэ, 1979.
8. *Марчук Г.И.* Простейшая модель вирусного заболевания. В кн.: Математические модели в клинической практике. Новосибирск, Наука, 1978, с. 7–18.
9. *Марчук Г.И.* Иммунологическая модель вирусного заболевания и методы обработки медицинской информации. Новосибирск, Наука, 1979, с. 5–17.
10. *Асаченков А.Л., Белых Л.Н.* Исследование математической модели вирусного заболевания. — В кн.: Математические методы в клинической практике. Новосибирск, Наука, 1978, с. 19–26.
11. *Зубикова И.И., Романюха А.А.* Исследование динамики биохимического индекса при вирусном гепатите у детей. — В кн.: Математические методы в клинической практике. Новосибирск, Наука, 1977.
12. *Погожев И.Б., Зубикова И.И., Романюха А.А.* Математические модели функционального восстановления печени и их приложение. — В кн.: Математические методы в клинической практике. Новосибирск, Наука, 1978, с. 40–55.
13. *Зуев С.М., Перцев Н.В.* Стохастическая устойчивость процессов функционального восстановления. — В кн.: Математические методы в клинической практике. Новосибирск, Наука, 1978, с. 55–56.
14. *Сидорова Л.Д., Погожев И.Б., Полякова-Селиванова Н.Д., Зуев С.М., Никитин А.У.* Анализ динамики течения пневмоний с использованием математических методов. — В кн.: Математические задачи обработки медицинской информации, Новосибирск, 1979. Надзаг.: Сибирское отделение АН СССР, вц.

КНИГА

О ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЕ

22.08.1979
Препринт
18.08.1979

Бурятским книжным издательством издана книга докторов медицинских наук Л. Л. Хунданова, Л. Л. Хундановой и кандидата медицинских наук Э. Г. Базарона «Слово о тибетской медицине». В предисловии профессора М. Б. Мохосоева говорится об актуальности изучения тибетской медицины в современной науке, которое ведется сотрудниками отдела биологически активных веществ Бурятского филиала СО АН СССР, а том числе и авторами новой книги.

В доступной форме в ней изложены основные теоретические и практические принципы тибетской медицины. Современной науке тибетская медицина еще малоизвестна, а многие проблемы, связанные с ее изучением, пока только сформулированы. Немало трудностей возникнет при переводе первоисточников тибетской медицины, так как зачастую тексты представляют перед исследователями в зашифрованном виде. Несмотря на все трудности, авторам удалось найти такую форму изложения, которая позволила им сообщить немало полезных сведений об этой малоизвестной медицине широкой читательской аудитории. Книга заслуживает внимания не только ученых и врачей, но и всех, кто интересуется восточной медициной.

Надо сказать, что «Слово о тибетской медицине» — не первая работа на русском языке, посвященная изложению основ врачебной науки Тибета. Еще до Октябрьской революции в России были переведены два первых тома «Чжудши» — основного руководства по тибетской медицине. Наиболее полным из них является перевод известного востоковеда А. М. Позднеева. Два других перевода, сделанные П. А. Бадмаевым и Д. Ульяновым, — это, по сути, вольные переводы, или, точнее, комментарии первых двух томов «Чжудши». Но в отличие от предшественников, которые не опирались в своей работе на научную методику, авторы «Слова о тибетской медицине» являются учеными-медиками, активно рабо-

тающими в области исследования тибетской медицины с помощью современных научных методов. Именно в этом заключается одно из главных достоинств книги, издаваемой в наши дни. Современная советская медицина на основной ряд принципов тибетской медицины.

Авторы приглашают читателя посетить творческую лабораторию ученых, занятых расшифровкой и интерпретацией текстов древних медицинских трактатов, знакомых с основными положениями тибетской медицины, способами диагностики и лечения болезней человека. Они вводят нас в круг многочисленных проблем, возникающих перед учеными-исследователями тибетской медицины.

Особое внимание в книге уделяется вопросу о причинах интереса современной врачебной науки к этой древней медицинской системе знаний. Нельзя не поддерживать предложение авторов изучать и использовать лекарства естественного происхождения из арсенала тибетской медицины, поскольку они в течение веков стояли на службе здоровья людей, прошли многочисленные испытания.

Хотелось бы отметить свежий и оригинальный язык книги. С особым интересом читаются страницы, посвященные представлениям тибетских врачей о причинах болезней, о сущностях процессов, происходящих в организме.

Немало загадок для исследователей представляют методы распознавания и лечения болезней, скрытых тибетскими врачами. Полная разгадка таин тибетской медицины современной наукой — задача сложная, требующая времени и коллективных усилий ученых. «Слово о тибетской медицине» — шаг в этом направлении.

Хочется пожелать авторам новых открытий и публикаций, которые, думается, позволят дополнить и развить современные научные представления о медицине.

Г. ЛЕНХОБОВЕВ.

Одна из книжных рецензий Г. Л. Ленхобоева. Опубликовано в газете «Правда Бурятии», 18.08.1979 г.

Естественно, что публикуемые материалы ни в какой мере не следует рассматривать как «рецепты» для «лечения» или «самолечения» методами тибетской медицины.

Академик
Г. И. Марчук

ПРИЧИНЫ БОЛЕЗНЕЙ

В восточной медицине различают три корня внутренних болезней: *хиш*, *шара*, *бадаган*¹. Но прежде чем установить корень болезни, необходимо определить соотношение «холодных» (*хүйтэн*) и «теплых» (*халуун*)² элементов в организме больного, причем нужно знать, изменилось ли это соотношение в результате болезни или оно врожденное.

После обследования, которое делается только путем прощупывания пульса³, определяется корень болезни, т.е. определяется, что является первоначальной причиной заболевания: *хиш*, *шара* или *бадаган*. Корнем болезни может быть также их сочетание: *хиш-шара*, *шара-бадаган*, *хиш-бадаган*. Наиболее трудной задачей при этом является определение места в организме, через которое проникла и развивается болезнь.

- 1 *Хиш*, *шара*, *бадаган* — основные характеристики физиологии человека в тибетской медицине *хиш* — буквально означает «газ». По источникам тибетской медицины, *хиш* выполняет следующие функции в организме человека: 1) поддерживает дыхание; 2) способствует движению тела, языка и души; 3) держит в равновесии кал и мочу; 4) стимулирует трату сил и выделяет пот; 5) уравнивает семь тканей (кровь, мякоть, жир, кость, костный мозг, половые железы); 6) обеспечивает работу шести органов чувств. *Шара* — буквально «желчь». Согласно учению тибетской медицины, выполняет следующие функции: 1) переваривает и распределяет пищу; 2) регулирует аппетит; 3) поддерживает тепло в организме; 4) сохраняет естественную окраску кожи; 5) способствует проявлению бесстрашия и ума. *Бадаган* — буквально «слизь». Обеспечивает: 1) мягкость в суставах; 2) надежность костей и сухожилий; 3) нормальное выделение пота; 4) мягкий и белый цвет тела как изнутри, так и извне; 5) твердый ум и покой в душе. «Три корня» болезней — *хиш*, *шара*, *бадаган* — находятся между собой в сложных отношениях, например, расстройства *шара* или *бадаган* вызывают расстройство *хиш*, а расстройство *хиш* порождает болезни как *шара*, так и *бадаган*. Если ни один из них не расстроен или расстройство одного не вызывает расстройство другого, то нет никаких оснований для лечебных вмешательств, поскольку организм по существу здоров. Заболевание имеет место только тогда, когда *хиш*, *шара*, *бадаган* совмещены друг с другом: *хиш* с *шара*, *шара* с *бадаган*, *хиш* с *бадаган* или все три вместе.
- 2 Подробнее см. статью Г. Л. Ленхобоева «О теплых и холодных свойствах пищевых продуктов и лекарственных средств» на стр. 15.
- 3 «Теплые» и «холодные» элементы — в тибетской медицине это элементы, которые, протекая вместе с кровью по всем кровеносным сосудам, регулируют тепловой баланс всего организма человека и также его отдельных органов. Нарушение соотношения «теплых» и «холодных» элементов рассматриваются как признак ослабления организма и как благоприятное условие для возникновения различных болезней.

Наличие «холодных элементов» в организме, прежде всего в крови, указывает на начало какого-то заболевания человека, так как при рождении здоровый организм «несет» в себе только «теплые» элементы. Но встречаются люди с врожденной «холодной» кровью, которая передается от родителей по наследству, если родители были больные. Люди с врожденной «холодной» кровью более слабы и при неблагоприятных условиях могут легко заболеть.

В наше время у большинства людей организм «охлажден», особенно у молодых женщин. Об этом говорят мои личные наблюдения во время поездок по стране (Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Тбилиси, Батуми, Сухуми, Воронеж, Иркутск, Якутск, Чита, Владивосток), а также в селах Бурятии, Читинской области, Кавказа.

Основной причиной такого явления, на мой взгляд, является однообразный, стандартный подход к пище, одежде, лекарству, без учета географических, климатических условий проживания человека, его возрастных, национальных и других особенностей. Кроме того, в современной одежде широко применяется искусственное волокно, например, капроновые чулки, белье из искусственного шелка и т.д., которые модны повсеместно. Вся эта одежда держит «холодные» элементы и действует как холодный компресс, постепенно способствует «охлаждению» организма и вызывает возбуждение «холодных» элементов. Молодые девушки и женщины страдают многими болезнями только из-за постоянного ношения капроновых чулок и шелкового белья. При легкомысленном отношении к одежде, пище, на почве «охлаждения» крови могут возникнуть тяжелые болезни, вплоть до рака, поэтому с раннего возраста современные люди должны стараться удерживать в организме «теплые элементы», которые даны природой, для чего необходимо постоянно следить за одеждой, пищей, поведением, погодой. Бережное отношение к своему здоровью является обязанностью каждого человека.

Три корня болезней — *хиш*, *шара*, *бадаган* подразделяются еще на шесть видов: «холодный» *хиш*, «теплый» *хиш*, «холодная» *шара*, «теплая» *шара*, «теплый» *бадаган*, «холодный» *бадаган*¹. По этим шести видам определяются причины многих внутренних болезней, а также способы их лечения (тибетская медицина различает 404 корня болезни). Диагноз устанавливается путем исследования пульса. Искусству исследования пульса обучались специально подобранные люди, проявившие способности к этому. У людей, перенесших операцию (даже аборт), точно установить диагноз по пульсу трудно, так как перерезаны нервы, сосуды.

- 1 В данном случае под термином «теплое» имеется в виду воспалительный процесс, сопровождающий болезни *хиш*, *шара*, *бадаган*, а под термином «холодное» отсутствие подобного процесса.

ОБРАЗ ЖИЗНИ

При всем разнообразии условий в жизни человека есть один общий признак — каждый выбирает для себя занятие по своим способностям, и жизнь его складывается в зависимости от этого, иногда даже вопреки его желанию. Слишком тяжелая работа и, наоборот, слишком легкая работа, чрезмерно бережливое отношение к себе, также как и небрежное при здоровом организме — несовместимые обстоятельства. С малых лет необходимо воспитывать в себе проворство, подвижность, больше ходить пешком, бегать, приучаться к посильной физической работе.

В наше время пропагандируется занятие спортом, хотя это и помогает, но в любом виде спорта имеется элемент праздности, отдыха, поэтому не каждый имеет условия для систематического занятия спортом. А несистематическое занятие спортом не приносит эффекта, скорее наоборот, может быть вредным. (Учение йогов существовало три тысячи лет до нашей эры, однако в рекомендациях восточной медицины это учение как метод лечения не упоминается).

В каждой местности существует много народных обычаев, традиций, направленных на поддержание здоровья человека и продление жизни не только человека, но и животных, ибо все живые существа на земле хотят прожить дольше, даже старики не хотят умирать.

Состояние здоровья человека во многом зависит от его образа жизни, от его поведения, и болезни его находятся в тесной связи с «тремя пороками»¹. Человек, стремящийся прожить без труда, легкой жизнью, никогда не будет здоровым и телом, и духом. Человек, не испытывавший трудности, нищеты, страдания, становится черствым, эгоистичным, бессердечным и, наоборот, человек, перенесший страдания, болезнь, смерть близких (родителей, детей), становится мягким, чутким, умеет оказать помощь сиротам, больным, постоянно и бескорыстно помогает людям. Но есть люди от природы черствые, злые. Они безразличны к чужой судьбе, к чужому горю, несчастью, преследуют всегда и во всем только свои корыстные цели, личные интересы. Когда же их настигает горе, лишения, болезни, они впадают в панику, теряют самообладание. Поведение таких людей восточная медицина рассматривает как легкомысленное, недалекое.

1 «Три порока» — невежество, похотливость и злость. Здесь имеются в виду такие черты характера человека, которые, по мнению тибетской медицины, являются отдаленными «врагами» здорового организма, поскольку они, провоцируя *хиц*, *шара*, *бадаган*, могут вызвать болезни. В древних источниках утверждается, что болезни возникают «по причине *хиц*, *шара*, *бадаган* и по вине невежества, похотливости и злости».

Здоровье человека во многом зависит от наследственности, однако в дальнейшем большое влияние оказывают условия окружающей среды, в частности, природно-климатические условия. Восточная медицина считает, что здоровье человека находится в прямой зависимости от пяти материй: земли, воды, воздуха, растений и огня. И, по ее мнению, живет по законам этих пяти стихий.

Врагами здоровья являются лень, сонливость, не следует слишком распускать себя, беречь, много спать. Не рекомендуется спать слишком много, так как чрезмерный сон расслабляет мышцы, вызывает слабость организма, приводит к ожирению сердца. Восточная медицина взрослым категорически запрещает дневной сон. Также вредно ходить по горячей земле босиком (песку), купаться в жаркий день в холодной воде без предварительной подготовки, долго загорать, сидеть на холодной, влажной земле или камнях, дереве, находиться на сквозняках, допускать быстрое, внезапное перегревание или переохлаждение тела.

Полезно лазать по высоким горам, пить воду из горных ручьев, собирать полевые цветы, дышать свежим, ароматным воздухом степей и долин. Если выработать указанные навыки в поведении, то можно прожить до глубокой старости, не испытывая недугов и болезней¹.

Однако в современных условиях люди редко доживают до глубокой старости по причине все увеличивающегося травматизма, бытовых неурядиц и людского коварства.

СИСТЕМА ПИТАНИЯ

При всем разнообразии в способах приготовления пищи существуют три одинаковых условия: пища употребляется в сыром, вареном и жареном виде. Во всех продуктах содержатся элементы или «теплые», или «холодные», или «средние».

Пища бывает животного, растительного, минерального происхождения, в состав пищи обязательно входит вода.

Ввиду того, что содержание в крови «горячих» и «холодных» элементов, по учению тибетской медицины, исключительно важно,

1 Среди народов Востока с древних времен известны пять источников долголетия: 1) живя по наставлениям старших, получить их благословения; 2) побывать на вершинах десяти тысяч гор; 3) испить воды из десяти тысяч источников; 4) одевать одежду чистую, не иметь много одежды; 5) своевременно уравнивать питательной пищей голод и насыщение.

а в кровь эти элементы в основном поступают с пищей, то рассмотрим классификацию пищи по содержанию в ней «теплых» и «холодных» элементов.

Краткая классификация продуктов питания по содержанию «холодных», «теплых» и «средних» элементов:

- *Вода* содержит «холодные» элементы; воды с «теплыми» элементами не бывает в природе.
- *Пища минерального происхождения* (поваренная соль, красная соль (царская), солонцы) содержат «теплые» элементы.
- *Пища растительного происхождения* (пшеница, овес, черный ячмень, красный и черный перец, мак, кориандр, горчица, имбирь, бадьян, укроп, чеснок, лук репчатый и зеленый, анис, гвоздика китайская, кордамон, корица, редька) содержат «теплые» элементы.

Голубая ярица, гречиха, горох, фасоль, картофель, морковь, помидоры, огурцы, арбуз, тыква, редиска содержат «средние» элементы. Пшено, рожь яровая, капуста, свекла, дыня, лавровый лист, хрен, петрушка, рис содержат «холодные» элементы.

Продуктов питания растительного происхождения бесчисленное множество, поэтому перечислить все невозможно. В древние времена (две тысячи лет назад) индийские, тибетские, китайские лекари определяли наличие «холодных» или «теплых» элементов в тех или иных продуктах путем дегустации и передавали свой опыт устно или излагали в медицинских трактатах. Одновременно с рецептами давали рекомендации, какие элементы содержат те или иные растения, продукты, что следует употреблять при той или иной болезни.

Сейчас определить состав элементов в растениях и продуктах стало трудно, так как таких специалистов осталось очень мало.

Из цветов и листьев не так много идет в пищу, но те, которые употребляют в пищу, являются очень редким и ценным сырьем, как, например, шафран (софлор индийский). Из листьев растений повсеместно люди употребляют чай. Сортов чая много, но среди них наиболее полезным является зеленый чай, который способствует обновлению крови, хорошо утоляет жажду, питателен.

Существует три способа приготовления чая:

- *Для утоления жажды.* Буряты, монголы, калмыки, народы Средней Азии пьют зеленый чай. Способы приготовления только этого чая разные. Чай варят слабый, крепкий, с молоком, с то-

пленным маслом, с солью, с солонцами. Чай с молоком и солью пьют калмыки, такой чай дезинфицирует желудочно-кишечный тракт, разгоняет «газы». Некоторые вместо молока заправляют чай мукой, поджаренной на топленом масле, чай получается мягкий и очень питательный. В настоящее время многие пьют чай с сахаром, такой чай может быть приятен для вкуса, но пользы никакой не дает.

- *Для питания.* Зеленый чай заваривают крепко, подливают молоко, после кипения добавляют топленое масло (чайную ложку на один литр), соль по вкусу, после этого взбивают чай деревянной мешалкой и снова доводят до кипения. Если такой чай пить три-четыре раза в день, то другой пищи не требуется, на одном этом чае можно жить несколько дней и даже месяц. Такой чай называется взбитым.
- *Лечебный чай* (чай с лекарством). Некоторым больным рекомендуется лечебный чай, с этой целью в чай заваривают лекарственные травы, которые назначает врач. Например, варят чай с солодкой сладкой, этот чай улучшает зрение, сохраняет бодрость. Чай с изюмом вылечивает воспаление кишечника (запоры, жажду, налет на языке). В европейской части страны пьют чай с лимоном. Этот чай полезен для людей с нарушением *шара*, но ввиду того, что лимон содержит сильно «холодные» элементы, систематическое употребление лимона может вызвать «охлаждение» крови. Кроме того, часто пьют какао, кофе, густой байховый чай, эти напитки, хотя и нейтральные в смысле элементов, действуют разрушающе на сердце. Хорошо приготовленный зеленый чай является тонизирующим средством, полезным в любом возрасте, разжижает кровь, улучшает кровообращение.

Из орехов наиболее полезным является *кедровый орех*, который, кроме жиров, содержит «теплые» элементы. Если чай заправить толченым кедровым орехом, то можно лечить почечное *хиш*, кроме того, он способствует поддержанию общего состояния здоровья. *Грецкий орех*, хотя и содержит «теплые» элементы, но вызывает *хиш-шара*, поэтому людям с «охлажденной» кровью он не рекомендуется. *Фундуковый орех* содержит «теплые» элементы, может снять легкую температуру на почве *хиш* («теплый» *хиш*). *Китайский орех* (его еще называют арахис подземный или земляной орех) содержит «холодные» элементы, способствует возбуждению *хиш-шара*. Остальные эфиромасленичные, а их очень много, не классифицированы по содержанию «холодных» и «теплых» элементов. *Каштан благородный (плоды)*, растущий на юго-западе нашей страны, с крупными листьями, содержит «теплые» элементы, плоды его полезны, питательны.

К фруктам и ягодам, содержащим кратковременно «теплые» элементы, относятся земляника, клубника, малина. Эти ягоды рекомендуются пить с чаем, они временно согревают организм. «Средние» элементы содержит боярка, шиповник, «слабо-холодные» — голубица, черемуха, облепиха, хурма, терн, персики, гранат. «Сильно-холодные» элементы содержат черная смородина, слива, калина, брусника, изюм, мандарины, лимоны, рябина, ранет, клюква.

СОКИ, ВИНА, НАСТОЙКИ. К винам, содержащим «теплые» элементы, относятся пшеничная водка, молочное вино (особенно из овечьего молока), анисовая и перцовая настойки. Эти вина и настойки успокаивают *хии*, а водка из овечьего молока является лечебным средством от *хии*, появившегося на почве «охлаждения» крови.

К настойкам, содержащим «сильно-холодные» элементы, относятся все виноградные и фруктово-ягодные вина, а также фруктовые и минеральные воды. Эти напитки очень вредно пить людям с «охлажденной» кровью и страдающим от *хии*, а также людям, живущим в холодном климатическом поясе.

МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ. Кумыс (кобылье молоко), овечье молоко, тарак содержат исключительно «теплые» элементы, питательны и полезны всем, согревают кровь, нормализуют сон. Коровье молоко содержит «средние» элементы, однако содержание «теплых» и «холодных» элементов может колебаться в зависимости от состава кормов. Если сено с сухого покоса, с горной местности, то молоко содержит только «теплые» элементы, если же сено с болотистого места (сырого) или же смешано с кукурузой, капустой, турнепсом, то молоко будет содержать «холодные» элементы.

Коровье молоко и все молочно-кислые продукты — *арса*, *айрак* (сушеное молоко), *тарак*, топленое масло полезны и питательны для всех, особенно для больных, страдающих от *хии*.

Козье и свиное молоко содержат «холодные» элементы. Собачье молоко содержит «теплые» элементы. Женское грудное молоко тоже содержит «теплые» элементы, но состав их изменяется в зависимости от питания и здоровья женщины. Если кровь ее «охлаждена», и она питается продуктами, содержащими «холодные» элементы, то молоко будет содержать «холодные» элементы.

МЯСО И МЯСОПРОДУКТЫ. Конина содержит «теплые» элементы, но может вызвать *хии-шара*, так как слишком «теплая». Баранина тоже содержит «теплые» элементы, а бульон из бараньих лыток является лечебным средством от «теплого» *хии* и «холодного» *хии*, восстанавливает силы. Говядина содержит «средние» или «слабо-теплые» элементы. Свинина и козлятина содержат «холодные» элементы и поэтому чрезмерное их употребление может вызвать «холодный» *хии* почек и других органов. Сарлычье, верблюжье, ос-

линое мясо содержат «холодные» элементы, возбуждают почечные и ревматические заболевания. Заячье, тарбаганье, беличье, собачье содержит «теплые» элементы, а мясо медведя, изюбра, лося, оленя, барсука — «холодные» элементы.

Мясо воробьев, кедровика, дикого голубя, белой куропатки содержит «теплые» элементы, индюк, курица, тетерев, рябчик, дрофа, фазан содержат «средние» и «легко-холодные» элементы. «Холодные» элементы содержат гуси, лебеди, гагары, журавли, турпаны и другие водоплавающие птицы.

РЫБА И РЫБОПРОДУКТЫ. Все виды рыб содержат «холодные» элементы, так как обитают в воде; но поскольку «элементы» «слабо-холодные», они могут вызвать *хии* в слабой форме. Морские звери — кит, выдра, морская свинка содержат «холодные» элементы.

БУЛЬОНЫ. Бульон, сваренный из бараньих лыток, употребляется часто в лечебных целях, иногда также для того, чтобы запить лекарства от *хии*. Способ приготовления: бараньи лытки заливают водой (один стакан воды на одну пару костей) и варят в течение 5–15 минут, посолить по вкусу. Одну пару костей можно варить три-четыре раза. Стакан такого бульона снимает легкое головокружение, бессонницу, шум в ушах. В старинных обычаях бурят существовал суп *хорхог* (сборный), который готовили один-два раза в год в лечебных целях, для поддержания здоровья. Этот суп готовили следующим образом: в деревянную посуду кладут кусочки свежей баранины, по кусочку от каждой кости, от всех внутренних органов и заливают водой, подсаливают, после этого кладут в посуду с таким набором мяса девять раскаленных докрасна маленьких камней, плотно закрывают крышкой эту посуду и доводят до кипения. Такой суп восстанавливает силы, спасает от «охлаждения» крови, является одним из многих народных средств лечения бурят.

Итак, люди должны знать классификацию продуктов питания по содержанию «теплых» и «холодных» элементов, прежде всего для того, чтобы сохранить в организме равновесие элементов, не допустить чрезмерного его «охлаждения».

ОДЕЖДА

Одежда человека прежде всего должна соответствовать климату, погоде и временам года. Испокон веков люди носят одежду по обычаям своих народов, по моде. Исторически форма одежды всегда меняется, однако изменить одежду независимо от времени года,

погоды и климата невозможно. Не могут люди в жаркую погоду, летом ходить в зимней одежде, также в холод, зимой — в летней; нельзя обойти, обмануть природу. Человек, пренебрегающий погодой, одеваясь не в соответствии со временем года, климатом, может подорвать свое здоровье; особенно этим страдает молодежь, многие из них одеваются легко в холодную пору, в угоду моде и красоте. Некоторые из них ходят без головного убора поздней осенью или ранней весной, ездят на мотоцикле в холодное время. Когда заболевают, они удивляются, считая, что у них было раньше «железное» здоровье, на которое не действовали ни холод, ни жара. У людей, которые легкомысленно относятся к своей одежде, впоследствии обнаруживаются болезни головы, глаз, верхних дыхательных путей. За последние годы, на мой взгляд, люди (особенно дети, молодежь) чаще стали страдать ревматизмом, воспалением почек и болезнями сердца. Одной из причин повсеместного заболевания именно этими видами болезней, по моим личным наблюдениям, является «переохлаждение» ног и поясницы из-за короткой одежды, капроновых чулок и обуви на высоких каблуках. Чтобы не было этого, тибетская медицина рекомендует в переходный период (при смене времени года) особенно аккуратно следить за одеждой, держать в тепле и сухости ноги, голову, так как от их «переохлаждения» могут возникнуть простудные заболевания с высокой температурой, кашель, при этом закладывает нос, но это неопасное заболевание, быстро поддается лечению и проходит. Труднее бывает при простудах грудной клетки, горла, особенно при запущенных, систематических простудах возникают тяжелые, затяжные болезни, трудно поддающиеся лечению.

Итак, необходимо следить за одеждой и в зависимости от времени года и погоды менять ее. Слишком теплая или слишком легкая, холодная одежда не приносит пользы, особенно вредна больным одежда из капронового или другого синтетического волокна. Многие не думают об этом, особенно молодежь. Одежда человека должна быть достаточно теплой, легкой, чистой и по размеру. Особенно рекомендуется, чтобы обувь была мягкой, сухой, теплой и по размеру.

ОДЕЖДА ИЗ ШЕРСТИ. Большинство людей смотрит на одежду как на предмет роскоши и немногие думают об одежде как о защите от болезней. Тем не менее одежда предназначена, по мнению восточной медицины, прежде всего для сохранения здоровья человека и защиты от внешних воздействий. С этой точки зрения, абсолютно безвредной для организма человека является одежда из овечьей шерсти. Такая одежда должна плотно прилегать к телу, так как шерсть передает организму «теплые» элементы, впитывает влагу. Вообще мясо, кровь, кожа, волосы, шерсть животных содержат элементы соответствующего животного и способны передавать, вернее,

возбуждать у других те же элементы. Например, если положить под голову шкуру из лося или оленя, то будет болеть голова, так как эта шкура содержит «холодные» элементы, которые возбуждают «холодные» элементы в голове, отчего возникает *хуи* и начинает болеть голова. Такие случаи описаны во многих медицинских книгах Востока.

ОДЕЖДА ИЗ ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ. Хлопчатобумажные ткани повсеместно применяются для пошива одежды. Они содержат «теплые» элементы, поэтому полезны для организма человека, а льняные ткани, хотя и содержат «средние» элементы, однако не очень полезны для организма, поэтому больше подходят для пошива рабочей одежды, а не для повседневной носки. Натуральный шелк (китайский) содержит «теплые» элементы и полезен для организма. Одежда из древесного волокна, искусственный шелк, капрон и другие синтетические ткани содержат сильно «холодные» элементы, поэтому вредны для организма, отнимают у него «теплые» элементы, тело «охлаждается» и начинаются различные заболевания кожи и крови.

КЛИМАТ И ВРЕМЕНА ГОДА

Как беречь здоровье при смене времен года, особенно при смене холода и тепла? Зимний холод и летняя жара сами по себе не вредны организму человека, так как при устоявшейся погоде и «элементы» уравновешены, приспособлены уже к температуре внешней среды.

Некоторые люди думают, что в районах с суровым климатом труднее жить, однако, как сказано было выше, это не оказывает существенного влияния на состояние здоровья человека, только нужно подобрать одежду и пищу к этим условиям.

Весной, когда природа пробуждается, тает снег и лед, припекает солнце, распускаются деревья, набухают почки, животные начинают линять, тогда человеческий организм ослабевает, появляется сонливость, усталость, вялость. По учению тибетской медицины, это получается от «запаха сырости». В это переходное для природы время у слабых людей, которые мало бывают на открытом воздухе, начинаются хвори, обострение хронических заболеваний, ломит кости, мышцы, появляется отечность, кашель, насморк.

Весною воздух свеж, лучи солнца греют, в это время нужно стараться как можно дольше находиться на воздухе, на улице, это способствует «прогреванию» тела, оно «проветривается» и «высыхает».

Но в это же время необходимо беречься от сырости, так как земля еще влажная, вода холодная и испарения от них холодные. Нужно одевать шерстяную одежду, сухую обувь.

Осенью, когда солнце меньше греет, желтеют растения, начинают холода, природа приобретает «сухость», обостряются болезни «холодной» крови и *хуи*. В это время года восточная медицина рекомендует аккуратно следить за погодой и одеваться в соответствии с ней, не допускать «охлаждения» организма. В народе говорят, что простудился из-за того, что продуло «холодным ветром».

Как уже было сказано выше, хронические, скрытые болезни обостряются весной и осенью, но они появляются не из-за суровых морозов, а от «перегревания» организма, а затем внезапного его «охлаждения». В Сибири, несмотря на морозы, люди болеют меньше зимой, чем летом, а в Средней Азии, на Кавказе и в Крыму меньше болеют летом, чем зимой.

Рассмотрим для иллюстрации некоторые тяжелые болезни, которые успешно лечатся методами восточной медицины.

ТЕМПЕРАТУРНЫЕ БОЛЕЗНИ ОТ «ХОЛОДНЫХ» ЭЛЕМЕНТОВ

Многие температурные болезни возникают на почве возбуждения «теплого» и «холодного» *хуи*; основной корень этих *хуи* находится в почках. По этой причине восточная медицина различает следующие болезни — «теплые» и «холодные» *хуи*:

- 1) почечное,
- 2) желудочное,
- 3) двенадцатиперстной кишки и кишечника,
- 4) сердечное,
- 5) спинномозговое,
- 6) половых органов и мочевого пузыря.

Эти шесть разновидностей «теплого» и «холодного» *хуи* являются причиной многих других болезней человека.

ПОЧЕЧНЫЙ «ТЕПЛЫЙ» ХИИ. Это заболевание сопровождается высокой температурой, но при этом необходимо отличать, от какого *хуи* температура — от «теплого» или «холодного» *хуи*. Такой диагноз можно установить только по пульсу, причем опытный специалист может узнать историю заболевания. Если у человека температура от «теплого» *хуи*, то нельзя ему назначать жаропонижающие лекарства. Внешние признаки «теплого» *хуи*: руки, ноги горят, глаза выпуклые, расширены зрачки, страдает бессонницей. Почки напоминают корни дерева, которые, находясь глубоко под землей, скрываясь от глаз, незаметно всасывают соки земли и также незаметно пере-

дают их стволу, листьям, красоте которых мы видим. Они очищают все шлаки организма и выводят ненужное наружу, а «соки» пищи передают в кровь, в нервы. Болезни почек обычными методами выявляются поздно, когда уже трудно их лечить.

Однако организм очень тонко реагирует на нарушение деятельности почек, поднимается температура или, наоборот, остывает тело, т.е. состояние организма становится переменчивым, неустойчивым.

Встречаются люди с врожденным почечным «теплым» *хуи*, так как не вылеченное своевременно «теплый» *хуи* почек становится хроническим и может передаваться по наследству. Людям с почечным «теплым» *хуи* вредны горячие ванны, горячие грязи, сидение на горячем песке, камне, тибетская медицина не рекомендует им пищу и лекарства, содержащие «холодные» элементы.

«Теплый» *хуи* может перейти в «холодный» *хуи*, тканевая жидкость (дословно: соки кожи) «закупориваются» *хуи*, кровь несколько зеленеет, становится водянистой, задерживается под кожей, вызывает зуд, экзему и другие кожные, гнойные болезни. Это уже признак «холодного» *хуи*.

ЗУДЯЩИЕ, «МОКРЫЕ» КОЖНЫЕ БОЛЕЗНИ. Экзема и другие заболевания кожи, сопровождающиеся зудом, возникают от почечного «холода». В тибетской медицине выделяют два вида такого рода заболеваний:

- От почечного «теплого» *хуи* халуун, кровь, питающая кожу, становится как бы «дикой», сбивается с пути, что вызывает шелушение кожи, болячки, зуд. Таких кожных болезней очень много, при их лечении надо назначать лекарства, улучшающие работу почек, «согревающие» кровь, разжижающие кровь, кроме того, надо дать средства, очищающие болячки, наращивающие свежую кожу. Если под кожей накапливается «пенистая водянистая жидкость», что указывает на скопление в этом месте плохой крови, то нужно в этом месте поставить высасывающие банки.
- От остаточного явления после *хуи-шара* также возникают болезни кожи, наподобие экземы. Причиной тому является кровь, загрязненная *хуи-шара*, которая остается между кожей и мышечной тканью.

Различные кожные заболевания, возникшие на почве *хуи-шара* и «теплого» *хуи*, надо начинать лечить с восстановления и нормализации работы печени и желчного пузыря, а потом уже по вышеуказанному методу. Практика показывает, что кожные болезни, образовавшиеся по вышеуказанным причинам, вылечиваются в течение трех-шести месяцев.

ТЕМПЕРАТУРА ОТ ХИИ КРОВИ. «Теплый» *хи*, возникший от почек, проникнув в кровь, как бы «мешает» движению крови по сосудам, захватывая ее центральные пути движения. Тогда кровь, находящаяся в мелких сосудах, «закупоривается», появляется одышка, так как сердце начинает работать с перегрузкой, бьется сильно или наоборот замедляется, как бы прерывается его биение, поднимается температура, болит голова, краснеют глаза, мерещится перед глазами, мучает бессонница, ломит плечи, между лопаток скапливается «густая» кровь и человек страдает постоянно головной болью.

Различают три основных причины головной боли: (1) от «теплого» *хи* крови и (2) от «холодного» *хи*, поднимающихся вверх, (3) от *хи-шара*, поднимающейся вверх. В зависимости от этих трех причин и лечение назначают разное, однако во всех случаях восточная медицина назначает лекарства, очищающие «нечистоты крови», рекомендует пищу со «средними» элементами.

БОЛЕЗНИ, ВЫЗВАННЫЕ ПОЧЕЧНЫМ «ТЕПЛЫМ» ХИИ

Признаки заболевания: начинает болеть спина, становится трудно двигаться, поднимается температура, когда *хи* опускается вниз, то начинает колоть в тазобедренной части, ломит поясницу, желтеет моча, задерживается мочеиспускание, ноги отекают. Когда *хи* поднимается вверх, то болит голова, шумит в ушах, такое заболевание в восточной медицине называется «почечно-спинномозговой жар».

В настоящее время особенно молодые люди при простуде и температуре принимают излишне много химических препаратов, после чего начинает болеть голова от возбуждения «теплого» *хи*.

При этой болезни одновременно начинают болеть глаза, когда болезнь усиливается, то глаза покрываются бельмом, угрожает слепота. Если зрение нарушено по какой-либо травматической причине, то болезни глаз часто возникают по причине «холодного» или «теплого» *хи* почек. Если не нарушены нервы, сосуды, то указанные болезни глаз можно вылечить лекарствами, вплоть до полного восстановления зрения. Незапущенное бельмо на глазах можно снять лекарствами, такие случаи в практике встречаются нередко. Но необходимым условием этого является правильное определение корня болезни.

СУХАЯ ОПУХОЛЬ ОТ «ТЕПЛОГО» ХИИ. Когда «гнойные» или «сухие» опухоли начинают увеличиваться, то поднимается температура. По методам восточной медицины обязательно надо найти

источник, корень, откуда поднимается температура, этот корень часто совершенно не совпадает с диагнозом европейской медицины. Корень опухоли определяется методами восточной медицины по пульсу, причем часто примерно за год до обнаружения опухоли обычными методами.

По мнению тибетской медицины, опухоли возникают только у людей с «охлажденной» кровью, когда в каком-нибудь месте «ослабла» циркуляция крови или где-либо «повреждена» железа. В этом месте собирается «охлажденная», плохая кровь и вызывает гнойную опухоль. Если кровь не «охлаждена», то при любых опухолях она не превращается в злокачественную, поэтому вылечивается. При «охлажденной» крови незначительная опухоль может превратиться в рак. По моим наблюдениям, у всех раковых больных обязательно раньше бывает «охлаждена» кровь от почек. При удалении миндалин чаще может быть спровоцирован рак, если была «охлаждена» кровь.

Вообще в наше время во всем мире распространился рак, причиной которого, на мой взгляд, является постепенное «охлаждение» крови, причем условия жизни современного человека часто противоречат излечению его от рака.

В чем это выражается? Повсюду жилье, одежда, пища имеют одинаковое качество, мои наблюдения за последние тридцать-сорок лет говорят об этом. Пища и лекарства стали содержать «холодные» элементы», кроме того, люди стали употреблять много витаминов. Врачи рекомендуют витамины всем, хотя их действие на организм впоследствии остается неизвестным.

В тибетской и китайской медицине считается, что витамины содержат «холодные» элементы, поэтому они применялись в необходимых случаях как лекарства, поднимающие «холодные элементы». В тех же случаях, когда кровь человека уже «охлаждена», применение витаминов может привести к особенно вредным последствиям.

В настоящее время стало много пищи с «холодными» элементами, много фруктов, мяса водоплавающей птицы, свинины и т.д. Все эти продукты питания содержат «холодные» элементы, поэтому постепенно действуют «охлаждающе» на организм, кровь со временем теряет «теплые» элементы, отсюда увеличиваются всякие раковые заболевания. Раком болели люди и раньше, но не в таком количестве.

Восточная медицина считает, как бы хорошо ни лечить болезни, вылечить все болезни невозможно, так как одни болезни исчезают, а другие появляются.

ТЕМПЕРАТУРНЫЕ БОЛЕЗНИ ОТ ХИИ-ШАРА

Корнем этих болезней считается почечный «холод». *Хии-шара* в основном возникает в печени и желчном пузыре, протекает очень быстро, в острой форме, но не смертельно. Температура от *хии-шара* в большинстве случаев встречается у детей и молодежи, а у взрослых — после приема какой-нибудь несовместимой пищи или после водки. Признаки: начинает болеть голова, поднимается температура, рвота с желчью. Эти болезни не требуют особых лекарств, через три-пять дней они проходят сами.

Самым первым средством от *хии-шара* является овсяный отвар и бульон из нежирной баранины. У детей и молодежи *хии-шара* вызывает кислая пища, при этом у них сильно болит голова, открывается рвота зеленью, что проходит после двух-трех дней голодания и постельного режима.

При хронической форме *хии-шара* попадает в желудок, что получается при приеме пищи с «холодными» элементами, начинается урчание в желудке, кишечнике, двенадцатиперстной кишке, сильно крутит, болит живот, открывается рвота желчью, понос, все тело потеет. При рвоте голова делается горячей, а на лбу выступает холодный пот. Впоследствии появляются запоры, отсутствие аппетита, ухудшается пищеварение. При таких хронических заболеваниях *хии-шара* хорошо помогает завертывание в теплую шкуру животных (живое тепло).

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ ОТ ХИИ-ШАРА. При головной боли, вызванной *хии-шара*, теряется аппетит, появляется сонливость, иногда носовое кровотечение, болит то правая, то левая половина головы, появляется ощущение припухлости со стороны лба или макушки, общая слабость, вялость, жажда. Но болезнь эта непродолжительная, скоро проходит, лечить нужно *хии-шара* и сопутствующую им головную боль лекарствами.

ГЛАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ ОТ ХИИ-ШАРА. Краснеют сосуды белков глаз, появляются зеленые и красные круги перед глазами, постепенно ослабевают зрение, появляется слезоточивость, гноение глаз. Такие болезни глаз не опасны, диагноз устанавливается по пульсу. Тибетская медицина рекомендует лечение лекарствами от головной боли. Как уже было сказано выше, если *хии-шара* переходит в хроническую форму, то при возбуждении «холодных» элементов постоянно болит голова, на макушке собирается кровь с *хии*, кожа головы на этом месте как бы припухает, человека мучает бессонница, он нервничает, злится, начинают преследовать разные мысли, теряется память, тело трясется, человек в конце концов становится чудаковатым.

При такой форме *хии-шара* на макушке головы ставятся высасывающие банки, чтобы вытянуть *хии* из крови, также назначаются лекарства от *хии-шара* и психического расстройства.

Какой бы ни была запущенной эта болезнь, если лечить без перерыва в течение двух-трех месяцев, то можно вылечить окончательно, при этом нужно обязательно лечение довести до конца.

Если не вылечить до конца *хии-шара*, то оно переходит по наследству. Заболевание «теплой» *хии-шара* встречается больше у детей, меньше у молодежи, у пожилых людей не встречается совсем.

БОЛЕЗНИ, ВЫЗВАННЫЕ ВОЗБУЖДЕНИЕМ
«ХОЛОДНЫХ» ЭЛЕМЕНТОВ

Возбуждение «холодных» элементов является корнем многих заболеваний человека. Человек приобретает болезнь «охлаждения» постепенно. Если иногда весной или осенью случайно промочить ноги, то независимо от того, какая кровь, «теплая» или «холодная», возникнет воспаление или, как мы выражаемся, возбуждение «холодных» элементов, но разница в том, что если у человека была раньше кровь «холодная», то он при малейшей простуде ног тяжело заболевает, «теплокровный» человек переносит это легче.

Раньше буряты очень берегли себя от «охлаждения», существовало даже традиционное народное учение, как нужно вести себя, чтобы не допускать возбуждения «холодных» элементов. За последние несколько десятков лет народные традиции забываются, никто не упоминает о «холодных» элементах, вследствие чего многие люди страдают хроническими болезнями, вызванными возбуждением «холодных» элементов.

БОЛЕЗНИ ПОЧЕК

Как уже сказано выше, восточная медицина считает почки основой всего организма человека, а заболевание почек или малейшее нарушение их деятельности вызывает прежде всего болезни нижней части тела: ног, спины, тазобедренной части. Если простудить какую-нибудь из этих частей, то при «охлажденной» крови могут начаться тяжелые заболевания различного характера по причине воз-

буждения «холодных» элементов почек. Но часто бывает, что болит спина, ноги, руки, ломит поясницу, а почки сами никакого признака заболевания не проявляют; болезни почек больше встречаются у молодых людей и детей.

Признаки болезни: температура тела всегда пониженная, тело рыхлое, мягкое, кожа имеет красноватый или желтоватый оттенок, мало спит, моча густая, желтовато-красноватого цвета, разбрызгивается, с запахом. Сохнет во рту, впоследствии сильно болит спина, слабеет зрение, нет аппетита, остальные признаки зависят от условий жизни человека. Эти же признаки могут появиться при переломах костей, вывихах, но при таких травмах поднимается высокая температура, тогда при назначении жаропонижающих лекарств нужно следить за сердцем, чтобы не повредить его. Бывают случаи, когда жаропонижающие лекарства превращают «теплый» *хиш* в «холодный» *хиш*.

«ОХЛАЖДЕННАЯ» ПОЧКА. В настоящее время «охлажденная» почка встречается очень часто. Причиной тому, на мой взгляд, является незнание действия «холодных» и «теплых» элементов, поэтому болезни, вызванные возбуждением «холодных» элементов, запускаются, становятся хроническими. Чтобы не допускать «охлаждения» почек, надо с детства следить за одеждой, пищей, погодой и поведением. Кроме того, здоровье человека зависит, как известно, от наследственности, воспитания, умения соблюдать личную гигиену.

Святая обязанность каждого человека — воспитывать себя и детей с малых лет беречься от «охлаждения» организма и возбуждения на этой основе «холодного» *хиш*.

КАМНИ В ПОЧКАХ. Образование камней в почках тоже зависит от «охлаждения» почек. Из-за нарушения равновесия «холодных» и «теплых» элементов, при возбуждении «холодных» элементов в организме кровь несет из различных внутренних органов (печени, желудка, двенадцатиперстной кишки) непереваренные вещества, а «охлажденная» почка не справляется со своевременной очисткой их из крови, в результате чего в лоханках почек скапливаются шлаки, образуя впоследствии камни. Камни бывают различного состава, отсюда и лекарства для их растворения и вывода в восточной медицине бывают разные. При хирургическом вмешательстве корень болезни остается в организме, т.е. воспаленные «холодные» элементы, и поэтому после операции спустя некоторое время снова появляются камни в почках или желчном пузыре. По методам восточной медицины лекарствами растворяют камни и одновременно лечат возбуждение «холодных» элементов почек, благодаря чему камни больше не образуются.

Галдан Ленхобоев на пятьдесят седьмом году жизни стал штудировать латынь, выйдя на пенсию, он смог заняться лечением методами тибетской медицины. Трактаты тибетской медицины он тайком изучал с детства.

БОЛЕЗНИ «ОХЛАЖДЕНИЯ» КРОВИ. Различают многие болезни крови, корнем их может быть или «охлажденная» почка, или *хиш-шара*, или *батха*¹.

Признаки заболевания крови: кровь часто свертывается, становится мутной, густой, «охлаждаясь» постепенно теряет «теплые» элементы, смешивается с тканевой жидкостью (водой) и парами воздуха, что происходит в результате возбуждения «холодных» элементов организма, вследствие этого уменьшается количество красных и белых кровяных телец, или же, наоборот, их количество чрезмерно увеличивается.

Одной из болезней «охлажденной» крови является сахарный диабет. Болезнь крови плохо поддается лабораторным анализам, вначале можно легко определить наличие сахара в крови, гемоглобина, а остальные отклонения очень серьезного характера можно установить только пульсовой диагностикой.

1 *Батха* — одна из разновидностей расстройства бадаган.

Лечить нужно корень болезни, то есть «охлажденную» почку или *хьи-шара*, или *батха*. Если удастся точно определить корень болезни, то заболевание крови не так уж трудно вылечить, как это считается сейчас.

БОЛЕЗНИ ТКАНЕВОЙ ЖИДКОСТИ. Если организм человека подвергается медленному, но систематическому «охлаждению», то межтканевая жидкость начинает «засыхать», особенно в суставах конечностей. Эта болезнь тесно связана с почечным «холодом». Незапущенные болезни быстро вылечиваются, а хронические вылечить трудно, рекомендуются горячие ванны и лекарства, «согревающие» кровь и почки. Если же постоянно находиться в сырой местности, жить и работать в сыром неотапливаемом помещении (особенно тяжела сырость весной и осенью), то постепенно «остывают» кости, появляются болезни костей. Также от сырости могут появиться две разновидности кашля, болезни десен, при которых зубы шатаются, кровоточат. Когда болезнь сырости поражает кости, то начинается ревматизм, полиартрит, опухают и искривляются суставы, костный мозг гноится. Такие болезни, по мнению тибетской медицины, нужно лечить как и болезни тканевой жидкости.

ПАРАЛИЧ, ИЛИ «ЛУННАЯ БОЛЕЗНЬ»

По мнению тибетской медицины, паралич, или «лунная болезнь» получаются в определенные дни лунного месяца, а именно 30-го — в период отсутствия луны, 8-го — в первую четверть полнолуния, 15-го — в полнолуние, 22-го — в третью четверть полнолуния. Если в эти дни находиться под лучами луны, то может разбить паралич. Особенно опасно спать под лучами луны, которые проникают через окно. Но не всех людей парализует в это время, а только людей с «охлажденной» кровью. Вообще встречается много необычных случаев в народной медицине Востока, однако они не изучены.

Паралич случается иногда после операции, когда случайно задеваются нервы, если при этом сразу начать лечение, то больной быстро поправляется; запущенный паралич трудно поддается лечению.

Парализует в основном пожилых людей, молодых редко. Вообще здоровье нужно беречь смолоду, когда человек заболевает, трудно восстановить первоначальное здоровье.

Галдан Ленхобоев со своей помощницей Натальей Цыбикжаповой (из с. Хурамыш) и неизвестным. Ленинград, начало 1970-х гг.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ
О ПУЛЬСОВОЙ ДИАГНОСТИКЕ
(ФРАГМЕНТЫ ИЗ ТРАКТАТОВ
ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ)

Г.Л. Ленхобоев.
Препринт № 282
(Новосибирск, 1981)

В данной работе отобраны и соответствующим образом упорядочены фрагменты из древних тибетских медицинских трактатов «Методы лечения по восьмичленному учению сердца святости», «Средства, выбивающие меч безвременной смерти» и «Четыре основы учения о лечении».

В тибетской медицине выделяют следующие виды сосудов¹:

- 1) сосуды мякоти — 22,
- 2) сосуды мышц — 23,
- 3) сосуды жиров — 8,
- 4) сосуды костей — 32,
- 5) сосуды сухожилий — 14,
- 6) сосуды «пяти плотных» (органов) — 7,
- 7) сосуды «шести полых» (органов)² — 6,
- 8) сосуды, реагирующие на «тепло» и «холод»³ — 190.

Таким образом, можно лечить всего 302 разновидности сосудов.

- 1 Здесь имеется в виду специфический класс кровеносных сосудов, которые, с т.з. тибетской медицины, играют особо важную роль в существовании и функционировании как всего человеческого организма в целом, так и его отдельных частей. Обычно эти сосуды называют «сосудами ощущений» (*мэдэрэлэй худал*), или «чудо-сосудами» (*оньхон худал*), желая подчеркнуть этим тот факт, что они не только перегоняют кровь, но и дают ощущения в частности тепла, холода, боли, движения. Считается, что любые изменения, происходящие в организме, так или иначе отражаются на состоянии этих сосудов, и что именно этот факт позволяет распознавать болезни по пульсу.
- 2 В тибетской медицине выделяют два класса внутренних органов: «полые» и «плотные». К «плотным», которых всего пять, относят почки, сердце, печень, селезенку и легкие, а к «полым», которых всего шесть, относят желудок, тонкую кишку, толстую кишку, желчный пузырь, мочевой пузырь и половые органы. Выражения «пять плотных» и «шесть полых» представляют собой фразеологизмы, устоявшиеся в языке тибетской медицины.
- 3 То есть сосуды, реагирующие на увеличение или уменьшение «теплых» и «холодных элементов» в организме.

Г.Л. Ленхобоев. Некоторые сведения
о пульсовой диагностике (фрагменты
из трактатов тибетской медицины).
/ Пер., прим.: Н.Ц. Жамбалдагбаев.
— Препринт № 282. — Новосибирск:
Ротапринт ВЦ СО АН СССР, 1981. — 19 с.

СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЛИЧИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ БОЛЕЗНЕЙ ПО ПУЛЬСУ

По канонам пульсовой диагностики пульс является самым быстрым и непосредственным вестником болезней человека. При исследовании пульса используются следующие принципы и виды правил.

- 1) Принципы, регулирующие образ жизни и систему питания (больного).
- 2) Правила (выбора) времени и места исследования (пульса).
- 3) Правила надавливания (на пульс).
- 4) Правила исследования пульса.
- 5) Правила исследования трех видов биения здорового пульса.
- 6) Принцип соответствия пяти *махабуд*¹ четырем временам года.
- 7) Правила определения наличия или отсутствия болезней по биению пульса.
- 8) Правила распознавания болезней по общему или частному пульсу.
- 9) Правила выявления излечимости и неизлечимости болезней по трем видам биения пульса.
- 10) Принципы исследования жизненного пути человека по «пульсу жизни».

Пульс в шести местах дает шесть разновидностей сведений.

1) ПРЕЖДЕ ВСЕГО НУЖНО УРЕГУЛИРОВАТЬ СИСТЕМУ ПИТАНИЯ (БОЛЬНОГО). Рекомендуются увеличить долю мясных, молочных и прочих «теплоэлементных» продуктов в питании и запретить употребление плохо усваиваемой пищи чрезмерно «холодного» свойства², обостряющей корни болезней.

Нужно исследовать (больного) в его естественном состоянии, когда он не слишком сыт и не голоден, избавив его от бессонницы, любовных забот, лишних слов, лени, пустых тревог (от привычки) временами работать много и интенсивно, а порой не работать вообще и прочих неумеренностей. Этими двумя способами необходимо сделать явным состояние организма в пору его страданий. Пульс не исследуется, когда дыхание (больного) ускорено случайными волнениями, а исследуется, когда оно спокойно и ничем не омрачено.

1 *Махабуда* — пять природных явлений «огонь», «воздух», «вода», «земля», «дерево», по законам которых, с точки зрения тибетской философии и медицины, существует и развивается вся живая и неживая материя.

2 См. препринт «Причины внутренних болезней (некоторые сведения из тибетской медицины)», на стр. 54.

Хотя при быстрых движениях дыхание ускоряется и соответственно учащается биение пульса, корни болезней не исчезают, и если в это время болезнь обостряется, то пульс бьется с еще большей «обидой».

2) ВРЕМЯ ИССЛЕДОВАНИЯ (ПУЛЬСА). Пульс нужно исследовать в его естественном состоянии после восхода солнца, не выпуская внутреннее дыхание вовне и прежде веяния внешнего дыхания (это не является дыханием человека, это дыхание помещения, в котором проведена ночь), когда больной еще в постели, не завтракал и ничем случайным не омрачен.

3) МЕСТО ИССЛЕДОВАНИЯ (ПУЛЬСА). Нужно исследовать три пульсирующие точки, называемые «зан», «ган», «саг», которые обнаруживаются на артерии запястья рук с внутренней стороны выше шиловидного отростка лучевой кости. Если надавливать на пульс кончиком указательного пальца, то под ним будет точка «зан», под кончиком среднего пальца — точка «зан», под кончиком среднего пальца — точка «ган», а под кончиком безымянного пальца — «саг». Нужно надавливать на пульс тремя пальцами так, чтобы они не были вместе и расстояние между ними было равно толщине одного пальца. Если пальцы находятся близко друг к другу, то биение пульса слабое, подобно убыванию воды после наводнения; если отдалены, то [биение пульса] подобно голосу человека, читающего вслух книгу в закрытой яме; если расстояние между пальцами соответствует норме, то биение пульса ощущается так же, как колебание земной коры осенью.

Различным видам болезней соответствуют различные формы пульсации артерий: наблюдаются признаки спокойного движения, закручивающегося движения и т.д. Признаки, сопутствующие обстоятельствам болезней и страданиям организма, пробегают по кровеносным сосудам вместе с кровяными газами¹. Именно поэтому можно распознавать болезни по пульсу. Хотя признаки болезней пробегают по всему телу, распознаются они по (пульсации) только одной артерии². Этот путь пульсовой волны подобен пути купца, знающего цену каждому своему товару. При исследовании пульса, сообщающего все признаки болезней, нужно быть аккуратным

1 Под этим здесь понимается особый тип «газа», который циркулирует вместе с кровью по «чудо-сосудам» и является основным источником информации при пульсовой диагностике. «Газ» в данном случае представляет собой один из разновидностей *хи*. (См. препринт «Причины внутренних болезней (некоторые сведения из тибетской медицины)», на стр. 54).

2 Имеется в виду лучевая артерия руки, на которой находятся точки «зан», «ган», «саг».

и не путать между собой его двенадцать основных характеристик¹. «Пульс жизни»² исследуется в нижней части (тела), между толстыми сухожилиями, так как приходит извне. «Пульс смерти»³ можно исследовать на ступне.

4) МЕРА НАДАВЛИВАНИЯ (НА ПУЛЬС). В точке «зан» должна прощупываться кожа, «ган» — мякоть, «саг» — кость; пульс подобно цветку лубан⁴, прорастающему в точке «зан», то уходит в глубь мякоти, то выходит на ее поверхность (случаи «кожа», «мякоть», «кость» демонстрируют меру надавливания на пульс).

5) ПРАВИЛА ИССЛЕДОВАНИЯ (ПУЛЬСА). Пальцы врача должны быть теплыми и мягкими, нельзя, чтобы они были холодными. При осмотре мужчин сначала надо исследовать пульс левой руки, а женщин — правой руки. Когда врач правой рукой исследует пульс левой руки (больного), то по биению пульса под точкой «зан» определяет (состояние) сердца и тонкой кишки, по биению пульса под точкой «ган» — селезенки и желудка, по биению пульса под точкой «саг» — левой почки. Когда врач левой рукой исследует пульс правой руки (больного), то по биению под точкой «зан» определяет состояние легких и толстой кишки, по биению пульса под точкой «ган» — печени и желчного пузыря, по биению пульса под точкой «саг» — правой почки и мочевого пузыря. При обследовании женщин точки «зан» правой и левой руки отражают состояние соответствующих внутренних органов, меняясь местами. Если врач левой рукой исследует пульс правой руки женщины, то по биению пульса под точкой «зан» определяет состояние сердца и тонкой кишки; если врач правой рукой исследует пульс левой руки женщины, то он по биению пульса под точкой «зан» определяет состояние легких и толстой кишки. Что является причиной этого? Ведь легкие и сердце не могут быть то в левой части организма, то в правой. Причиной этого является направление импульса, идущего от кончика сердца. Разъяснение: хотя и у мужчин, и у женщин сердце находится в одном месте, у мужчин узкая щель пульсирующего сосуда кончика сердца направлена в левую сторону, а у женщин — в правую. У мужчин и у женщин смещены «точки сердца», все остальные характеристики пульса у них идентичны.

1 В каждой точке, где исследуется пульс, прежде всего выявляется соотношение «холодных» и «теплых элементов». А точек всего шесть. Тем самым имеем двенадцать основных характеристик пульса.

2 «Пульс жизни» — пульс, свидетельствующий о продолжительности жизни человека.

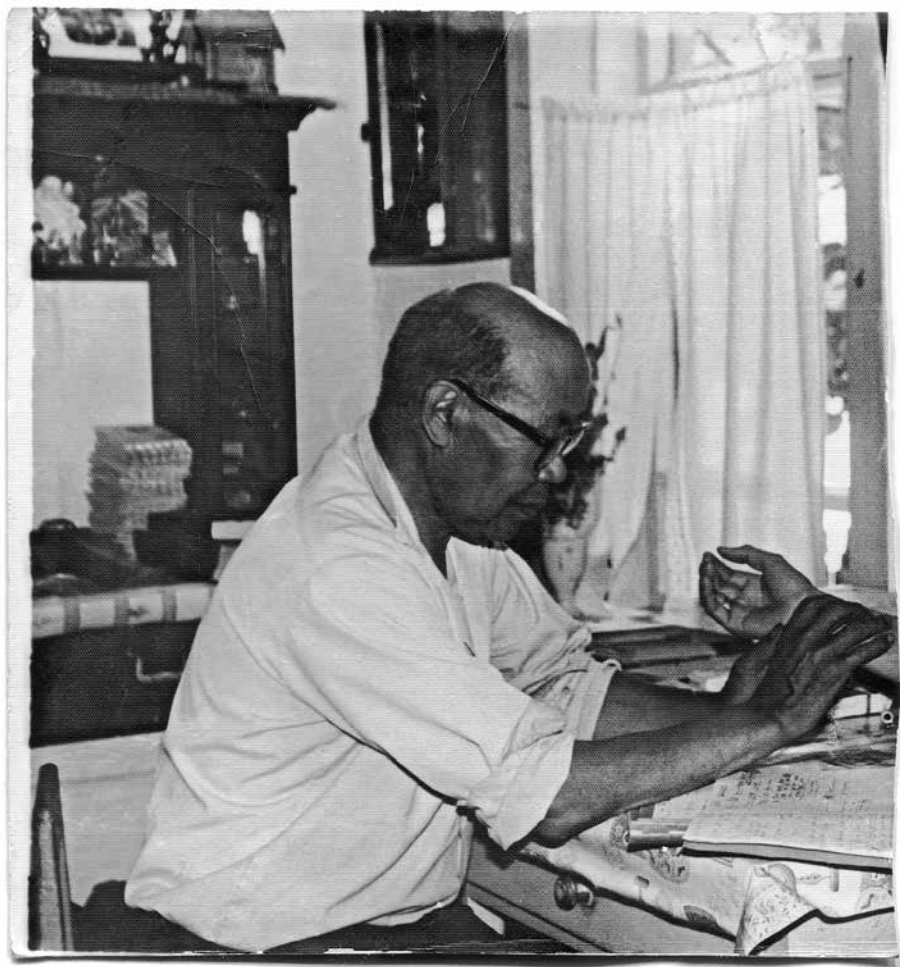
3 «Пульс смерти» — пульс, говорящий о приближении смерти.

4 Лубан — горькая редька.

6) ТРИ ВИДА БИЕНИЯ ЗДОРОВОГО ПУЛЬСА. Выделяют три вида биения здорового пульса: «мужской пульс», «женский пульс», «пульс боди» (ровный пульс). «Мужской пульс» — толчки сильные и толстые. «Женский пульс» — толчки тонкие и быстрые. «Пульс боди» — толчки спокойные, мягкие и переплетающиеся. Если у мужчины «женский пульс», то это к долголетию. Если у женщины «мужской пульс», то у нее будет много сыновей. Если у супругов «пульс боди», то они проживут долго, болеть будут мало, но останутся без детей. Если у супругов «мужской пульс», то будет много сыновей. Если у обоих «женский пульс», то будет много дочерей. Если у одного из супругов «пульс боди», а у другого «мужской», то у них будет один сын. Если у одного из супругов «пульс боди», а у другого «женский», то родится одна дочь. Если у обоих «пульс боди», то они останутся бездетными.

Имеются два вида четырех «сил», именуемых обычно «мать», «сын», «враг», «друг», приводящих в соответствие пять махабуд четырех временам года и связывающих их с сосудами «пяти плотных». Если четыре времени года сопоставить с пятью махабудами, то получится весна, лето, осень, зима и межсезонье. В весенние три месяца, когда пробуждается природа, распускаются деревья, поют соловьи и жаворонки, организм человека ослабевает. В первые 72 дня получает распространение махабуда «огонь» и созревает сосуд печени. В это время толчки тонкие, энергичные и пульс напоминает чем-то соловьиную трель. В оставшиеся 18 дней получает распространение махабуда «земля» и созревает сосуд селезенки.

В летние три месяца, когда цветут цветы, идут дожди и кукует кукушка, определяет время года мелкая мошкара, в начальные 72 дня получает распространение махабуда «воздух», и созревает сосуд сердца. Пульс бьется медленно, толчки толстые и он напоминает кукование кукушки. В оставшиеся 18 дней получает распространение махабуда «земля» и созревает сосуд селезенки. В осенние три месяца, когда созревают плоды и ягоды и когда слышно порхание жаворонка, тело человека «наливается», крепнет. В это время природу определяет увядание. В начальные 72 дня получает распространение махабуда «вода» и созревает сосуд легких. Толчки пульса становятся короткими, жесткими и напоминают посвистывание бекаса. В остальные 18 дней получает распространение махабуда «земля» и созревает сосуд селезенки. В зимние три месяца, когда замерзают земля и вода, когда повсюду можно услышать призывы пятнистого оленя, когда человек одевается во все теплое и питается исключительно «теплоэлементными» продуктами, в начальные 72 дня получает распространение махабуда «дерево» и созревают сосуды почек. В это время толчки пульса мягкие и нежные и пульс подо-

Ленхубоев Галдан
Ленхубоевич во время
приема пациентов —
пульсовая диагностика.
Улан-Удэ, 1980-е гг.

бен обычной песне. В оставшиеся 18 дней получает распространение махабуда «земля» и созревает сосуд селезенки. Последние 18 дней четырех времен года вместе составляют 72 дня. В это время получает распространение махабуда «земля» и созревает сосуд селезенки. Толчки пульса короткие и мягкие, напоминают голос кабарги. Таким образом, приводится в соответствие пять махабуд четырем временам года.

«Огонь», «земля», «воздух», «вода» и «дерево» рассматриваются как «мать», «сын», «враг» и «друг». Нужно исследовать прежде всего «мать», «сын», «враг» и «друг» вместе с махабуда. Если получает распространение «пульс мать» и «пульс почек», то это очень хорошо. Если получает распространение «пульс сын», то увеличивается сила и мощь (организма). Если распространяется «пульс друг», то это к спокойной жизни. Если распространяется «пульс враг», то это к трудноизлечимым болезням и продолжительным страданиям.

7) ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЛИЧИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЯ БОЛЕЗНЕЙ ПО ХАРАКТЕРУ БИЕНИЯ ПУЛЬСА. Если пульс здоров, то при одном вдохе и выдохе он делает пять ударов. При счете до ста можно обнаружить различные формы пульсовой волны, например, большая, маленькая, поверхностная и глубинная, твердая и мягкая, то и дело высовывающаяся (лукообразная), закручивающаяся, дергающаяся. При раке бывает такое ощущение, будто кончики пальцев режут острым ножом. Если нет изменений в силе толчков и пульс бьется ровно, он (рассматривается как) здоровый (пульс). В противном случае он (рассматривается как) больной (пульс). Если пульс частый (это признак) «жара». Если пульс редкий (это признак) «холода». Иногда бывает так, что даже при здоровом пульсе кровеносные сосуды тыльной стороны кисти руки закупориваются и кровь при движении приостанавливается, дергается. Это нужно проверить прежде всего. Если не исследована аорта, то (возможны) неприятности.

«Пульс сын» является пульсом беременной женщины. Бьется он выступая наружу, роеобразно. Если пульс правой почки бьется сильнее, то будет сын; если пульс левой почки бьется сильнее, то будет дочь. Если это неизвестно, то можно перепутать его с «пульсом жара». «Пульс боди» можно перепутать с пульсом «холода». Неоформленные, приостанавливающиеся, дергающиеся толчки пульса можно перепутать с биением пульса смерти. Прежде чем исследовать пульс, нужно хорошо опросить больного.

8) БОЛЕЗНИ РАСПОЗНАЮТСЯ ПО ОБЩЕМУ ИЛИ ЧАСТНОМУ ПУЛЬСУ. Степень увеличения «холодных» или «горячих» элементов в организме определяется по «общему пульсу» в шести точках,

которые представляют собой точки соединения 302 сосудов. «Пульс жара» обычно бывает твердым, развернутым, быстрым, энергичным, напряженным, роеобразным. Точки «зан», «ган» и «саг» связаны с 302 разбросанными по всем частям тела сосудами. Если пульс твердый, мощный и может приподнять палец, то он в основном имеет отношение к «распространенному» или «возвращаемся жару». Если пульс толстый, широкий и возвышается над мякотью, то он в основном свидетельствует о «жаре», которого сопровождает «жар», возникший от воспаления «кровяных газов». Если толчки роеобразные, то пульс бьется отчетливо как вниз, так и наверху. Это относится к «жару крови». При инфекционных болезнях и отравлении мясными продуктами пульс учащенный и при одном вдохе и выдохе делает шесть-семь ударов. При наличии «жара желчи» и «жара сердца» пульс энергичный, при надавливании не останавливается, тонкий и быстрый, бьется сгучиваясь и извиваясь. При «жаре желчи» пульс твердый, напряженный, жесткий и (кровь) проходит (через сосуды) вибрируя.

Выделяют три вида «жара»: «поднимающийся жар», «нижний жар» и «проникающий жар». «Поднимающийся» и «нижний жар» (представляют) собой новую или рецидивную формы инфекционной болезни. «Проникающий жар» представляет собой устаревшую форму «жара». Пульс, говорящий о наличии «холодных элементов» (в организме), можно охарактеризовать следующим образом: распадающийся, теряющийся, изможденный, с пропуском, слабый, пустой. Таким образом, имеются шесть видов подобного пульса. «Холодные элементы» делятся на «новые», «проникающие», «старые», «нижние», «поднимающие».

Пульс, проникающий вглубь, свидетельствует в основном об уменьшении «холодных элементов». Теряющийся пульс является противоположной стороной развернутого пульса, бьется под мякотью и бывает неотчетливым. Это в основном относится к «холодной водяной» и к «холодной отекающей» опухоли. Изможденный пульс является противоположной стороной роеобразного пульса. Он слабый, неясный. Это является в основном признаком «прозрачной мути» крови.

Пульс с пропуском есть противоположная сторона быстрого пульса; за один вдох и выдох пульс делает три-четыре толчка, затем пропускает один или два удара. Он в основном свидетельствует о «холодной желчи», «желтой жидкости» и «светлой слизи». Слабый пульс является противоположной стороной энергичного пульса. Если сильно надавить на пульс, то он не будет пульсировать. Кроме того, он колеблется и с пропуском. Это свидетельствует о «холодной слизи». Пустой пульс является противоположной стороной напря-

женного пульса. Если слабо надавить на него, то он не будет пульсировать; ему легче не пройти через преграду. Можно сказать, что в основном это свидетельствует о «газе».

Исследование частного пульса. Различают два вида исследования пульса: 1) для распознавания вида болезней; 2) для определения их локализации путем исследования биения пульса под точками «зан», «ган», «саг».

Распознавание типа болезни по биению пульса. Пульс «газа» пустой, временами приостанавливается. Пульс «желчи» тонкий, энергичный. Пульс «светлой слизи» изможден и ему трудно напрягаться. Если «газ» и «жар» совмещены, то пульс пустой и быстрый. Если совмещены «слизь» и «желчь», то пульс сверху теряющийся, а снизу энергичен. Если совмещены «слизь» и «газ», то пульс пуст и с пропуском. Если «серая слизь», то пульс полный и под точкой «ган» теряющийся.

Правила исследования «жара» основного сосуда. Пульс «крови» возвышается бугром и при движении сгучивается. Пульс «желтой воды» бьется, разбрызгиваясь, и слабый.

Пульс, свидетельствующий о глистах, резко закручивается и бьется так, как будто он широкий и плоский. Пульс, свидетельствующий о «мышинной язве», запутан, разбрызгивается и подергивается. Пульс «возвращающегося «жара» толстый, развернутый, возвышающийся над поверхностью и роеобразный. Пульс «жара» травматического и простудного происхождения бьется тонко, энергично, сильно. Пульс «жара» инфекционной болезни тонкий и быстрый. Пульс «жара» тяжелых эпидемических болезней бьется, выдаваясь на поверхность. Пульс, свидетельствующий о режущих болях, очень короткий и бьется время от времени (с промежутками). Пульс, свидетельствующий об отравлении ядами, неясный, бьется колыхаясь и перекидываясь с места на место. Пульс, свидетельствующий об отравлении мясными продуктами, тонкий, быстрый, теряющийся, сильный. Пульс «несозревшего жара» тонкий, быстрый и бьется так же, как «газ». Пульс «распространенного жара» — твердый и энергичный. Пульс «пустого жара» пустой и быстрый. Пульс «скрытого жара», хотя и глубок и находится внизу, весьма энергичен. Пульс «устаревшего жара» бьется тонко и энергично. Пульс «замутненного жара» тонкий и (кровь) как бы проходит по противоположной стороне быстрее. Пульс «жара желчи» толстый, напряженный и быстрый. Если у человека нет какой-либо из конечностей, то пульс как бы теряется и пустеет. Если поврежден какой-либо из следующих трех частей тела (мякоть, кость и мозг), то пульс под точками «зан», «ган», «саг» полный, твердый и быстрый. Если повреждена мякоть головы, то под точкой «зан» пульс твердый, если повреждена кость, то пульс

под «ган» чрезмерно энергичен. Если поврежден мозг, то пульс под точкой «саг» бьется быстро, разбрызгиваясь. Пульс «зимы» разбрызгивается и колыхается подобно пульсу «жара».

Признаки оседания «холода» в шести полых. Пульс, свидетельствующий о несварении пищи и образовании «нового газа» во внутренних частях, бывает толстым и напряженным. Пульс «устаревшего газа» бьется слабо и тонко. Пульс «слизи» — слабый. Пульс «водной опухоли», «опухли 6 полых», «светлой опухоли» — тонкий, теряющийся, на дне бьется напряженно. Пульс болезни, вызывающей рвоту, бьется сверху слабо, а снизу напряженно. Пульс болезни, вызывающей понос, бывает снизу слабым.

Возможные ошибки при пульсовой диагностике. Можно перепутать шесть видов пульса: пульсы «крови» и «газа» — из-за пустоты, пульсы «распространенного жара» и «пустого жара», так как они оба быстрые, пульсы «слизи» и «старой крови» — поскольку они оба теряющиеся. Разъяснения: хотя пульсы «крови» и «газа» одинаковы, при надавливании пульс «крови» прерывается, а пульс «газа» не прерывается. Хотя скорости пульсовой волны «распространенного жара» и пульсовой волны «пустого жара» одинаковы, пульс «распространенного жара» тверд и при надавливании прерывается, а пульс «пустого жара» содержит больше пустого пространства. Хотя пульсы «слизи» и «старой крови» теряющиеся, пульс «слизи» изможден и с пропуском, а пульс «старой крови» бьется сильнее.

Путем исследования пульса по точкам «зан», «ган», «саг» можно определить место локализации болезни и выявить ее особенности.

1. По пульсу двух точек «зан» исследуются легкие, сердце и болезни, сосредоточенные в грудной части.
2. По пульсу двух точек «ган» исследуются диафрагма, желудок, печень и болезни, находящиеся между ними.
3. По пульсу двух точек «саг» исследуются почки и болезни, сосредоточенные в области поясницы, тазобедренной части. По пульсу, определяющему наличие «холодных» и «теплых» начал, исследуются пять плотных и шесть полых. Верхними краями пальцев исследуют пульс «жары» внешней силы «пяти плотных». Нижними краями пальцев (исследуют) пульс «холода» внутренней силы шести полых. Хотя плотные и полые не могут меняться (местами), но если под «пятью плотными» имеется «жар», то под шестью полыми может появиться «холод». Если в одном из шести имеется «жар», то ни в одном из «пяти плотных» не будет «холода». Состояния грудной и нижней части тела находятся в том же отношении. Это нельзя забывать при исследовании пульса.

9) СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПО ТРЕМ ВИДАМ ПУЛЬСА: ИЗЛЕЧИМ ЧЕЛОВЕК ИЛИ НЕТ. Исследуются три вида пульса: пульс измены, пульс невозстановленного сосуда и пульс стабилизации.

Признаки измены пульса. Пульс смерти от (болезней) «газа» подобен колебанию колосьев пшеницы в ветреную погоду, пуст, толст и конец толчка разбрызгивающийся. Пульс смерти от болезней «желчь» разбрызгивается энергично и быстро, напоминая чем-то движение ястребиного хвоста. Пульс смерти от болезней «слизь» напоминает струю воды, текущую с крыши неравномерными каплями, толчки его при этом с пропуском и конец каждого из них разбрызгивается. Пульс смерти от болезней, возникших в результате совмещения «газа» и «желчи», подобен бегу крупной рыбы, очень сильный, при надавливании исчезает и, если прервать его, бьется, меняя свою форму. Пульс смерти от болезней, возникших в результате совмещения «газа» и «слизи», напоминает клев курицы, быстрый и короткий и, между четвертым и пятым ударами прерываясь, останавливается. Пульс смерти от болезней, возникших в результате совмещения «слизи» и «желчи», — нежный, с пропуском, после двух-трех ударов, замедляя свой бег, разбрызгивается. Пульс «скрытой смерти» пустой, с пропуском, разбрызгивается, растекаясь, как слюна трехлетней телки.

Если внезапно заболит сильный и здоровый человек, то его пульс ослабевает, толчки становятся тонкими и расцветает пульс болезни с затянувшимся увяданием. Если у больных с «холодной» болезнью обнаружится пульс «жара», а у больных с «горячей» болезнью — пульс «холода», то это к смерти. Например, если у больного «жар» легких, «слизистая желчь», отравление от мясных продуктов и сужена верхняя часть желудка, то его пульс бьется так же, как здоровый пульс. Случается, что из-за этого человек умирает.

Разрыв сосудов. Исследование разрыва сосудов полых и плотных.

1. Если не восстановлен сосуд сердца, то темнеет язык, глаза выкашиваются наружу, смерть наступает в течение суток.
2. Если не восстановлен сосуд легких, то нос сплющивается, волосы, меняя свой облик, спадают вниз, смерть наступает в течение двух дней.
3. Если не восстановлен сосуд печени, то глаза выпячиваются наверх, брови спутываются, смерть наступает в течение трех дней.
4. Если не восстановлен сосуд селезенки, то губы морщатся, конец солнечного сплетения опускается вовнутрь, смерть наступает в течение пяти суток.
5. Если прерывается звук и прилипает к спине, то смерть наступит в течение восьми дней.

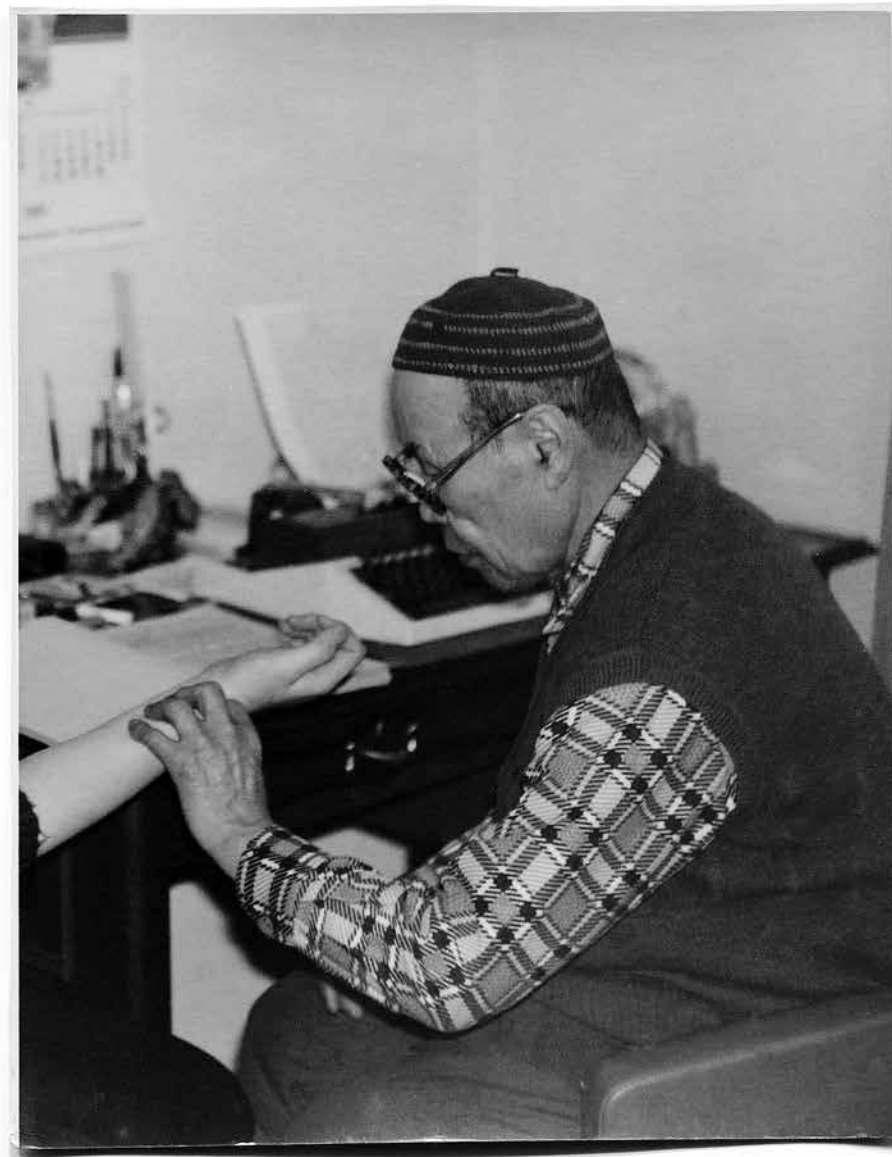
Стабилизация. Имеются три вида стабилизации — болезни, смерти и сопутствующих¹. Если во время болезни стабилизируется ее пульс, то это признак выздоровления. Если стабилизируется пульс смерти, то это признак смерти: после нескольких ударов обрывается. Если стабилизируются сопутствующие, то пульс может быть любым: частым, редким, твердым, с пропуском и т.д. Иногда удается скорректировать стабилизацию сопутствующих и вылечить болезнь, связанную с ними. Если больной не вылечивается из-за сопутствующих скрытой болезни, то это признак смерти. Иногда болезни обволакиваются разными сопутствующими признаками, которые отсутствуют в пульсе. Многие из них можно вылечить.

11. ОДИННАДЦАТЬ ВИДОВ ПУЛЬСА ОБЫЧНЫХ БОЛЕЗНЕЙ:

1) левый, 2) правый, 3) верхний, 4) нижний, 5) плотный, 6) полый, 7) холодный, 8) теплый, 9) неровный, вместе с тем быстро меняющийся, 10) подергивающийся, замедляющий свой бег после нескольких толчков, 11) пустой и удары напоминают толчки водяных паров.

12. ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ДВЕНАДЦАТИ «СОСУДАМ ЖИЗНИ» ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЧЕЛОВЕКА. У человека по велению времени «сосуд жизни» может заблудиться. Если «сосуд жизни» на месте, то жизни человека ничего не угрожает. Если же сосуд пульсирует приостанавливаясь, дергаясь, переворачиваясь, то это к несчастью. Если «сосуд жизни» отклонился, то мера жизни исчерпана и человек умирает. Если «сосуд жизни», равномерно пульсируя, делает сто ударов, то человек может прожить до ста лет, а если полсотни ударов, то проживет до пятидесяти лет. Ниже пятидесяти ударов мера жизни не установлена.

¹ Сопутствующие — факторы, сопровождающие болезнь.

Ленхобоев Галдан
Ленхобоевич. Пульсовая
диагностика пациента
на квартире. Улан-Удэ,
1985 г.

путем эмпирического перебора довольно эффективные средства борьбы с болезнями. В связи с этим представляется особенно интересным детальное исследование средствами современной науки конкретных методов лечения и лекарственного арсенала эмпирической медицины с учетом их этнического своеобразия, природных, хозяйственных, культурных условий бытования, а также соответствующих традиций, связанных с профилактикой и охраной здоровья человека. Такое исследование требует комплексного подхода, объединяющего усилия специалистов из разных областей знания, где ведущая роль, естественно, принадлежит медикам.

Первым и необходимым этапом для проведения подобных работ являются сбор и систематизация данных из народной медицины. Мы посчитали целесообразным обратить внимание на те традиции и представления, которые больше носят бытовой, повседневный характер и тем самым хорошо отражают специфические отношения бурят как к факторам внешней среды (тепло, холод, сырость и т.д.), так и к системе питания. Кроме того, здесь будут описаны довольно интересные традиции, связанные с использованием в лечебных целях целебных источников, поскольку они занимают значительное место в системе мер, предпринимаемых бурятами для профилактики и охраны здоровья. В этом коротком очерке и предпринята попытка представить ряд материалов из бурятской народной медицины.

ОБЩИЕ ТРАДИЦИИ. ТРАДИЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ОХРАНОЙ ЗДОРОВЬЯ

Многообразны по своей функциональной значимости и по форме проявления бытовые традиции у бурят. Некоторые из них регулировали систему питания, другие были связаны с выбором места жительства и с построением жилищ, третьи относились к одежде, четвертые к уходу за детьми и т.д.

Они обычно формировались в виде конкретных требований и запретов. В частности, существовал ряд правил, связанных с особым отношением к некоторым частям тела. Во время «сильных морозов и холодных ветров» рекомендовалось, например, тщательно утеплять ноги снизу и колени, поскольку считалось, что в противном случае они могут стать причиной опасных и обычно хронических заболеваний суставов, почек, сердца и т.д. Кроме того, запрещалось, особенно детям, ходить босиком по горячему песку, сидеть на холодной сырой земле или на холодных камнях, ходить зимою или

в ветреную погоду с открытой грудью и т.д. Кстати, последнее, пожалуй, и объясняет обычай старых бурят ходить всегда с застегнутым наглухо воротником.

Можно также отметить у бурят особую щепетильность по отношению к сырости. При выборе места жительства они обычно предпочитали места сухие, продуваемые, расположенные подальше от болот и водоемов. Более того, существовала своего рода теория, которая обосновывала это. Согласно ей, на поверхности земли имеются особые точки, через которые земля дышит. Подобных точек довольно много. Через некоторые из них земля как бы выдыхает отработанные газы, через другие же вдыхает свежий воздух. Выдох как раз и осуществляется, в соответствии с этой теорией, через точки, расположенные в местах сырых и влажных, чаще всего на болотах и озерах. Эти точки и считались наиболее опасными для здоровья человека.

Особый интерес представляет отношение бурят к загару и купанию. Сразу же можно отметить их несколько осторожное отношение к этим процедурам. В большинстве случаев купание имело гигиеническое значение и, пожалуй, буряты им никогда не злоупотребляли. Тем более оно не представляло для них интереса как способ получения удовольствия и отдыха. По их представлениям, злоупотребление купанием, особенно в холодной воде, может привести к расстройству всего организма и, в первую очередь, почек. Не было также у бурят широко распространенной традиции загорать. Возможно, в условиях обильного солнцем забайкальского климата эта процедура не была так уж необходима. Скорее, наоборот, летом нужно защищаться от его палящих лучей. Однако это могло быть также следствием особого неприятия бурятами резких переходов от тепла к холоду и наоборот. Эти перепады, по их представлениям, являются очень опасными для организма, поскольку они, заставляя его резко переходить из одного состояния в другое, могут стать причиной его кризиса в каком-либо месте и тем самым вызвать тяжелые хронические заболевания. Подобного рода представления, по-видимому, как-то повлияли и на отношение бурят к сезонным изменениям.

Так, было принято считать, что зимой и летом, когда соотношение тепла и холода приобретало относительно устойчивый характер, человеческий организм также стабилизировался и меньше поддавался неблагоприятным воздействиям. А осенью и весной, в переходные периоды, когда температурный режим неустойчив, организм, согласно этим воззрениям, тоже теряет свою устойчивость и становится более уязвимым для заболеваний. Поэтому в эти периоды и рекомендовалось тщательно оберегать себя, одевать теплую одежду, утеплять свой дом и избегать сырости.

ЛЕЧЕБНОЕ ПИТАНИЕ

Теперь нам нужно сказать несколько слов о лечебном питании у бурят. Как известно, в прошлом бурятская кухня состояла в основном из молочных и мясных продуктов. Поэтому, естественно, большинство традиционных представлений о целебных свойствах пищи относятся именно к ним. Так, например, вплоть до наших дней сохранилась традиция давать женщинам после родов бульон, приготовленный из мелко нарезанной говядины или баранины, и *арса*, молочный продукт, изготавливаемый бурятами, которые способствовали быстрому восстановлению ее сил. Бульон и *арса*, кроме того, рекомендовались еще и при головных болях, при слабостях, и вообще они рассматривались как чрезвычайно эффективные средства для восстановления или сохранения сил организма.

Также высоко ценилась конина. Она считалась прекраснейшим средством для сохранения теплоты внутри организма, которая была столь необходима скотоводу в суровую забайкальскую зиму. Там же, где можно было охотиться на тарбагана, в этих целях наряду с кониной употреблялось также и его мясо. Кроме того, его жир считался одним из наиболее эффективных средств борьбы с простудными заболеваниями, с кашлем. Он употреблялся как наружно, так и внутрь.

В некоторых случаях при простуде и ангине рекомендовалось молоко, вскипяченное вместе с внутренним жиром барана. При легком головокружении, при бессоннице считается полезным бульон из бараньих лыток. Кстати, отметим, что буряты особое значение придавали костям домашних животных, особенно барана, считая, что они являются незаменимыми средствами для общего укрепления организма и сохранения здоровья. Поэтому суп варится вместе с костями. Следует отметить здесь еще одно любимое лакомство бурят — костный мозг, содержащийся в трубчатых костях животных, который употребляется в тех же целях. Вплоть до наших дней не потерял свою популярность традиционный бурятский суп с лапшой. Он ценится как средство, укрепляющее защитные силы организма. При его приготовлении рекомендовалось не переваривать мясо, поскольку считалось, что в этом случае желудку будет трудно усвоить его.

В прошлом у бурят в профилактических целях для поддержания здоровья существовал интересный обычай употреблять один или два раза в год специальный суп из баранины, приготовленный особым образом. Он считался чрезвычайно полезным и для восстановления сил после тяжелой болезни. Его готовили следующим образом: рубцы из различных частей туш рубили вместе с костями на кусочки, которые вместе с кусочками из очищенных внутренностей барана

опускали в какую-нибудь деревянную посуду и заливали водой. Затем подсаживали и бросали туда раскаленные камни до тех пор, пока не закипит вода. При этом посуду плотно закрывали крышкой. Суп, приготовленный таким образом, назывался *хорхог*.

Молоко и молочные продукты рассматривались бурятами не только как продукты питания, но и как целебные средства, способствующие укреплению организма и сохранению здоровья. Особенно высоко ценилась способность кисломолочных продуктов утолять жажду и стимулировать пищеварение. Так, например, действие *айрака* уподоблялось часто действию лекарств, очищающих желудок и кишечник. *Тарак* в соответствии с этими представлениями давал покой организму и улучшал сон. *Айрак* и *тарак* — разновидности молочных продуктов. Молоко считалось полезным при кашле, заболеваниях горла, простуде, недержании мочи и других заболеваниях.

И наконец, здесь нельзя не сказать, несколько слов о зеленом чае с молоком, любимом напитке бурят. В соответствии с их воззрениями, он является великолепным тонизирующим средством, полезным человеку в любом возрасте. Кроме того, указывается целый набор лечебных действий, оказываемых им на организм человека. Например, считалось, что он разжижает «сгущенную» кровь, способствует этим улучшению кровообращения, обновляет ее, дезинфицирует желудочно-кишечный тракт, полезен при головных болях, слабостях, помогает при небольших отеках тела, в некоторых случаях его можно использовать в качестве мочегонного средства. Все это, пожалуй, и определило его роль в жизни бурят.

ЛЕЧЕБНЫЕ ВОДЫ — ЦЕЛЕБНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Вплоть до настоящего времени сохранился у бурят обычай каждое лето выезжать на целебные источники — *аршаны* для того, чтобы отдохнуть, принять лечебные ванны, поправить свое здоровье. Эти источники нередко окружались ореолом святости и служили предметом поклонения. Многие из них действительно заслужили подобное отношение своим исцеляющим действием на организм человека.

В наши дни так же, как и в прошлом, *аршаны*, особенно в летнее время, собирают вокруг себя множество людей, которые организуют своеобразные самостоятельные курорты.

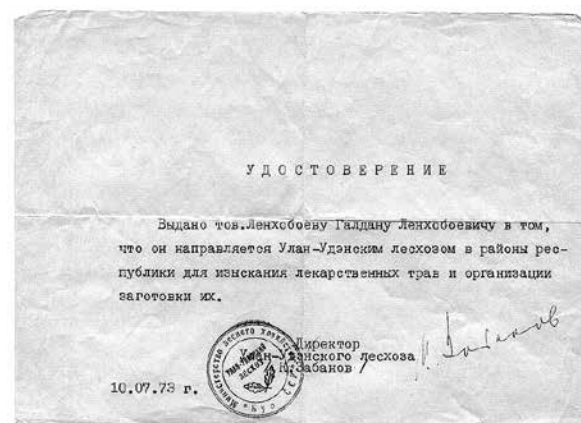
Однако использование целебной воды не носило такой беспорядочный характер, как может показаться на первый взгляд. Оно регулировалось обычно вековыми традициями, передаваемыми

из поколения в поколение, и поэтому буряты довольно хорошо представляли себе лечебные свойства того или иного источника, а также способы его использования. Эти традиции во многом отличаются от соответствующих рекомендаций современной медицины. Однако, на наш взгляд, это вовсе не означает, что в них нельзя найти ничего рационального, того, что можно было бы поставить на службу здоровья человека. Естественно, методы современной гидротерапии довольно эффективны, но, думается, что они только выиграли бы, если применять их с учетом всего рационального, которое накоплено в многовековой народной практике использования целебных вод.

Каковы же традиционные методы применения аршанов? В настоящее время мы, естественно, не можем точно сказать, как и каким образом были определены целебные свойства расположенных на территории Бурятии источников. Однако имеются свидетельства о том, что они определялись в прошлом народными медиками на вкус. Как бы то ни было, в наши дни относительно каждого из используемых источников, горячих и холодных, существуют уже давным-давно сложившиеся традиции, которые указывают на их свойства и способы использования. Подобные характеристики, в частности, можно было выявить непосредственно из их названий. Например, название «хотын аршаан» (желудочный аршан) указывало на то, что данный источник используется против желудочных заболеваний. Название «нюдэнэй аршаан» (глазной аршан) — на то, что он показан при глазных заболеваниях.

Еще в недавнем прошлом прямо на выходе воды можно было встретить деревянные или каменные таблички с надписями на старомонгольском или тибетском языках, повествующие о ее целебных свойствах.

Целебные воды использовались бурятами как для приема вовнутрь, так и для лечебных ванн. Кроме того, существовал обычай при некоторых заболеваниях, особенно при повышении кровяного давления, подставлять определенные точки тела под удар струи этой воды, падающей с высоты,

на которую она выводилась с помощью специального желоба. Обращает внимание также еще один способ использования аршанов — промывание. Например, при заболевании глаз было принято промывать их водой из специальных источников, которые назывались глазными аршанами.

Мы не будем детально описывать все способы использования целебных вод. Остановимся более подробно только на лечебных ваннах. Они использовались обычно как в лечебных, так и в профилактических целях и считались особенно полезными при отложении солей, болезнях суставов, при расстройствах почек, желудка, печени, при некоторых кожных и гинекологических заболеваниях, а также при повреждении сухожилий. Выбор источника для приема ванн осуществлялся обычно в соответствии с характеристикой свойств воды и с установившейся традицией. Существовало несколько способов приготовления целебной воды для приема ванн. В одних случаях для этой цели использовалась просто горячая вода, натуральная или подогретая, в других — добавлялись особые отвары из растений или их смесей.

Такие отвары готовились следующим образом. Брели какой-нибудь сосуд емкостью 30–40 литров, ставили на костер и наливали в него воду из источника. Затем бросали туда примерно 400–600 граммов измельченного растительного сырья и кипятили, часто помешивая, не менее одного-двух часов. После этого отвар процеживали и смешивали с холодной водой из источника, доводя его до необходимой температуры. Эта процедура уже осуществлялась непосредственно в том сосуде, в котором больной принимал ванну. Как правило, для этой цели использовались довольно объемные деревянные бочки. Одно и то же сырье можно было использовать для приготовления отвара еще два-три раза. При этом иногда к нему добавлялась новая порция растительной смеси.

В качестве сырья обычно брали хвою молодой сосны. В некоторых случаях использовался также мордовник (*тэмээн халаахай*). Наиболее эффективными все-таки считались так называемые пятисостав-

ные ванны (*табан аршаан*). В состав его входили эфедра хвощевая, мирикардия даурская, багульник болотный, полынь холодная, можжевельник.

В зависимости от наличия сырья были возможны и другие варианты растительной смеси, из которых готовились отвары. Например, в восточных районах Бурятии, где не произрастает мирикардия даурская, вместо нее иногда использовалась таволга. В Тунке нами был зарегистрирован следующий вариант: хвоя молодой сосны, мирикардия даурская, багульник болотный, ветки березы, дерен. Иногда вместо дерена использовалась крапива или бузина.

Существовали и особые правила, относящиеся к приему ванн. В соответствии с ними уже готовая для этой цели вода должна быть настолько горячей, насколько может выдержать человек. Перед погружением тела в ванну рекомендовалось вначале намочить голову этой водой так, чтобы она достаточно хорошо прогрелась, и в течение всего периода приема ванны необходимо было постоянно поддерживать температуру головы примерно на одном уровне с температурой тела. Этого можно было достигнуть разными путями. В прошлом, например, непосредственно над бочкой, в которой больной принимал ванну, надстраивался из кошмы своего рода колпак, закрытый со всех сторон. Для доступа воздуха оставлялись лишь небольшие щели.

Тело рекомендовалось погружать в воду как можно полнее, иногда даже вместе с головой так, чтобы оставалась лишь возможность дышать. Требование поддержания температуры тела и головы на одном уровне имело свое обоснование. Считалось, что если оно не будет выполнено, то болезнь может перейти в верхнюю часть тела или в голову.

Продолжительность ванн равнялась, как правило, одному часу, так как в соответствии с имеющимися тогда воззрениями бурят необходимо было «пропитать целебной водой весь организм, включая и кости». В настоящее время многие из указанных предписаний, по-видимому, забыты. Например, не везде и не всегда выполняется условие постоянного поддержания на одном уровне температуры тела и головы. Существенно сокращена продолжительность ванн: десять-пятнадцать минут. Лечебные ванны, особенно пятисоставные, давали организму очень большую нагрузку, поэтому во время их приема и после рекомендовалась исключительно питательная и высококалорийная пища.

После приема ванн требовался длительный отдых для восстановления сил, иногда доходящий до трех-четырех месяцев: настолько тяжелы были эти ванны. Один курс состоял обычно из семи-девяти ванн. В день принимались две ванны: утром и вечером. Таким об-

разом, курс был довольно интенсивным и длился всего четыре-пять дней. Пятисоставные ванны принимались раз в три года. Их действие проявлялось, как правило, через три-четыре месяца. В этот период, как и в период приема ванн, особенно важно было не простужаться, так как были возможны исключительно опасные осложнения первоначальной болезни.

Нельзя думать, что буряты рассматривали целебные воды в качестве универсального средства против всех болезней. Для них, как видно из изложенного, каждый тип воды был строго показан для какой-либо конкретной болезни. Имели место также противопоказания. Некоторые воды вообще запрещалось пить, поскольку они были пригодны лишь для лечебных ванн, другие оказывались неприемлемыми для легочников, третьи — для тех, у кого расстроен желчный пузырь и т.д.

Таким образом, сейчас уже можно говорить о существовании у бурят целой системы правил и обычаев, регулирующих использование целебных источников, которыми так богата Бурятия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интенсивное промышленное освоение Сибири, вызвавшее необходимость адаптации огромного контингента людей к новой для них природной среде, изменение привычного образа жизни, а иногда и системы питания, жилищных условий породило здесь немало медико-биологических проблем, связанных с охраной здоровья населения. По нашему мнению, крайне важно при решении этих проблем учесть опыт приспособления к суровым климатическим условиям как коренных народов, проживающих здесь с незапамятных времен, так и опыт русского населения, сумевшего, начиная с XVI века, выработать свои специфические традиции и обычаи в этой области. Это могло бы существенно облегчить выработку рациональной системы мероприятий, направленных на сохранение здоровья человека в условиях Сибири.

В этой связи особенно остро ощущается необходимость тщательного сбора и исследования ценнейшего наследия, пришедшего к нам из глубин веков, для того, чтобы поставить его на службу современности.

ТАЙНЫ тибетской МЕДИЦИНЫ

В прошлом году на Свердловской киностудии был снят научно-популярный фильм «Тайны тибетской медицины», вызвавший большой интерес зрительской аудитории. Член-корреспондент АМН СССР, профессор Б. Петров так отзывался о работе свердловских кинематографистов: «Тема работы актуальна и заслуживает одобрения. Большой интерес к тибетской медицине как среди врачей и ученых, так и среди широких кругов населения наталкивает на полное отсутствие литературы по этой теме. Появление научно-популярного фильма о тибетской медицине отчасти заполнило этот пробел... Фильм правильно трактует сложную историко-медицинскую проблему, не преувеличивая и не преуменьшая значения тибетской медицины, верно расценивает как положительные, так и сомнительные ее стороны...»

Мы обратились к одному из авторов фильма, сценаристу Октябрьну Балабанову с просьбой — вернуться к вопросу о тибетской медицине и рассказать о ее загадках для читателей нашего журнала.

На пути к источникам тайн

На прекрасных камнях прошлого
сложите ступени грядущего.

Ю. Н. РЕРИХ

Навстречу неслась разноголосая степь. Было такое чувство, будто мы летели над ней, похожей на огромный цветущий ковер. В этих местах даже солнце другое — огромное, оранжевое и, кажется, совсем близкое. Степной воздух, насыщенный настоем трав, кружил голову. В нем была острая пронзительность и в то же время какая-то особая мягкость, которая облегчала дыхание... Встретившие шумом суетились

стояли на задних лапах и, вытянув шеи, провожали взглядом убегающие мапичи.

Мы ехали в буддийский монастырь — дацан. От Улан-Удэ он всего в нескольких десятках километров. Впереди показалось строение, напоминающее древний иероглиф. На фоне неба остроты монастыря были четкими, словно кто-то обвел их тушью. Даже издали были различимы и позолота, и ажурная резьба, и многослойность крыши. Притягательный «восточный» колорит... Монахи в темных халатах сдержанно поприветствовали нас и жестом указали на приткрытую калитку. С первых шагов удивил перебор сотен развешенных амулов колокольчиков и шнест разноцветных, играющих на ветру ленточек. Какой-то маленький человек стоял рядом с молитвенным цилиндром и вралал его. Монахи двигались неторопливо и, казалось, не замечали ничего и никого вокруг. Впрочем, иногда мы ловили их неожиданные и любопытные взгляды, тогда они опускали глаза и спешно уходили прочь.

Старший служитель, сопровождавший нашу маленькую группу кибираторников, вел себя с достоинством. Он провел нас по территории монастыря к гроту, где стоял

В тесной комнате, сужаясь, сел на скамейки и угостил ароматным на молоке с солью лепешками. Голос и зловоние, но говорил расставившись, словистить что-нибудь с тем он объявил, глава монастыря иди Хамбо-лама при

Октябрьн БАЛАБАНОВ

Рисунки Е. Охотникова

«резиденция». Был полумрак, и стояла необычная тишина. Хозяин молча рассматривал гостей. Нам показалось, что длилось это слишком долго и даже бронзовые будды, стоящие вокруг, поглядывают на нас насмешливо... Мы представились, и хозяин пригласил в свою библиотеку.

Вдоль стен были аккуратно расставлены почти метровые рукописные книги...

— Это по философии, — указал хозяин на один ряд. — А это по медицине. Этим тысяча лет, а этим и того более...

Книг было много, и мы спросили, не переведены ли они на русский язык.

— Нет, покалуй, только три, — ответил он. — Вот эти...

Мы приехали сюда не ради экзотики, хотя она была заворающе интересна. Наша группа собирала материал для фильма о тибетской медицине — предстояло за короткий срок в самых общих чертах прояснить, что же это такое... О тибетской медицине родилось великое множество преданий, легенд, собрано столько полумыслов и полужагов в самых разных концах земли, что не так-то просто отделить их от правды.

Почти три тысячи лет отделяют

ТАЙНЫ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

Октябрьн Балабанов.
Журнал «Уральский следопыт»
№ 9 (Свердловск, 1985)

В прошлом году на Свердловской киностудии был снят научно-популярный фильм «Тайны тибетской медицины», вызвавший большой интерес зрительской аудитории. Член-корреспондент АМН СССР, профессор Б. Петров так отзывался о работе свердловских кинематографистов:

тема работы актуальна и заслуживает одобрения. Большой интерес к тибетской медицине как среди врачей и ученых, так и среди широких кругов населения наталкивается на полное отсутствие литературы по этой теме. Появление научно-популярного фильма о тибетской медицине отчасти заполнило этот пробел... Фильм правильно трактует сложную историко-медицинскую проблему, не преувеличивая и не преуменьшая значения тибетской медицины, верно расценивает как положительные, так и сомнительные ее стороны...

Мы обратились к одному из авторов фильма, сценаристу Октябрьну Балабанову с просьбой — вернуться к вопросу о тибетской медицине и рассказать о ее загадках для читателей нашего журнала.

НА ПУТИ К ИСТОЧНИКАМ ТАЙН

Из прекрасных камней прошлого
сложите ступени грядущего.
Ю. Н. Рерих

Навстречу неслась разноголосая степь. Было такое чувство, будто мы летели над ней, похожей на огромный цветущий ковер. В этих местах даже солнце другое — огромное, оранжевое и, кажется, со-

О. Балабанов. Тайны
тибетской медицины
// Уральский следопыт.
— Свердловск, 1985.
— № 9. — С. 70—77.

*Деважин дуган
Иволгинского дацана,
1970-е гг.*

всем близкое. Степной воздух, насыщенный настоем трав, кружил голову. В нем была острая пронзительность и в то же время какая-то особая мягкость, которая облегчала дыхание...

Встревоженные шумом суслики стояли на задних лапках и, вытянув шеи, провожали взглядом убегающие машины.

Мы ехали в буддийский монастырь — дацан. От Улан-Удэ он всего в нескольких десятках километров. Впереди показалось строение, напоминающее древний иероглиф. На фоне неба очертания монастыря были четкими, словно кто-то обвел их тушью. Даже издали были различимы и позолота, и ажурная резьба, и многослойность крыши. Притягательный «восточный» колорит...

Молчаливые бритоголовые монахи в темно-синих халатах сдержанно поприветствовали нас и жестом указали на приоткрытую калитку. С первых шагов удивил перезвон сотен развешанных всюду колокольчиков и шелест разноцветных, играющих на ветру ленточек. Какой-то маленький человечек стоял рядом с молитвенным цилиндром и вращал его. Монахи двигались неторопливо и, казалось, не замечали ничего и никого вокруг. Впрочем, иногда мы ловили их неожиданные и любопытные взгляды, тогда они опускали глаза и спешно уходили прочь.

Старший служитель, сопровождавший нашу маленькую группу киноработников, вел себя с достоинством. Он провел нас по территории монастыря к главному зданию. Внешняя роскошь, богатство цвета, множество статуй и статуэток Будды Шакьямуни-Чжу, разнообразие ритуальных скалящихся масок — все это уносило в какой-то иной, непонятный мир.

В тесной келейке деревянного домика служитель предложил нам сесть на скамейки из тесаных досок, угостил ароматным зеленым чаем на молоке с солью и пресными лепешками. Голос его был высок и звонок, но говорил он негромко, с расстановкой, словно боялся упустить что-нибудь существенное. Потом он объявил, что уже пора: глава монастыря ждет.

Хамба-лама принял нас в своей «резиденции». Был полумрак, и стояла необычная тишина. Хозяин молча рассматривал гостей. Нам показалось, что длилось это слишком долго и даже бронзовые будды, стоящие вокруг, поглядывают на нас насмешливо... Мы представились, и хозяин пригласил в свою библиотеку.

Вдоль стен были аккуратно расставлены почти метровые рукописные книги...

— Это по философии, — указал хозяин на один ряд. — А это по медицине. Этим тысяча лет, а этим и того более...

Книг было много, и мы спросили, не переведены ли они на русский язык.

— Нет, пожалуй, только три, — ответил он. — Вот эти...

Мы приехали сюда не ради экзотики, хотя она была завораживающе интересна. Наша группа собирала материал для фильма о тибетской медицине — предстояло за короткий срок в самых общих чертах прояснить, что же это такое... О тибетской медицине родилось великое множество преданий, легенд, собрано столько полувывыслов и полуфактов в самых разных концах земли, что не так просто отделить их от правды.

Почти три тысячи лет отделяют современного врача от загадочного и во многом еще непонятного нам искусства тибетских лекарей. Далеко вперед ушла современная медицина. Она создала удивительные приборы и инструменты, поставила на службу здоровью лазерную технику, научилась измерять напряжение сердечной мышцы и даже электропотенциал клеточной мембраны.

Эти факты граничат с чудом! Впрочем, разве не чудо уже то, что медики победили холеру, тиф, бешенство, чуму, оспу?!

Однако даже при всех сверхдостижениях совершенно естественна и глубоко диалектична закономерность: современный врач в той или иной форме обращается к опыту прошлого, каким бы далеким оно ни было.

Научная медицина благодаря открытиям ученых добилась огромных успехов. Одновременно — и в этом парадокс — с улучшением медицинского обслуживания... становится больше больных!

Недуги объясняются «новыми» ритмом и условиями жизни — иным питанием, снижением двигательных и увеличением психических, эмоциональных нагрузок... Против недугов создаются самые различные лекарственные препараты. Они доверху заполнили полки аптек: бери, лечись, крепни! Лекарств много, но, к сожалению, в подавляющем большинстве они — синтетические. А, по данным Всемирной организации здравоохранения, почти пятая часть больных, лечившихся от различных недугов медикаментами, получила... побочные заболевания. Данные говорят о том, что «лидерами» в этом отношении оказались высокоразвитые страны — Америка, Канада... Каждый год только в США люди употребляют тысячи тонн одного аспирина. Наверное, именно эти факты все чаще требуют ответа на вопрос: не слишком ли современные люди увлекаются химическими лекарствами, усердны ли мы столь же в обращении себе на пользу лечебных возможностей природной «аптеки» с ее очевидными достоинствами — мягкостью и органичностью действия, малотоксичностью, то есть безвредностью для организма человека?

Именно природной «аптекой» очень широко пользовалась и пользуется тибетская медицина. Исследователи утверждают, что сильнодействующие ядовитые лекарства вообще исключены из ее арсенала. И потом: разве случаен факт, что и сегодня почти восемьдесят процентов людей из стран Востока обращаются за помощью не к европейской, а именно к традиционной народной медицине...

ЛХАСА... ЛХАСА...

*Жалкий глупец, неужели ты
настолько наивен, что думаешь,
будто каждое наше слово следует
понимать буквально и что мы откроем
тебе самую удивительную из тайн?
Из трактата «Чжуд-ши»*

Во все времена Тибет был краем запретных тайн. По приказу правителя Тибета Далай-ламы никто, кроме паломников, не смел ступить на его территорию. Ослушников карали беспощадно. И это в стране, где великим грехом считалось даже убийство насекомого на соб-

ственном теле! Трагически закончилась жизнь французского путешественника и исследователя Дютрейля де Ренса. Японец Кавагути изучал Тибет в одежде паломника. Когда его разоблачили, то монахам, предоставившим ему всего лишь ночлег, выкололи глаза...

Не удалось проникнуть в глубь Центральной Азии и Н.М. Пржевальскому, который вынужден был вернуться, не дойдя 250 верст до столицы Тибета. Завершив первое тибетское путешествие, он с грустью писал:

Итак, нам не удалось дойти до Лхасы... Невыносимо тяжело было мириться с подобной мыслью... Пусть другой, более счастливый путешественник dokonчит недоконченное мною в Азии...

Этим счастливым человеком оказался Гомбожаб Цыбиков, бурят-ученый из России. В начале века он сумел проникнуть в святая святых Тибета — город Лхасу. В переводе на русский язык Лхаса значит «страна небожителей», или «область богов».

Под видом ламы добирался туда Цыбиков на верблюдах вместе с торговцами-монголами. Ни пустынные гобийские степи с высокими речками, ни свирепые ветры, гнавшие песок пополам с пылью, ни крутые горные дороги, с которых не раз срывались вниз богомольцы, — ничто не остановило отважного путешественника. Он упорно шел в толпе тех, кто спешил приложиться лбом к бронзовым коленям будды Чжу, чтобы избавиться от недуга, или тех, кто мечтал поступить в медицинские школы древних монастырей. Гомбожаб Цыбиков исследовал Тибет, описал его и тайно сделал множество фотографий.

Пускаясь в путешествие как простой буддист-паломник, я должен был особенно считаться с предубеждениями местного населения. Взятый с собой фотографический аппарат и термометр Реомюра пришлось держать под замком в сундуке вплоть до Лхасы. При себе я постоянно имел только маленькую записную книжку, куда заносил заметки ежедневно, даже и в этом скрываясь от любопытных глаз,

— писал Г. Цыбиков.

Проделав огромную работу, посланец Русского географического общества не только благополучно вернулся в Россию, но и привез с собой свыше трехсот томов сочинений тибетских писателей. Среди них были и труды по медицине.

Гомбожаб Цыбиков льстил себя надеждой, что книги, привезенные им, с развитием в России изучения тибетского языка окажут специалистам значительную помощь как материал для научных ис-

следований. И он не ошибся. Ученые Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР уже много лет ведут расшифровку трактатов, написанных на санскрите, старо-монгольском и тибетском языках. Проблемами тибетской медицины заинтересовались ученые и других институтов Сибири, Дальнего Востока, Москвы.

Переводы уникального наследия прошлого показывают, что книги эти интересны не только потому, что являются памятником древней культуры народов Центральной Азии, но еще и потому, что имеют для нас смысл чисто практический.

ШИФР ВЕКОВ,
ИЛИ «ЗАМОК С СЕКРЕТОМ»

*Прочитав эту книгу, непосвященный
в медицине, не давший клятвы о сохранении
тайн медицины, ослепнет или подвергнется
мучениям в своих будущих перерождениях.
Из трактата «Чжуд-ши»*

Древние книги... они лежат на многоярусных полках в хранилищах музея Бурятии. Каждая книга бережно обернута в дорогой шелк. Да, умели наши предки ценить написанное на пергаменте слово. Умели беречь книги, словно уже тогда думали о нас, чтобы дошла до потомков их мудрость в неискаженном, первозданном виде.

Странное чувство испытываешь в этом хранилище человеческой истории, где так плотно спрессован опыт почти трех тысячелетий. Он рядом с тобой — стоит только протянуть руку...

Собрать книги было нелегко. Но еще сложнее оказалось прочесть и понять их. Существует предание о том, что во дворец всемогущего правителя Тибета — Далай-ламы — было 99 входов и только один выход. Это же с полным правом можно сказать и о тибетской медицине.

Главный канон тибетских врачей — «Чжуд-ши» («Сущность целебного, или Четыре основы восьмичленного тайного учения»). По жанру это не медицинский трактат, а огромная поэма (четырнадцать тысяч стихотворных строк). Тибетологи считают, что поэтическая форма избрана для лучшего усвоения огромной информации. Так было удобно и ламам, которые произносили стихи нараспев. Поэма имеет очень сложную аллегорическую форму, которая и сегодня не во всех частях доступна пониманию. И этот факт тоже не случаен: право читать и толковать боговдохновенные кни-

*Джуд-хурал в Санкт-Петербургском дацане
«Гунзэчойнэй», 1915 г.*

ги тибетское духовенство оставляло только за собой. Чем сложнее, запутаннее текст, тем больше шансов, что его не поймет простой, малограмотный, а то и вовсе неграмотный люд.

Письмена эти — настоящая зашифрованная тайна. Прописи имеют по двадцать, а иногда и по сто самых разных значений. Правда, к «Чжуд-ши» есть комментарий — «Вайдурья-онбо». Этот трактат написан значительно позже, но и он для современного ученого — «замок с секретом».

Необычные книги, испещренные вязью незнакомого языка, производят впечатление чего-то таинственного, загадочного, трудно постижимого.

Расшифровать главные трактаты было бы невозможно без глубокого изучения «Бри-ша». «Бри-ша» — это иллюстративный атлас, как бы приложение, ключик к пониманию основных трактатов. Он был создан в одном из монастырей только в XVII веке. Копия атласа была тайно вывезена из Тибета в Россию, а в 1930-е годы передана в музей Бурятии. Предполагается, что это единственный в мире экземпляр. Оригинал, по-видимому, утрачен.

На обложке «Бри-ша» изображен «царь врачей» с веткой лекарственного растения в одной руке и чашей в другой. На 77 листах почти метрового размера, по краям, обклеенных тканью, системно рас-

положено десять тысяч рисунков, исполненных разными красками. На рисунках удивительно точно воспроизведена анатомия человека. Обозначены точки кровопускания, иглоукалывания, прижигания.

Но есть нечто и совершенно загадочное: центры скопления и пути циркуляции жизненной энергии...

Невероятно! Может быть, тибетские лекари знали то, о чем еще неизвестно современной науке? Ведь наши древние предки, оказывалось, делали сложнейшие операции даже на глазном яблоке, зрачке!..

На одном из листов атласа — хирургические инструменты. Здесь и скальпели, и пинцеты, и зажимы. Инструменты с описанием их хирургического назначения и размеров перечисляются в 22-й главе второго тома «Чжуд-ши», но дословный перевод их в большинстве случаев не соответствует назначению. Ланцеты, например, почему-то называются «языком яка», зажимы и щипцы — «клювом вороны»...

Только «Бри-ша», на рисунках которого обнаружены эти инструменты, помог точнее определить, что есть что. Было расшифровано, что сосуды, похожие на самовары, — не что иное, как ингаляторы.

В атласе есть и лекарственные растения, и лекарственное «сырье» животного, минерального происхождения. Словом, атлас — своеобразное пособие лекарю. В нем даются четкие рекомендации: кому лечить, чем лечить и как лечить...

Шаг за шагом постепенно становятся понятными пришедшие из глубин веков загадочные письмена. Аллегии обретают прямой смысл, проясняются их загадочные намеки, туманные символы.

Вот на высоком престоле восседает царь. Рядом изображение, напоминающее человеческое сердце. «Царь», восседающий на престоле, символизирует сердце. Пять долей легких — «сановники царя», то есть сердца. А женщина-красавица, тоже сидящая на троне, рядом с изображением органа, похожего на два лепестка или летящую бабочку, — «царица пяти полых и шести плотных органов» — печень, «два министра внешних дел, выполняющих тяжелую работу» — почки. И в подтверждение рисунок: два человечка несут на плечах непосильный груз.

Много описаний симптомов болезней, рецептов оставили нам тибетские врачеватели, но понять их трудно. Вот пример, взятый из главного трактата: «Заболел король, сановники задыхаются, вельможи обливаются потом...» С помощью атласа можно понять: речь идет о заболевании сердца.

«Расшифровка придворной хроники того времени, — рассказывает научный сотрудник, зачинатель изучения тибетской медицины Э. Г. Базарон, — подтверждает догадку: сердечно-легочная недостаточность. Именно при этом заболевании в легких развивается застой кровообращения». «Вельможи» — крупные суставы...

Читая дальше, мы узнаем, что в таких случаях больному необходимо дать «жар-птицу», а затем еще и «бич». С помощью найденного ключа выясняем и эту шифровку. «Жар-птицей» оказалось двенадцатикомпонентное лекарство, а «бич» — это средство для очищения организма от принятого лекарства.

В «Чжуд-ши» изложение ведется в форме диалога между «царем врачей» и «мудрецами-риши». «Царя врачей» обожествляют люди. Называют его длинным титулом Ухагану бэлгэ билик, или просто Манла. Именно ему приписывается всемогущество, о нем слагают легенды. Может быть, потому так величественна его поза в представлении художников древности?

КАКИМ БЫТЬ ВРАЧУ?

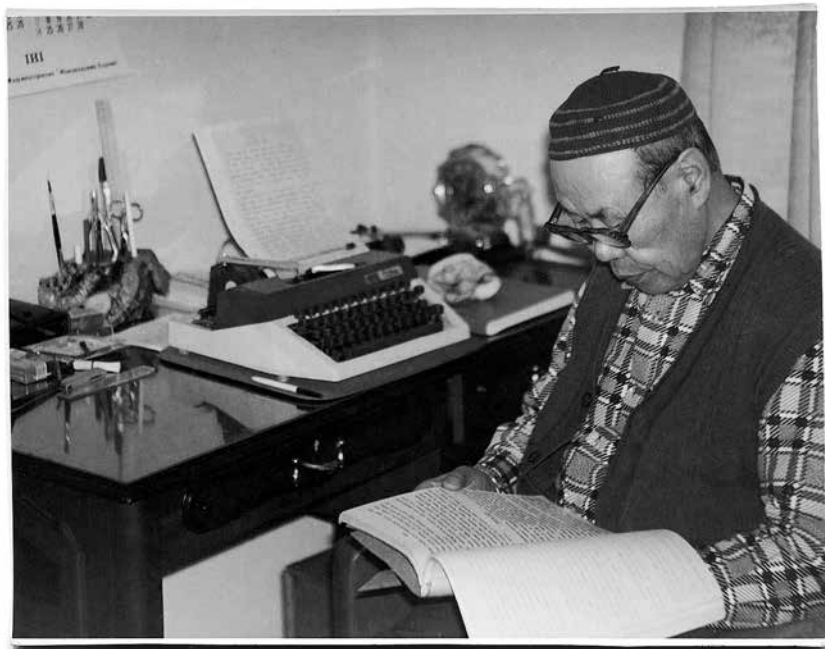
Как огонь узнается по дыму, так по признакам может быть узнаваема болезнь. Врач, не умеющий установить диагноз и разобраться в действительных признаках ее, не узнает истины или ошибется подобно тому, как ошибаются, принимая дым за испарения.
Из трактата «Чжуд-ши»

«Какими качествами должен обладать хороший врач?» — спрашивает риши. «Истинный врач — всегда личность, наделенная особыми нравственными качествами, — отвечает Ухагану. — Для высшего врача основной смысл врачебной науки ни в коем случае не может сводиться к ремеслу ради пищи и одежды. Он исполнен высокого стремления к милосердию. Он должен взирать на больных как на детей своих».

Итак, врач должен завоевать доверие больного. Вера во врача вселяет надежду на исцеление, а эта надежда как раз и есть существеннейшая часть лечения.

Не правда ли, мудрое и чрезвычайно современное положение! И сегодня оно является предметом пристального внимания медицины. Потому мы с особым вниманием читаем ответ на вопрос: «Как должен строить свои взаимоотношения врач с больным?»

«Больной может сомневаться в своих родственниках, сыновьях или даже родителях, но он должен верить врачу!» — учит Ухагану бэлгэ билик.

*Во время работы над
рукописью на квартире
по ул. Чертенкова.
Улан-Удэ, 1985 г.*

Обращаясь к мудрецам, «царь врачей» наставлял:

Поклоняюсь держащим науку ришиям, которые, усвоив себе высокие знания, нашли таинственные средства, по которым получили власть над годами жизни. Врачу постигшую тяжелую болезнь, скорей назначь образ жизни и диету, лекарство, нож и, словом, что полезно. Подобно встрече на скале с врагом, ты примени все силы, что возможно!

Основными методами диагностики в тибетской медицине являются опрос, осмотр, ощупывание больного. Столь же широко используется обоняние и даже определение на вкус выделений организма.

Самым любопытным, пожалуй, является установление диагноза по... пульсу. Согласно представлениям тибетской медицины, различаются двенадцать локализаций радиальных пульсов: первая, вторая и третья позиции на правом и левом запястьях, в каждом из которых исследуется поверхностный и, что особенно важно, глубокий пульс. Попросту говоря, врач накладывает на точки пульса, как это

указывается в атласе «Бри-ша», сразу три пальца. При этом сначала мягким наложением пальцев на лучевую артерию исследуются поверхностные пульсы, а затем при усиленном надавливании — глубокие пульсы.

Пальпируя лучевую артерию, воспринимая еле заметные удары поверхностного пульса, тибетские лекари умели определять состояние каналов тонкой кишки, желчного и мочевого пузыря. Глубокий пульс в тех же позициях давал сведения о состоянии каналов сердца, печени и почек. Поверхностные пульсы правой лучевой артерии, согласно учению, характеризуют состояние каналов толстой кишки, желудка, а глубокие — легких, селезенки, сердца. Такая филигранная техника вызывает невольное восхищение многих современных врачей. Оказывается, тибетские медики умели различать свыше четырехсот видов пульса в зависимости от показателей, связанных с сезонно-временными, суточными и циклическими ритмами.

Тонкое исследование пульса, его специфических свойств позволяет врачам тибетской медицины и сегодня точно диагностировать не только заболевание, но зачастую прогнозировать его за несколько месяцев до самого минимального проявления. Разумеется, это требует от исследователя высокой специальной подготовки и большой искусности. Не случайно древние тибетские врачи обучались мастерству с раннего детства в течение тридцати лет, получая при этом самые разносторонние знания — по философии, истории, астрономии, учились искусствам...

Безусловно, представляет интерес для нас и другой метод диагностирования. Обследуя больного, тибетский врач долго говорит с ним, подробно расспрашивает. Владение специальной техникой опроса — один из элементов тибетского врачебного искусства. И это тоже привлекает многих современных исследователей.

Больной не всегда рассказывает о своей болезни, а иногда ее просто скрывает в силу своего характера или других причин. В таких случаях — подчеркивается в трактате — врачу надо проявить «терпение и настойчивость». Если врач затрудняется в определении причин заболевания, то он должен некоторое время пожить около больного, наблюдать и расспрашивать его, «не думая об усталости своего языка и тела».

Древние медики, получившие высокие звания «пандиты», обязательно устанавливали точный возраст больного. Периоды его жизни они раскладывали по астрологической схеме. В трактатах имеются определенные указания о максимальной активности того или иного органа в зависимости от времени года, указания на сроки, когда тот или иной орган наиболее предрасположен к болезни.

На современном языке это называется *биоритмологией*.

Согласно постулатам тибетской медицины, немаловажное значение в жизни человека имел 12-летний период. Каждый двенадцатый год как бы считался годом рождения. В это время, считали тибетские лекари, человек, как младенец, беспомощный к вредным воздействиям природы, подвержен заболеваниям. Поэтому в такой год врачи советовали людям беречь себя тщательней обычного. Особенно это касалось периода расцвета человека — 37 и 49 лет. Примечательно, что тибетцы включали в возраст человека и время внутриутробной жизни.

Много любопытного и в других действиях тибетского врача.

Интересно наблюдать, как внимательно разглядывает он глаз больного. По диафрагме зрачка подмечает изменения, на основе которых определяет, какие внутренние органы поражены болезнью. Это очень наглядно изображено в атласе «Бри-ша». Желтушность склер и неровность в нижней части зрачка расценивается как сигнал о болезни крови. Желтушность и неровность в правой части зрачка — как признак заболевания печени...

Тибетские медики называют эти участки зрачка «окнами во внутренние органы».

Исследователям еще много предстоит разгадать, объяснить, понять в тайнах тибетской медицины. К примеру, только в Бурятии имеется свыше тысячи тибетских сочинений и трактатов, связанных с врачеванием.

Изучением их занимается группа источниковедов, врачей, ботаников, геологов, химиков... Поиск ведется избирательный, ибо если переводить все, что есть в фондах АН СССР, то потребуются сотни лет. Поэтому для перевода выбрали пока основные памятники — «Чжуд-ши», комментарий «Вайдурья-онбо» и некоторые другие. Причем в первую очередь переводятся главы, связанные с лечением желудочно-кишечного тракта и «царицы», то есть печени.

«Царица»... Именно к ней приковано внимание ученых. И разумеется, не случайно. Существующие сегодня синтетические препараты не вполне эффективны, а для некоторых болезней печени вообще нет лечебных средств.

В трактатах тибетской медицины описаны под названием «лангтхабов» одиннадцать разновидностей болезней, преимущественно органов брюшной полости.

Лангтхабы — это колики, боли. Одной из причин их возникновения считается нарушение переваривающей и всасывающей функций желудка и кишечника, определяемых физиологическим понятием «ма-жу-ба». Это состояние возникает, как указывается, обычно при привычке принимать еду, когда пища, съеденная ранее, еще не переварилась в желудке.

На рисунках мы видим и другие причины: прием несовместимой пищи, некачественной. Как видим, тибетская медицина особое внимание придавала диете.

Вполне ясно, что непонятные по тому времени причины болезней относились к сверхъестественным силам, к воздействию «гдо-на» (в переводе — «злой дух»). Но тем не менее в теоретических вопросах тибетской медицины немало материалистических философских концепций в определении болезней и их причин...

Древние считали, что организм, как и вся окружающая среда, состоит из пяти первоэлементов материи (земля, вода, огонь, воздух, эфир), а болезни любого существа являются результатом нарушения их нормального соотношения в организме.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Существует пять источников долголетия: живи по наставлениям старших, побывай на десяти тысячах гор, испей воды из десяти тысяч источников, одевай одежду чистую и не имей ее много, своевременно уравнивай питательной пищей голод и насыщение.
Из трактата «Чжуд-ши»

И вот, наконец, мы едем к знатоку тибетской медицины Г.Л. Ленхобоеву. Знания основ медицины он перенял от ламы — своего отца, не раз практиковался в Китае...

Возле калитки небольшого домика, стоящего на окраине, нас встретил довольно бодрый мужчина почтенного возраста. Ему за семьдесят, но выглядел он значительно моложе. Говорил любезно, показал сад, лекарственное «сырье», продемонстрировал, правда, с неохотой, даже пульсовую диагностику. Загадочная это штука!

— Холодная кровь, густая, — сказал он одному из нас. — Надо беречь себя.

Оказывается, с помощью пульса он определяет «корень болезни»: «рлунг», «мкхрис» и «бад-кан». Индийский врач Башагратна, получивший европейское образование, утверждает, что эти краткие термины обозначают физиологические понятия. Первый из них — в переводе «ветер» — выражает деятельность нервной системы, обуславливающей все жизненные проявления организма. Второй — «желчь» — толкуется как процесс кровообращения и обмена веществ. Третий — «слизь» — влажный, охлаждающий фактор.

Г. Л. Ленхобоев подробно рассказал нам о «холодном» и «теплом», о соотношении их в организме. По древнему учению, при рождении здоровый организм несет в себе только «теплые» элементы. Их надо сохранять в течение всей жизни. Он считает, что в наше время у многих людей организм охлажден, особенно у женщин. Такие выводы он сделал из личных наблюдений при поездках по стране.

По его мнению, основная причина такого явления — однообразный, стандартный подход к пище, одежде, лекарствам без учета географических, климатических условий проживания человека, его возрастных и других особенностей. В современной одежде широко применяется искусственное волокно, например, капроновые чулки, которые женщины повсеместно носят в любую погоду. Капрон держит «холодные» элементы и действует как холодный компресс, способствуя охлаждению, вызывая возбуждение «холодных» элементов в организме.

Большинство людей смотрят на одежду как на предмет роскоши и немногие — как на защиту от болезней. Тем не менее одежда предназначена прежде всего для сохранения здоровья человека и защиты его от внешних воздействий. С этой точки зрения абсолютно безвредной для человека наш собеседник считает одежду из овечьей шерсти.

Вообще мясо, кровь, волосы, кожа, шерсть животного содержат элементы соответствующего животного и способны передавать, вернее, возбуждать те же элементы. Например, если положить под голову шкуру лося или оленя, то будет болеть голова, так как эти шкуры содержат «холодные» элементы. Такие случаи описаны во многих медицинских книгах Востока.

Г. Л. Ленхобоев утверждает, что врагами здоровья являются лень и сонливость. Не следует слишком распускать себя. Не рекомендуется спать слишком много, так как чрезмерный сон расслабляет мышцы, вызывает слабость организма, приводит к ожирению сердца. Восточная медицина категорически запрещает взрослым дневной сон. Также вредно ходить босиком по горячей земле или песку...

В «Чжуд-ши» много внимания уделяется причинам болезней. К примеру, это могут быть: травма, объедание, простуда, чрезмерное сладострастие, гнев и ссоры... А вообще все болезни, по мнению тибетцев, происходят от трех пороков: невежества, похотливости и злости. Обратите внимание: на первом месте стоит невежество. Не случайно в атласе «Бри-ша» художник изобразил этот порок в образе свиньи...

Древняя медицина важную роль отводит времени года, рассматривая его как фактор, от которого зависят защитные силы организма. Зимой защитные силы человека, по представлениям тибет-

ских врачей, достигают наибольших значений, а летом, наоборот, слабеют. Древние лекари связывали возникновение болезней также и с суточными циклами, считая, что одни болезни чаще всего развиваются на рассвете, другие же — в полночь или полдень.

Из внешних причин, обуславливающих здоровье или болезнь, тибетские медики особенно выделяли питание. Часто считали даже, что это одна из главных причин. Корова никогда не станет есть мясо, а тигр — траву. Для организма любого существа необходим свой пищевой рацион, каждый элемент которого строго специфичен. Строго говоря, пища может служить и лекарством, и отравой; она может быть вредной и полезной, полноценной или недоброкачественной.

Г. Л. Ленхобоев считает, что во всех продуктах содержатся элементы или «теплые», или «холодные», или «средние». Содержание в крови «теплых» и «холодных» элементов, по учению тибетской медицины, особенно важно, а в кровь эти элементы, как правило, попадают с пищей. Поэтому надо хорошо знать, какую пищу человеку следует принимать. Вода, например, содержит только «холодные» элементы, а соль, пшеница, овес, перец, мак, горчица, укроп, чеснок, лук, редька — «теплые». Кстати, редька белая у тибетцев являлась постоянной пищей.

Тысячи лет назад лекари в Тибете умели определять наличие тех или иных элементов в бесчисленном множестве продуктов питания путем дегустации.

В далекие времена в лечебных целях часто готовился, например, бульон из бараньих лыток. Их заливали водой (один стакан на пару костей) и варили всего пять-пятнадцать минут. Солили по вкусу. Стакан такого бульона, считали медики, снимает легкое головокружение, устраняет бессонницу, шум в ушах. В старинной национальной традиции бурят существует суп *хорхог* (сборный), который готовили один-два раза в году в лечебных целях для поддержания здоровья. В деревянную посуду клали кусочки свежей баранины, по кусочку от каждой кости и от всех внутренних органов. Потом эту смесь заливали водой, подсаливали, клали в суп девять раскаленных докрасна маленьких камней, плотно закрывали посуду крышкой и содержимое доводили до кипения. Считалось, что такой суп восстанавливает силы, спасает от «охлаждения» крови, является одним из лечебных средств.

«Теплые» и «холодные» элементы, если верить древним трактатам, это элементы, которые, пробегая вместе с кровью по всем кровеносным сосудам, регулируют тепловой баланс всего организма человека, а также его органов. Нарушения соотношения этих элементов рассматривается как благоприятное условие для возникновения различных болезней.

ЛЕКАРСТВА

*На земле нет ничего, что
не могло бы быть лекарством.
Из трактата «Чжуд-ши»*

Менялся климат на земле, менялись и условия жизни для животных, для человека. Не находя пищи, слабые погибали — выживали наиболее сильные, мутанты. Они приспосабливались к новой пище, находили заменители, которые содержали достаточное количество нужных организму веществ.

Хронический же недостаток тех или иных элементов пищи вызывал болезненные состояния или смерть. Потребность в них ничем не отличалась от обычной потребности в питании. В наше время такие источники животного, растительного и другого происхождения стали называться лекарствами. Именно так считает группа ученых Сибирского отделения АМН СССР, работающая под руководством В. П. Казначеева.

Мигрируя, первобытные люди находили для себя такие источники биологически активных веществ, которые могли, будучи принятыми вместе с пищей, удовлетворить жизненные потребности, а в случае заболевания человека — облегчить его недуг.

Как эстафету передавало одно поколение другому обычаи и «секреты» употребления, заготовки и хранения запасов таких продуктов впрок.

Но меняются экологические условия, разрушаются этнографические уклады, обычаи, обряды... Теряется и исчезает безвозвратно накопленный веками опыт.

Из литературных источников древности известно, что некоторые лекарства могли излечивать отдельные болезни за сутки. Тибетская медицина чаще использовала многокомпонентные препараты, исходя из того, что надо лечить не болезнь какого-то органа, а организм в целом.

Исследования ученых Дальнего Востока подтверждают этот тезис. Под руководством профессора И. И. Брехмана были исследованы с помощью электронно-вычислительных машин 566 многокомпонентных восточных рецептов. Средства общего воздействия на организм, в частности тонизирующие средства, содержатся более чем в сорока процентах прописей и часто представлены двумя-восемью растениями в одном рецепте.

В восточной медицине нет тенденции к использованию веществ растений в химически чистом виде. Наоборот, бережно сохраняется природный комплекс действующих и всех сопутствующих веществ.

Следует заметить, что лекарства бывают разные. Одни обладают ярким и сильным действием: ими лечат больных и спасают умирающих. Но есть и такие лекарства, действие которых проявляется исподволь, неделями и месяцами. Они полезны, так как укрепляют здоровье, делают организм более устойчивым ко всякого рода трудностям и заболеваниям.

В музеях Ботанического института АН СССР и Института антропологии и этнографии АН СССР хранятся интереснейшие коллекции тибетского лекарственного сырья еще с прошлого века.

Разумеется, ими не исчерпывается «врачебный» набор. Только в трактатах «Чжуд-ши» и «Вайдурья-онбо» описано около 1300 лекарственных средств растительного происхождения, 114 минералов и металлов, до 150 видов сырья животного происхождения. Многие из них современным исследователям известны, но остаются неизученными в качестве лекарственных средств.

Научный сотрудник Ц. А. Найдакова показала нам свою лабораторию технологии приготовления лекарственных препаратов. Лаборатория походит больше на музей: на застекленных полках — лекарственные растения, особые сорта дикого горного ячменя с черными зернами, различные минералы, драгоценные камни, малахит, яшма... Здесь и негашеная известь, и белые кораллы, кожа змеи, кора деревьев, мумий разных расцветок, и даже... от древнего храма кирпич из белой глины, замешанной, как утверждают, на молоке и яичном белке...

На высоких столах — чугунные ступки, с помощью которых измельчают содержимое будущих лекарственных препаратов. Не как попало, а только как в старину: пестиком — сверху вниз, а потом медленно растирают вращательными движениями.

На полках — разное лекарственное сырье. Однако в лечебной практике все-таки главным были и остаются растения.

Вот чай. Кажется, человеку о нем известно все. Мы привыкли к черному чаю, однако тибетские врачи предпочитают зеленый. Для жителей многих районов Средней и Центральной Азии это не открытие, ибо давно известно, что зеленый чай быстро утоляет жажду, улучшает пищеварение, в ряде случаев помогает стабилизировать кровяное давление.

В древности чай готовили по-разному: и для питания, и для лечения. В крепко заваренный чай подливали молоко, после кипячения добавляли масло и соль. После этого жидкость взбивали деревянной мешалкой и снова доводили до кипения. Тибетцы считали, что если такой «взбитый» чай пить три-четыре раза в день, то другой пищи и не надо: на одном этом чае человек может жить неделю и даже месяц.

А чеснок? Оказывается, привычная острая приправа издавна широко применялась в тибетской медицине. В 90-й главе третьего тома «Чжуд-ши» есть любопытная рекомендация по применению чеснока. В разделе «О повышении сил старческого организма и продления жизни» сказано:

... для повышения бодрости и продления жизни пожилых людей необходимо в течение 21 дня включать в рацион чесночную кашу на масле в смеси с поджаренной мукой.

Но только не спешите в магазин за чесноком и не начинайте самолечение! Ибо такая каша — лишь один из компонентов специальной диеты, целиком же она до сих пор неизвестна, и вот почему: во многих случаях трактаты ничего не объясняют, а лишь рекомендуют... «спросить у учителя». Пока именно эта сторона представляет из себя одну из серьезнейших загадок. Публикуя выдержки из трактатов, мы хотим сослаться на мнение начальника Главного управления по внедрению новых лекарственных препаратов Минздрава СССР Э. Я. Бабаяна:

Мы не можем давать сейчас каких-либо рекомендаций, так как речь идет о здоровье, а может быть, и о жизни людей... Расшифрованные лечебные средства тибетских медиков следует еще много проверять экспериментально, клинически. Слепое использование их может принести только вред.

Как видите, с экспериментами на собственном организме спешить не следует...

Интересна история с горечавкой. До недавнего времени это растение было известно разве только квалифицированному ботанику, а сегодня невзрачное растение уже зарекомендовало себя как лекарственное. В трактатах на внешний вид этого растения был сделан всего лишь намек.

Путь к открытию был очень долгим. Сначала с помощью анализаторов ученые выяснили то активное начало, которое может оказать лечебный эффект. Затем были изготовлены десятки вариантов по составу — ведь в трактатах нет указаний на пропорции... Потом было много опытов в вивариях на кроликах, мышках. На них моделировали, к примеру, гепатит — не просто болезнь печени, а со всеми особенностями, подмеченными тибетскими медиками. Затем на животных же проводили лечение, варьируя дозировку. Убедившись в лечебном эффекте, начинали тщательно изучать, на какую

систему животного и каким образом действовало лекарство. И только потом было получено авторское свидетельство на новый препарат, превосходящий широко известный аллохол...

Хорошие результаты получены в институте и при лечении язвы желудка.

В рецептурных справочниках тибетской медицины встречается «лакричный корень». Это наша солодка уральская. Корень рекомендовался при лечении заболевания легких, при отравлениях. А солодка издавна известна и народам Европы, и Азии, и Африки. Корень этого растения использовался как лакомство и как добавка к жевательному табаку. Более того, сейчас вспомнили, что Россия на мировом рынке была главным поставщиком солодки как лекарственного сырья. Оказывается, растение содержит в себе такие молекулы, которые очень напоминают строение гормонов надпочечников — кортизона; именно он регулирует водно-солевой обмен в организме человека, оказывает противовоспалительный и противоаллергический эффект.

В трактате «Шэл-прэн» упоминается растение «ба-ша-ка», которое обладает свойством излечивать болезни, вызывающие колотье, включая воспаление печени, расстройства крови. Ученые расшифровали это растение. В Забайкалье его называют зубчаткой, и запасы его огромны.

Сегодня известно более пятиста растений, применявшихся тибетской медициной в Бурятии. Уже известны фармакологические свойства отдельных видов. Некоторые из них — бадан, шлемник, термopsis и некоторые другие — применяются в научной медицине.

Однако тибетская флора остается малоизученной современной ботанической наукой. Многие растения в тибетском атласе пока непонятны для европейских ученых, ибо изображены они слишком условно. Так, «лаготис распростертый» (по-тибетски «да-баг», а в переводе — «лошадиная кожа») изображается в виде зеленых лоскутков, даже отдаленно не напоминающих форму листа растения.

Ученых еще ожидают новые открытия. Уже сегодня исследователи находят объяснения многокомпонентным лекарствам не только растительного, но и животного, минерального происхождения.

В атласе «Бри-ша» есть рисунок, на котором изображен человек с острым заболеванием брюшной полости. При подобных болезнях тибетские медики стремились освободить пищеварительный тракт от содержимого — пищи, токсических продуктов, «болезнетворных начал». Одним из эффективных средств считали «очищающие пилюли». В состав пилюль входили: облепиха, пепел морской раковины, порошок из змеиного мяса, каменная соль и клещевина.

В трактатах общей терапии есть подробное описание облепихи — «стар-бу». Указано, что она имеет противовоспалительное, высушивающее действие, повышает переваривающую функцию пищеварительного тракта. Стала облепиха известным лекарственным средством и в наше время. По современным данным, плоды этого растения содержат различные масла, витамины, сахар, дубильные вещества. В медицинской практике облепиха и лекарства на ее основе применяются как болеутоляющие и противовоспалительные средства, а также при недостатке витаминов в организме. Таким образом, описанное в трактатах тибетской медицины действие облепихи вполне соответствует современным химическим и клиническим данным.

И если пойти по этому пути дальше, то мы обнаружим, что зола морской раковины — это неорганическое вещество с большой примесью углекислого кальция. В современной медицине препараты на основе кальция применяются весьма широко.

Минералы, которые использовались тибетской медициной в лечебных целях, относились к группе лекарств, приготовленных из «драгоценных камней и земли». Драгоценности — это золото, жемчуг, бирюза, изумруд, кораллы, медь, ртуть...

В «Чжуд-ши» сказано, что золото продлевает жизнь, укрепляет здоровье пожилых, предохраняет от вредных воздействий, причем золотой песок желтого цвета, взятый на берегу моря, лучший, а песок цвета дыма — по качеству хуже. Серебро полезно при болезнях «желтой воды», то есть при болезнях суставов, водянке, ранах и различных кожных заболеваниях. Медь — прекрасное средство для лечения ран, лихорадочных заболеваний печени, легких, особенно при лечении чахотки.

Поразительна наблюдательность древних врачей. Их описание свойств этих металлов подтверждает современная микробиология. Соли этих металлов губительно действуют на микроорганизмы. Неслучайно в посуде из золота, серебра и меди вода сохраняется много дней.

Познание далекого прошлого часто приходит к нам через легенды, предания... Так дошла до нас легенда о лечении с помощью игл, когда крестьянин случайно ударил себя камнем по ноге и неожиданно излечился от преследовавшей его головной боли...

Прошло много веков... Сегодня иглорефлексотерапия широко распространена в нашей стране.

ОТБРАСЫВАЯ, БРАТЬ!

*...Многое забытое должно вновь быть
открыто и благожелательно
истолковано языком современности.
Ю.Н. Перих*

Да, европейская медицина еще совсем молода. У нее свой путь развития: от искусства древних врачей она приходит к строгой науке. Можно верить и не верить в тибетскую медицину, но отвергнуть опыт, мудрость предков?..

Не случайно растет с каждым годом интерес к древней медицине. Ее проблемы, проблемы иммунологии стали привлекать ученых самых разных направлений, даже математиков.

В 1978 году состоялась международная конференция в новосибирском Академгородке. В ней приняли участие ведущие иммунологи, математики, врачи из многих стран мира. В своих предисловиях к работам Г. Л. Ленхобоева «О некоторых сведениях из тибетской медицины» академик Г. И. Марчук пишет:

Для углубленного понимания закономерностей работы иммунной системы человека может оказаться полезным знакомство с основами тибетской медицины, имеющей многовековой опыт практического применения. Некоторые ее приемы, как, например, нахождение «корня болезни», лечение заболевания через обострение и др., по-видимому, могут найти отражение в результатах обследования закономерностей иммунного ответа организма... Это может оказаться необходимым для проведения исследований по установлению соответствия между результатами диагностики состояния организма по пульсу методами тибетской медицины и анализами физических свойств и состава крови тонкими микрохимическими и физическими методами...

Весьма возможно, что вещества, содержащие «теплые» элементы, играют роль биостимуляторов, а вещества, содержащие «холодные» элементы, — роль депрессантов, в том числе и процессов иммунного ответа...

Было бы полезно, если бы полученные результаты привлекли внимание ученых в области медицины, биохимии, иммунологии и физики...

Тибет...

В самом этом слове есть какая-то тайна. Есть она и в местоположении этой страны. Здесь рядом тянется высочайшая в мире горная страна — Гималаи. С Тибетского нагорья начинают свой путь к океану величайшие реки — Инд, Брахмапутра, Меконг, Янцзы, Хуанхе.

НА СНИМКЕ: Г. Л. Ленхобоев (слева) со своим земляком врачом-микробиологом А. Н. Бадмаевым, получившим новые виды лекарственного сырья для проверки. Фото Н. ЕГОРОВА.

К. Всеволодов. В гостях
у ленинградских ученых //
Правда Бурятии.
— Улан-Удэ, 1967.

Может быть, есть какая-то закономерность в том, что древняя медицина, поражающая нас своей глубиной, зародилась именно в этом удивительном географическом районе.

... В уединенных монастырях — дацанах, расположенных на неприступных горных кручах, в абсолютной заоблачной тишине, которую создают только Гималаи, тибетские монахи, отрешенные и далекие от суетного мира, могли глубоко размышлять над природой человека, его жизнью, болезнями и смертью.

Сейчас мы не можем еще со всей определенностью установить все источники медицинского значения тибетских врачей. Затруднительно также ответить, каким образом древние врачи, не имеющие никакой специальной аппаратуры, могли выдвинуть фундаментальные идеи, и поныне поражающие современный медицинский мир своей глубиной и точностью.

В гостях у ленинградских ученых

В Ленинграде ведутся работы по изучению средств восточной медицины.

В этом большую помощь своим друзьям фармакогностам врачам оказывает знаток средств монгольской, тибетской, японской медицины Г. Л. Ленхобоев. Его недавно пригласили ученые в Ленинград.

Интересная встреча состоялась на кафедре фармакогнозии химико-фармацевтического института. Гость из Бурятии рассказал о своих новых трудах, раскрытии тайн некоторых видов диких растений, составленном им сборнике, в котором описывается свыше тысячи видов растений и минералов, встречающихся в Забайкалье и Восточной Сибири и содержащих лечебные вещества, которыми издавна пользуется восточная медицина.

— Творческое сотрудничество с Галданом Ленхобоевичем, — рассказывают заведующая кафедрой К. Ф. Блинова и врач-микробиолог А. Н. Бадмаев, —

обогащает наши знания о восточных лечебных средствах, помогает в поисках новых видов растений, минералов. Мы берем и проверяем все лучшее из коллекции и книг Ленхобоева.

Нынешняя встреча дала новые материалы для изучения и использования в научной медицине продуктов животного происхождения. Ленхобоев передал друзьям для проверки пять новых рецептов, несколько видов продуктов и свои записки, посвященные открытиям и наблюдениям среди живой природы, представляющие большой интерес для фармакогностов.

Научные сотрудники кафедры с благодарностью приняли труды Ленхобоева и решили в очередном выпуске своего сборника по фармакогнозии напечатать некоторые из его работ. Молодой научный работник Д. Буткус, изучающий тибетскую и восточную медицину, обещал помочь бурятскому другу в подготовке перевода его ценных трудов на русский язык.

Состоялись и другие интересные встречи Галдана Ленхобоевича с его давними друзьями. Он повидался с писателем Юрием Рытхэу — автором статьи «Корень тайги», посвященной Ленхобоеву. Побывал у геологов, которые заинтересовались его открытиями в Саянах. Познакомился с интереснейшим человеком из далекого горного края — Дагестана — С. Исаевым, знатком средств народной медицины лакцев, занимающимся изучением восточных лекарственных растений и средств минерального происхождения.

Ученые — медики города на Неве проявили горячий интерес к встречам с Ленхобоевым, человеком разносторонних дарований, труды которого можно увидеть и на стендах музея этнографии, и в коллекциях работ резчиков, и на рабочих столах специалистов по физиохимическим анализам.

К. ВСЕВОЛОДОВ.

В тибетской медицине причудливым образом переплетаются самые различные идеи: религиозные и мирские, глубоко научные и шаманские, идущие от опыта и чисто интуитивные, народные и принадлежащие только кругу избранных...

Возможно, что за далью веков ответить на множество вопросов, которые нам преподносит Тибет, вообще нельзя; но, как бы то ни было, современный врач, умело и разумно отбрасывая религиозно-идеалистические наслоения, может взять из тибетской медицины ее непреходящую ценность и поставить на службу человеку.

Во имя его здоровья.

И продления жизни.

125

Александр Александрович еще не знал, что в день своего небывалого триумфа был проклят столичными коллегами вместе со всей тибетской медициной. И проклятие это не утратило разрушительной силы до сих пор...

Врачебная наука Тибета вобрала в себя лучшие достижения мировой восточной медицины. Ее главное руководство «Чжуд-ши» содержит разделы по эмбриологии, анатомии, физиологии, патологии, диагностике, гигиене, фармакогнозии, фармакологии, хирургии и многое другое.

В ее основе — энергетическая теория, открытая йогами: все живое на Земле зависит от универсальной жизненной силы, получаемой от Солнца. В организм человека энергия поступает по системе каналов (схему сегодня можно найти в любом пособии по иглоукалыванию) и накапливается в особых центрах — чакрах. Если энергия поступает в организм без перебоев, человек здоров. Если возникает ее дефицит или переизбыток — человек заболевает.

Работа лекаря восточной школы в связи с этим укладывалась в два действия: выяснить, в какой части тела (органе, системе) произошел энергетический сбой, и подобрать способ или средства для ликвидации дефицита или переизбытка.

Индусы-йоготерапевты диагностировали с помощью «третьего глаза». Это рудиментарный орган, так называемая шишковидная железа. Расположена она в лобной части мозга, выше переносицы. По размеру чуть больше пшеничного зерна. Железа эта имеется у каждого, и развить ее можно с помощью дыхательных упражнений.

Диагностирование с помощью «третьего глаза» базировалось на простейших механизмах. Больная зона или больной орган темнее, чем здоровые, имеют иной электрический заряд, нежели здоровые ткани. Эту разницу и улавливает шишковидная железа. Она работает как чуткий электронный датчик.

А тибетские лекари ставили диагноз, слушая пульс больного. Здесь роль шишковидной железы выполняли нервные окончания в подушечках пальцев. Они считывали сведения о состоянии организма по тому, как кровь движется по сосудам. Успеть получить сведения нужно было в паузе между сердечными сокращениями.

Обученные ремеслу с четырех лет лекари легко улавливали оттенки кровотока. Он мог быть горячим, теплым, холодным; сильным, средним, слабым; круглым, квадратным, плоским или винтообразным; ритмичным, беспорядочным, с нарушенным ритмом, имеющим повторяющуюся мелодику. Поток мог быть спокойным, колющим или режущим — несколько сот оттенков. Совокупность оттенков давала законченную картину состояния организма.

Медики прошлого открыли способность крови быть надежным банком и передатчиком информации. Она сохранялась на жидком движущемся носителе и охватывала все эпизоды жизни пациента, начиная с момента рождения. Современные ученые только недавно обнаружили гораздо более слабые информационные свойства чистой, неподвижной воды.

В пульсовой диагностике, как и в применении «третьего глаза», не было никакой мистики. Это была нормальная физиология — использование скрытых возможностей рук и мозга врача.

АЛЕКСАНДР II

По способности к сверхчувственному восприятию к целителям восточной школы ближе всего пианисты и живописцы. Известно, к примеру, что художники способны различать до сорока оттенков одного только черного цвета.

Попытки некоторых европейских ученых использовать лечебные средства восточной медицины, отбросив энергетическую теорию, по бесплодности были равноценны усилиям овладеть высшей математикой без знания четырех правил арифметики.

Существуют свидетельства, что тибетские медики, находившиеся в войске Чингисхана, прямо в поле спасали от смерти воинов с проникающим ранением в сердце. Это было за четыреста с лишним лет до открытия европейцем Уильямом Гарвеем кровеносной системы и за семьсот пятьдесят лет до начала нашумевших операций на открытом сердце... Нынешним хирургам будет интересно узнать, что в буддийских монастырях сохранились старинные инструменты для удаления опухоли спинного мозга без повреждения позвонков.

Тибетская медицина еще в глубокой древности постигла много тайн эмбриологии, что позволило на протяжении тысячелетий получать здоровое потомство. Тибетские ламы знали о существовании микробов за тысячу с лишним лет до великого Пастера и владели надежными средствами борьбы с восемнадцатью возбудителями заразных болезней. Среди них чума, холера, оспа, туберкулез, дифтерия, малярия, сифилис, бешенство, корь, брюшной тиф и другие.

Средства из аптеки времен Чингисхана могли бы найти применение и сегодня, ведь набор инфекционных болезней, включая чуму, холеру и давно известный СПИД, угрожает нам и теперь.

КАК ТИБЕТСКИЕ МЕДИКИ ОЧУТИЛИСЬ В РОССИИ?

В начале XVIII века ламы, занимаясь миссионерской деятельностью, обосновались на окраине России — в Бурят-Монголии, где местное население в большинстве своем исповедовало буддизм. При буддийских храмах открылись школы. Из самых способных мальчиков готовили лам-врачевателей.

Россия в ту пору не имела собственных дипломированных медиков. Царей лечили иноземцы. В лучшем случае это были третьесортные специалисты. В 1703 году Петр I распорядился открыть госпитальную школу. Она готовила младший медперсонал. И только в 1764 году при Московском университете был открыт медицинский факультет. А бурят-монгольские ламы к этому моменту выпестовали уже не одну сотню медиков в шафренных одеждах. Лучшие из них уезжали на стажировку в Индию и Тибет. Возвращались увенчанные титулом «глава медицины», что соответствовало рангу академика.

Миссионерские школы тибетских лам в Бурят-Монголии просуществовали до начала XX века. Но не случилось в 1861 году «читинского чуда», мы могли бы вообще не знать об их существовании.

Однако вернемся к Александру Бадмаеву. Получив разрешение лечить больных, он вызвал к себе на подмогу младшего брата. Крестным отцом Петра Александровича стал император Александр III.

Имея диплом ламы-врача, Петр Бадмаев, не прерывая частной практики, окончил факультет восточных языков в Санкт-Петербургском университете и на правах вольнослушателя — Императорскую медико-хирургическую академию. Как позднее писал Петр Александрович, они с братом в течение полувека исцеляли «тех больных, недуги которых не поддавались лечению средствами европейской медицины».

О возможностях врача тибетской школы свидетельствуют такие цифры. После смерти старшего брата Петр с 1873 по 1910 год работал один. За 37 лет принял в своем кабинете 573 856 больных, что подтверждалось регистрационными книгами. Это 16 тысяч с лишним пациентов в год. Около пятидесяти человек в день. По свидетельству Бориса Гусева, родного внука великого врача, рабочий день деда длился шестнадцать часов. До самой смерти трудился он без выходных, праздников и отпусков.

По сохранившимся документам, из полумиллиона с лишним больных, излеченных Петром Бадмаевым, более ста тысяч относились к категории инкурабельных, то есть безнадежных. Диагноз Бадмаев ставил по пульсу. Эта процедура длилась не более минуты. Больной получал билетик с номерами порошков, которые приобре-

тал в аптеке, расположенной в том же здании. Пациентам Бадмаева было выдано бесплатно и продано в аптеке 8 140 276 порошков. Рабочий платил за визит один рубль, господа — до 25 рублей золотом.

Петр Бадмаев имел генеральский чин и высшие ордена Российской империи, состоял в доверительной переписке с Николаем II, с которым дружил еще в юности. Его приглашали на консультации в Зимний дворец. Вся знать лечилась у него, но заниматься он мог только частной практикой.

В 1910 году Бадмаев обратился в Министерство внутренних дел, которое ведало также здравоохранением, с просьбой разрешить:

1. Организовать в Санкт-Петербурге общество, способствующее скорейшему исследованию врачебной науки Тибета.
2. Именовать врачами тибетской медицины выпускников медицинских учебных заведений, овладевших врачебной наукой Тибета, и предоставить им право лечить по этой системе.
3. Открыть общедоступную аптеку средств тибетской медицины, где каждый препарат будет продаваться по цене 10 копеек за порцию при стоимости лечения 1 руб. 40 коп. в неделю.
4. Открыть Клинику тибетской медицины (Бадмаев сам обязался ее содержать, выделяя ежегодно по 50 000 рублей золотом).
5. Подготовить специалистов тибетской медицины из числа молодых дипломированных врачей.

В обмен на это Бадмаев обещал раскрыть секреты тибетских рецептов, хранимые веками.

Медицинский совет при мвд отказал ему по всем пунктам. Профессура, не имевшая ни малейшего понятия о рассматриваемом предмете, вынесла заключение, что «тибетская медицина... представляет собой не что иное, как сплетение зачаточной архаичной науки с невежеством и суеверием». На бланке Министерства внутренних дел проставлены дата и номер, но нет ни одной подписи членов совета. Это был первый организованный выпад российской медицинской «мафии». «Лучше пусть больные мрут, — считали члены совета, — нежели их будут лечить по тибетской методике».

В 1915 году резко ухудшилось состояние здоровья наследника престола цесаревича Алексея. Он страдал гемофилией. Профессор Федоров и хирург Деревянко, личные врачи Алексея, остановить очередное кровотечение не смогли. Они предупредили царя, что мальчик в ближайшее время умрет.

Узнав об этом, Петр Александрович примчался во дворец, но его... не пустили. Бадмаева звали на помощь, как только заболевали дочери царя. Но к Алексею дворцовые медики не подпустили его ни разу.

Тогда он потребовал передать императрице лекарства для Алексея. Их не передали. Врачи объяснили Александре Федоровне, что состав лекарств, привезенных Бадмаевым, настоящей медицинской науке неизвестен и они опасаются, что лекарь может мальчика отравить.

«Ужас обуял меня, когда прочитал сегодня вечером бюллетень о состоянии здоровья государя-наследника,— писал Бадмаев Александре Федоровне.— Со слезами умоляю вас давать эти лекарства государю-наследнику в продолжение трех дней. Я убежден, что после трех чашек отвара, принятых внутрь, и одной чашки отвара для компресса снаружи улучшится состояние государя-наследника...»

Зная о клевете, которую распространяли о нем врачи, Бадмаев продолжал: «Что в этих лекарствах никаких ядов нет, вы можете убедиться, выпив подряд три чашки отвара». И пояснял, намекая на придворных эскулапов: «А Европа не имеет никаких средств против ушиба наружного и внутреннего, кроме льда, йода, массажа, особенно в острых случаях с высокой температурой».

Порошков, посланных Бадмаевым, придворные врачи не дали и после письма. Не приготовили они на основе тибетских порошков и примочки. Цеховые интересы для этих медиков оказались выше интересов больного. Федоров и Деревянко лишь меняли Алексею, который истекал кровью, тампоны и повязки. Смерть должна была наступить от кровопотери. Переливание крови тогда еще было неизвестно. Но из письма Петра Александровича императрица поняла, что шанс спасти ребенка существует, и тайком послала за Распутиным.

... В той борьбе, которая шла вокруг наследника, власть врачебной мафии оказалась сильнее власти царя.

В начале XX века европейским специалистам был известен единственный способ борьбы со злокачественной опухолью — нож. А у Бадмаева больной с любой стадией этого недуга принимал два порошка в день. Стоил каждый порошок десять копеек. Лечение (амбулаторное!) продолжалось от двух до восьми месяцев. Человек выздоравливал, заплатив от 12 до 48 рублей. Месячная зарплата рабочего средней квалификации составляла тогда около 30 рублей.

Препарат *Мугбо-юлжал № 115*, которым пользовался Бадмаев, не истреблял злокачественные клетки, а активизировал защитные силы организма. Происходило рассасывание опухоли. При этом больного не тошнило, у него не пропадал аппетит, не возникали запоры и задержка мочи, не ухудшался состав крови, не требовались многократные ее вливания. Не выпадали волосы. Не возникало физического и нервного истощения. Не сужалась эмоциональная сфера. Не подавлялась сексуальность. Не было болей. Порошки исключали возникновение метастазов.

Решение членов Медицинского совета (которые даже не назвали своих имен) отказаться от применения средств тибетской медицины обрекло на бессмысленные страдания, инвалидность, смерть миллионы людей в России и за рубежом. Сколько было таких бессмысленных трагедий за минувшие десятилетия, подсчитать невозможно.

Предлагая узаконить в России тибетскую медицину, Петр Бадмаев писал:

Настанет счастливое время — и все выработанное врачебной наукой Тибета сделается достоянием каждого. Только тогда врачи займут то высокое положение, которое им принадлежит по праву в культурном мире... И больные не будут обременять государство...

Пока — все наоборот.

А каков был уровень тогдашней общей терапии? В 1922 году заболел Владимир Ленин. Лечили его самые знаменитые медики России и зарубежья (ныне их имена ничего нам не говорят). Я насчитал семнадцать профессоров, пользовавшихся главой государства. Красная Армия ходила тогда в лаптях. А зарубежным светилам платили советскими червонцами, которые обменивались на золото и котировались выше тогдашнего доллара.

Передо мной книга академика РАМН Ю.М. Лопухина «Ленин: правда и мифы о болезни, смерти и бальзамировании». Монография базируется на секретных документах. Она дает представление о том, каким образом богатырского здоровья человек, способный участвовать в сорока (!) заседаниях в день и принимать по сложнейшим вопросам до семидесяти (!) человек в сутки, с помощью профессуры переселился за короткий срок из Кремля в мавзолей.

Синклит из семнадцати гениев евромедицины за два с половиной года поставил вождю три взаимоисключающих диагноза: невращения (переутомление); хроническое отравление свинцом (в его теле остались две крошечные пульки из пистолета Ф. Каплан); скандальный, всемирно известный «сифилис мозга». Попутно, когда у Ленина начались мозговые явления, а заодно и лекарственное отравление, природу которых тоже никто не распознал, ему поставили четвертый диагноз — гастрит.

По поводу «отравления свинцом» полуживой Ленин перенес тяжелую операцию, которую не рискнули провести в 1918 году, когда глава государства был значительно здоровей. Для ликвидации «сифилиса мозга» он прошел массированный курс лечения «препаратами мышьяка и йодистых соединений». И еще, «принимая во внимание тяжесть симптомов... ртутное лечение в форме втираний»,

Ленин получал чудовищные дозы ртути, которые привели к отравлению мозга, печени и почек. Из-за резкого ухудшения здоровья втирания пришлось отменить.

А при вскрытии выяснилось: все четыре диагноза — «врачебная ошибка». Реальный же диагноз был студенчески простым: «распространенный атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания».

Для тибетского медика даже среднего уровня такой промах был невозможен. Как невозможно нормальному человеку выпить керосин вместо воды. Я не говорю о том, что у тибетской врачебной науки, в отличие от европейской, имелись лекарственные средства против склероза.

Как же цвет европейской медицины мог так опростоволоситься? Академик Лопухин объясняет:

В медицине бывают ситуации, когда лечение проводят наугад, вслепую, при непонятной или неразгаданной причине болезни... В случае с Лениным ... это так и было.

... История любит парадоксы. Один из них заключается в том, что российский «престол» унаследовал не Алеша Романов, а большевик Владимир Ульянов. Однако и он, заболев, очутился в положении Алеши, потому что врачебные нравы и при советском строе остались прежними.

Расскажу эпизод, который, к сожалению, не попал в отличную книгу академика Лопухина.

Как и в случае с Алексеем, существовал реальный шанс спасти Ленина. Восемнадцатым известным мне консультантом у одра Ильича оказался российский врач Залманов. На основе опыта народных целителей Залманов разработал метод лечения, названный капилляротерапией. Это были горячие скипидарные ванны. Они расширяли и очищали кровеносные сосуды. Во время процедуры и после нее в теле больного происходила мощнейшая прокачка крови.

В ситуации с Лениным это было единственное средство, способное реально помочь. Есть основание думать: ему от скипидарных ванн даже стало легче, потому что Залманова... прогнали. Не в глушь, не в Саратов, а в Париж — чтобы не смог вернуться и долечить «дорогого Ильича». В Париже изгнанник открыл клинику, стал невероятно знаменит и богат. На берегу Сены Залманов написал и свой бестселлер «Тайная мудрость организма».

Ненависть врачей к нетрадиционным методам лечения дорого обошлась России и Европе. Если бы Ленин получил квалифицированную медицинскую помощь, когда его болезнь только начиналась

(а развивалась она постепенно, и «профессиональный интеллект», по свидетельству Лопухина, сохранялся у него «до последней финальной стадии»), Ленин мог бы продержаться в активной политике еще несколько лет.

Снова вернемся к Петру Бадмаеву. Жизнь его после залпа «Авро-ры» протекала в трех точках: дом, врачебный кабинет в Петрограде и подвалы Петро ч к. Время от времени Бадмаева из подвалов выпускали, чтобы вскоре заточить опять. Обвинение одно: «Зачем лечил царскую семью?» Он отвечал: «Я по своей профессии интернационалист. Я лечил лиц всех наций, всех классов и... партий». От унижений и тягот великий врач умер в 1920 году. За несколько месяцев до смерти в письме из камеры к председателю Петро ч к Медведю Бадмаев писал, что ему 109 лет. На самом деле, вероятно, было меньше.

На этой трагедии несчастья семьи Бадмаевых не закончились.

... В начале 1970-х годов в Ленинграде я познакомился с доктором медицинских наук Кириллом Николаевичем Бадмаевым, сыном Николая Николаевича, племянника Петра Александровича Бадмаева.

Николай Николаевич с детства обучался тибетской врачебной науке. В Петербурге окончил, по семейной традиции, Военно-медицинскую академию. В гражданскую войну был хирургом в Красной Армии. Жил в Ленинграде. Был консультантом «кремлевки», лечил Бухарина, Ворошилова, Куйбышева, Горького, Алексея Толстого. Как и его дядя, мечтал открыть клинику тибетской медицины.

В 1937 году такое решение было принято. Руководителем клиники назначили Николая Бадмаева. А через сутки после публикации сообщения об этом событии Бадмаева арестовали. Больше никто и никогда его не видел. Но и в этой трагической истории торчат «уши в белом халате».

Аресту Николая Николаевича сопутствовали интересные подробности. Семья осталась жить в прежней квартире. Сыновей не исключили из комсомола и из медицинского института. Не было обыска, остался нетронутым архив с бесценными рецептами и методиками.

Вероятно, существовал донос, но не политический, а как бы профессиональный. Бадмаева обвиняли не в измене Родине, а в нарушениях правил, скажем, в применении лекарств, не включенных в официальный госреестр. Допускаю даже, что доносчики не желали смерти Николаю Бадмаева, а хотели только помешать открытию новой клиники.

Сыновья Николая Николаевича стали врачами. Двое — докторами наук. Тибетской медицине посвятил себя лишь один, Андрей Николаевич, с которым мне тоже довелось познакомиться. Но отец не успел обучить его искусству диагностики по пульсу.

Фармацевтическая
экспедиция, 1969 г.

В 1972 году я познакомился и подружился с Галданом Ленхобоевичем Ленхобоевым. Он был действительным членом Географического общества СССР — за помощь академику А. П. Окладникову в открытии знаменитых наскальных рисунков; членом Союза художников СССР — за уникальные скульптуры из камня, которые выставлялись на международных выставках. Ленхобоев был заслуженным изобретателем РСФСР — за четыреста с лишним изобретений и усовершенствований и при этом более сорока лет проработал модельщиком в литейном цехе.

... Лишь выйдя на пенсию, Ленхобоев позволил себе заняться главным делом своей жизни — лечением средствами тибетской медицины.

Из дальних углов Бурятии к нему потянулись люди. Случались дни, когда он принимал до четырехсот человек. Это было возможно, потому что диагностика занимала у него десять-пятнадцать секунд и всегда была очень точной: я часами наблюдал его работу и опрашивал десятки людей. Ошибок в диагнозах не было. А потом ассистенты лекаря выдавали больным пронумерованные порошки.

Бурятский обком эту индивидуальную трудовую деятельность вскоре прикрыл. Однако сами обкомовцы продолжали лечиться у Ленхобоева (я тому свидетель). От них о тибетском медике узнали

в Москве. Ленхобоева стали вызывать в «кремлевку». Я видел у него визитные карточки маршалов Г. К. Жукова и Р. Я. Малиновского, генконструктора А. С. Яковлева и других. Лечилась у него и литературно-художественная Москва.

Когда в Бурятии Ленхобоева стали особенно сильно прижимать, я вызвался поехать от «Литературной газеты» в Улан-Удэ, хотел подготовить очерк о возможностях тибетской медицины и тем самым защитить лекаря. Очерк отказались завизировать в обкоме, а следом и в ЦК — в том самом отделе, который регулярно вызывал Ленхобоева на консультации.

Как и Петр Бадмаев, Ленхобоев хотел открыть на свои средства клинику, мечтал об учениках с медицинскими дипломами. По всем пунктам следовал решительный отказ.

Однажды я спросил его, почему же он не спас Жукова и Малиновского.

— Меня очень поздно вызывали, — ответил он. — Врачи тянули до последней минуты. Когда меня пригласили к Жукову первый раз, я ему помог. Он подарил мне визитную карточку со всеми телефонами: звони, сказал, если будет нужно. А второй раз я прилетел, когда уже ничего нельзя было сделать. То же с Малиновским.

... Расскажу еще одну историю. Она приключилась в Улан-Удэ у меня на глазах. Из обкома на квартиру Ленхобоева приехал заведующий отделом науки.

— Галдан, дорогой! Из Москвы, из Союза композиторов, пришла телеграмма к нашим композиторам. Тяжело болеет... сейчас скажу кто: Шос-та-ко-вич. Герой труда. Они просят, чтобы ты его полечил.

— Хорошо. Пусть едет.

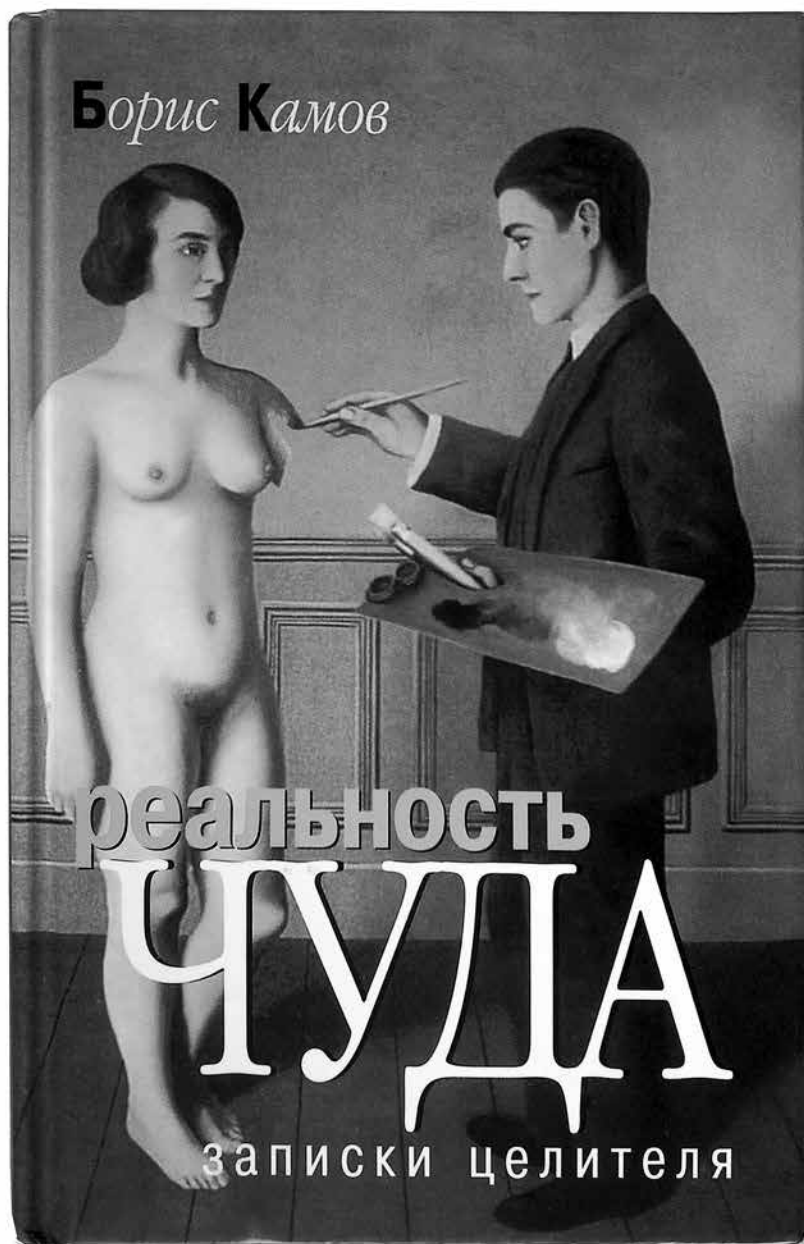
— Как едет? Мы уже ответили, что ты не можешь его принять: ты очень занят...

Я вмешался:

— Почему вы не разрешаете Шостаковичу приехать? Он же очень болен.

Завотделом, не стеснясь, поманил меня рукой и громко прошептал: «А вдруг он здесь умрет от порошков Галдана? Кто будет отвечать? Ведь Герой труда».

А Шостакович вскоре умер.

Дружба с Галданом Ленхобоевым помогла журналисту Борису Камову стать профессиональным народным лекарем.

Б.Н. Камов. Реальность чуд. Записки целителя. —М.: Изд. Захаров, 2003. —463 с.

ИСКАТЕЛЬ РЕЦЕПТОВ

*Борис Николаевич Камов.
Неопубликованная статья¹
(Москва, 1973)*

Людские судьбы складываются по-разному. Галдан Ленхобоевич Ленхобоев родился в бурятской семье. С шести лет ему пришлось пойти работать. Он был так мал, что не мог пасти даже коз. И его пристроили к дацану. Он собирал лекарственные растения, которые монахи-ламы использовали для изготовления таинственных лекарств. Платили монахи осенью и довольно щедро, интересовались смешными фигурками, которые маленький Галдан лепил из глины или вырезал из дерева. Монахи имели свои виды на мальчика...

И семья хотела отдать его в дацан учиться. Получить образование в монастыре считалось великим счастьем и великой честью, не говоря уже о том, что в старой Бурят-Монголии почти не было школ.

Но Галдан, интересуясь работой народных лекарей, в особенности траволечением, не хотел быть ламой-медиком, не желал стать монахом, которому прежде всего следовало отречься от семьи. Он должен был навсегда породниться только с Богом. И Галдану дважды повезло.

Его учителями стали мать и родной дядя. Они владели старомонгольским языком, на котором были написаны древние книги по врачебной науке. Кроме того, дядя был ламой-медиком. Давно приметя, что Галдан любит лепить маленькие фигурки, он понял, что ребенок пригоден для овладения пульсовой диагностикой. Это была способность считывать сведения о состоянии всех органов и систем организма пациента по характеру движения крови в со-

¹ Статья Б.Н. Камова «Искатель рецептов» была написана в 1973 году по заданию «Литературной газеты» после командировки автора в Улан-Удэ. Но Бурятский обком партии запретил «Литературной газете» ее публиковать. Запрет подтвердил и ЦК КПСС. Партийное руководство не желало предавать огласке тот факт, что в далекой Бурятии живет и успешно трудится, спасает сотни людей специалист по древней тибетской медицине, которая во многих направлениях превзошла медицину советскую. Рукопись статьи была недавно обнаружена в архиве Г.Л. Ленхобоева. Публикуется впервые с согласия автора.

судах. И дядя очень рано стал обучать племянника этому великому искусству.

Но, прежде чем посвятить Галдана в тайны диагностики и другие секреты тибетской медицины, с маленького Галдана взяли слово: эти секреты хранить, не доверять их посторонним, кто бы это ни был. И еще он принял четыре обета: обладать бескорыстием и человеколюбием; проявлять усердие и не медлить с оказанием врачебной помощи; воздерживаться от алкоголя; всегда стараться приободрить и успокоить больного.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Галдана-подростка и вся его дальнейшая судьба, но в Бурят-Монголии (как и по всему Советскому Союзу) началась кампания по борьбе с религией. Уничтожались и взрывались древнейшие храмы любого вероисповедания. Священнослужителей расстреливали. В лучшем случае они попадали в лагеря. Бурят-Монголия не стала исключением. Те же расстрелы, те же взрывы культовых зданий. Погиб и дядя, лама-медик, замечательный педагог и просветитель.

Хотя Галдан не был ни действующим монахом, ни учеником дацана, было известно, что он учился на врача, был воспитанником своего дяди. И его начали прятать. Он жил в разных местах в сельской местности, у разных людей. Продолжалось такое затворничество изрядное время. А когда кампания против религии затихла, потому что разрушать стало нечего, Галдана привезли в город, где его никто не знал, и устроили на завод.

Устройству снова помогли руки, пригодные к лепке. Желающих поступить на производство было много. Но требовался формовщик — художник литейного производства.

Почти за четыре десятилетия Галдан Ленхобоевич разработал и внедрил на своем предприятии свыше четырехсот изобретений и усовершенствований, был удостоен звания «Заслуженный рационализатор РСФСР» и награжден орденом Трудового Красного Знамени. В свободное время Ленхобоев продолжал вырезать по дереву и камню. Его работы экспонировались на выставках в родной Бурятии, в Москве и за рубежом. За свой вклад в развитие национального искусства Галдан Ленхобоевич был принят в Союз художников СССР и награжден медалью «За трудовую доблесть».

Но самой его большой страстью оставался интерес к природе родного края и древней культуре своего народа. В течение пятнадцати лет с весны до поздней осени Ленхобоев участвовал в экспедициях прославленного академика А. П. Окладникова, неутомимого исследователя «писаниц» — наскальных рисунков Сибири. В молодости Ленхобоев, путешествуя по Бурятии, скопировал сотни таких рисунков и записал множество связанных с ними легенд. Экспеди-

ции Академии наук оставалось только повторить маршрут молодого Ленхобоева. В книгах Окладникова мы найдем немало теплых страниц, посвященных Галдану Ленхобоевичу, который и сам опубликовал целый ряд работ о фольклоре и древних обычаях бурят. За свой вклад в науку Г. Л. Ленхобоев был избран действительным членом Географического общества СССР.

В 1965 году Галдан Ленхобоев вышел на пенсию. Он был здоров, легко поднимался с грузом на крутую гору, за шестьдесят лет в поликлинику обратился только раз, когда сильно повредил в цехе руку. Но Ленхобоев видел: хотя в стране в последние десятилетия произошли большие перемены и даже в Бурятии, которая считалась окраиной царской России, появились институты и школы, больницы и санатории, родильные дома и детские ясли, люди все равно еще много болеют, причем такими болезнями, которые, он помнил, умели хорошо лечить в старину. И Галдан Ленхобоевич начал разыскивать стариков и записывать рецепты и методы бурятской медицины. По воспоминаниям Ленхобоева:

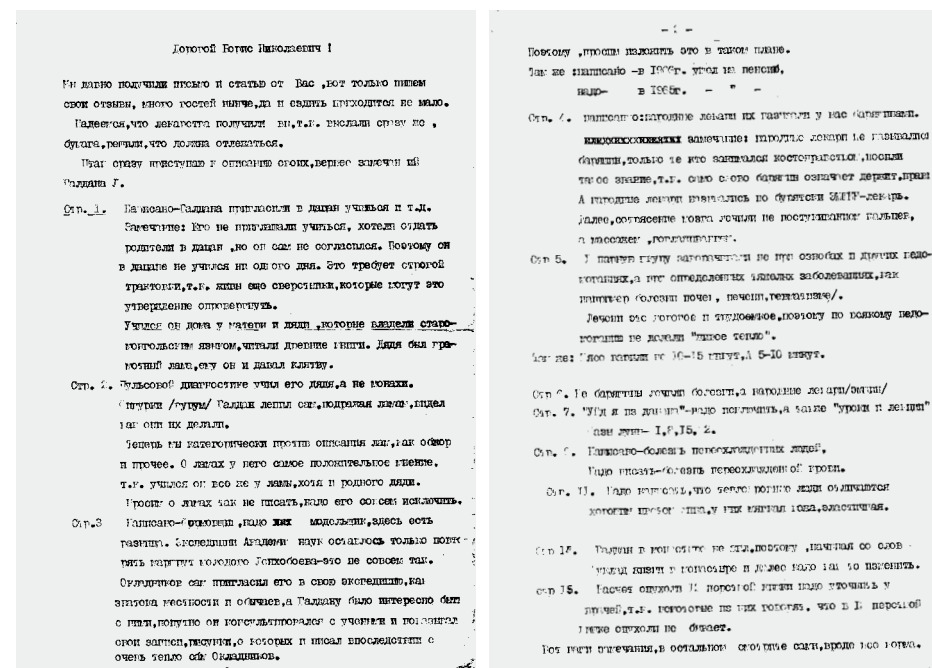
Буряты испокон веков были скотоводами, пасли большие стада коней и овец, перегоняли их на сотни километров, случалось, падали с лошади либо пастух ударял копытом необъезженный конь, поэтому народные лекари, их называли у нас *баряшинами*, были прежде всего костоправами. Отбирали в *баряшины* так: давали ребенку-подростку кожаный мешок с мелким песком и раздробленными овечьими костями. Если претенденту удавалось собрать из осколков на ощупь целую кость, то его брали в ученики. Талантливые лекари достигали большого мастерства. Переломы мелких костей у них срастались за три-семь дней, позвоночника — за четырнадцать, травмы ног и рук вылечивались за три недели. Легким поглаживанием головы костоправы лечили сотрясение мозга. Если беременная женщина неудачно соскакивала с лошади, народный лекарь мог выправить положение плода и помочь во время родов.

В народе давно были замечены целебные свойства живого тепла, что породило у бурят особые приемы лечения. При ознобах и других недомоганиях больного заворачивали в парную шкуру. А при болезнях отдельных органов к больному месту прикладывали теплые внутренности животных: к печени — печень, к желудку — желудок, к почкам — почки. При многих других заболеваниях, в том числе ревматизме, очень помогали ванны из хвои или пяти трав. Принимали их в лесу, на свежем воздухе. Воду грели на костре. Ванной служила бочка. После семи-десяти таких купаний полагалось примерно столько дней отдыхать. Большое значение придавалось диете. Давно было замечено, что питание долгожителей не отличалось разнообразием. Они ели в основном мясо, хлеб, молоко, овощи. Не употребляли сладкого, что позволяло им до глубокой

старости сохранять зубы. Помню, в детстве наш поселок был взбудоражен событием: у одного зажиточного бурята заболели зубы. О нем с ужасом говорили: «Он ел сахар!»

В народе давно известны целебные свойства продуктов: хорошо приготовленный *тарак* (кислое, сквашенное молоко) налаживает сон. Снятое молоко — *пахта* — очищает кишечник и нормализует кислотность, сушеное молоко — *айрхан*, размоченное в воде, укрепляет нервы. А прекрасные результаты кумысолечения известны многим. Свинину у нас в деревнях полагалось есть только летом. Причем она была категорически противопоказана при болезнях почек, сердца, бессоннице и радикулите. Конина и медвежатина считались полезнее всего зимой. Баранина, говядина, мясо оленя, дичь годились в пищу в любое время года. Но была одна особенность в приготовлении. Мясо мелко нарезали и варили десять-пятнадцать минут. При более длительной варке оно теряло свой сок, свои лечебные и питательные свойства. У нас в народе говорят: «Если хочешь причинить вред врагу — накорми его переваренным мясом». Для выздоравливания готовили сборный суп: брали по кусочку говяжьего или бараньего мяса со всех частей туши, складывали в деревянное ведро, заливали холодной водой. Накалывали докрасна семь камней величиной с гусиное яйцо и кидали в ведро. Вода закипала от камней. Мясо не успевало перевариться. Суп отличался особой сочностью и восстанавливал силы, как женьшень. Этот способ приготовления сохранился с тех пор, когда у бурят еще не было чугунной посуды.

Трудно перечислить все приемы и методы, накопленные многовековой практикой. Отмечу только — что лекарям удавалось успешно лечить бельмо на глазу, дерматиты, воспаление среднего уха, ангину, головные боли, эпилепсию, умопомешательство, болезни почек, сердца, печени, половых органов, геморрой, ревматизм, вспучивание живота, укусы змей и ядовитых насекомых. Народные медики не умели лечить заразные болезни (за исключением желтухи), но в старину существовал обычай: в доме, где был маленький ребенок, у входа вешивали зеленую веточку. И посторонние, чтобы случайно не занести болезнь, в этот дом не входили. Сейчас знатоков бурятской медицины становится все меньше. Уходит опыт, который мог бы помочь сохранить здоровье людей и в наши дни. Но главное внимание в своей необычной собирательской работе Галдан Ленхобоевич уделил расшифровке древних тибетских рукописей. В молодости, прервав свое обучение на врача и поступив на завод, он думал, что давние уроки, полученные от дяди, никогда ему больше не понадобятся. Но в нем жила природная любознательность. Разными путями — на время или насовсем — к нему попадали старинные рукописи, которые он с увлечением читал. Он узнавал,

Из личной переписки Галдана
Ленхобоевича: замечания к статье
Бориса Камова. 30 июля 1974 г.

что лекари Чингисхана могли спасти воина, которому стрела попала в сердце. Кровоизлияние в мозг почти во всех книгах именовалось еще «лунной болезнью». Считалось, что «удары» и параличи каким-то образом связаны с фазами луны. И чаще всего случались 8-го, 15-го, 22-го и 30-го числа каждого месяца. Опаснее всего, говорилось в книгах, лунный свет, отраженный от воды, если он падает на спящего человека. Но целиком отдалиться изучению древней науки Ленхобоев смог только после ухода на пенсию.

«В основе индо-тибетской медицины, — поясняет Галдан Ленхобоевич, — лежит понятие о теплых и холодных элементах крови. Ребенок, как правило, рождается теплокровным. Но в результате неправильного питания, легкомысленного отношения к одежде, неприятностям и волнениям организм начинает терять теплые элементы и становится уязвимым со стороны многих болезней».

Б Р А К Ш У Н — забайкальское мумиё

Кандидат фармацевтических наук К. БЛИНОВА,
кандидат биологических наук Г. ЯКОВЛЕВ, аспирант Н. СЫРОВЕЖКО (Ленинград).

Год назад в адрес Ленинградского химико-фармацевтического института пришла посылка. Известный бурятский следопыт-охотник Г. Ленхобоев прислал лекарственное вещество, пользующееся огромной популярностью у местного населения. По утверждению жителей Забайкалья, это вещество — бракшун — повышает тонус организма, излечивает простудные и желудочно-кишечные заболевания, способствует быстрому сращиванию костей при переломах.

Нужно сказать, что содержимое посылки не явилось для нас загадкой.

Несложно было установить, что бракшун — это один из видов мумиё, вещества, которое сегодня уже не является легендарным. Оно хорошо известно ученым, особенно в Средней Азии, где изучают его лечебные свойства во многих институтах. Более того, забегая вперед, скажем, что в 1967 году фармакологический комитет Министерства здравоохранения СССР разрешил клинические испытания экстракта из среднеазиатского мумиё при лечении переломов.

Немного из истории мумиё. Упоминание о нем есть в сочинениях великих врачей древности: Галена, Ибн-Сины (Авиценны). В этих сочинениях сказано, что мумиё способствует сращиванию костей при переломах, помогает при мигренях, ангине и ряде других заболеваний. А в руководстве древних индийских и тибетских медиков «Чжуд-ши» есть легенда о городе, «богатом» лекарственным веществом — бракшун. Причем богатство это «хранится» в горе.

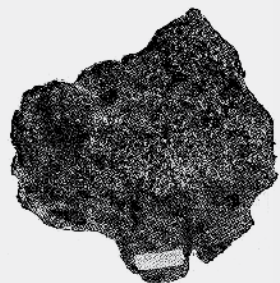
Мумиё действительно находят в горах,

причем в большинстве случаев в труднодоступных местах. Поэтому каждое новое место, богатое мумиё, представляет большой интерес. Более того, вещество это интересно еще и тем, что вопрос о его происхождении по сей день неясен. Некоторые ученые считают, что мумиё — это натек смолы из корней среднеазиатских можжевельников — арчи. Химики под руководством вице-президента Академии наук Таджикской ССР К. Т. Порошина, исследовавшие мумиё, нашли в нем значительные количества глицеролевой кислоты — продукта жизнедеятельности животных. Это дало основание ученым говорить о животном происхождении мумиё. Геологи категорически отвергают обе эти гипотезы, утверждая, что это какой-то нефтепродукт.

Мы также занимаемся изучением мумиё, причем в нашем музее при кафедре фармакогнозии (лекарственных растений) собраны образцы мумиё, найденные в разных районах нашей страны.

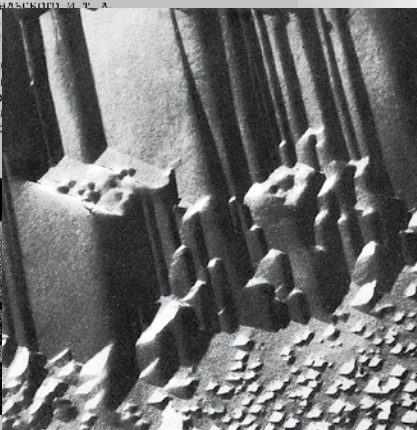
Исследование их показало, что правы, собственно, сторонники всех трех приведенных гипотез. Дело в том, что под одним названием объединяются разные вещества. Так, например, кавказское мумиё как по внешнему виду, так и по физическим свойствам резко отличается от среднеазиатского и забайкальского и т. д.

Что касается бракшуна, то это действительно. Летом 1966 года специально для химико-фармацевтического института Ленинградского университета были собраны образцы бракшуна.

Кусок мумиё-бракшуна. (Заметны отдельные зерна помета.)

116

НАУКА И ЖИЗНЬ

5

1968

Какая изобретение поможет? Поиск ответа на этот вопрос на вершинах современных методов науки ведет физик, химик и дантист. Искусственное восприятие информации на основе дублирования совершенства техники эксперимента, но с учетом и выделением нужной для биологии информации. Вещество, которое можно использовать в качестве «мембраны» для клеток «чуждого» организма. Оно позволяет, как мы знаем, не только, чтобы увидеть истинный цвет морской воды.

БРАКШУН — ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ МУМИЁ

К. Блинова, Г. Яковлев,
Н. Сыровежко. Журнал
«Наука и жизнь»,
№ 5 (Москва, 1968)

Год назад в адрес Ленинградского химико-фармацевтического института пришла посылка. Известный бурятский следопыт-охотник Г. Ленхобоев прислал лекарственное вещество, пользующееся огромной популярностью у местного населения. По утверждению жителей Забайкалья, это вещество — бракшун — повышает тонус организма, излечивает простудные и желудочно-кишечные заболевания, способствует быстрому сращиванию костей при переломах.

Нужно сказать, что содержимое посылки не явилось для нас загадкой.

Несложно было установить, что бракшун — это один из видов мумиё, вещества, которое сегодня уже не является легендарным. Оно хорошо известно ученым, особенно в Средней Азии, где изучают его лечебные свойства во многих институтах. Более того, забегая вперед, скажем, что в 1967 году фармакологический комитет Министерства здравоохранения СССР разрешил клинические испытания экстракта из среднеазиатского мумиё при лечении переломов.

Немного из истории мумиё. Упоминание о нем есть в сочинениях великих врачей древности: Галена, Ибн-Сины (Авиценны). В этих сочинениях сказано, что мумиё способствует сращиванию костей при переломах, помогает при мигренях, ангине и ряде других заболеваний. А в руководстве древних индийских и тибетских медиков «Чжуд-ши» есть легенда о городе, «богатом» лекарственным веществом — бракшун. Причем богатство это «хранится» в горе.

Мумиё действительно находят в горах, причем в большинстве случаев в труднодоступных местах. Поэтому каждое новое место, богатое мумиё, представляет большой интерес. Более того, вещество это интересно еще и тем, что вопрос о его происхождении по сей день неясен. Некоторые ученые считают, что мумиё — это натек смолы из корней среднеазиатских можжевельников — арчи. Химики

К. Блинова, Г. Яковлев, Н. Сыровежко.
Бракшун — забайкальское мумиё //
Наука и жизнь. — Москва,
1968. — № 5. — С. 116–117.

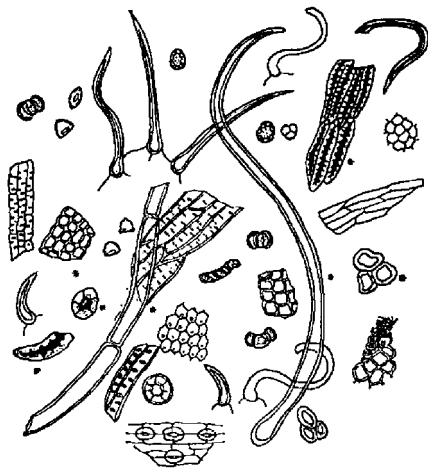
под руководством вице-президента Академии наук Таджикской ССР К. Т. Порошима, исследовавшие мумиё, нашли в нем значительные количества гиппуровой кислоты — продукта жизнедеятельности животных. Это дало основание ученым говорить о животном происхождении мумиё. Геологи категорически отвергают обе эти гипотезы, утверждая, что это какой-то нефтепродукт.

Мы также занимаемся изучением мумиё, причем в нашем музее при кафедре фармакогнозии (лекарственных растений) собраны образцы мумиё, найденные в разных районах нашей страны.

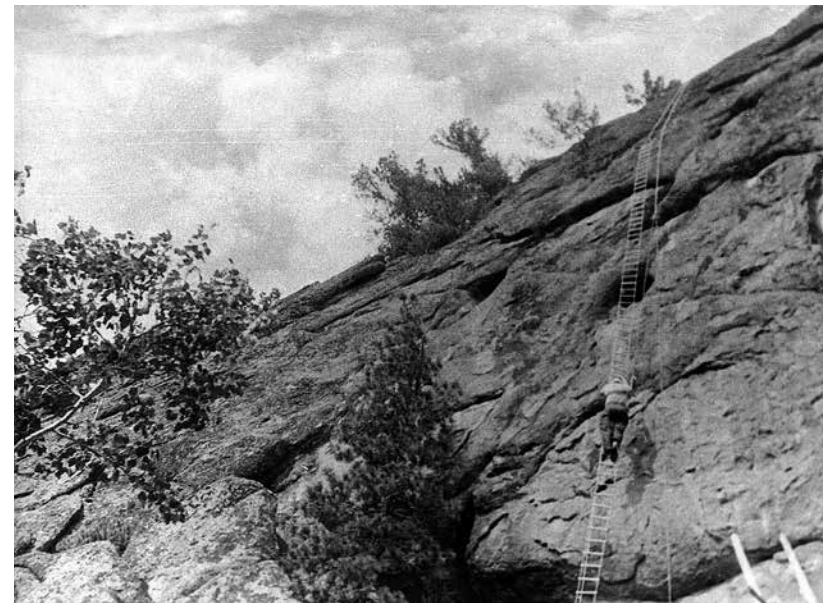
Исследование их показало, что правы, собственно, сторонники всех трех приведенных гипотез. Дело в том, что под одним названием объединяются разные вещества. Так, например, кавказское мумиё как по внешнему виду, так и по физическим свойствам резко отличается от среднеазиатского и забайкальского и т.д.

Что касается забайкальского мумиё-бракшуна, то о нем можно рассказать обстоятельнее. Вскоре после получения посылки летом 1967 года в Забайкалье отправилась специальная экспедиция Ленинградского химико-фармацевтического института. Задача экспедиции была: найти места, богатые бракшуном, и установить его происхождение. Слово «бракшун» в переводе с тибетского означает «горное переваренное». Знали мы также, что в комментариях к сборнику «Чжуд-ши» сказано, что в горах, изобилующих металлами, водится особого рода мышь, которая питается этими металлами, а испражнения ее и составляют бракшун. Таковы же взгляды на происхождение бракшуна старых охотников-бурят. Они считают, что в его образовании «виновен» особый вид мышей.

Найти бракшун, как и среднеазиатское мумиё, сложно. Наша экспедиция исследовала верховье реки Иркут и ее приток Белый Иркут, в Тункинских Белках — долину реки Шумак, Баргузинский район, и только в Улан-Удэнском и Заиграевском районах Бурятии с помощью следопыта Ленхобоева мы нашли места образования бракшуна. Геолог Н. Н. Козлов обнаружил бракшун и в Тунгокоченском районе Читинской области, и по реке Витим.

Растительные остатки, найденные в нерастворяющейся части мумиё, под микроскопом.

Сбор мумиё в Хоринском районе Бурят-Монголии. Фото из личного архива Г.Л. Ленхобоева.

Во всех этих районах бракшун находили в труднодоступных рас-селинах скал, причем часто на высоте до 25 метров. Правда, иногда скопление бракшуна удавалось обнаружить и в двух метрах от под-ножия скал. Причем количественно наши находки также резко от-личались друг от друга: от 50 граммов до 15 килограммов. Там, где мы находили бракшун, были либо остатки гнезда белок-летяг, либо живые белки.

Бракшун напоминает бесформенный нарост, часто с подтеками темно-бурой смолистой массы. Вся эта масса (как показали даль-нейшие исследования) состоит в основном из склеившихся испраж-нений белок-летяг.

Причем масса эта не однородная, а состоит из овальных зерен, пропитанных и склеенных темно-коричневым или почти черным веществом с характерным смолистым запахом, несколько напо-минающим запах хвои. Дело в том, что вблизи гор, где был найден бракшун, растут, как правило, сосны, осина, брусника и шиповник.

Лабораторный анализ бракшуна показал, что он на 50–60% рас-творяется в воде. Причем в раствор переходит смолистое вещество, а нерастворимая часть состоит в основном из непереваренных рас-тительных остатков, элементов плодов шиповника, которыми пи-талось животное (см. рис. на стр. 144).

Нам удалось так называемым радиоуглеродным методом определить и средний возраст бракшуна — 50–75 лет.

Можно предполагать, что бракшун образовался из испражнений животных в результате каких-то сложных и неизвестных нам еще процессов, протекающих на протяжении десятков лет.

Об этом свидетельствуют также найденные нами небольшие мо-лодые «гнезда» бракшуна — ориентировочно 3–5-летней давности с явными признаками начавшегося, но не законченного еще про-цесса «мумификации». Очень может быть, что в этом процессе при-нимают участие микроорганизмы, которые были выделены нами из образцов бракшуна.

Подводя итоги, можно уже сделать вывод, что бракшун — продукт животного происхождения. Помимо гиппуровой кислоты, в нем об-наружены: мочевина, аминокислоты и ряд свободных аминов. Всего в бракшуне содержится около 8% общего азота (в то время как про-дукты растительного происхождения содержат около 1,5% общего азота).

орган Географического общества СССР, Ленин и
мужей" 1969 г. январь.

Целительное мумий

Вс. Кривошеин
Ленинград

...Вражеское копье сразило воина, и он упал у под-ножия высокой скалы. Из глубокой раны на землю струилась кровь. Вдруг по трещине в скале побежала «черная слеза». Падая с высоты, она коснулась раны, и воину стало легче. Так гласит древняя восточная легенда.

О «черных слезах» известно с давних времен. Этот чудодейственный бальзам люди называли мумий, что в переводе с греческого означает «сохраняющее тело».

Упоминание о мумий встречается в трудах Аристотеля. Он не только знал применение этого вещества при различных болезнях, но и проводил эксперименты для дальнейшего определения его свойств. Аристотель искусственно вызывал у животных болезни и успешно лечил их. В XVI в. целебные свойства мумий испы-тывали на животных и птицах дворовые медики персидского царя Фаридуна. Это мощное целебное средство применяли против воспалительных процессов и при лечении травмы Авиценны и другие медики Востока.

В России о мумий узнали 100 лет назад, когда ей пол-ностью стало подчиняться Бухарское ханство. Первым рассказал об этом замечательном веществе русский историк Д. Логофет. В своей книге «Бухарское хан-ство», изданной в Петербурге, он сообщил: «Одним из наиболее употребительных средств считается ле-карство, называемое мумий, имеющее вид присно-вечный или желтый, но состав его не известен даже врачам, хотя оно и продается на всех базарах и дается как внутреннее средство при порезах, выви-хах, переломах костей и многих других болезнях».

Поиски «горного целителя» начали экспедиции сред-неазиатских научно-исследовательских институтов. В Тянь-Шанских горах и Заравшанском хребте были обнаружены два вида мумий: одно черного цвета, именуемое в Индии саладжики по имени гор Салад-жиде; другое темно-коричневое, типа иранского му-мий, — дороби. Сложный горный продукт минераль-ного и органического происхождения был встречен в трещинах труднодоступных скал на высоте 2800—3200 метров над уровнем моря в основном в извест-ково-кальцевых породах.

Продукт с маслянистой поверхностью ученые Ташкента и Душанбе в шутку называли маленькой химической лабораторией. Алюминий, кальций, магний, натрий, хром, железо, бериллий — больше 20 элементов мен-делеевской таблицы содержит мумий! Из добытых в горных пещерах и в трещинах скал черных и корич-невых комочков в лабораториях изготовили лечебный экстракт. Его проверка на животных подтвердила це-лебные свойства мумий. Успешно были проведены и опыты по лечению людей от тяжелых недугов.

Прежде считали, что высококачественное лечебное мумий рождается только в горах Азии. Некоторые исследователи полагали, что загадочное вещество образуется из пара, поднимающегося из недр земли по трещинам горных пород. Летом солнце прогревает скалы, и застывшая масса разжижается и просачивается через трещины наружу, образуя сосульки или вы-пуклости.

Высказывалось мнение и о том, что мумий — это продукт разложения высокопарафинистых нефтей под воздействием микроорганизмов. Якобы легендарные «слезы скал» имеют слабый нефтяной запах; по-париванию мумий образуется липкий экстракт, который горит без копоти.

Эти сообщения привлекли внимание профессора М. П. Туева. Он собрал в труднодоступных горах Узбекистана и Таджикистана затвердевшие натски — комочки мумий и сжал его тонкие пленочные наслоения в пещерах. Доставив образцы в свою ленинград-скую лабораторию, ученый приступил к тщательному химическому анализу, в результате присутствие нефти в мумий не было обнаружено. Но Туев на этом не успокоился. Он стал искать мумий в других горных районах нашей страны. Вскоре он добыл безымянный мумий в горах Северный Осетии. В нем и отличие от среднеазиатских образцов оказался стронций и другие микроэлементы.

Несмотря на решение основных загадок природного мумий, ученые не считают свою работу завершенной. Они продолжают выявлять новые разновидности этого чудесного лечебного продукта в горах СССР, иссле-дуют образцы, находят в них все новые и новые ве-щества. Недавно ими был открыт новый класс соеди-нений — зоомеланоидиновые кислоты, представляю-щие собой тот необычайно активный биостимулятор, который снижал славу мумий еще в глубокой древ-ности. Целительный бальзам древних медиков не так-то уж редок в природе. Он уже найден во многих местах и, вероятно, еще будет встречаться геологам и альпинистам. В настоящее время выявлено около десяти разновидностей природного мумий в горах Средней Азии, Кавказа, Урала, Забайкалья, Дальнего Востока. У коренных жителей каждой из этих стран свое название: мумий-асиль, бракшин бараджик... И до-бывают разные виды мумий по-разному: одни стрел-яют в маленькие комочки, прилепившиеся на краях трещин отвесных скал, из охотничьих ружей; другие взбираются на скалы с помощью альпинистского сна-ряжения и, вися на веревке, срубают зубилом черные наслоения.

Недавняя интересная находка — саянский белый мягкий камень, встречающийся на высоте около 2000 метров над уровнем моря, он с годами превращается в му-мий. Этот вид лечебного продукта еще в глубокой древности медики Востока признали настоящим мумий. В нем множество целебных веществ. Наблюдения в Саянах проводил большой знаток средств восточной медицины Г. Л. Линкобев. В его описании рас-сказывается о том, как мягкий камень, похожий на доломит, впитывает в себя смолисто-железистый и ве-щества минерального и растительного происхождения.

Постепенно мягкий камень принимает темно-корич-невый цвет и затвердевает; при этом в нем происходят сложные биохимические процессы, превращающие его в лечебное мумий.

Всестороннее фармакологическое изучение мумий даст возможность обогатить арсенал медицины еще одним эффективным лечебным препаратом. Природа сама подсказывает нам пути получения этого ценнейшего целителя.

Январь

26

В. Кривошеин. Целительное
мумий // Журнал «Земля и люди».
— Москва, 1969. — № 1. — С. 26.

«ПРИЕЗЖАЙТЕ, ПОМОЖЕМ!»

Много хороших писем пришло из Бурятии и Забайкалья в адрес ученых Ленинградского химико-фармацевтического института, собирающихся на поиски горного лечебного продукта мумие — «бальзама жизни» древневосточных медиков. Одна из его разновидностей — баракшин — встречается в горах Забайкалья. Поэтому некоторые знатоки месторождений баракшина сообщили ленинградским ученым о своем желании быть проводниками экспедиции и участниками сбора сырья, которое в нынешнем году пройдет лабораторные исследования.

Из Улан-Удэ пишет работник экспедиции Н. Н. Козлов. «Мне с товарищами удалось найти богатое место-

рождение баракшина в горах. Готов оказать помощь вашей экспедиции...» Энтузиаст прислал даже образцы на анализ. Другой заинтересованный в успехах работы ученых забайкалец Б. Н. Коткин сообщает: «Нашей семье хорошо известна целебная сила легендарного «каменного масла». Приезжайте, поможем собрать этот замечательный продукт».

Очень ценные образцы разновидностей забайкальского и саянского мумие прислал ленинградским исследователям житель Улан-Удэ Г. Л. Ленхобоев, большой знаток восточной медицины.

Он собрал белое, серое и темно-коричневое мумие, в котором, как

отмечают ученые, содержится много различных микроэлементов и веществ растительного и органического происхождения.

В Ленинграде намеряют создать отделение по изучению лекарственных растений, веществ минерального происхождения, применяемых тибетской и восточной медициной. Здесь проверят бурятский баракшин и саянские разновидности мумие. Химико-фармацевтический институт выдаст фармакологические и другие обоснования, компетентно проверит препарат мумие, выдаст соответствующие рекомендации по применению «бальзама жизни» в лечебной практике.

В Ленинграде начато составление карты месторождений легендарного мумие. Автор этой карты профессор Всесоюзного научно-исследовательского нефтяного геологоразведочного института Н. П. Туев собрал материалы о кладовых разновидностей мумие в разных географических зонах страны.

Им же выполнены исследования микроэлементов забайкальского горного продукта.

У ленинградской экспедиции, собирающейся в путь, много добрых помощников. Нет сомнения в том, что жители горных районов Бурятии и Забайкалья помогут ученым закартировать месторождения баракшина-мумие, собрать его на пользу людям, во имя охраны их здоровья.

В. КРИВОШЕИН.

В. Кривошеин. Приезжайте, поможем! // Газета «Правда Бурятии» от 9 июня 1967 г.

Фото слева: Галдан Ленхобоевич в гостях у друзей в Москве. Семья Федосеевых: Федосеев Алексей Петрович и Федосеева Вера Викторовна. Пациенты. Москва, 1974 г.

На стр. 149: В. Кривошеин. Охотники за баракшином // Советская Россия. — Ленинград, 1967.

ОХОТНИКИ ЗА БАРАКШИНОМ

Большую М., пожилую женщину, привезли в Ленинградскую травматологическую поликлинику № 40 с тяжелым переломом. Все обычные средства были уже испробованы, но лечение подвигалось медленно. К необычному — легендарному мумие врачи прибегли без особой надежды на успех: «реда не будет, а человек, может, и встанет побыстрее на ноги. Потом искренне удивлялись, наблюдая, как организм больного день ото дня обретает все новые силы. М. очень быстро поправилась...

В замечательных свойствах мумие не раз убеждались многие, и сейчас в Ленинграде немало энтузиастов, для которых сбор мумие, охота за ним стали своеобразным спортом, увлечением, а оно само — предметом серьезных научных исследований.

— В Забайкалье, откуда я родом, мумие называют баракшином, что означает каменное масло, — рассказывает врач-микробиолог А. Н. Бадмаев. — «Каменным маслом» забайкальцы лечатся издавна. Ищут его высоко в горах, взяв ружья. Зоркий глаз нужен, чтобы приметь на скале, у края трещины темный комочек минерального вещества с блестящей поверхностью. Выстрел — и он летит вниз. Так вот я сам собирал образцы баракшина. Хочется раскрыть тайны, секреты «каменного масла».

Ученый-геолог, профессор Всесоюзного научно-исследовательского нефтяного геологоразведочного института Н. П. Туев изучал другую разновидность мумие — среднеазиатский асыл. В Узбекистане и Таджикистане асыл недаром называют химической кладовой: он содержит более 20 элементов Менделеевской таблицы: бериллий, хром, серебро, молибден, цинк и другие. В Северной Осетии Н. П. Туев открыл неизвестный и

оставшийся поэтому безымянным тип мумие: в его составе есть даже стронций. Пожалуй, не меньше, чем Н. П. Туеву, поспешили в Ленинград М. Федоренко: он нашел «сладжиди». Это тоже один из видов семейства мумие. В Индии его считают наиболее ценным.

Откуда же берется мумие,

уровнем моря. Трудится 8—10 лет, чтобы он стал темно-коричневым, впитав в себя множество разнообразных веществ. Затвердевший догарбашугтуб и превращается в лечебные порошки. Баракшин, равноценный ему тибетский бараджим, среднеазиатский асыл образуются примерно так же и тоже способны

Врач-микробиолог А. Н. Бадмаев изучает структуру мумие. Фото С. Григорьяни.

как оно рождается, почему у него столько названий, разновидностей? Вот как объясняет это большой знаток восточных лечебных средств Г. Л. Ленхобоев:

— Настоящим мумие в тибетской медицине считают догарбашугтуб — продукт, чрезвычайно богатый целебными веществами животного, минерального и растительного происхождения. О нем мне стало известно из старинных восточных лечебных книг и от монгольских друзей. Поначалу догарбашугтуб представлял собою мягкий белый камень. Такой я нашел однажды в Саянах на высоте около двух тысяч метров над

исцелять многие болезни. Отличие их от догарбашугтуб в том, что они растворяются в воде. Догарбашугтуб нерастворим...

Валзам древних медиков нужен и нам, но пока еще его нет или почти нет в наших аптеках. В Ленинграде вынашивают сейчас мысль об организации комплексной экспедиции с участием геологов для изучения и сбора мумие. Один из самых горячих сторонников такой экспедиции — профессор Н. П. Туев. Хочется, чтобы органы здравоохранения поддержали энтузиастов.

В. КРИВОШЕИН. Ленинград.

ПОДУМАТЬ ПРИДЕТСЯ

ответа никто не находил. Не будем мы раскрывать тайны, а попросим любителей шахмат разоблачить сыман. Быть может, что-то из женщин есть собственные запалы?

Посылайте: свердловская газета «на смену» проводит второй международный женский конкурс двухходовых и трехходовых задач. Срок присылки произведений — 1 июля 1967 года. Лучшие задачи определит жюри во главе с анкетной комиссией мира Елизаветой Бывовой.

Пр. ... решение этюда (4С) ...

Это письмо редакция попросила прокомментировать заведующую кафедрой фармакогнозии Ленинградского химико-фармацевтического института, кандидата фармацевтических наук Клавдию Федоровну Блинову. Она сообщила:

— Наша кафедра изучает лечебные средства тибетской медицины, в том числе и некоторые разновидности мумие. У нас установлены тесные связи с Забайкальем. К нам поступает информация из других научных учреждений и, в частности, из Государственного медицинского института имени Ибн-Сины (Авиценны) в Душанбе, где исследуют среднеазиатский асыл. Таджикские ученые установили недавно, что главным результатом биохимических процессов, происходящих в камне, который и становится своеобразным собирателем химических веществ и элементов, является образование нового класса соединений — зоомеланоэдиновых кислот.

Фармакологические исследования зоомеланоэдиновых кислот подтвердили, что они содействуют интенсивной регенерации тканей, нормализуют состав крови, возбуждают гормональную деятельность и, естественно, дают хорошие результаты при лечении переломов, язвенной и других болезней. Комплексная экспедиция в горные районы, о которой мечтают энтузиасты, на мой взгляд, не просто полезна, а необходима. Наша кафедра готова принять в ней участие.

- 1 -

Секретарю Бурятского Обкома КПСС
тов. Раднаеву Д. Н. Т.

Я Линхобоев Галдан Линхобоевич даю краткие сведения о своей работе, после многолетнего изучения Восточной медицины, проводил опыт путем сложнорецептурными лекарствами типа / Восточной медицины: Индо-Тибетском, Японском, Китайском, и Бурятском, Монгольском многонародным способом. Определение диагноза на ощупь пульса, опыт проведен в течение четыре года, более трехтысяча граждан с разными возрастными, более неподдающихся болезнями, именно: гипертония, радикулит, ревматизм, сердца, разные сердечные заболевания, печени, почки, глазные заболевания, гастрит, холецистит, водянка, психические заболевания, бронхит, туберкулез, нервы, хронический нефрит, эпилепсия и т.д. При этом Я прошу выделить средства для издания основных литератур медицинскому руководству рукописи на Бурятском языке именно:

1. Для изготовления лекарственного сырья.
2. Изготовления лекарственных рецептов.
3. Для определения болезни на ощупь пульса.
4. Общие анализы Тибетской медицины.

Объем не менее 12 двенадцати печатных листов.

Прошу включить в план 1968 год, желательно частью включить в этом году, примерно в два печатных листа.

Прошу не отказать мою просьбу.

К сему / Линхобоев/.

14/X 1967 г.

- 1 -

У меня имеются несколько писем ^{во все} ~~Союзу~~ от больных - из них приведу несколько примеров с кратким содержанием.

Гр. Семенов сообщает, что женщины: Иванова Ксения Д. и Попова Зинаида поправились, чувствуют себя хорошо.

От души благодарю.

Гор. Якутск, ул. Полевая 32-гр. Свинобоев Виктор Н-27 лет, пишет Вам обреченный на смерть человек Эхинококк. При применении Вашего лекарства мне стало лучше. Очень прошу продолжение.

Из г. Ленинграда гр. Борисова пишет: „Лекарства Ваши пила месяц, улучшение. Прошу выслать еще.

Из г. Львова учительница Ермошенко пишет, что Вы вылечили экзему. Большое Вам спасибо.

Из г. Томска пишут: „Сын наш психически больной, с применением Ваших лекарств состояние заметно улучшилось, просим еще выслать лекарства..

Из Якутской АССР гр. Попова пишет: „Глаза теперь уж не болят, Я закапывала капли и выпила питье. Чувствую нормально. От души благодарю.

Из гор. Ленинграда-Завистович Анатолий Александрович: „Жена чувствует себя хорошо, помогли Ваши лекарства. У нее уже нет сердечных приступов. У дочери тоже глаз стал лучше, просим еще выслать лекарства.

Закаменский р-н, с. Баянгол-Гармаева пишет: „Я чувствую себя хорошо, ноги не болят, большое Вам спасибо.

Якутская АССР, Мечино-Кангаласский р-н, с. Майя-Зыкин пишет: „После лечения есть большая польза для желудка

В гостях у семьи Шиловых. Марья Васильевна
Шилова с супругом — друзьями Галдана
Ленхобоевича. Ленинград, 1968 г.

С дочерью Сэржэмой и ленинградскими учеными—
ботаниками Ленинградского филиала Всесоюзного
института лекарственных и ароматических растений
(ВИЛАР). Ленинград, 1979 г.

- 2 -

ка и почек. Прому еще лекарства..

Из Якутской АССР гр. Аржанова пишет: „Лекарство помогло хорошо, спасибо большое. Диагноз-заболевание почек..

Якутская АССР, Сунтарский р-н, с-з Толбохой--Семенов Анатолий Иванович пишет: „Благодарен Вам, сердце почти не беспокоит. Врачи говорят, сейчас шумов нет..

Санникова Прасковья Алексеевна 7 авг. пишет: „Сердцем болен в течение 39 лет. Припадки продолжались 2-3 дня, ни один врач не может излечить меня, была в Ленинграде, но все бесполезно. Я инвалид 2 группы с 1946 г. Ваши 20 порошков мне очень помогли. Очень прошу вылечить, Отправьте пожалуйста лекарства. Мой адрес: Якутская АССР Ленинский р-н, с. Норбэ.

Бур. АССР, Мухор-Шибирский р-н, с. Цолга гр. Дашиев пишет: „Эпилепсия.. в тяжелой форме, врачи лечили мальчика 15 лет, но результатов не было. Ваши лекарства помогли.

Дашиев. Сейчас чувствует нормально. Большое спасибо.

Московская обл., Малаховка Ошанин Иван Иванович пишет: „Ваши лекарства помогли мне, очень прошу выслать еще.. Диагноз радикулит, хронический ревматизм.

Гор. Чита центр, ул. Бабушкина 44- Архинчеева Вера при студентка 4 курса мединститута. Она пишет: „Вы дали возможность мне смотреть на свет, продолжить учебу. Бельмо рассосалась, помогли Ваши капли и лекарства.

Помню, профессор говорил в 1965 г: „Пойми, Вера, не можем делать пересадку роговицы, глаз воспален, бесполезно оперировать...

Из Якутской АССР, с. Барганцы гр. Карамзин В. П. пишет: „Выпил Ваши порошки, состояние улучшилось намного, прошу еще..

Отзывы пациентов из разных районов
Бурятии и городов Советского Союза. 1967 г.

На встрече с друзьями.
1970-е гг.

Сбор лекарственного сырья
в Бурятии. Конец 1970-х гг.

- 3 -

Из Бур. АССР, Тункинский р-н, с. Кырен, ул. Калинина 13
гр. Борбова С. С. пишет: «Лекарства Ваши мне очень
помогли. Большое спасибо. Еще очень прошу выслать для
Мамы..»

Якутская АССР, Безлужский р-н--Рокин Семен Алексеевич
пишет: „По заключение врачей у нашей мамы сужение пище-
вода, т. е. опухоль. 8 июня были у Вас, после применение
Ваших лекарств матери стало лучше. Очень просим помочь
нам, нас 6 детей, матери 55 лет, отец у нас умер от
такой же болезни. Рамилия и Мамы- Рокина Евдокия.

Якутская АССР, Сунтарский р-н, ул. Ленина 94- Яковлева
Раи пишет: „Лекарства Ваши вышли, чувствуем себя хорошо
сестре Павловой стало лучше, но лекарства кончаются, про-
сим еще.

/ Ленхобоев Г. Ленхобоевич/

15/X 1967 г.

Отзывы пациентов из разных районов
Бурятии и городов Советского Союза. 1967 г.

Глава II

Галдан Ленхобое-
вич в цехе на заводе
«Электромашина».
Улан-Удэ, 1952 г.

ТРУДОВАЯ
КНИЖКА

НА БЕРЕГУ ПЛОНОВОДНОЙ СЕЛЕНГИ...
ИСТОРИЯ ЗАВОДА «ЭЛЕКТРОМАШИНА»

Галдан Ленхобоев, рабочий-модельщик
Улан-Удэнского завода «Электромашина»,
заслуженный рационализатор РСФСР,
депутат Улан-Удэнского городского совета.
Журнал «Байкал» (Улан-Удэ, 1963)

Путник идет издадека. На нем запыленный дэгэл, истоптанные унты. Видно, он сильно устал, но ему нельзя присесть отдохнуть. Время дорого, как золото. Впереди ждут важные дела, дела больших человеческих судеб. Потому он так торопится, потому так спешат его быстрые ноги. Спешат они по горам и долам, по полям и равнинам, по тернистым буеракам, по таежной глухомани. Точно речная вода бурлит дорожная пыль — серая, сухая. Человек идет быстро, ни на шаг не отставая от стремительного бега широкой плноводной реки. Неутомимы ноги путника, идущего издадека, из дальних холмистых степей. Решимостью и непреклонной волей объято его запыленное лицо. На нем не заметишь печати усталости — он сгоняет ее, не дает ей приютиться. А как же иначе? Он не имеет права уставать. Он идет к людям, живущим на берегах этой древней реки, несет им добро и счастье, хорошие вестн несет, с добрым пожеланием идет. Вот почему он не может отставать от быстрого бега строптивной реки, которая пересекает бурятскую степь с юга на север.

Так прими же, земля бурятская, хорошие вестн, добрые пожелания, добро и счастье, которые несет тебе путник издадека, из дальних холмистых степей! Так приюти же их у себя навсегда!

Кто же он, этот путник неутомимый? Имя его — годы молодые. Годы, вечно молодые, вечно живые и нестареющие. Годы, идущие в глубину далеких столетий...

Эх, времена и годы! Как быстры ваши крылья! Даже ветер с Хамар-Дабана никак не настигнет вас. Даже стремительная Селенга никак не угонится за вами. Так быстры и ловки вы в своем упрямом движении. Вот и на моих глазах промелькнули годы революции и гражданской войны, годы коллективизации и индустриализации, годы во-

Ленхобоев Г. Л.

Завод электромашин
турс.

Город Улан-Удэ.
1963 г.

ЛЕНХОБОВ ГАЛДАН ЛЕНХОБОВИЧ
модельщик литевого цеха

Г. Л. Ленхобоев. На берегу плноводной Селенги... История завода «Электромашина». Рукопись на бур. яз., 1963. — 160 с. (Хранится в музее истории г. Улан-Удэ).

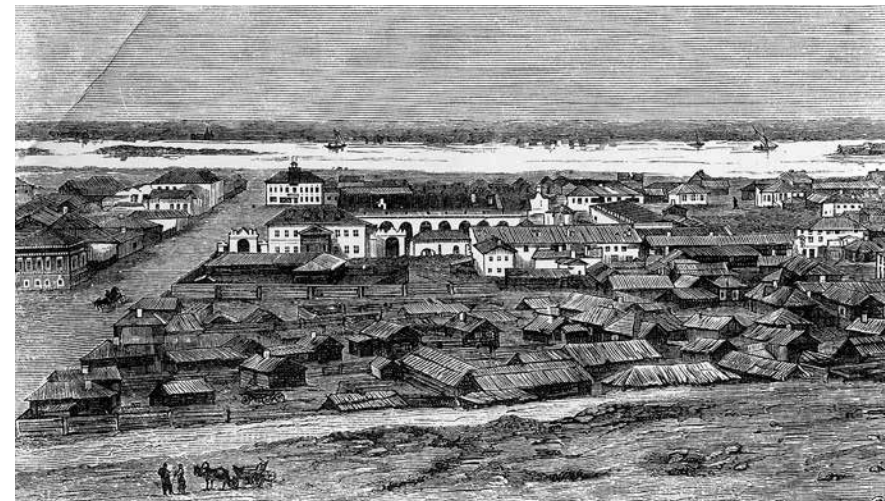
енные — жестокие и кровавые, годы послевоенных пятилеток... Годы становления и возмужания — все позади. Теперь страна наша идет богатырской поступью к своему будущему, заветному, к вершинам своего счастья и невидного благосостояния, к самому справедливому из справедливых, к самому человечному из человеческих, к самому правильному из правильных — к коммунистическому обществу.

Не успел оглянуться, уже пятьдесят семь лет за плечами. Не за горами шестьдесят седых лет. Идут года, идут, так незаметно в повседневных заботах проходят...

Широкий водный поток матушки Селенги грозным валом катит свои волны по долине, словно легендарный батор спускается с дальних синих гор. Это она, неутомимая, не зная усталости, днем и ночью несет свои волны к прекрасному городу — столице моей республики и, в весеннем или летнем дождливом половодье обильно заливая берега, толкнувшись о крутой песчаный яр, с глухим гулом устремляется дальше, к священному седому Байкалу. Город величавый, утопающий в зеленом наряде тополей, город молодости и бодрости, городстроек и созиданий, прекрасный город Улан-Удэ — город бурятский с приветливой улыбкой, словно в большое зеркало, смотрится в ее глубокие, быстротечные воды и никак не узнает себя. Так он изменился за годы советской власти! А ведь совсем недавно, каких-то четыре с половиной десятка лет назад, на илистом берегу Селенги стоял маленький деревянный городишко Верхнеудинск, всего с двадцатипяти тысячами населением, с двумя десятками двухэтажных кирпичных домов, несколькими крошечными мастерскими и купеческими мельницами...

Да, идут года, и на глазах меняется жизнь. Не узнать сейчас старого Верхнеудинска. Какие гиганты-предприятия встали на лесистых берегах Уды и Селенги! Самые крупные из них — локомотивовогоремонтный завод, механизированный стекольный завод, мясоконсервный комбинат, мелькомбинат, тонкосуконная фабрика, завод железобетонных конструкций, судоремонтный. Среди них и ты, мой родной завод — «Электромашина», о котором я хочу рассказать читателям.

Крутой песчаный яр высится над Селенгой. Внизу будто вздыбилась могучая река, взбурлила от ненастных, дождями обильных дней и, грудью уткнувшись в глубокие затоны судоремонтного завода, упругим телом пружинисто вывернулась оттуда и опрометью бросилась вниз, мимо крутого, сморщенного от ливневых дорожек песчаного яра. А на этом высоком яру, защищенном с севера густым сосновым бором от холодного горного ветра, выстроилось здание нашего завода. Оттуда слышится ровный гул токарных и фрезерных станков, глухой стук компрессорных молотов, металлический

Панорама Верхнеудинска
1840–50-х гг. Из личного
архива Г.Л. Ленхобоева.

лязг стальных буферов железнодорожных платформ, нутный шум подъемных кранов, тихий вздох паросиловых локомотивов; сверкают синие молнии автогенных и электрических сварок, краснеют огни коксовых печей-вагранок литейного цеха. Все это — весь этот шум и сверканье, — сливаясь вместе, превращается в трудовую симфонию, мелодии которой эхом уносятся далеко за пределами республики.

Вот настает раскрываются широкие двери краностроительного цеха, и один за другим выходят оттуда большие автокраны «МАЗ». Электромеханический цех выпускает мощные электромоторы. Вся эта продукция — автокраны и электромоторы — грузится на железнодорожные платформы и отправляется во все республики, края и области Советского Союза. Идут они и за пределы страны: в Чехословакию, Монголию, Афганистан, Индию, Гвинею, Гану, ЮАР и другие афро-азиатские страны. Идут с маркой улан-удэнского завода «Электромашина», с маркой «Сделано в СССР». Проходят годы, и время работает нам на пользу: изо дня в день растет престиж нашего завода, из года в год растет количество и качество выпускаемой им продукции. С каждым годом расширяется наш завод, все новые и новые корпуса, цехи и отделы — целые рабочие комплексы вступают в строй. Меняется лицо нашего завода. Теперь и вовсе не узнать его. А каким он был раньше, сорок пять лет назад? Да никаким он еще не был, потому что его еще не существовало.

Да, идут года, быстро меняются времена года, так и мелькают перед твоими глазами: зима и лето, весна и осень. Тепло сменяет холод, дожди — снег. Даже как-то не уследишь за всем этим, так оно быстро меняется. Вот только что было жаркое лето, а глядишь, уже незаметно промелькнула и золотая осень. На дворе уже холодная зима, вовсю бушует снежная метель, свирепствует пурга, наметая барханы сугробов, крепкий мороз щиплет за уши и нос.

В такое чудесное зимнее время, охваченное свежим и здоровым морозцем, в лучшее время для нас, забайкальцев, встречаешь ты свой славный юбилей сорокапятилетия, мой родной завод «Электромашина»! Почти все эти годы мы с тобой не расставались, рука об руку, плечом к плечу по одной тропе шли, вместе делили радости и горести и в суровые годы испытаний, и в бурные годы подъема и реконструкций. И ныне также идем вместе к новым вершинам трудовых побед и всенародного счастья. И рядом с нами в ногу шагают наши большие постоянные доброжелатели, наши неутомимые, надежные спутники — годы молодые, пришедшие из глубины седых веков, идущие в глубину далеких столетий. Так позволь поздравить тебя, мой родной завод, с днем рождения — с днем сорокапятилетия...

Шел по земле двадцатый год. Прошла холодная, вьюжная зима. Вот уже неустойчивый март позади. Пробудилась земля бурятская от зимней спячки, скинула с себя студеное снежное покрывало. Кусты тальника на левобережье Селенги распрямили свои гибкие ветви, одеваясь в изумрудно-красную кожуру. На них рождались нежные, пушистые — коричнево-серенькие почки и изо всех сил тянулись навстречу ласковому солнцу. Но матушка Селенга все еще скована в толстый ледяной панцирь, и ее широкая спина тускло блестит матово-зеленым оттенком. По середине реки топорщились белые торосы, словно нахохлившиеся в драке белые петухи. Лучи молодого солнца пока еще не имели своей власти над метровыми толщами льда строптивой древней Селенги.

Прошло всего два с половиной года с тех пор, как мир содрогнулся от могучих залпов «Авроры», и простые люди лапотной России взяли власть в свои руки. Советская власть, руководимая Владимиром Ильичем Лениным, поставила задачу перед своей рабоче-крестьянской Красной Армией очистить страну от контрреволюции и белогвардейщины, изгнать с советской земли всевозможных иностранных интервентов и в кратчайший срок освободить дальние окраины новой, возрожденной России.

Простой люд в городах и селениях Забайкалья и араты-скотоводы в бурятских улусах с нетерпением ждали прихода Красной Армии.

Под ее ударами еще с декабря прошлого года группами начали откатываться на восток белогвардейские банды Семенова и Каппеля. В Верхнеудинске оставались маленький гарнизон японских солдат и банда головорезов из дикой дивизии барона Унгерна. Но сколько ни бесчинствовали белогвардейцы, вымещая злобу своего поражения на простых людях Забайкалья, сколько ни торжествовали их вдохновители — богачи и ноёны, купцы и промышленники, сколько они ни старались поддержать и облагодетельствовать свое белое отребье, с каждым днем приближались часы расплаты, все ближе полыхала огненная заря освобождения.

Утро второго апреля. День обещал быть светлым, солнечным. Медленно рассветало. И вот заалел восток, полыхая малиново-красным пожаром.

С левого берега Селенги раздались трескотня пулеметных очередей, перемешанная с частыми выстрелами из винтовок. Потом дружное «ура!» всколыхнуло тихое утро. Солдаты верхнеудинского гарнизона — японцы и белогвардейцы, еще не выпавшие под своими суконными одеялами, растерянно соскочили с кроватей и опрометью выбежали из казарм. Кое-как, второпях оседлав коней, заметались по узеньким улицам и переулкам города, меж низеньких деревянных домов. Их подгоняли грохот выстрелов с левого берега реки. Партизанские подразделения, схоронившиеся в кустах на левом берегу, поднялись во весь рост и двинулись через торосистый, по-весеннему синеватый лед реки.

Партизаны на ходу стреляли из винтовок и ружей, крутили трещетки, издававшие звуки, похожие на пулеметные очереди, разноголосым хором кричали «ура!», нагоняя страх на растерявшихся японцев и белогвардейцев из «дикой дивизии».

В это время на завалинке одного низенького черного дома стояли трое парнишек лет десяти — Мишка Перякин, Васька Калинин, Костя Гузенко. Они бесстрашно наблюдали наступление партизан и что-то вдохновенно кричали. Когда мимо них скакали белые и японцы, они, подпрыгивая на завалинке и размахивая руками, визжали: «Поперли! Поперли япошек и бандюг!». Но япошкам и бандюгам было не до них, они даже не слышали и не видели их, так спешили они убраться из города, пока можно было унести ноги. Вскоре затих шум ударающей белогвардейщины и в город вступили партизанские отряды...

Хотя в Верхнеудинске установилась советская власть, еще долгое время налаживалась жизнь народа по новому руслу. Было время, когда вспугнутые народной революцией фабриканты, заводчики, купцы, всевозможные богатеи бежали за пределы взбунтовавшейся России, бросая на произвол судьбы свои фабрики, заводы, торговлю и земельные поместья. Купцы прикрывали свою торговлю, сельские

богачи закрывали свои мельницы, промышленники в городах бросали мастерские, лесозаводы. И вместе с тем рабочий класс и трудовое крестьянство не сразу смогли пустить в работу предприятия, брошенные богачами. Появилась большая нехватка продуктов питания и товаров широкого потребления. И неудивительно: ведь некоторые предприятия в течение почти десяти лет были закрыты. Так было и в нашем Верхнеудинске. Жителям Верхнеудинска из-за отсутствия работы стало трудно прокормить семью, одеть и обуть ее. Многие мелкие предприятия и магазины были закрыты, да и в открытых магазинах почти не было продуктов и промышленных товаров. Прекратилась торговля с границей, не была организована местная торговля, крестьяне мало сеяли хлеба, получали низкий урожай, едва обеспечивающий только самих себя. Требовалось что-то предпринять, чтобы скорее выйти из этого трудного положения. Вот тогда Центральный Комитет Дальневосточной республики, который находился в городе Чите, решил организовать в Верхнеудинске кооперативное товарищество «Экономия». Членами правления нового кооперативного товарищества избрали семь человек, один из них — гражданин Вылинкин стал его председателем.

Чтобы стать членом кооперативного товарищества, нужно было внести свой пай. Право вступать в товарищество имели не только рабочие, но и люди среднего сословия, у которых были свои лошади.

Помещения магазинов «Культтовары» и «Детский мир» по улице Ленина (в то время улица Большая) раньше принадлежали богачу Немшикову (Немчинову). В доме, где сейчас находится магазин «Культтовары», обосновалась тогда контора правления кооперативного товарищества «Экономия».

Кооперативному товариществу предписывалось организовать торговлю, и ему были переданы несколько мелких фабрик, производящих колбасу, кондитерские изделия, конфеты, пряники и т.д. Кроме того, в его распоряжение передали давно заброшенные сапожные и портновские мастерские. Их подремонтировали, обновили и срочно пустили в работу. Членами товарищества стали и ломовые рабочие, извозчики, на своих лошадях возившие груз и людей. По распоряжению правления они продолжали выполнять свою прежнюю работу.

Появились у «Экономии» мелкие фабрики, мастерские — появилась нужда и в ремонте, нужда в плотницких, столярных и слесарных работах. Из этих рабочих первыми стали членами товарищества плотники Степан Егорович Юденищев, Степан Михайлович Васильев, печник Ганс Гансович Шерлок, маляр Михаил Степанович Куприянов. Они начали работы в разных местах, подведомственных кооперативному товариществу.

Наступил ноябрь 1920 года. В это время членами кооператива стали слесари А.П. Виноградов, Ю.Д. Тоту, Г.Х. Афанасьев, кузнецы В.М. Баранов, И.С. Степанов, молотобойцы И.Я. Наборников, И.К. Завьялов. Но им негде было начинать работу — не было кузницы или мастерской. Тогда они пошли к председателю правления кооперативного товарищества Вылинкину. Он поднял глаза и долго, задумчиво смотрел на них, потом тихо проговорил:

— Товарищи, к сожалению, кооператив наш не имеет средств на организацию мастерской. Вы сами хорошо понимаете: откуда у нас, у молодого коллектива, могут быть такие средства? Ведь государство нам не дает ничего...

«Действительно, откуда могут быть средства у нового, только что созданного кооператива? Молодое рабоче-крестьянское государство еще не в силах помочь. Что делать, какой выход можно найти?» — думали кузнецы, покидая кабинет председателя. Большинство из них в годы первой мировой войны были посланы в Верхнеудинск из западных областей, не имели семей, были одинокими людьми.

В вынужденной бездеятельности прошел месяц. На полуодетых, полуголодных людей всюду наступал жгучий забайкальский мороз. Наши кузнецы-мастерские потеряли всякое терпение, решили поставить вопрос на заседании правления и во что бы то ни стало добиться открытия кузнечно-слесарной мастерской. И вот второго декабря А.П. Виноградов и Г.Х. Афанасьев от имени кузнецов-мастерских выступили на заседании.

— Что же у нас получается? До каких пор мы будем мучиться без работы? — говорили они членам правления. — Уже месяц, как мы вступили в кооператив, но до сих пор не можем приступить к работе. Найдите какой-нибудь выход и помогите в конце концов нам...

На этот раз они были требовательнее и упрямо отстаивали свои права.

— Я же вам сказал, что денег нет. И сейчас говорю... — безапелляционно ответил Вылинкин и недовольно поморщился. — Но если... — задумчиво добавил он. — Если вы сами добудете себе инструменты, пожалуйста, можете начинать. Другого выхода нет...

— Но позвольте, гражданин председатель, откуда у нас, у ссыльных, такие средства, чтобы приобрести инструменты? Что-то не то говорите Вы, гражданин председатель. Просто не знаете вы нашего положения. Даже на хлеб с трудом достаем денег... — возразили рабочие.

Члены правления переглянулись и некоторое время сидели молча, обдумывая создавшееся положение. Потом долго обсуждали этот вопрос, пока не приняли решение:

Учредительный съезд
трудящихся бурят-монголов
(Иркутск, 28 октября – 5 ноября
1921 г.). Фото из личного архива
Г.Л. Ленхобоева.

На паевые деньги членов кооперативного товарищества приобрести две наковальни, два молота, два кузнечных меха. Остальные инструменты должны приобрести сами кузнецы-мастеровые.

Правление поручило Александру Петровичу Виноградову отыскать подходящий дом под мастерскую, оборудовать его и организовать работу кузнецов и слесарей.

Виноградов с Афанасьевым тут же отправились искать подходящий дом. Обошли весь город. Их внимание привлек одноэтажный дом в южном конце Большой улицы (сейчас двухэтажный дом по улице Ленина, где находятся магазины «Спортивные товары» и «Автомобиль»). Хозяйка дома Пау была не прочь сдать помещение в аренду, лишь бы ей за него хорошо платили. Поторговались, как говорится, до седьмого пота, остановились на десяти золотых рублях в месяц и ударили по рукам. Этот дом раньше был куплен у троицкосавского богача Немчинова, в нем готовились оборудовать «водочную монополию», но помешала этому Октябрьская революция. Поэтому в нем хранились разнообразные товары.

Получив в аренду дом, мастеровые начали оборудовать кузницу. Установили три кузнечных горна, слесарные и столярные верстаки. «Кузнечно-слесарная мастерская» — так назвали свое детище, и с первых дней 1921 года приступили к работе.

Эта мастерская, организованная на общественных, артельных началах, явилась первым фундаментом улан-удэнского завода «Электромашина» — первенца промышленной Бурятии!

Первое время в кузнечно-слесарной мастерской насчитывалось немногим более двух десятков рабочих, а к концу января их число достигло 46 человек. Об этом сообщал в своем отчете заведующий мастерской А. П. Виноградов. Он писал, что в кузнечно-слесарной мастерской работают три кузнеца с тремя молотобойцами, девять слесарей с одним помощником, пять жестянщиков с одним помощником, один паяльщик с одним помощником, два столяра, красильщик, печник, истопник, четыре ночных сторожа, заведующий, завхоз, мастер и восемь учеников.

Александр Петрович Виноградов был человек лет сорока шести, высокий, сухопарый, в работе спорый. Он изо всех сил старался наладить работу мастерской, увеличить число рабочих.

С образованием кооперативного товарищества постепенно начала улучшаться жизнь рабочих, каждому коллективу отпускали по соответствующей норме продукты питания. Рабочие кузнечно-слесарной мастерской вошли с ходатайством к заведующему городским продовольственным отделом о ежемесячном отпуске им продуктов питания по установленной норме. Заведующий неторговым отделом кооперативного товарищества инженер Белоусорков со своей стороны писал, что

... рабочие мастерской очень серьезно ставят вопрос об обеспечении их продуктами, надо обязательно дать им продовольствие по существующей норме.

Свое ходатайство он направил в городской продовольственный отдел. С тех пор рабочим новой мастерской было установлено продовольственное обеспечение.

В то же время работы в мастерской было очень мало. Заказов поступало немного, и заработок рабочих был низкий. Из-за этого многие покинули мастерскую, и к концу февраля в ней осталось всего 29 человек. И сам Виноградов, разочаровавшись в успехе мастерской, вскоре покинул ее. 7 марта 1921 года правление товарищества «Экономия» назначило заведующим мастерской Геннадия Харитоновича Афанасьева, ранее работавшего слесарем. Но и он не смог поправить дело, мастерская по-прежнему работала без пла-

на, по-прежнему не хватало заказов. Жители Верхнеудинска приносили в мастерскую чинить кастрюли, самовары и другую кухонную утварь, привозили ремонтировать легкие телеги, сани, приводили подковывать лошадей, но это все были случайные заказы. Насаживание шин на колеса, обновление полозьев к саням требовало много древесного угля, было делом хлопотливым, но не очень выгодным. Кузнецы не любили брать такую работу, но отказываться от нее тоже было нельзя. Тогда люди вовсе перестали бы ходить в мастерскую. Тогда Геннадий Харитонович Афанасьев, посоветовавшись с рабочими, решил увеличить плату за починку. Извозчик Алексей Степанович привез в мастерскую чинить две брички, шарабан и фазтон. Когда он приехал за всем этим, его огорошили новой ценой за ремонт. После долгого спора и препирательства Алексей Степанович пожаловался правлению кооперативного товарищества. Вылинкин вызвал к себе Афанасьева.

— Геннадий Харитонович, нельзя же так делать, — сказал председатель. — Ведь вы увеличили расценку за ремонтные работы по сравнению с четырнадцатым годом. Надо быть осмотрительнее. Не повышать цену нужно, брать меньше, чем частные кузнецы, что облепили берег Уды, словно ласточкины гнезда. Вот тогда работы у вас будет хоть завались. Подумайте об этом...

— Но, гражданин председатель, если мы уменьшим плату, то не окупим свои расходы, — пытался оправдать свои действия Геннадий Харитонович. — Заработок у нас очень низкий, многие бросают работу.

— А что я могу сделать? — развел руками Вылинкин, слегка наклонив на бок голову. С тяжелым вздохом продолжал. — Не все подвластно Вылинкину, хоть он и председатель. Такое ведь переходное у нас время сейчас. Надо работать не покладая рук, надеясь на счастливое будущее. Другого выхода не вижу, дорогой Геннадий Харитонович...

К августу двадцать первого года, когда в мастерской уже оставалось всего шесть человек, ушел и сам Афанасьев. Теперь здесь трудились лишь старые кузнецы Василий Михайлович Баранов, Илья Семенович Степанов со своими помощниками, слесарь высокого класса Карл Карлович Воржун и его бывший ученик, молодой парень Павел Булычев, со дня организации мастерской изучавший премудрости жестянщика и слесаря. К этому времени работа мастерской напоминала чуть тлеющий уголек в костре. Но оставшаяся шестерка не унывала, не падала духом, продолжала работать. Не было заведующего, и шестеро людей были сами себе хозяевами. Поэтому мастеровой, желающий уволиться, или человек, пожелавший поступить на работу, должен был подавать заявление председателю кооперативного товарищества Вылинкину.

Так было до тех пор, пока заведующим не назначили одного из активнейших членов кооперативного товарищества Адольфа Викторовича Макаревича, ранее работавшего литейщиком на одном из заводов буржуазной Польши и за свою бунтовщическую деятельность высланного в забайкальский городок Верхнеудинск.

Адольф Викторович был человек высокого роста, сухощавый, с козлиной бородкой. Ему можно было дать лет сорок или немногим больше. Он оказался человеком недюжинных способностей, весьма общительным и хорошим организатором.

Коммунист Адольф Викторович с первых же дней стал налаживать работу мастерской, подыскивал новых мастеров, старался механизировать труд людей. Рабочие с радостью поддерживали его начинания. Они установили у себя маленький локомобиль в двенадцать лошадиных сил и с его помощью механизировали расточный и сверлильные станки.

23 октября 1921 года прошло отчетно-выборное собрание Верхнеудинского товарищества «Экономия», на котором председатель Вылинкин докладывал о проделанной работе за два года.

В своем пространным докладе Вылинкин говорил:

Проделано очень много работы для того, чтобы всю деятельность кооператива направить по пути социализма. Но помехи у нас большие. Их создают жалкие остатки белогвардейщины, засевшие в маньчжурском Харбине. Наши торговые представители, направленные туда, постоянно испытывают трудности из-за этих подонков старого общества и не всегда имеют возможность вовремя отправлять сюда промышленные и продовольственные товары. Вот почему в настоящее время мы испытываем большой недостаток в этих товарах.

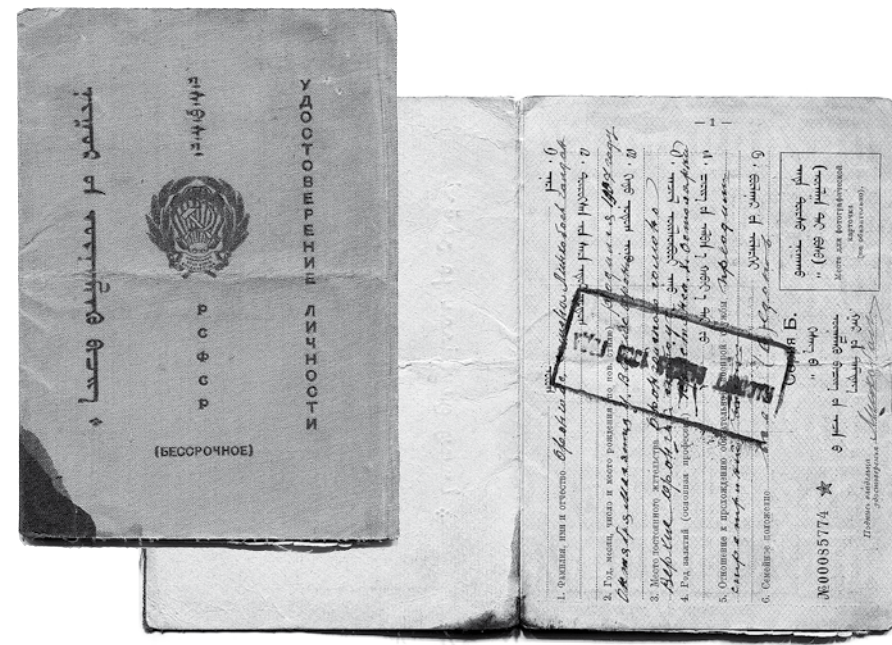
Председатель правления пытался за красивыми, высокопарными словами скрыть свою бездеятельность. Но ему не удалось своей многословной болтовней сбить с толку общее собрание. Члены товарищества постановили считать работу правления неудовлетворительной. После этого три дня продолжался спор, как избрать новое правление: открытым голосованием или закрытым? За закрытое голосование стояли рабочие, за открытое — более состоятельные члены кооператива. Несмотря на возмущения рабочих, они одержали победу и открытым голосованием было переизбрано старое правление. Вылинкин торжествовал победу, но ненадолго. Не прошло и полумесяца, как было созвано новое общее собрание кооперативного товарищества. На нем рабочие с еще большей резкостью критиковали руководство правления, плохо обеспечивающее членов кооператива продовольствием, товарами широкого потребления и топли-

вом. Верхнеудинская газета «Прибайкальская правда», поддерживая рабочих, писала, что руководители кооперативного товарищества «Экономия» считают себя людьми высокого сословия, пренебрегают интересами рабочих, простых членов кооператива. Они сами обеспечены всем необходимым, а на других плюют, смотрят свысока. Правда, таких людей мало, но все они одинаковы. Таких негодных приспособленцев необходимо безжалостно гнать из среды честного трудового народа.

То было время ожесточенных классовых боев, когда рабочий класс и трудовое крестьянство еще не стали полновластным хозяином на обновляющейся российской земле. В деревнях еще крепко сидели кулачье и подкулачники, в городах всевозможные мелкие промышленники и деловые люди правдами и неправдами цеплялись за старые порядки и привилегии, хитро маскируясь под активистов нового движения.

В такое трудное время Адольф Викторович Макаревич принял «Кузнечно-слесарную мастерскую» и за десять лет работы в ней многое сделал для своего коллектива. С первых же дней его работы число слесарей, паяльщиков, столяров и других рабочих начало неизменно увеличиваться, и мастерская стала давать кое-какую прибыль. К весне 1922 года мастерская уже имела два токарных и два сверлильных станка. Кроме того, вместо примитивных мехов было установлено вентиляторное дутье. Теперь рабочие уже гордились своей мастерской, ее оборудованием и механизмами. Окрыленные удачей, они продолжали снимать в заброшенных хозяевами мастерских разное оборудование, станки и устанавливать их у себя в мастерской. Здесь работали такие способные, высококвалифицированные слесари, как Р. Ю. Ганцер и К. К. Воржун, которые проявляли большую активность в этом деле. Не зная усталости, трудились они на ремонте и установке старых станков и оборудования.

31 июля 1922 года по указанию Центрального Комитета Дальневосточной республики (ЦК ДВР) было распущено верхнеудинское кооперативное общество «Экономия» и вместо него организован Верхнеудинский центральный рабочий кооператив (ЦРК) «Единение». Председателем правления ЦРК был избран Василий Андреевич Кригер. В центральный рабочий кооператив входили: Ганзуринский хромовый завод, крупчатковая вальцовая мельница и мельница простого помола, Прибайкальский рыбоконсервный завод, Верхнеудинская конфетно-шоколадная фабрика, колбасная фабрика, мыловаренный и свинооткормочный заводы, паровые мельницы простого помола, сапоговаляльная фабрика, кожевенный завод, ло-

Удостоверение личности
Г.Л. Ленхубоева
на вертикальном
монгольском письме.

мовая артель и, наконец, кузнечно-слесарная мастерская. Годовой денежный оборот всех этих предприятий и двух крупных магазинов вместе взятых составлял один миллион пятьсот тысяч рублей.

Было объявлено, что членом нового кооператива может стать любой человек, который внесет вступительный взнос в пятьдесят копеек и членский взнос в десять золотых рублей. Но рабочие кузнечно-слесарной мастерской вторично внести взносы отказались, требуя занести в книжку свои старые паи.

В ноябре 1922 года Дальневосточная республика стала полновластным членом Российской Федерации. Открылась торговля, связь с западными областями Советской России. «Единение» ЦРК получило новую силу, открыв магазины продовольственных и промышленных товаров. Осенью 1923 года в республике был получен хороший урожай хлебов, и крестьяне, на протяжении нескольких лет не собиравшие такого урожая, восприняли духом. Хороший урожай — радость не только для крестьянина, но и для тружеников города, и они встретили это известие с большим воодушевлением. Жизнь начала подниматься в гору.

Рабочие «Кузнечно-слесарной мастерской» теперь уже не тратили столько времени на поделку инструментов: их приобретали в магазине. Покупали краски, олифу, жечь и другие необходимые для ремонта вещи, повысилась производительность труда, увеличился заработок.

Дом, принадлежащий гражданке Пау, передали в распоряжение кооператива.

Молодежь «Кузнечно-слесарной мастерской», верхнеудинской электростанции и еще нескольких небольших производств объединилась, организовала свою комсомольскую ячейку, которая стала одной из первых ячеек рабочей комсомольской молодежи в городе.

30 мая 1923 года была создана Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика, бурятский народ получил автономию.

Адольф Викторович Макаревич по-прежнему руководил «Кузнечно-слесарной мастерской». Инициативный человек, он думал о том, как лучше организовать работу, что еще сделать, чтобы полнее обслуживать население. И вот однажды он говорит своим рабочим:

— В Верхнеудинске нет ни одной литейной мастерской. Это создает известную помеху в нашей работе. Даже железные втулки нам приходится ковать. Надо найти выход из такого положения.

Рабочие знали своего руководителя и поняли, что в голове Макаревича созрела какая-то интересная идея. Они внимательно посмотрели на его бородатое лицо и ждали, что он еще скажет. Помолчав немного, Адольф Викторович продолжил:

— Нам надо иметь свое чугунное и бронзовое литье. Для этого необходимо установить печь-вагранку. Без нее мы как без рук, — сказал он и посмотрел на рабочих, желая услышать их мнение. Макаревич знал, что рабочие всегда поддержат любые хорошие начинания. И он не ошибся — рабочие дружно заговорили:

— Очень дельная мысль! Действительно нам никак нельзя без вагранки, без литейного производства. И работа не работа, и двигается она по-черепашьи...

— И заказов поступает очень мало...

— И заработок из-за этого небольшой...

— Вагранка — дело хорошее! Ничего не скажешь. Но где ее взять? Где средства возьмешь, чтобы приобрести ее? — задумчиво-печальным голосом проговорил токарь Сергей Андреевич Марфин, впоследствии ставший начальником механического цеха завода «Механлит».

— ЦРК должен помочь деньгами. Обязан помочь, — уверенно сказал Макаревич. Но тут подает голос до этого молчавший старик Марк Семич.

— Ай-яй-яй! Это как сказать... Вряд ли что получится... Ваш Кригер разведет руками и скажет: «У нас дурных денег нет. Не то что на вагранку, на более важные вещи не хватает средств. Не думайте, что народные деньги валяются под ногами... Вот так-то, братцы».

Ох, уж этот Марк Семич, всегда скажет что-нибудь такое, от чего закрадывается в душу тень сомнения.

— Ну, Семич, не каркайте, словно черный ворон. Зачем с самого начала думать плохо. Говорят же: не видел речку, не разувайся, — добродушно засмеялся Адольф Викторович.

Однако оказалось, что старый Семич был прав: правление рабочего кооператива не дало денег на вагранку. Но рабочие мастерской не пали духом. Они решили своими силами найти и установить вагранку. И вскоре нашлась небольшая вагранка. Привезли ее, отремонтировали и установили в мастерской. Нашлись и люди, имеющие некоторый опыт в литейном деле — Ковардаков и Беднягин. Они-то и занялись этим делом под руководством Макаревича. С Нижне-Березовского завода, брошенного богачом Загузиным, привезли опоки.

Так мастерская начала изготавливать литье. В помощь Ковардакову и Беднягину приняли учеником-литейщиком молодого парня Дорофея Михайловича Филиппенко, только что вернувшегося из армии.

Мастерская уже имела кузнечный, столярный, чугунолитейный, токарный, слесарный отделы. Работали в ней 33 человека. Рабочие получали в среднем от 30 до 57 рублей в месяц, ученики — 16 рублей 50 копеек. Литейщиков и кузнецов обеспечили спецодеждой. Но мало еще обращали внимания на технику безопасности. Потолок в мастерской был низкий, не было вентилятора, и, когда заливали чугун, мастерская наполнялась едким дымом и угаром.

12 октября 1924 года состоялась первая конференция профсоюзов трудящихся Бурят-Монгольской республики. Макаревич, избранный делегатом, рассказал на конференции о работе своей мастерской, отметил, что требуется расширить помещение или построить новую мастерскую.

В январе 1925 года «Кузнечно-слесарная мастерская» из ведения ЦРК была передана в распоряжение хозяйственного комиссариата ЦСНХ Бурят-Монгольской республики, получила новое название: «Верхнеудинский механизированный литейный завод» («Механлит»).

— Нет сомнения, что наша мастерская — основа большого будущего завода, — радостно говорил Адольф Викторович. 1 октября 1925 года на общем собрании рабочих завода он уже докладывал:

— У нас имеется теперь три токарных, три сверлильных и токарный станок по дереву. Кроме того, мы имеем строгальный и фрезерный станки. Все это оборудование мы собрали на брошенных заводах, отремонтировали его и установили своими силами. В на-

стоящее время у нас в мастерской насчитывается 36 рабочих, 5 служащих — всего 41 человек. За последний год выпустили продукцию на 48 500 рублей. По сравнению с предыдущим годом заработок рабочих увеличился на десять процентов. Но из-за отсутствия помещения расширить производство пока не имеем возможности...

Созданный завод «Механлит» еще не планировал своей работы, не было никаких договоров, и вся деятельность его зависела от того, принесет ли заказчик работу или нет. Иногда поступали заказы на строительство и ремонт домов, на поделку дверей, оконных рам, на внутреннюю отделку и устройство прилавков в магазинах. Но таких заказов было мало. В основном завод чинил легкие телеги, сани, мастерская красок и Посольский рыбоконсервный завод дали «Механлиту» небольшие заказы на поделку жестяных банок. Иногда крестьяне окрестных деревень приносили заказы на ремонт сельскохозяйственных машин, в основном на отливку сломанных шестерен и втулок. Но таких заказов было мало, так как в селах еще были единоличные хозяйства. Кроме того, завод принимал заказы на отливку шестерен и втулок только в том случае, если старые не были сильно изношены и могли служить моделью для новых отливок, потому что на заводе не было модельщиков.

Планирование работы началось лишь тогда, когда по соглашению с Буркоопсоюзом завод приступил к изготовлению втулок для телег с железной осью, а также втулок-подосок для телег с деревянной осью. Это был первый крупный заказ стоимостью в десять тысяч рублей, позволивший наконец начать нормальную работу.

Постепенно повышалось и мастерство рабочих, наладилось производство, повысилось качество продукции, что в свою очередь, конечно, привлекло дополнительные заказы. Частные мастерские, существовавшие еще в то время, от этого терпели крах, их рабочие переходили на завод, становившийся с каждым днем все более популярным.

Потом стало поступать много заказов на изготовление бронзовых втулок к разным машинам и механизмам. Но завод «Механлит» к тому времени еще не имел специальной печи для плавки бронзы. Тогда А. В. Макаревич собрал специалистов С. А. Марфина, Г. И. Булычева, литейщиков Ковардакова, Беднягина и поставил перед ними вопрос: каким образом быстрее организовать бронзовое литье? И вот тогда было решено углубить в землю печь и плавить бронзу в горшке-тигле, а для топлива использовать кокс. Такую печь построили во дворе завода и с начала 1927 года приступили к отливке больших и малых бронзовых втулок для разных машин и механизмов с последующей их обработкой на токарном станке. Так впервые в республике было начато бронзолитейное производство.

С тех пор много разных заказов выполнил завод «Механлит». Например, по заказу Монгольской Народной Республики была изготовлена большая партия прессов для вязки тюков шерсти и несколько тысяч бензобочек, каждая емкостью в два центнера. На заводе отливали чугунные гири разных размеров, чинили большие и малые весы для магазинов и складов, проверяли их точность, продолжали делать жестяные банки для Посольского рыбоконсервного завода и конфетных фабрик ЦРК. Приспособив к сверлильным станкам специальный штамп, завод значительно ускорил процесс производства жестяных банок и намного увеличил их выпуск.

В это время из Иркутска приехал специалист по изготовлению моделей Яков Гаврилович Востоков. Он оказался отличным мастером и делал любые модели всевозможных частей разных машин и механизмов. И уже не требовались как формы для новых старые изношенные детали. Завод начал принимать заказы на отливку самых сложных изделий. Начали поступать заказы на всевозможное литье и от Чикойского, Ганзуринского, Верхнеудинского кожевенных заводов, от ликероводочного, пивоваренного, стекольного заводов, от мельниц и мелких фабрик. Завод «Механлит» стал довольно крупным предприятием в республике, хотя число рабочих за десять лет почти не увеличилось.

Я раньше жил в Олзоне, что расположен в долине реки Оронгой. Держал маленькое хозяйство из нескольких коровенок, имел и лошадку. Занимаясь хозяйством, я иногда столярничал, делал из бронзы и меди разные украшения к сбруям лошадей, а также женские украшения из серебра. Чтобы отливать все это, я готовил форму из глины, потом сушил и обжигал ее. Иногда приезжал в Верхнеудинск в поисках заработка, плотничал, столярничал. А еще раньше, когда мне было всего десять лет, бегал к известному оронгойскому костоправу Ниме Ахияеву, смотрел, как он лечит людей. Он был очень способный костоправ, подробно изучивший анатомию человека.

А потом уже, живя в Улан-Удэ, я несколько раз был проводником знаменитого ученого, доктора исторических наук, профессора Алексея Павловича Окладникова, исходили с ним вдоль и поперек таежные дебри. Потом между делом начал заниматься резьбой по дереву...

Хотя коротка человеческая жизнь, целеустремленный человек может успеть многое сделать за свой век. Когда вспоминаешь свою тридцатилетнюю работу на заводе «Механлит» (ныне завод «Электромашина»), когда встают перед твоими глазами модели, которые прошли через твои рабочие руки и получили путевку в жизнь, на душе становится легко и приятно, будто встретил ты своих ста-

рых хороших знакомых. Как же не будет легко и радостно на душе, когда осознаешь, что твоя работа пошла на пользу советскому народу, Советской родине, строящей новое коммунистическое общество! Каждый трудящийся человек живет и работает с такой думой и мыслью — думой о будущем, о процветании родной земли советской.

В 1926 году я попал на завод «Механлит»: привез старую шестерню от веялки, чтобы сделали новую. Переступив порог мастерской, я увидел, как двое людей — один лет тридцати с лишним, низкорослый, рыжий, другой — чернявый, высокий молодой человек — лудили большой военный котел, неистово пританцовывая вокруг него, стараясь ровнее покрыть внутренность его горячим, расплавленным оловом. Тот, что был постарше, небольшим пучком пакли растирал по стенке котла шипящее, пышущее едким угарным дымом кислоты, раскаленное олово, а другой маленьким ручным мехом дул на огонь.

Большой военный котел стоял на огне и, наверное, был очень горячим. Около стен на стеллажах лежала готовая продукция — всевозможная кухонная утварь, белевшая луженым нутром. Впоследствии, когда я уже работал на заводе «Механлит», я узнал, что это были лудильщик-жестянщик Пантелей Николаевич Петренко со своим помощником, учеником Григорием Булычевым.

Тихонько подойдя к ним, я спросил, где можно найти мастера, который занимается литейным делом. Старший даже не поднял головы, а молодой кивком показал, куда идти. Я двинулся дальше, ища глазами у кого бы еще спросить. Тут встретился еще один мастеровой, который точнее показал мне дорогу.

Я подошел к человеку с козлиной бородкой. По одежде и мозолистым рукам он похож был на рабочего, но лицо его и манера говорить чем-то напоминали начальника. Я показал ему свою старую шестерню. Он взял ее у меня из рук аккуратно, словно фарфоровую посуду, поставил на верстак и долго изучающе смотрел на нее. Потом сказал:

— У нас модельщика нет. Ты сам, может, сделаешь точно такую шестерню из дерева, только без отверстия. Тогда мы тебе ее отольем из чугуна. Сможешь?

— Думаю, что смогу, — ответил я и спросил. — Можно ли посмотреть вашу литейную работу?

— Конечно, можно, — сказал он и повел меня. На месте он объяснил, какой должна быть модель, как делается форма и отливается деталь. Здесь я впервые узнал, что жидкий металл заливают в формы из сырой земли. А ведь я столько мучился, делая глиняные формы. Однако не один я, а все бурятские *дарханы* так же возились с липкой глиняной формой.

После я узнал, что этот добрый *дархан* был Макаревичем — заведующим мастерской. Когда я привез деревянную модель своей шестерни, старого моего знакомого не оказалось в мастерской. Шестерню отлил мне другой мастер, и я уехал домой. Но с тех пор меня стала одолевать мысль: не поступить ли мне на работу в эту мастерскую, чтобы хорошенько изучить литейное дело? Решившись на это, я снова приехал сюда. Но из моей затеи ничего не вышло. Меня послали на биржу труда, а там сказали: «Мы не принимаем на производство крестьян». В те времена было трудно поступать на работу. И я уехал ни с чем.

Незаметно пролетел год. Настала теплая, хорошая весна 1927 года. Все выше поднималось солнце, живительными лучами лаская землю. Это было время расцвета молодых нежных цветов, веяния благоухающих весенних запахов, время разбухания крупных смоляных почек на высоких, кондовых соснах.

Мужики в длинных рубахах, подпоясанных кожаными ремнями, и женщины в коротких одеждах гурьбой двинулись в сосновый лес, что сплошной стеной поднялся ниже города Верхнеудинска, на высоком берегу полноводной Селенги. У мужчин острые топоры засунуты за ремни. Женщины несли на плечах гибкие, звенящие сталью пилы. Грозный гул пошел по всему лесу, словно там орудовал исполинский богатырь. Между гулками раскатами падающих деревьев слышались веселый перестук топоров, звонкая песня пилы. Началась расчистка строительной площадки под новый корпус завода «Механлит». Да, именно завода! Наконец-то приступили к строительству такого завода, который был очень необходим республике. Начала сбываться давняя мечта Макаревича. Теперь «Механлит» не только называться будет заново, а станет действительно большим производством...

Когда была подготовлена площадка, начали закладку П-образного фундамента.

Строительство завода начато ниже города, недалеко от тех мест, где раньше стояли лесопильный завод и вальцовая мельница богача Родовского, в тиши и в подветрии вечнозеленого соснового бора. Тогда вокруг завода Родовского находился небольшой рабочий поселок с приземистыми, низенькими домами, тесно прижавшимися один к другому. На заводе Родовского были два локомотива в 25 и 15 лошадиных сил, два токарных станка, складские помещения для хранения зерна и муки, конюшня и другие постройки. От железнодорожной станции к заводу прошла ветка, а на высоком песчаном берегу Селенги стояла лебедка, при помощи которой поднимали древесину, с плотками спущенную по реке, около лесопилки петляла узкоколейная дорога для вагонеток.

В семнадцатом году Родовский удрал за границу, бросив на произвол судьбы лесопилку и мельницу. Тогда и жители рабочего поселка, оставшись без работы, разбрелись кто куда, перевезли дома в другое место. А потом, в 1925 году, большой пожар уничтожил завод Родовского и два склада из четырех. Вот на этом пожарище и развернулось строительство рабочего поселка и завода.

Узнав о строительстве нового завода, я летом двадцать девятого года приехал из улуса, чтобы посмотреть на него, и, если примут, поступить на работу. Поглядел, будто ничего, довольно большой завод будет в нашей республике — так много людей копошилось здесь. И тогда подумал: что если поработать на строительстве? Неужели после этого не примут на завод?

С этой мыслью я прошелся около каменщиков и плотников, надеясь, что кто-нибудь обратит на меня внимание. Прошелся раз, другой. Но никто даже не посмотрел в мою сторону — так все были заняты. Тогда я зашел в старый длинный склад, где раньше Родовский хранил зерно и муку. Здесь я увидел работающих столяров. Их было трое. Один — человек пожилой, кряжистый, немного сутуловатый, с длинными рыжими усами, топорщившимися в разные стороны. Двое других — люди молодые. Они делали большие рамы для высоких заводских окон. Уже много рам громоздилось здесь, прислоненных к стене. Видать, столяры опытные — качество работы довольно хорошее, не придерешься. Но опять же, подумалось мне, и я мог бы делать не хуже их. Делал же, хотя и меньших размеров, для деревянных бурятских изб.

Подойдя к пожилому, я робко поинтересовался:

— Нельзя ли с вами постолярничать?

Не отвечая на мой вопрос, тот строгим голосом спросил:

— А что умеешь делать?

«Ого! Однако сердитый» — отметил я про себя и сказал:

— Мало-мало плотничал. И столярное дело мало-мало знаю...

— Мало-мало — это совсем мало или совсем ничего. Вот так-то, нухор-тала. Понял?

— Понял, — кивнул я. — Но вы можете проверить сначала, посмотреть мою работу. Инструменты у меня есть...

Сердитый старик обратил на меня молчаливый, изучающий взор. Воспользовавшись этим, я спросил у него:

— Интересно, сколько получаете за раму?

— Правильно! Это тоже нужно знать. Так вот слушай: платят по-разному. Смотря по качеству. За каждую раму отдельная цена. Но заработок неплохой. Хороший столяр может заработать рубля три в день. — Потом он постоял, подумал и говорит:

— Нухор-тала, мы тебя не можем взять в свою бригаду. А вот если

хочешь один работать, то попробуй, пожалуйста. Но учти, за брак с тебя удержат. Понял?

— Понял. Ну что ж, если примут — буду работать...

— Тогда сейчас пойдем к начальнику...

Он не торопясь завернул толстую самокрутку, прикурил и неожиданно быстрым, легким шагом двинулся к старому дому с маленькими окнами. Еле поспевая, я следовал за ним. Вошли в низкую дверь. За столом сидел круглолицый белый человек с удивительно круглыми рыжими глазами. То был начальник строительства инженер Шапов.

— Этот молодой человек хочет делать рамы. Можно бы его принять. Но в нашу бригаду не войдет, будет работать отдельно. Поговорите с ним, — сказал ему старик и, повернувшись, быстро вышел из дома.

— Ты умеешь делать большие многостекольные рамы? — спросил меня инженер.

— Такие большие рамы не делал, — сознался я. — Делал маленькие для деревянных домов.

— Ну, хорошо. Научишься делать и большие. Можем взять тебя на работу, но только нужна справка о твоём материальном положении. Для уверенности, что у тебя есть средства в случае порчи материала. Принеси такую справку, тогда...

— У меня она есть, — ответил я, вынимая из пазухи бурятского дэ-гэла справку сомонного Совета. Инженер прочитал мою бумажку, записал что-то в книгу и начал объяснять:

— По инструкции ты не должен делать рамы из сучковатого или сырого материала. Дерево должно быть без щелей, то есть не расколотым. Подкорковый, синеватый материал тоже не годится. Если по какой-либо причине сделаешь брак или рамы будут плохого качества, то придется возместить убыток в трехкратном размере. Поэтому надо столярничать очень аккуратно...

Затем он составил трудовое соглашение, и я отправился в помещение старого склада, где работали трое столяров, чтобы подготовить себе рабочее место. На следующее утро принес свои инструменты и начал делать большие заводские рамы. Но, к сожалению, мне не пришлось тогда там долго работать: меня призвали на военную службу.

Наступил 1930 год. Страна Советов успешно двигалась от победы к победе. Она оделась в сплошной строительный лес, превратилась в громадный строительный полигон. На глазах росли заводы-гиганты, крупные промышленные центры. В столице Бурятской республики Верхнеудинске началось строительство механизированного

стекольного завода, электростанции, Дома Советов. Теперь это стал не только по названию завод. В большом П-образном корпусе разместились слесарный, механический и литейный цехи, а также кузнечный отдел. В литейный цех входили столярный и модельный отделы. Корпус завода занимал площадь в 1375 квадратных метров и был сложен из красного кирпича. Цеха просторные, светлые. На берегу Селенги одновременно построили насосную станцию и чуть подальше — электростанцию, контору и проходную будку. Завод окружала ограда из теса. К 15 марта 1930 года мастерская полностью переехала в новый корпус завода.

16 марта состоялась общее собрание рабочих завода «Механлит», посвященное завершению строительства. По решению собрания заводу присвоили имя Парижской коммуны. А 20 марта начальник строительной конторы ЦСНХ Бурят-Монгольской АССР Тубиков по описной ведомости № 41–15 сдал новый завод директору А. В. Макаревичу. В описной ведомости было указано, что на строительство настоящего завода за четыре года было затрачено 238590 рублей 95 копеек. Остались неосвоенными 11409 рублей 05 копеек; не были достроены пожарное депо завода и несколько жилых домов. Теперь эти помещения должен был завершить сам завод.

Начиная с 1930 года рабочие и служащие завода «Механлит» во главе с комсомольцами и ударниками труда по примеру ленинских субботников стали выходить по воскресеньям на крупные строительные площадки города. В этом коллектив завода «Механлит» был всегда впереди. А когда по всей стране развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение первой пятилетки, коллектив нашего завода первым в республике включился в это соревнование, организовав его между цехами, отделами и бригадами в широком масштабе. Первыми получили звание ударников литейщики Дмитрий Николаевич Давыдов, Дорофей Михайлович Филиппенко, слесарь Исая Леонидович Альцман, токари Абрам Матвеевич Копиевкер, Сергей Андреевич Марфин.

Еще до сдачи заводского корпуса, с осени 1929 года, рабочие начали устанавливать станки, механизмы, верстаки и другое оборудование, перевезенное из старой мастерской. Для производства подготовительных работ приходили самые лучшие, опытные слесари.

Очень хлопотливым делом оказалась перевозка станков, механизмов и оборудования. Для этого в ломовой артели наняли много подвод. Особенно трудно было перевозить локомобиль, вагранку, ящики для штамповки и несколько больших станков. Тяжело нагруженные телеги с трудом поднимались в гору, колеса до осей погружались в песок. Далеко слышны были возгласы людей, подталкивающих телеги, крик и понукание возниц, резкий свист плетей.

В проекте нового завода не предусмотрели его внутреннее оборудование. Сами рабочие завода должны были по своему усмотрению устанавливать механизмы. С других заводов не выписали ни одного нового станка по той простой причине, что в распоряжении ЦСНХ Бурят-Монгольской АССР было много старых станков, которые решено было передать заводу «Механлит». Кроме того, колчаковские войска, отступая на восток, везли с собой с Урала оборудование Воткинского завода, которое бросили в Верхнеудинске. Эти станки до тридцатого года лежали на каком-то военном складе. По распоряжению ЦСНХ республики завод «Механлит» получил из этого склада 35 разных станков. Перевезли их на автомашинах «Союзтранса». Большинство из этих станков заржавело, запыхалось, некоторые части к ним были потеряны или сломаны. Эти станки пришлось основательно подремонтировать, почистить. Некоторые из них были очень громоздкие, а подъемных кранов в то время не было, и рабочим завода пришлось немало потрудиться при погрузке и выгрузке их.

По решению ЦСНХ республики с Нижне-Березовского кирпичного завода, когда-то принадлежавшего богачу Загузину, привезли локомобиль в 45 лошадиных сил. Доставили его на «Механлит» в неразобранном виде, погрузив на большие сани, запряженные в двадцать пар лошадей. В то время, конечно, асфальтированной дороги не было и ноги лошадей утопали в песке, смешанном со снегом. Где не было снега, везли воду и намораживали лед.

Установив локомобиль, обеспечили завод электроэнергией, осветили дома рабочих. На установке оборудования особенно отличились слесари Генрих Менг, Д. М. Филиппенко и многие другие. Из Петровского завода был приглашен Петр Полуэктович Бухаров, человек с длинной бородой, среднего роста, очень подвижный. Его назначили начальником электросиловой станции.

Главным инженером завода стал инженер Шапов, ранее возглавлявший строительство завода. Из Иркутска был приглашен на работу опытный литейщик Иван Ларионович Куделин. Старого литейщика назначили начальником литейного цеха. Под его руководством оборудовали новую вагранку. Это был нелегкий труд. Ковали все вручную, сверлили ручной дрелью, резали металл зубилом, сшивали при помощи заклепок. Таким же способом сделали и вентилятор для дутья вагранки. Сделали копер для дробления чугуна перед плавкой, тележку для подъема раздробленного металла на второй этаж, подъемный механизм к ней, таль грузоподъемностью до четырех тонн литья. Кроме того, изготовили маленький бегунок для подвозки формочной земли, мельницу для ее размельчения, опрокидывающуюся печь-волчок для бронзовой плавки, печь для сушки земляных стержней и т.д. Все это делали вручную.

С января 1931 года на заводе полным ходом начало работать литейное производство. В это время под руководством Ивана Ларионовича Куделина работали мастера Д. Н. Давыдов, Пулшиц, формовщики Ж. Базаров, Пищев, С. Б. Метелица, стерженщица М. А. Алгазина, заливщики И. К. Демидов, С. Н. Иванов, вагранщики Беднягин, Дерягин. Число рабочих в литейном цехе вскоре увеличилось до тридцати с лишним человек.

Рядом с литейным цехом в светлой просторной комнате расположился модельно-столярный отдел. Из старой мастерской перевезли и установили токарный станок по дереву и точило для точки столярных инструментов, которые работали от привода двух электромоторов. Привезли также три верстака с деревянными винтовыми зажимами. На одном работал старый модельщик Яков Гаврилович Востоков, на другом — его ученик, молодой парень Шамсутдинов. Третий верстак стоял свободным.

В юго-восточном углу завода в большом просторном и светлом помещении расположился механический цех. Здесь установили токарные, строгальные, сверлильные, фрезерные станки, демонтированные в старой мастерской, а также полученные на военном складе. Опытные слесари Генрих Менг, С. О. Шунейко и молодой техник-механик, рационализатор Семен Иннокентьевич Власов установили здесь громоздкие, семиметровые американские токарные станки «Вильсон», «Мельвекир», французские фрезерные станки «Левлон», «Бондьер», русский токарный станок «Бромлей» производства петербургского завода. Всего было установлено 32 станка. Они работали от четырех электромоторов мощностью по 9 киловатт при помощи трансмиссий.

В кузнечном цехе установили четыре горна с электровентиляторным дутьем, один маленький крутящийся горн с восемью окнами для накаливания мелких поковок, пресс для рубки железа, пресс для штамповки головок болтов, сорокакилограммовый механический молот и т.д. Здесь начали уже работать несколько пар кузнецов и молотобойцев. Среди них были и такие, как кузнецы Ушаков и Янышев, которые ранее трудились в «Кузнечно-слесарной мастерской». На заводе организовали небольшой инструментальный отдел, в обязанность которого входило обеспечение рабочих завода необходимыми инструментами. Заведующим отделом назначили Исаю Леонтьевича Альцмана. Здесь работали мастера Николаев, Китов, токари Копиевкер и старик Нектов. Это был на удивление неразговорчивый человек и резкой противоположностью ему был токарь Г. И. Булычев. Среднего роста, с сухощавым чернявым лицом, он постоянно находился в движении. Придет утром на работу, вставит какую-нибудь деталь в патрон своего токарного станка и, прежде чем

приступить к обработке, начинает неистово плясать между станками, будто делая разминку.

По сравнению с прежней «Кузнечно-слесарной мастерской» завод «Механлит», конечно, стал крупным предприятием, и теперь мелкие заказы на поделку и ремонт разных изделий не могли удовлетворить его. Заводу нужен был большой размах, серьезная планомерная работа. И тогда через Объединенный трест ЦСНХ СССР заводу дали заказ на изготовление пяти тысяч ручных насосов «Альвейер». Это лишь на полгода обеспечивало загрузку завода. Поэтому по распоряжению ЦСНХ Бурят-Монгольской АССР на «Механлите» начали изготавливать всевозможные детали и части машин, механизмов и оборудование для строящихся новых заводов, фабрик города Верхнеудинска. Кроме того, из деревень должны были поступать на ремонт сельскохозяйственные машины.

Однако по вине Верхнеудинской строительной конторы, не выдержавшей сроки строительства, первые три месяца 1931 года работу завода все время лихорадило, нарушались графики, план не выполнялся. Лишь в начале второго квартала работа завода начала постепенно налаживаться.

В июле 1931 года на заводе «Механлит» уже работали 120 человек. Половина из них была обеспечена жилой площадью.

Была теплая, погожая весна тридцать первого года. В воздухе веяло нежными запахами молодой травы и цветов. Демобилизовавшись из армии, я снова приехал на завод «Механлит». Решил поступить на работу в модельный отдел.

«Адольф Викторович, может, у себя. Мы ведь немного знакомы» — подумал я, направляясь к кабинету директора. За столом сидел полнотелый, высокий молодой человек. Я нерешительно потоптался у двери.

— Что нужно, товарищ? — поинтересовался он.

— Хотел поступить на работу, — ответил я.

— На какую работу?

— Я столяр. Могу делать модели...

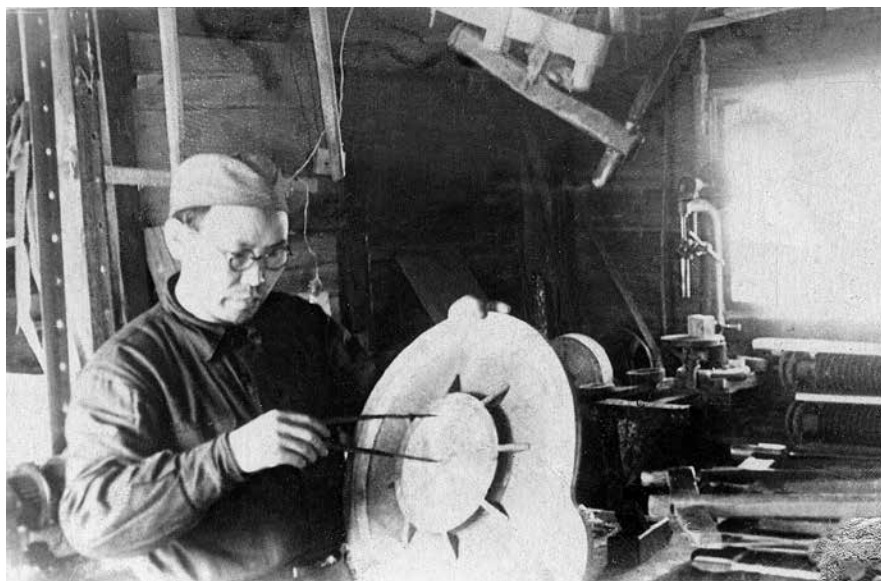
В кабинете был еще один человек, с маленькой бородкой. Он молча слушал наш разговор, потом сказал:

— К Ивану Ларионовичу надо послать его...

Директор что-то написал на клочке бумаги и, отдавая его мне, проговорил:

— Идите в литейный цех, к Ивану Ларионовичу.

Это был новый директор завода Иван Гаврилович Климович. В литейном цехе меня встретил высокий сухощавый старик в очках,

На новом рабочем месте.
Фото из личного архива
Г.Л. Ленхобоева.

с белой бородкой. Я показал ему бумажку. Прочитав записку директора, старик учинил мне настоящий допрос: «Откуда приехал?», «Что умеешь?», «Где научился делать модели?» и т.д. Потом Иван Ларионович, это был он, написал что-то на той же бумажке и сказал:

— Ну, ладно, иди обратно в контору...

Здесь секретарь-машинистка Лямина, предварительно просмотрев все мои документы, написала справку, что мол такой-то гражданин принят на такую-то работу и поставила печать, выдала мне талоны на получение из магазина продовольствия. Теперь я мог считать себя человеком — полноправным членом коллектива завода «Механлит». На следующий день я взял свои инструменты и пришел на работу. Начальник цеха Иван Ларионович повел меня в модельный отдел к старику, работавшему около новенького верстака, блестящего свежей краской и лаком. Когда мы подошли к нему, он оставил работу и повернулся к нам.

— Яков Гаврилович, этот молодой национал будет у нас работать. Познакомьтесь, — сказал Иван Ларионович, пожимая руку старого модельщика. Тот прищурил глаза и очень внимательно посмотрел на меня, чуть заметно улыбнулся и глуховатым голосом проговорил:

— Ну что ж, хорошо...

— Какую бы такую работу дать ему на первый случай, так сказать, для пробы его сил? — сказал Иван Ларионович.

— Право, не знаю, что и придумать, — ответил Яков Гаврилович и, помолчав, предложил. — А что если он сделает из дуба зажим для сушки деревянных изделий?

— Можно, — согласился Иван Ларионович и обратился ко мне:

— Ну, молодой человек, вот этот верстак свободный. На нем и будешь работать. Береги его, — с этими словами он неторопливо зашагал к выходу.

С этого дня я стал работать вместе со старым опытным дарханом Яковым Гавриловичем Востоковым.

Изготовленные мною двенадцать дубовых зажимов с деревянным винтом внимательно осмотрели, проверили Иван Ларионович и Яков Гаврилович и, посоветовавшись между собой, дали мне восьмой разряд столяра. Потом они сказали мне:

— Когда начнешь делать модели, мы дадим тебе разряд и модельщика.

У меня было большое желание научиться делать сложные модели. Но первое время Яков Гаврилович не поручал мне этой работы. Я не обижался, потому что знал — большинство старых мастеров не сразу и не первому встречному передавали свой опыт. Надо было несколько месяцев поработать учеником, быть подручным, потаскать самые тяжелые грузы, делать тяжелую работу, и лишь после всего этого они решались передавать свой опыт. Яков Гаврилович был именно из таких стариков «крепкого уклада».

Иван Ларионович Куделин, да и другие мастера литейщики, как, например, Давыдов и Пулшиц, были очень опытные люди, проработавшие в литейном деле по тридцать-сорок лет. Поэтому, заказывая мне модели, они очень подробно объясняли, как их лучше делать, а если модели не получались, возвращали мне с тем, чтобы я их делал заново, не торопясь. Я понял добрую душу этих людей, готовых всегда прийти на помощь человеку в трудную минуту и их девиз — *Человек человеку друг* — храню в своем сердце. Свыше тридцати лет работаю я на том верстаке, про который сказал в первый

день моей работы Иван Ларионович: «Береги его».

Мне недолго тогда пришлось поработать в модельном отделе, меня перевели на строительно-

монтажные работы, и там трудился я около года. Вот как это получилось. Однажды встретил своего старого знакомого, «сердитого» старика Петра Васильевича Шаригина. Он очень обрадовался и говорит мне:

— Слушай, нухор-тала Галдан, давай-ка поработаем вместе. У нас не хватает плотников, а строительной и ремонтной работы непочатый край. Просто замучился. Много жилых домов надо ремонтировать — дать людям жилье... Ну что, согласен? Не отказывайся, доброе дело сделаем людям нашего завода...

Старому знакомому отказать трудно, пришлось согласиться. Вот мы с ним около года ремонтировали жилые дома рабочих в поселке.

Десять лет проработал на предприятии Адольф Викторович Макаревич, под его руководством «Кузнечно-слесарная мастерская» превратилась в завод «Механлит». А когда он уехал к себе на родину в Польшу, с 15 декабря 1930 года его сменил наш земляк Иван Гаврилович Климович. Он родился в городе Кяхте в 1904 году. После средней школы обучался в Ленинградской партийной школе. Хотя он не имел специального образования, зато был отличным организатором, и это помогало ему в руководстве заводом.

В то время на заводе «Механлит» работало немного квалифицированных, опытных рабочих. Большинство были молодые, только начинающие осваиваться на производстве. По зову партии они приехали из деревень. Их нужно было хорошо обучить новому делу, чтобы скорее превратить в квалифицированных промышленных рабочих, в умелых дарханов и мастеровых.

В Верхнеудинске не было другого металлообрабатывающего предприятия, поэтому первое время часть опытных слесарей, токарей, литейщиков приглашали с Петровского завода. Эти люди делились своим опытом с теми, кто приехал из деревень, обучали их своему рабочему ремеслу.

На заводе «Механлит» работали несколько опытных дарханов-бурят: кузнец Дондок Бардуев и Сэсэгтэ Сэнгуев, уроженцы Хоринского аймака, литейщик по бронзе Жамсаран Базаров, уроженец Агинского национального округа. Жамсаран Базаров родился в 1906 году и по призыву партии приехал на строительство завода «Механлит». Сперва работал он на строительстве жилых домов, а когда построили завод, перешел в литейный цех, поражая всех своим умением в самом сложнейшем бронзовом литье. Он был очень своеобразным человеком. Мастеру цеха Дмитрию Николаевичу постоянно приходилось проводить черту, ограждая место его работы, иначе Жамсаран обязательно «захватывал» рабочее место соседа. Формовщики добродушно посмеивались над ним:

— Ты, Жамсаран, как Чингисхан, любишь захватывать чужие земли.

С первых дней работы на заводе Жамсаран Базаров стал в числе лучших активистов и ударников этого нового коллектива. До самой Великой Отечественной войны проработал он на заводе и в числе первых ушел на фронт защищать свободу и независимость советской земли. Храбро сражаясь против гитлеровской Германии, Жамсаран Базаров отдал свою жизнь за победу над лютым, ненавистным врагом за любимую, прекрасную советскую Родину. Таких людей, как он, героически погибших на фронте, на нашем заводе было много...

Но вернемся к нашему заводу и расскажем о социалистическом соревновании, развернувшимся в тридцатом и тридцать первом годах на предприятиях бурятской столицы. Передовым предприятием, добившимся хороших показателей в социалистическом соревновании за досрочное выполнение первого пятилетнего плана, вручались переходящие Красные знамена партийных, советских и профсоюзных организаций республики и города, а отстающему предприятию — рогожное знамя. И вот как-то коллективу нашего завода предстояло испытать на себе весь позор вручения этого рогожного знамени. План первого полугодия 1931 года мы намного невыполнили, и это серое позорное знамя досталось нашему молодому коллективу. Оно вручалось на многочисленном собрании, поэтому все рабочие стали свидетелями этого. Все мы сидели красные от стыда, стараясь не глядеть друг на друга, и каждый, в большей или меньшей мере, чувствовал свою вину перед заводом и, наверное, поклялся в душе сделать все возможное, чтобы вывести предприятие из такого незавидного положения. Потом стали обсуждать: какому же цеху дать на хранение эту рогожу? В конце концов решили вручить ее начальнику литейного цеха Ивану Ларионовичу Куделину, так как этот цех, выпуская литье низкого качества, тянет назад весь завод. Растерянный, помрачневший поднялся с места начальник литейного цеха старый Куделин и дрогнувшим голосом сказал:

— В нашем цехе работают люди опытные, хорошие. Они не виноваты. Дело тут в другом. Из-за плохого качества формовочной земли выходит брак. Об этом мы не раз уже говорили, но никаких мер до сих пор не предпринимают. Сейчас еще раз обращаюсь к руководству завода о неотлагательном принятии мер. И тогда мы больше не будем получать подобные знамена...

Собрание хором одобрило правдивые слова старого Куделина, и тут же было решено углубить пол формовочного отдела на один метр с тем, чтобы выбросить негодную землю и вместо нее заполнить яму хорошей формовочной землей.

Это было вскоре проделано, и результат не замедлил сказаться. Литейный цех сразу же стал давать литье высокого качества и на протяжении нескольких лет продолжал работать с таким же успехом и всегда занимал первое место на заводе. И вообще положение на заводе с выполнением плана резко изменилось. Люди по-хозяйски относились к своим обязанностям, много рационализаторских предложений было внедрено на производстве. По результатам работы за второе полугодие 1931 года и в связи с празднованием четырнадцатой годовщины Великого Октября многие наши передовики, как, например, формовщик литейного цеха Жамсаран Базаров, слесари С. И. Шунейко, Абрамов, а также начальник механического цеха Сергей Андреевич Марфин были удостоены почетных грамот партийных, советских и профсоюзных организаций республики и города.

После XVI партсъезда по всей стране развернулось движение ударников труда. Рабочим, ударникам машиностроительной промышленности выдавались «Всесоюзные паспорта ударников», в которых было записано, что ударник является строителем социализма, зачинателем нового, передового и является инициатором социалистического соревнования. На нашем заводе с каждым днем множилось число ударников труда.

В начале декабря 1931 года к нам на завод приехал первый секретарь Бурят-Монгольского областного комитета партии Михей Николаевич Ербанов. Секретарь обкома ознакомился с заводом, побывал в домах рабочих, а вечером в помещении столовой выступил перед собранием рабочих. Он подробно рассказал о новых больших предприятиях, строящихся в республике, отметил много недостатков в работе нашего завода. В свою очередь рабочие указали на необходимость улучшения продовольственного снабжения.

Завод «Механлит» уже имел большой опыт в изготовлении насосов. Поэтому от одного крупного иркутского завода поступил заказ на изготовление специальных двухцилиндровых насосов высотой в два с половиной метра. Для нашего завода это был довольно сложный заказ. В начале 1932 года выпустили первый такой насос, но при испытании его из двух воздушных помп просачивалась вода. Пришлось еще и еще раз делать помпы, пока, наконец, насос был признан годным. В то время у нас не было точных измерительных приборов, лаборатории и даже микрометров. Вместо них были чуткие руки, точный взгляд старых мастеров. Глазами и руками они точно определяли размер той или иной детали, словно в глазах у них горел волшебный огонь, а в руках были чуткие электронные нервы. Когда нужно было определять качество формовочной земли, они брали ее в руки и, словно прессуя, сильно сжимали в комок, потом катали этот

комков на ладони. Чтобы определить качество чугуна, они отбивали от него маленький кусочек, тщательно рассматривая свежий излом. Чтобы узнать, что можно изготовить из стали, они предварительно закаливали ее, а потом по излому или надрезу точно определяли это. Старые кузнецы соединяли железо или сталь накаливанием в горне с последующей обработкой молотом на наковальне. Работу кузнецов тех времен, конечно, нельзя сравнить с работой в наше время. Раньше их труд был куда сложнее и тяжелее.

В первом квартале 1932 года выполнение заказа по изготовлению насосов было в самом плачевном состоянии. Не хватало бронзы. На изготовление насосов ее требовалось в год 22 тонны, такого количества мы никогда не получали. Приходилось собирать бронзу, медь, латунь где попало, брать в дацанах и церквях. Но этого хватило ненадолго, и настало время, когда завод приостанавливал производство насосов на несколько дней и даже на месяцы. От этого, конечно, страдало общее выполнение плана. Надо было что-то срочно предпринять, чтобы выправить положение.

Не хватало и жидкого топлива для производства бронзового литья, а также каменного угля для паросиловой станции. А это вызывало остановки всего производства.

В то время грузовых автомашин было очень мало, основную транспортную работу выполнял гужевой транспорт. Но и лошадей не хватало, так как в городе шло большое строительство. У нас было всего четыре лошади. Одну из них использовали для легкой езды работники конторы и директор, вторая была занята на подвозке угля от железнодорожной станции до завода и две работали на внутрицеховой и междучеховой транспортировке. В конце тридцать первого года завод получил одну полутонную грузовую автомашину. Но и это не спасло положение.

В мае 1932 года директор завода Климович выехал в Москву с предложением прекратить производство насосов из бронзы и перейти на изготовление их из чугуна и железа. В Москве не приняли во внимание доводы нашего директора, но дали заводу новый заказ на изготовление 1, 2, 3 и 4-дюймовых кранов для нефтяной промышленности.

Таким образом, мы избавились от насосов и перешли на производство кранов. Кроме этого, по заказу нашей республики мы начали изготавливать чугунные приборы для печей. Эта работа была нам под силу, и мы всегда перевыполняли план.

В то время у нас еще не было технического, конструкторского отдела, на заводе работали всего два инженерно-технических работника. Один из них инженер Харшевский, сменивший главного инженера Шапова. Другой — техник-механик Семен Иннокентьев

вич Власов, летом тридцатого года окончивший Иркутский индустриальный техникум. Он был главным механиком завода, весьма энергичный, инициативный человек, внедривший в производство много рационализаторских предложений. Через его руки проходила вся техническая документация, он занимался нормированием труда, участвовал в ремонте механизмов, станков и оборудования, руководил установкой новых и старых механизмов, учил людей.

В марте 1933 года в городе Верхнеудинске образовалось новое управление «Совмонтупторг», которое должно было заниматься перевозкой грузов между Советским Союзом, Монгольской Народной Республикой и Тувинской Республикой. Грузы должны были перевозиться по трем дорогам: тункинскому, кяхтинскому и борзинскому трактам. Потребовались специальные мастерские для ремонта автомашин «Совмонтупторга», которые были организованы на станциях Култук, Борзя и в городе Верхнеудинске. В Верхнеудинске «Совмонтупторгу» передали все автомашины «Союзтранса» с его автомастерской ЦАРМ. Кроме того, новое управление получило еще 45 новых автомашин. Но ЦАРМ (Центральные авторемонтные мастерские) не могли справиться с текущим, средним и капитальным ремонтом автомашин управления. Поэтому в апреле того же 1933 года завод «Механлит» объединили с ЦАРМом и дали ему новое название АРМЗ (Автомобильно-ремонтный механический завод). Директор и многие другие руководители и специалисты АРМЗ были прибывшими из Москвы.

АРМЗ должен был ремонтировать 35–40 машин в месяц, но из-за нехватки помещения план ремонта срывался. Тогда построили два деревянных помещения, где можно было ремонтировать по семь машин одновременно. Построили также деревянный столярный цех для починки автомобильных кузовов. Все оборудование завода было приспособлено для ремонта автомашин, сделали много стеллажей для запасных частей, установили специальное оборудование для мойки и чистки деталей машин. Но в то время еще не было современного оборудования, станков и механизмов, многие трудовые процессы выполнялись вручную. Например, человек десять поднимали мотор автомобиля, чтобы снять его с рамы, внутренность цилиндра обрабатывали кустарным способом, шейки коленчатого вала обрабатывали на простом токарном станке, а чтобы подогнать клапана, молодые слесари забирались на блоки, точь-в-точь как сажаются на неоседланных лошадей, и давай крутить ручной дребелью.

Не хватало электроэнергии. Особенно плохо были обеспечены электрическим светом жилые дома рабочих. Однажды к нам на завод приехал Дажуп Дансаранович Доржиев — председатель Совета Народных Комиссаров Бурят-Монгольской республики, созвал ми-

тинг и очень обрадовал нас словами: «Скоро сдадим в эксплуатацию городскую электростанцию мощностью в две тысячи киловатт».

С образованием АРМЗ был прекращен прием заказов на производство изделий широкого потребления, да и части автомашин изготавливались в незначительном количестве. Поэтому намного сократилась работа литейного цеха, который теперь был загружен всего один день в неделю. В этом цехе осталось очень мало рабочих-литейщиков. На всем заводе в то время работало до трехсот человек.

За двадцать месяцев работы «Совмонтупторга» на нашем заводе сменилось четыре директора: Стасюченко, Вишневский, Яковлев и Александров. Они почему-то не обращали внимания на перспективу, заблаговременно не заготавливали, не заказывали нужные материалы. Из-за недалековидности руководителей нам всегда не хватало нужных материалов, не оказывалось под руками необходимых запасных частей. В результате снижалась производительность труда, и за двадцать месяцев было перерасходовано 900 тысяч рублей.

Вскоре управление «Совмонтупторга» было ликвидировано, наш завод передали в распоряжение наркомата местной промышленности Бурят-Монгольской АССР и предприятию вернули старое название: Улан-Удэнский механизированный литейный завод «Механлит».

27 июля 1934 года город Верхнеудинск был переименован в город Улан-Удэ. Наркоматом местной промышленности директором завода «Механлит» был назначен Анатолий Баранников.

Новый директор, принимая завод от Александра, оставил на предприятии всего 130 человек. Остальные попали под сокращение ввиду изменения профиля производства. Специалисты по ремонту автомашин, руководящие работники и служащие вернулись в Москву. На завод «Механлит» постепенно начали возвращаться старые работники, рабочие и специалисты. Мы снова начали выпускать чугунно-металлические изделия широкого потребления: чугунное литье для печей, тележные втулки, колеса ручных тележек и прочее.

В то время уже строились ЛВРЗ, мясоконсервный комбинат, мелькомбинат, механизированный стекольный завод. Для них мы тоже изготавливали часть оборудования, детали для оснастки механизмов. Лесозаготовительным предприятиям завод делал тормозные колодки и башмаки платформ для узкоколейных и ширококолейных железных дорог. Кроме того, выполнялись крупные заказы Монгольской Народной Республики. Таким образом, деятельность завода снова пошла в гору, из месяца в месяц росло число передовиков и ударников производства.

Как раз в это время по всей стране развернулось стахановское движение, и рабочие нашего завода активно поддержали его, включившись в социалистическое соревнование за высокие показатели в труде. Литейщик Александр Романович Архипов, вагранщик Степан Николаевич Иванов, формовщики Жамсаран Базаров, Петр Иннокентьевич Бахлушин, стерженщица Елизавета Ивановна Демидова, кузнецы Василий Ермоленко, Колесников, Ефим Романович Архипов, молотобойцы Алексей Вершинин, Гавриил Неустроев, токари Г. М. Юртовинцев, П. Жильцов, О. Г. Бахрушкина, слесарь Василий Иванович Колбин, И. Н. Иванов, И. О. Шунейко, а также модельщики столярно-модельного отдела за высокие показатели в работе первыми на заводе добились звания стахановцев.

Осенью 1935 года бывший директор нашего завода Иван Гаврилович Климович вернулся на свою старую работу. Возвратились главный инженер Харшевский и начальник механического цеха Сергей Андреевич Марфин.

Инженер Харшевский — веселый человек среднего роста с легкой походкой. Ему в то время было за сорок, не больше. Любил разговаривать загадками. Перед тем как дать какое-нибудь задание, начинал разговор с загадок. В общем, был оригинальный человек.

Однажды и мне пришлось испытать это на себе. Как-то вызвали меня в кабинет директора. Там сидели директор Климович и главный инженер Харшевский и о чем-то разговаривали. Увидев меня, Харшевский чуть прищурил хитроватые глаза, еле заметно улыбнулся и сказал:

— У меня есть два вопроса... Сколько будет, если написать цифру один, прибавить к ней двадцать один ноль, а потом разделить все это на два?

Задав вопрос, он совершенно серьезно уставился на меня, ожидая ответа. Но, хорошо зная привычку главного инженера, я не стал ломать голову над его вопросом, а сразу же кинул ему встречный вопрос:

— А сколько будет, если написать цифру пять и прибавить к ней двадцать нулей?

Харшевский не ответил, добродушно рассмеялся и задал второй вопрос:

— Как думаешь, почему дерутся две шестерни бегунка, который мешает формовочную землю в вашем литейном цехе?

Откуда мне было знать, почему эти шестерни «дерутся», ведь я никогда не обращал на них внимания, хотя и частенько заходил в литейный цех. Харшевский сам ответил на свой вопрос:

— Эти шестерни «дерутся» из-за того, что не подошли одна к другой. Надо будет тебе посмотреть на их работу, найти причину непо-

ладок и, если надо, сделать модели, чтобы изготовить новые шестерни. Если что будет непонятно, скажешь мне...

Получив такое задание, я отправился в литейный цех и стал наблюдать за работой бегунка и этих шестерен. Оказалось, что они подпрыгивают от тяжести своего веса. Тогда я приспособил с другой стороны холостую шестерню. Подпрыгивание прекратилось, и бегунок до сих пор готовит формовочную землю.

По разным причинам в тридцать шестом году плохо выполнялся план выпуска четырехкулачковых патронов для токарных станков. Поэтому Иван Гаврилович поехал в Москву, чтобы добиться другого заказа. Он привез задание изготовить четыре разных сепаратора и чертежи к ним. Новый заказ обсудили на совещании инженерно-технических работников. Было решено, что на существующем оборудовании не удастся выполнить новый заказ, потребуются другое оборудование и механизмы. Поэтому завод отказался от нового заказа и продолжал выпуск прежней номенклатуры. К этому времени у завода была задолженность кредиторам в размере 400 тысяч рублей, накопившаяся за несколько предыдущих лет.

В октябре 1936 года Ивана Гавриловича Климовича сменил старый партизан Михаил Степанович Боженко. С первых дней своей работы М. С. Боженко начал добиваться передачи завода из ведения наркомата местной промышленности другому наркомату, который мог бы пополнить оборотные средства для расчета с кредиторами и наладить работу предприятия, обеспечив его другими заказами и отпустив средства на дополнительное строительство. Но из этого ничего не получилось, завод по-прежнему производственный план не выполнял. В мае 1937 года вместо М. С. Боженко директором стал главный инженер Анатолий Антонов. Но и это не изменило положения.

В октябре 1937 года завод передали бурят-монгольскому тресту наркомата лесной промышленности СССР, и он получил новое название — АТРЗ (Авто-трактороремонтный завод). Списали наши старые долги, и мы начали ремонтировать грузовые автомашины «ЗИС-5», тракторы «С-80», «СТ-65», «С-60». Кроме того, продолжали выпускать тормозные колодки, башмаки и другие изделия для предприятий лесной промышленности Бурятии. Намного сократился выпуск печных чугунных изделий.

Снова потребовалось переоборудование завода, чтобы приспособить его для ремонта автомашин и тракторов. Эта работа шла полным ходом, когда сняли Антонова как не справившегося с работой, и на его место назначили Федора Николаевича Куприна.

В это время был установлен новый станок «Келинберг» для обработки шейки коленчатого вала автомашин и тракторов. Быстро росло число людей, которые освоились с новой работой и стано-

вились опытными ремонтниками тракторов и автомашин. Наладилась работа литейного цеха. Он стал самым передовым цехом на заводе, но, к сожалению, ненадолго. С осени тридцать седьмого года начались перебои в снабжении завода коксом и чугуном, что в свою очередь приводило к задержке литейных работ иногда на десять-двадцать дней. Куприн никаких действенных мер не принимал, ограничивался лишь составлением актов, виня вышестоящие органы в плохом снабжении коксом и чугуном и в срыве производственного плана. Бурят-монгольский трест снял Куприна и 27 февраля 1938 года на его место назначил Григория Петровича Мельникова, работавшего заместителем директора. Григорий Мельников был опытным работником, уже несколько лет проработавшим заместителем, но и ему не удалось наладить работу завода. Поэтому в августе 1939 года на пост директора пришел старик Васильев, как говорили, весьма опытный в ремонтном деле человек, а главным инженером стал Леонид Иванович Коновалов. Однако то, что говорили о старике Васильеве, не подтвердилось. На деле он оказался плохим организатором, не сумел обеспечить выполнение плана и повышение производительности труда. И уже 14 января 1940 года директором стал Леонид Иванович Коновалов.

Нашему заводу АТРЗ предложили, кроме ремонта автомашин, тракторов и моторов, заняться переоборудованием автомашин и больших тракторов на газогенераторные. Это снова вызвало ломку технологического процесса, потребовалось устанавливать новое специальное оборудование, приборы.

Леонид Иванович Коновалов с первых же дней поставил дело так, что каждый рабочий отвечал за качество работы, чтобы мастера и начальники цехов всецело отвечали за выполнение плана, повышение производительности труда и качество выпускаемой продукции. Ликвидация обезлички в работе позволила заводу всего за каких-то пять месяцев расплатиться с долгами. Предприятие вышло из прорыва, стало перевыполнять план. Появился фонд директора, за счет которого премировали передовиков, отпускали средства на строительство. За короткое время были построены цех вулканизации автопокрышек, столярный цех и большой утепленный склад.

Лето 1941 года... Настали тяжелые дни для нашей Родины. Фашистская Германия напала на нашу страну. Началась Великая Отечественная война советского народа против гитлеровских захватчиков. Как один человек, с оружием в руках встал весь советский народ на защиту Советской отчизны. И многие рабочие, инженерно-технические работники и служащие нашего завода отправились на фронт.

На нужды фронта взяли и наши автомашины, с ними уехали и наши шофера. На заводе остались старики, подростки и женщины. В это же время завод вновь получил свое прежнее название — «Механлит».

Настали трудные дни. На предприятии осталось не более двадцати опытных рабочих, почти не было инженерно-технических работников. Требовалось как можно быстрее подучить подростков, домохозяек, стариков и ни на день не останавливать производство. Эта задача была решена — вскоре из этих людей вышли неплохие слесари, токари, литейщики и другие рабочие, которые с честью продолжали традиции коллектива.

Был конец сентября. Успешно заканчивали план ремонта тракторов и автомашин, когда нашего директора срочно вызвали в Красноярск. Оттуда он привез срочный военный заказ: заводу предписывалось в кратчайший срок приступить к изготовлению мин «М-50». Чертежи мин и другие указания, а также взрыватели, взрывной порох и прочее должны были поступить из Москвы. Кроме того, Красноярский судостроительный завод отгрузил нам специальный аппарат для точеной электросварки и большой пресс. На подготовительную работу ушло десять суток напряженного труда. Чувствуя большую ответственность перед фронтом, люди трудились и днем, и ночью и через десять суток приступили к серийному выпуску боевого оружия. В октябре при плане трех тысяч мин выпустили четыре тысячи. Однако этого было недостаточно. Надо было резко увеличивать производство, для чего требовалось механизировать и рационализировать многие процессы. Это позволило к весне 1942 года выпускать уже 15 000 мин в месяц!

Ушли на фронт еще восемь человек из оставленных по брони опытных рабочих. Труднее стало молодежи, женщинам и старикам, особенно в литейном цехе. В то время я работал мастером в механическом цехе. В январе 1942 года меня назначили начальником этого цеха. Кроме того, военное ведомство поручило мне контролировать качество выпускаемой продукции.

К началу войны наш завод имел пять грузовых автомашин и четырех лошадей. Когда началась война, на военные нужды взяли все наши автомашины и две лошади. На двух оставшихся лошадях разве выполнишь все транспортные операции внутри завода? Пришлось искать выход. Мы отремонтировали старую полуторку, и женщина-шофер Анна Павлуцкая стала выполнять все транспортные работы. А на оставшихся лошадях возили грузы между цехами. И тут случилась новая беда.

Однажды теплым, ясным весенним днем со стороны конюшни послышались крик, шум, женский плач. «Что там случилось? Наверное, бабы из-за лошадей дерутся?» — подумал я и быстро направил-

ся туда. Подойдя к конюшне, я увидел трех женщин: заведующую складами Марию Ивановну Жарникову и работниц литейного цеха Анну Никифоровну Тирскую и Анну Артамоновну Шилину. Они отчего-то ревели навзрыд, а старый конюх Федор Рымарев нехотя снимал хомут с коня. Другой конь стоял тут же, привязанный к телеге. Здесь же были два милиционера. Они нетерпеливо ждали, когда, наконец, этот медлительный старикан распряжет лошадей, никакого внимания не обращая на голосивших женщин и отчаянное жестикулирование начальника снабжения завода Василия Петровича Агапитова. На лицах блюстителей порядка была написана непреклонная воля.

— Как прикажете возить груз между цехами? На плече что ли таскать? Здесь производим боевые мины, нужные фронту, а не что-нибудь такое! Вам это понятно или нет?! Для защиты Родины они необходимы! Вам это, видно, тоже непонятно! В голове у вас что? Не мякина же, в конце концов! — кричал начальник снабжения, размахивая руками перед самым носом капитана милиции.

— Мякина или мозг — не ваше дело, товарищ Агапитов, — невозмутимо отвечал капитан милиции. — Вы слишком-то не прыгайте, гражданин Агапитов! И не оскорбляйте представителей закона! А то худо будет, понятно? Приказ есть приказ, мы обязаны его выполнить.

— Сорвете работу завода — будете отвечать! Будете держать ответ перед советской властью, перед фронтом! Это вам понятно? — не унимался начальник снабжения.

— Понятно, понятно... Ну, нечего тут разводить канитель, живее распрягайте лошадь! Некогда нам тут с вами ругаться, — твердым голосом приказал капитан.

— Никак не пойму, что же тут случилось? — спросил я, подойдя к одной из женщин, утиравшей платком мокрые глаза.

— Пришли вот эти двое... Хотят увезти наших коней, хотят пристрелить... — ответила она.

— Почему же вы хотите уничтожить наших последних лошадей? — обратился я к капитану милиции. Он спокойно ответил:

— В Улан-Удэ появилась лошадиная болезнь — менингит. Поэтому в целях профилактики, чтобы задержать дальнейшее распространение болезни, решено истребить всех лошадей.

— Истребление рабочих лошадей в военное время — не пахнет ли это саботажем, товарищ капитан? Наши лошади никогда не выходят за ворота завода, заняты только на междучеховой перевозке грузов и никак не могут принести откуда-нибудь заразную болезнь. Зачем уничтожать таких лошадей. Надо же было учитывать это положение, — стараюсь я растолковать капитану. Но он непреклонен:

— Такой приказ. Ничего не сделаешь, товарищ. Ничего не сделаешь, — твердит он.

— И что без анализа, без проверки будете уничтожать?

Капитан милиции снова разводит руками — ему нечего сказать. Но все равно стоит на своем, хоть стучи ему по лбу.

— Их даже нельзя вести на поводу, придется грузить на автомашину, — твердит он. — А после этого автомашину тщательно вымыть и почистить.

Так мы остались и без лошадей. Очень трудно стало работать литейному цеху. Кокс, дрова и чугунное сырье стали возить на ручных тележках и носить в тачках. А ведь тогда работали в основном женщины, подростки и старики. Много ли они могли натаскать за день? К концу рабочего дня так уставали, что не в силах уже были передвигать ноги.

Прошло довольно много времени, пока мы получили девять лошадей монгольской породы. Надо было срочно обучить их. За это взялся старый наездник Семен Петрович Суворов. Он за короткое время обучил семь лошадей, и мы начали использовать их на перевозках. Две лошади обучил сам директор завода Леонид Иванович Коновалов. Их использовали для разъездов работников конторы.

25 августа 1942 года Наркомлес СССР присудил вторую денежную премию в размере 225 тысяч рублей, а в октябре того же года наш коллектив удостоился денежной премии в сумме 300 тысяч рублей и переходящего Красного знамени Наркомлеса СССР и ВЦСПС. Для вручения наград из Москвы приехал начальник главка Борис Игнатович Гарадов. Он привез с собой ящик победита «Альфа», который был очень кстати, так как в то время сильно не хватало стойких режущих материалов. Кроме того, он обещал отпустить нам красную медь, электрические лампы, а также еще партию победита. С тех пор Москва регулярно снабжала нас необходимыми материалами и сырьем.

С ноября 1942 года завод прекратил выпуск мин «М-50» и начал готовиться к производству мин «М-82». Мы получили предписание в ноябре послать на фронт пять тысяч новых мин. Благодаря упорной работе начальника инструментального цеха Эдуарда Антоновича Гардичука, токаря Николая Семеновича Федорова и слесаря Василия Ивановича Колбина, которым были поручены подготовительные работы, завод успешно справился с ответственным заданием и указанное количество мин отправил на фронт. Кроме того, наш завод подготовил документацию мин «М-120» и передал их другому предприятию для производства.

За успешное выполнение плана производства мин директор завода Леонид Иванович Коновалов, секретарь партийной организации Иван Петрович Петенко, мастер литейного цеха Дмитрий Нико-

лаевич Давыдов, заливщик Ефим Романович Архипов, стерженщица Елизавета Ивановна Демидова были награждены орденами и медалями Советского Союза. За опытом к нам приезжали инженерно-технические работники заводов Читы и Иркутска.

В разгар военных действий у нас кончился кокс. Леонид Иванович срочно позвонил в Москву начальнику главка. Тот обещал отправить антрацит. Но для того, чтобы до поступления антрацита не останавливать производство, решили собирать и использовать не полностью сгоревший кокс. Его смешали с древесным углем и временно вышли из трудного положения. А когда кончилось жидкое топливо, мы соорудили специальную печь, отапливаемую каменным углем. Благодаря этому производство боевого оружия не приостановилось, и завод продолжал перевыполнять задания, выпуская ежемесячно тысячи мин.

В марте 1943 года Леонид Иванович Коновалов был избран секретарем областного комитета партии по промышленности и транспорту. Директором временно назначили инженера главка Лессудомашстроя Игната Романовича Соколова. Вскоре его заменил заведующий плановым отделом главка Дмитрий Сорокин. Он проработал недолго. План августа был выполнен только на 55%. Побоявшись показать свою неспособность руководить, новый директор стал на путь очковтирательства. В отчете, представленном главку, было указано, что августовский план выполнен на 105%. Обман государства был вскоре раскрыт, и приказом Наркомлеса СССР от 11 октября 1943 года Дмитрия Сорокина сняли с работы. Его место временно занял главный инженер завода Анисим Федорович Марин. А в январе 1944 года завод принял новый директор Анатолий Николаевич Федорович. Дело пошло на улучшение. План девяти месяцев был успешно выполнен, и заводу вновь присудили переходящее Красное Знамя и первую денежную премию Наркомлеса СССР и ВЦСПС.

С этого времени мы уже прекратили выпуск боевых мин и перешли на производство товаров широкого потребления. С начала 1945 года приступили к ремонту автомашин для лесной промышленности.

За самоотверженную работу в годы Великой Отечественной войны и большой вклад в победу над гитлеровским фашизмом шестьдесят лучших работников и рабочих нашего завода были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

После войны до 1961 года завод «Механлит» продолжал капитально ремонтировать тракторы «КТ-12», «ТДТ-40», «ТДТ-50», «ТДТ-60» и автомашины «МАЗ-200», а также моторы тракторов и автомашин.

Автобиография.

Я, Ленхобоев Галдан Ленхобоевич, родился 15/10. 1907 года в улусе Верхне-Оронгой Гильбиринского с/совета, Селенгинского района Бур. АССР в семье бедняка.

Родители до революции занимались скотоводством, после революции работали в колхозе.

Образование самоучки, беспартийный.

С 1923 по 1929 год работал по найму столяром и резчиком по дереву. С 1929 по 1930 год служил в советской Армии.

С 1931 года до сего времени работаю на заводе «Электромашина», в качестве модельщика. За период времени работы имею следующие награды: медаль «За доблестный труд», орден «Трудового Красного знамени» и также удостоверение

«Отличник соц. соревнования» РСФСР, и почетную грамоту президиума Бур. АССР. Избран один раз депутатом городского совета гор. Улан-Удэ. В 1963 году присвоено звание «Заслуженного рационализатора РСФСР».

В последние годы я занимаюсь в свободное время изготовлением изделий декоративно-прикладного искусства по дереву, и также участвую на разных выставках в г. Улан-Удэ. На декадной выставке в 1959 году в Москве был награжден медалью «За трудовое отличие», и затем на выставке «Советская Россия». Кроме того в музеях Москвы, Ленинграда и Бурятии в 1960г. на конкурсе образцов изделий худ. пром-ти РСФСР получил 2-ую премию за оригинальные сосуды из дерева на бур-ом мотиве. Также занимаюсь историей этнографии бур-ого народа при бурятском комплексном НИИ, и занимаюсь изучением народной медицины.

К сему

28/2.1965г.

Автобиография 1965 г.
Из личного архива Г.Л. Ленхобоева.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

На модельщика механического цеха Улан-Удэнского завода "Механлит" тов. ЛЕНХАБОВЕВ Гаддан Ленхабевича 1907 года рождения, образование 6 классов, беспартийного, по национальности - бурят.

Тов. ЛЕНХАБОВЕВ Гаддан Ленхабевич работает на Улан-Удэнском заводе "Механлит" с 28 мая 1931 года по настоящее время в качестве модельщика литейного отделения механического цеха.

За 29 летнего стажа работы на заводе тов. ЛЕНХАБОВЕВ Г.Л. зарекомендовал себя, как один из лучших производственников ветеранов завода, систематически перевыполняет норму выработки на 120% и с отличным качеством работы.

Как лучшего производственника, коллектив рабочих ИТР и служащих завода оказывал и оказывает тов. ЛЕНХАБОВЕВУ Г.Л. высокое доверие, избрав его депутатом Улан-Удэнского городского Совета Депутатов трудящихся, и находясь на этом высоком посту Депутата, с честью выполняет возложенные обязанности.

За высокие производственные показатели, долголетнюю и безупречную работу ЛЕНХАБОВЕВ Г.Л. занесен в книгу почета завода дважды, награжден Орденом трудового Красного Знамени, двумя медалями за Трудовую доблесть, почетной грамотой Президиума Верховного Совета БАССР.

Своей деловой и политической активностью тов. ЛЕНХАБОВЕВ Г.Л. пользуется уважением и авторитетом со стороны коллектива завода.

Характеристика дана для представления Заместителю Председателя Совета Министров Бурятской АССР на предмет приобретения легковой автомашины.

ДИРЕКТОР ЗАВОДА .- *Ананин* / П. БУРЛОВ/
 СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО.- *Сидоров* / КОЛОДА /
 ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗАВКОМА.- / НОСИКОВ /
 СЕКРЕТАРЬ КОМИТЕТА

В мае 1951 года Анатолия Николаевича Федоровича снова сменил главный инженер Анисим Федорович Марин. Он проработал директором до 8 августа 1951 года. Потом директором завода был назначен Павел Нилсанович Бурлов, который работает до сих пор.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 1 января 1961 года об организации электротехнической промышленности в Бурятской АССР наше предприятие было переименовано в завод «Электромашина». Мы начали выпускать новую продукцию — мощные электромоторы. Кроме того, приступили к выпуску автокранов марки «МАЗ».

Завод постоянно расширяется и автоматизируется. В прошлом маленькая кузнечно-слесарная мастерская с тремя-четырьмя десятками рабочих теперь превратилась в крупный завод, коллектив которого насчитывает свыше тысячи человек.

Техническое перевооружение завода идет полным ходом. Во всех цехах и отделах установлены новые станки и оборудование. Из старых станков остались только «Бромлей», «Мельвекир» и мой верстак. Здесь установлены мощные прессы, электромоторы, универсальные токарные, фрезерные, строгальные, сверлильные и другие станки последних лет выпуска. Построены новые светлые корпуса. Зайдешь в цех — светло, уютно, всюду чистота и порядок. Котельный цех немного расширился, пополнился еще одним мощным паровым котлом «ДКВ 6-13». Строится трехэтажный электромоторосборочный цех.

Да, совсем неузнаваемым становится наш завод «Электромашина». Смотришь летним днем на его белоснежные корпуса, что утопают в сплошной зелени деревьев среди разноцветных цветочных клумб. А между ними сверкают бетонированные дорожки.

Не так уж много воды утекло по бурной полноводной Селенге после жестоких военных лет, а жизнь людей изменилась до неузнаваемости. Большинство рабочих завода обеспечены квартирами. Наши дети учатся в новом многоэтажном здании школы, летом отдыхают в пионерских лагерях, участвуют в туристских походах по самым живописным уголкам республики. При заводе построено большое новое здание клуба, в нем разместились кинотеатр «Восток», библиотека, читальный зал. Здесь работают кружки художественной самодеятельности и спортивные кружки. Рабочие завода проводят здесь свое свободное время. Много рабочих, специалистов и служащих завода ежегодно получают путевки в дома отдыха, на курорты и в санатории, а также выезжают в разные страны по туристским путевкам.

Неизмеримо возросла организующая роль партийной, комсомольской и профсоюзной организаций завода. В 1921 году в «Кузнечно-слесарной мастерской» был всего один коммунист Адольф

Викторович Макаревич. Вскоре кандидатами в члены партии были приняты три человека. К концу строительства нового завода насчитывалось шесть коммунистов. В настоящее время в партийной организации завода состоит на учете более ста членов партии, еще больше комсомольцев, а членами профсоюза являются все рабочие, специалисты и служащие завода.

Начиная с 1947 года у нас существует Книга почета завода, куда уже занесены имена ста с лишним человек. Некоторые лучшие рабочие, ударники труда занесены в Книгу почета дважды, некоторые трижды. На заводскую доску почета заносится еще большее число передовых рабочих, ударников труда. Широкий размах получило на заводе рационализаторско-изобретательское движение. В 1962 году из 270 поступивших рационализаторских предложений было внедрено в производство 250, что дало предприятию большую экономию материальных и денежных средств. 167 рабочих и инженерно-технических работников завода являются членами Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Это говорит о небывалом росте технических знаний рабочего человека, который активно участвует в техническом перевооружении промышленных предприятий. Многие рабочие нашего завода обучаются в высших учебных заведениях, в техникумах, школах рабочей молодежи, а также на разных курсах, в кружках политпросвещения.

Коммунистическая партия, Советское правительство учат нас постоянно укреплять связь города с деревней. С 1938 года мы шефствовали над колхозом имени Калинина Иволгинского аймака, помогали в ремонте сельскохозяйственных машин и уборке урожая. В трудные годы Великой Отечественной войны коллектив взял шефство над колхозом «Коминтерн» того же аймака. А с 1954 года по предложению обкома партии мы стали шефствовать над колхозом имени Кирова Селенгинского аймака, ремонтировали сельскохозяйственную технику, строили животноводческие помещения, помогали в уборке урожая. Нами были построены коровник на двести голов и просторная культбаза. В ответ на нашу помощь колхоз предоставляет нашим рабочим землю под посадки картофеля.

Еще несколько слов о наших потомственных рабочих, которые всю жизнь трудились на родном заводе и, уходя на пенсию, завещали своим детям продолжать их рабочее дело. Это Федор Леонтьевич Рымарев, Михаил Савельевич Моксоев, Степан Николаевич Иванов, Егор Петрович Пермитин, Ефим Романович Архипов и многие другие. Эти старые рабочие, уходя на пенсию, оставили в коллективе своих сыновей, дочерей, внуков и внучек, которые сейчас с честью продолжают трудовые дела своих отцов и дедов. Для них завод «Электромашина» стал родным заводом.

В 1958 году по примеру рабочих депо города Москвы по всей стране развернулось движение за звание бригад и ударников коммунистического труда. Многие бригады и рабочие нашего завода одними из первых в республике включились в это патриотическое движение. Ю. Филиппов, И. Емельянов первыми получили звание ударников коммунистического труда. В настоящее время весь коллектив нашего завода включился в это соревнование, и сейчас почти половина рабочих своим добросовестным трудом завоевала уже это высокое звание.

Еще шире развернулось у нас социалистическое соревнование за претворение в жизнь великих предначертаний XX, XXI, XXII съездов Коммунистической партии Советского Союза за досрочное выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В эти дни наши люди, еще выше подняв знамя социалистического соревнования, преисполнены решимости семимильными шагами двинуться в светлое будущее, в коммунистическое завтра.

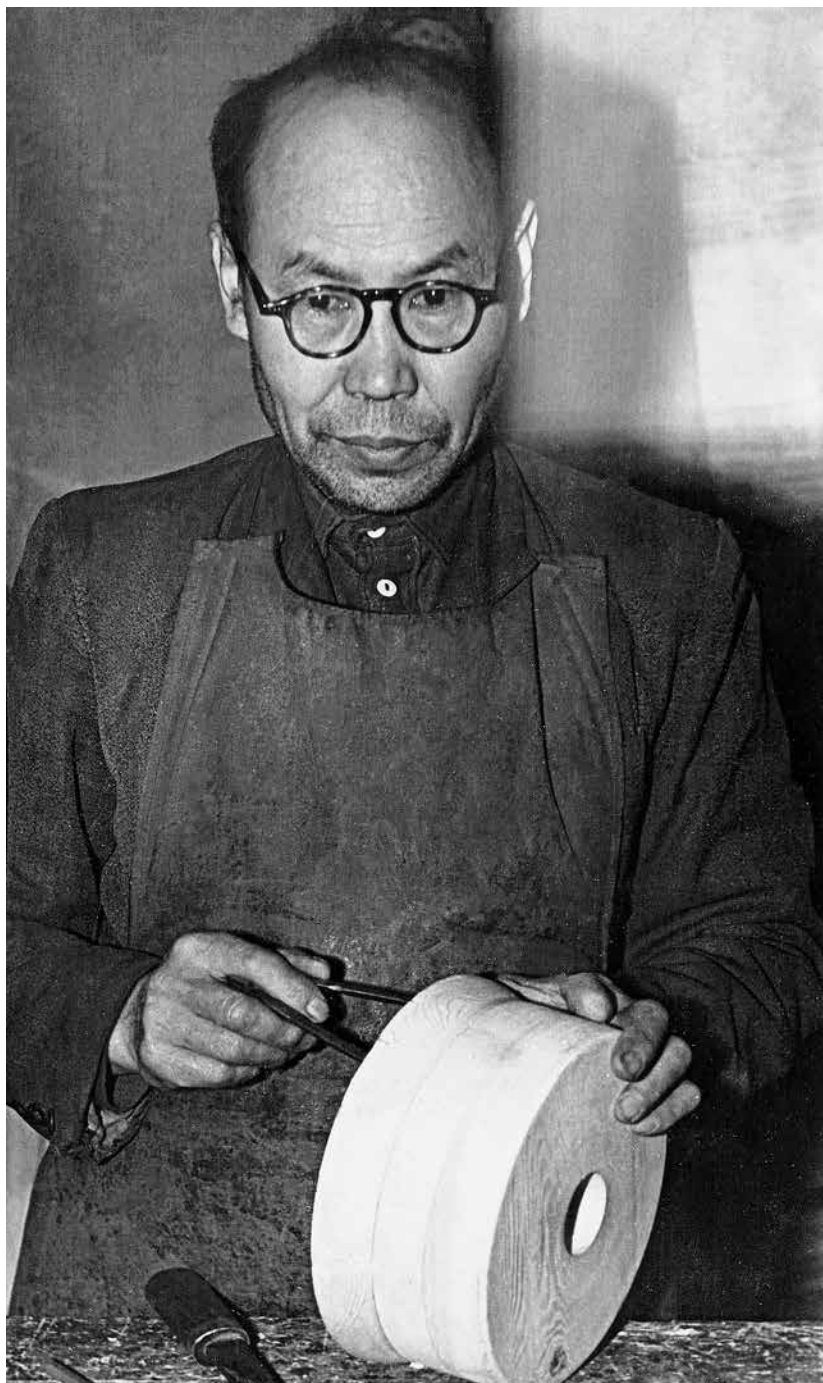
Упрямый путник продолжает свой путь. На нем запыленный дэгэл и истоптанные унты. Позади остались годы, ушедшие в глубину седых веков. Впереди — годы, идущие в глубину далеких столетий. Впереди лежит дорога длиною в тысячи световых лет, дорога, на которую смело шагнул советский человек-исполнитель, вооруженный высшими достижениями научно-технической современности.

Эх, времена и годы! Как быстро летят они над необозримыми просторами нашей Родины! Каждый день приближает нас к светлому будущему человечества, к коммунизму. Время играет нам на пользу, на пользу трудового народа. На берегах полноводной Селенги поднялся город величавый, бурятский, одетый в строительные леса. Ни на один день не прекращается здесь строительство. Город строился, строится и будет строиться!

В строительные леса одет и наш завод «Электромашина». На высоком песчаном берегу белеют его корпуса. Оттуда слышатся ровный гул машин и тихие вздохи локомотивов.

А внизу, под крутым яром, Селенга-река закована в ледяную броню до весны. Под зеленоватой толщей льда чудится упругое движение водной стихии — древняя река несет свои холодные живые воды к седому Байкалу. Над ее торосистой белой спиной свободно гуляет ветер, прилетевший из далеких холмистых степей, будто хочет пуститься наперегонки со временем эпохи.

Идут года, идут! Время играет нам на пользу, на пользу трудового народа...

**ДАВАЙТЕ
РАБОТАТЬ
ИНИЦИАТИВНО!**

*Галдан Ленхобоев,
модельщик-стахановец
завода «Механлит».
Бурят-Монгольская Правда,
26 февраля 1952 г., № 41*

Я двадцать первый год работаю на промышленном предприятии. За этот период при ежедневной помощи высококвалифицированных инженерно-технических работников я освоил много специальностей. Сейчас работаю модельщиком на Улан-Удэнском механическо-литейном заводе.

1931 год. Завершали досрочно нашу советскую народную сталинскую первую пятилетку. Мы безустанно работали ради строительства крепкой базы тяжелой индустрии на территории нашей Родины. В то время рассматривалось строительство больших индустриальных предприятий на территории нашей социалистической Бурят-Монголии.

Под руководством партийных, советских и профсоюзных организаций велась работа по массовой подготовке национальных кадров в условиях нашей республики для работы на этих промышленных предприятиях в качестве кадровых рабочих. Поскольку я был хорошо квалифицированным плотником и ювелиром по серебру, я самым первым прибыл в столицу республики ради работы на промышленном предприятии.

В то время в нашем городе только механическо-литейный завод считался самым большим предприятием. Поэтому я устроился модельщиком на этот завод.

Работа модельщика очень кропотливая, тонкая и аккуратная. Конструкторы завода, нарисовав чертежи оборудования со сложными техническими механизмами, поручали мне отлить их модели из чугуна, сделать из бронзы или алюминия.

Как бы тяжелы и трудны ни были эти работы, желая внести свой вклад в успешное завершение первого сталинского пятилетнего плана, очень качественно и в срок завершив эти ответственные и почетные поручения, я в скором времени стал считаться одним

из лучших модельщиков. С того же времени у нас здесь началось строительство Стекольного механизированного завода, Бурят-Монгольского гиганта — паровозо-вагонного завода, Мелькомбината, Мясоконсервного комбината и других предприятий союзного подчинения.

Я очень горжусь тем, что на основе технических чертежей инженеров этих предприятий, отлив несколько сотен моделей, содействовал установлению связей между крупными предприятиями республики.

Сейчас на промышленных предприятиях нашей республики стало много инженерно-технических работников, получивших высшее образование. Вместе с ними росли и национальные кадры. Однако среди них еще все же мало модельщиков-рационализаторов. В связи с этим остается надеяться на то, что руководители всех предприятий обратят на это внимание.

Поскольку я очень долгое время работаю и стал очень опытным модельщиком, я обучаю людей своей специальности. Многие из этих людей работают на предприятиях города. Например, обученный мною специалист модельщика товарищ Суворов, работая в артели имени Кирова, отличается активной и старательной работой.

В годы Великой Отечественной войны я выполнял обязанности начальника механического цеха этого завода. 75 процентам работников нашего цеха было присвоено почетное звание стахановцев. Сейчас, производя продукцию мирного времени, коллектив данного цеха, постоянно выполняя дневную норму на 150–170 процентов, неизменно занимает первое место в развернутом на заводе социалистическом соревновании.

В данное время члены нашего заводского коллектива выполняют важные заказы предприятий лесной промышленности. Поэтому наши работники, постоянно проявляя новые инициативы, смело работают в едином порыве ради обеспечения в большом объеме Родины строительным лесом.

В каждом новом производственном году ради достижения еще больших успехов в нашем коллективе развертывается еще более широкое социалистическое соревнование. В первую очередь мы боремся за высокое качество ремонта и сдачи леспромхозам автомашин и тракторов. В этот раз я сам борюсь за ввод в производство очень важных и нужных для леспромхозов чугунных печей, модели которых я отливаю. По этой модели будет сделано две тысячи чугунных печей. Это мы завершим в установленные сроки.

Выступление на торжественном вечере,
по случаю 60-летия завода "Электромашина"

На заводе я работал много лет. как поступил сюда в 1931 году, так отсюда ушел на пенсию в 1965 году.

На моих глазах завод вырос, менялись главки, люди, но в моей памяти остались воспоминания о которых я хочу рассказать.

Помню суровый 1941 год, когда завод перевели на военную продукцию. Дали нам задание делать ручные гранаты, которые мы в шутку называли "Петр I" / марка ПЭИ /, потом перешли на мины 45 мм и в дальнейшем освоили выпуск 82 мм мин. Работали в две смены по 12 часов, Рабочие — одни женщины и подростки 15–16 лет. Я тогда возглавлял два цеха — литейный и механический, механиком был. Приходилось иной раз ночевать в цехе, приносили с собой раскладушки.

План давали большой, но мы справлялись, все время держали второе место по соцсоревнованию, два раза получали первую премию министерства Обороны.

К концу войны завод перевели на мирную продукцию, сначала делали железные печки и оборудование к ним, а потом стали ремонтировать трактора и автомашины для лесного хозяйства, т.к. завод находился в лесном ведомстве.

Сейчас, уже много лет я на пенсии, завод меня вырастил и отблагодарил наградами, грамотами, хорошей пенсией за что я выражаю благодарность всему коллективу. Завод меня не забывает и сейчас. Будучи на пенсии я увлекся народным прикладным искусством и скучать не приходится. Желаю всем хорошей работы здоровья!

13/ июня 1981 г. Ленхобоев Г.Л.

Выступление Г.Л. Ленхобоева на торжественном вечере по случаю 60-летия завода «Электромашина», 13 июля 1981 г.

1а

КОРОТКО О БИОГРАФИИ ТОВ. ЛЕНХОБОВА.

Ленхобов
Галдан Ленхобович родился в 1907 году в улусе Олзоне, в нынешнем Улан-Удэнском сельском районе, местности Верхний Оронгой, в семье бедного крестьянина-скотовода. В хозяйстве родителей в то время и в 20-30 годах были 1 рабочая лошадь, 4-5 голов рогатого скота, от 3 до 10 овец. Сеяли хлеба на площади с крестьянской десятины, садили на усадьбе немного картошки.

Про людей Олзонова рода и оронгойцев говорили тогда /и сейчас/ "Олзоной дархашуул", что означает в переводе "Олзоновские умельцы". На самом деле это так. Оронгойские буряты испокон веков занимались художественной обработкой домашней утвари. В улусах: Верхний и Нижний Оронгой, Гильбири, Харгана исстари жили кузнецы, плотники, столяры, кровельщики, токари и резчики. Оттуда родом был дед Галдана-Ленхобо Гармаев - мастер на все руки. Оронгойцы (в том числе и олзоновцы) в старое время считались людьми языкастыми - острили на язык. Про них говорили: "Оронго дээрэнэ манан хөөрэдэг, олзон дээрэнэ үгэ гардаг". В переводе это гласит так: "Из реки Оронгой туман поднимается, из рода Олзона речи распространяются".

Отец Галдана в свободное время занимался резьбой и чеканкой, работал по найму в дацане и у богачей города. Когда Галдану исполнилось 3 года, умер отец. Как многим детям, особенно беднякам, учиться в школе не пришлось: не было в близости начальной школы, не говоря уже о восьмилетней или средней школе. Любопытный семилетний мальчик стал учиться грамоте на старо-монгольском языке под руководством матери и деда, владевших этой грамотой. Научившись свободно читать и писать, он тянулся дальше к знаниям. Видя это, его дядя, лама-врач тибетской медицины, стал учить Галдана монголо-тибетской литературе, истории, философии

КАК УЛУСНЫЙ ПАРЕНЕК
ПРИШЕЛ НА ЗАВОД

Б. Махатов.
Улан-Удэ,
декабрь 1977 г.

Галдан Ленхобович Ленхобов родился в 1907 году в улусе Олзон, в местности Верхний Оронгой, в нынешнем Улан-Удэнском сельском районе, в семье бедного скотовода. В хозяйстве родителей в то время и в 1920-30-х годах были одна рабочая лошадь, четыре-пять голов рогатого скота, от трех до десяти овец. Сеяли хлеба на площади с крестьянскую десятину, садили на усадьбе немного картошки.

Про людей Олзонова рода и оронгойцев говорили тогда и сейчас «Олзоной дархашуул», что означает в переводе «Олзоновские умельцы». Оронгойские буряты испокон веков занимались художественной обработкой домашней утвари. В улусах Верхний и Нижний Оронгой, Гильбира, Харгана исстари жили кузнецы, плотники, столяры, кровельщики, токари и резчики. Оттуда родом был дед Галдана—Ленхобо Гармаев—мастер на все руки. Оронгойцы (в том числе и олзоновцы) в старое время считались людьми языкастыми—острыми на язык. Про них говорили: «Оронго дээрэнэ манан хөөрэдэг, Олзон дээрэнэ үгэ гарадаг»¹.

Отец Галдана в свободное время занимался резьбой и чеканкой, работал по найму в дацане и у богачей города. Когда Галдану исполнилось три года, отец умер. Как многим детям, особенно беднякам, учиться в школе не пришлось: не было близости начальной школы, не говоря уж о восьмилетней или средней. Любопытный семилетний мальчик стал учиться грамоте на старомонгольском языке под руководством матери и деда, владевших этой грамотой. Научившись свободно читать и писать, он тянулся дальше к знаниям. Видя это, его дядя, лама-врач тибетской медицины, стал учить Галдана монголо-тибетской литературе, истории, философии Вос-

1 В переводе это гласит «Из реки Оронгой туман поднимается, из рода Олзона речи распространяются».

Книги из Янгажинского дацана, спасенные Лёнхобын Ухёнэй, матерью Г.Л. Ленхобоева. Музей истории им. М. Н. Хангалова.

тока, астрологии, восточной медицине и языкам: монгольскому, тибетскому, маньчжурскому, индийскому и древне-уйгурскому. Мальчик занимался с большой любовью, упорно и настойчиво в течение девятнадцати лет под руководством своего деда. В перерывах между домашними работами (посев, сеноуборка) он не отрывался от книг, занимаясь с раннего утра и до глубокой ночи. В случаях затруднений консультировался у дяди. «Так занимался в течение всей своей молодости и занимаюсь по сей день, да еще основательно изучил латынь», — говорит Галдан Ленхобоевич, улыбаясь. Русскому языку и литературе он научился также, как и латыни, самостоятельно.

Маленького Галдана тянуло и к ремеслам. Ушло время, когда он еще зеленым мальчишкой участвовал в украшении знаменитого Янгажинского дацана.

Проходят годы. Летом 1929 года Галдан решает поступить на работу в какую-нибудь мастерскую. В это время в городе готовится к строительству новый завод «Механлит». Узнав об этом, решил пойти туда: «Меня порадовало то, что в нашей республике будет большой завод». И тогда подумал: «А что если поработать на строительстве? Неужели после этого не примут на завод?»

Проработав некоторое время на заводе простым рабочим, он был мобилизован в армию. Отбыв срок военной службы, в 1931 году вновь поступил на этот завод, горя желанием помочь в становлении индустриального центра Бурят-Монголии.

В это время «Механлит», как и все другие предприятия, подвергался полной реконструкции. Будни механлитовцев были заполнены вдохновенным, поистине творческим трудом. Ведя реконструкцию, коллектив завода осваивал модернизацию тракторов и ремонт других лесозаготовительных механизмов. Трудная задача стояла перед ремонтниками. В дождь и ветер, в холодные дни осени и зимы приходилось трудиться под открытым небом.

Несмотря на много неудобств, не считаясь со временем и условиями, он делал все для того, чтобы вновь рождаемый завод был в числе передовых предприятий. Работал так, что сейчас удивляется тому, как не уставал тогда. Выполнял ежедневно норму на 150–200 % и стал лучшим рационализатором. По заводу развернулось горячее социалистическое соревнование за высокую производительность труда. Не мог стоять в стороне и Галдан Ленхобоевич. Он был одним из застрельщиков соревнования заводской молодежи.

Пришла война. Лозунг тех военных лет «Все — для фронта, все — для победы!» стал законом для всего коллектива, тем более, что завод стал выпускать продукцию для фронта. Годовая программа 1942 года была перевыполнена в полтора раза. В 1943 году завод удвоил объем выпускаемой продукции. В эти суровые годы коллектив завода выходил победителем соревнования по наркомату лесной промышленности. Высококвалифицированные специалисты нужны были не меньше, чем солдаты. Поэтому Ленхобоева на фронт не взяли. Сказали: «нужен здесь».

Работали не считаясь со временем, с усталостью. Старались за себя и за десятерых ушедших на фронт товарищей. Неделями не выходили из завода. Работали впроголодь, мерзли. Руки пухли от постоянной работы с холодным металлом. После бессонных суток, несмотря на скудный военный паек, спать хотелось больше, чем есть, рассказывает Галдан Ленхобоевич.

Немало пятилеток на счету у Галдана Ленхобоевича. Чтобы перечислить все значительные события, которыми изобилует судьба рабочего «Механлита», пожалуй, не хватит времени для маленького очерка.

Он стал не только квалифицированным мастером, но и отличным наставником — весь свой накопленный богатый опыт усердно передавал молодым рабочим и специалистам. За много лет работы на заводе он заслужил большое уважение среди рабочих и и т.р.

ГАЛДАН ЛЕНХОБОВЕ — ЛУЧШИЙ РАЦИОНАЛИЗАТОР

Имя его на заводе «Электромашина» («Механлит») хорошо известно всем. Он был не только отличным и умелым производственным мастером своего дела, но активным рационализатором.

Газета «Правда Бурятии» от 27 февраля 1963 года писала:

Недавно в модельном цехе завода внедрено еще два предложения товарища Ленхобоева. Раньше алюминиевые детали для обработки приходилось носить в инструментальный цех. На это уходило много времени. Ленхобоев изготовил специальное приспособление, позволяющее обрабатывать эти детали прямо в цехе. Для каждого электромотора необходимо было изготовить 140 клиньев из бука определенного размера. Процесс изготовления их состоял из трех операций. Благодаря специальному приспособлению, которое Ленхобоев предложил установить на фрезерном станке, количество операций сократилось до двух, к тому же при изготовлении клиньев стало меньше пыли и шума. На его счету около двухсот рационализаторских предложений. Ему присвоено звание «Заслуженный рационализатор РСФСР».

Он новатор производства, вечно что-то изобретает и совершенствует, воспитал плеяду молодых рабочих. У него нет инженерного диплома, но покажите ему любой чертеж — и он прочтет его с такой же легкостью, как опытный музыкант читает ноты с листа, как-то сказал о нем один из рабочих, другой добавил, что нет такого станка на заводе, в котором Галдан Ленхобоевич не разбирался бы как спец.

ЛЕНХОБОВЕ — ОБЩЕСТВЕННИК, ДЕПУТАТ

Уважаемый человек на заводе Галдан Ленхобоевич шесть раз избирался в Улан-Удэнский городской совет депутатов трудящихся.

Известно, что одной отличной производственной характеристики недостаточно для депутата — слуги народа. Депутат — это центральная фигура в Совете — органе власти. Мы хотим, чтобы наши органы власти были деятельными, сильными тесной связью с широкими массами трудящихся, значит, должны послать в советы людей активных в общественной жизни, настойчивых и принципиальных. И, кроме того, они должны быть чуткими к человеческой беде, способными ради других поступиться собственными интересами.

Как депутат Улан-Удэнского городского совета депутатов трудящихся Галдан Ленхобоев заботился не только об условиях труда заводчан, но и заработной плате рабочих.

Все эти качества были присущи Галдану Ленхобоевичу, и он — депутат — успешно выполнял свои почетные поручения. По словам товарища Иванова, мастера чугунолитейного цеха:

Коллектив нашего цеха не имеет предлога быть недовольным общественной деятельностью своего товарища, депутата Ленхобоева. Мы знали, что он активный член жилищно-бытовой комиссии Горсовета и часто посещает дома избирателей, что среди горожан немало людей, благодарных депутату, который добился улучшения их жилищных условий. Мы знали, что в своем избирательном округе Галдан Ленхобоевич долго и упорно хлопотал о строительстве купального бассейна на реке Березовка, и, в конце концов, бассейн был построен. Знали, как он беспокоился о строительстве моста на этой реке.

Много времени и душевных сил отдавал депутат общественным делам на своем заводе как член общества рационализаторов, н т о и завкома профсоюза. В том, что при цехах были благоустроены бытовые помещения для рабочих и улучшены условия труда, вложена и частица его беспокойного сердца. Галдан Ленхобоевич — истинный патриот своего завода. Он — человек прежде всего кристально чистой совести. Он никогда не совершал поступка, хоть чем-нибудь противоречащего нормам нашей морали.

Точно так же, как и товарищ Иванов, характеризуют депутатскую деятельность многие его сослуживцы.

Копия

СЕКРЕТАРЮ БУРЯТСКОГО ОБКОМА КПСС

товарищу Д.Д.Дубсанову

Мастер-модельщик завода "Электромашина", краевед-этнограф-знаток старины, превосходный резчик по дереву Г.Л.Ленхобоев передал в наш институт свой многолетний труд "Свадебные обряды Оронгойских бурят" (объем 10-12 п.л.). Специалисты-этнографы и языковеды высоко оценили работу Ленхобоева.

Так, к.ф.н. Ц.Б.Цыдендамсэев пишет в своей рецензии на работу Ленхобоева, что в ней дано наиболее подробное и полное описание бурятских свадебных обрядов девятнадцатого века.

Работа написана прекрасным бурятским языком и читается, как увлекательное художественное произведение.

Но, к сожалению, институт не может включить в план своего издания книгу Ленхобоева, т.к. по последнему указанию Сибирского отделения АН СССР нам запрещено издавать неплатные работы, а также оплачивать гонорар.

Учитывая высокое научное, познавательное и художественное достоинство книги Г.Л.Ленхобоева просим Вас оказать содействие по включению указанной книги в план редподготовки 1962 года по линии Бургиза.

Научное редактирование, написание предисловия и толкования устаревших и редко употребляемых терминов берет на себя к.ф.н. Ц.Б.Цыдендамсэев.

И.о. Директора Бурятского
книг. со. АН СССР,
28/IV 62 г. к.ф.н. — м.н.

/А.В.Булгадаев/

Зам. Ученого секретаря

/О.В.Серова/

Копия верна:

ОН — ИСТОРИК

С давних пор он вел летопись завода, но трогает в ней не столько систематичность записей, сколько подлинная научная оснастка: ссылки на литературные источники, архивные документы и статистические отчеты.

Такое исследование мог осилить по-настоящему влюбленный в завод человек, не пожалевший для поисков ни сил, ни времени.

Нелегко это далось ему. Эта же история бурятского рабочего класса. Работа его написана поэтично, со знанием дела. Автор — не писатель, он рабочий, пришедший на завод парнем из бурятского улуса.

В журнале «Байкал» была опубликована документальная повесть «На берегу полноводной Селенги». Это была история завода «Электромашина». Имя автора — Галдан Ленхобоев.

Удивительно многогранные интересы этого человека, влечение к истории и географии родного края привели его в научное общество.

В 1965 году вышла из печати книга Галдана Ленхобоевича под названием «Из истории свадебных обрядов селенгинских бурят». Появление этой книги — весьма примечательное явление. Это первое в своем роде этнографическое произведение, написанное в художественной форме, представляет одинаковый интерес как для массового читателя, так и для научных работников. Объем книги невелик, но к ней вполне применима поговорка: «мал золотник, да дорог».

В пенсионный период Галдан Ленхобоевич перевел со старомонгольского на современный бурятский язык две работы: первая — «История шести восточных бурятских родов», входящих в состав ведомства бывшей Селенгинской степной думы, и вторая — «Происхождение бурят Олонова рода». Заметим, что Селенгинская степная дума была упразднена в 1903 году, когда была проведена поволостная реформа.

По опыту мы знаем, что переводы — нелегкая работа и отнимает у людей много времени, требуя специальной подготовки.

ПЫТЛИВЫЙ КРАЕВЕД, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ЭТНОГРАФ

Отличный знаток природы Бурятии, знаток обычаев родного народа Галдан Ленхобоевич был незаменимым спутником и помощником известного советского археолога, академика А. П. Окладникова

в его экспедициях по республике. В своей книге «Олень — золотые рога» ученый очень положительно рассказал о нем в главе «Мой друг — Галдан» как о лучшем следопыте глухих троп, хотя охота никогда не была его профессией.

«Мы отправились на машине по старому баргузинскому тракту на север по Байкалу, — писал корреспондент «Известий» Л. Шинкарев («Известия» от 13 сентября 1964 года), — часто останавливались, и Галдан ковырял лопатой в придорожных канавах, указывая на следы древней системы орошения. Представьте, он написал реферат об истории поливных пашен на территории республики. Эту широкую и запущенную оросительную сеть прошлых веков — доказывал он — следует рационально использовать сейчас при поливном земледелии. Реферат тогда вызвал интерес в Бурятском комплексном научно-исследовательском институте СО АН СССР».

Кстати, скажу, что путешествия с экспедициями, не сулящие ему, между прочим, ни гроша, он проводит в дни своего очередного отпуска. Один сосед по поселку, его давнишний приятель, выходит за калитку посмотреть на сборы в дорогу и кричит ему вслед: «Сумасшедший!».

Теперь я уже без удивления узнаю, почему Галдан стал проводником экспедиции археологов и другом известного академика А. П. Окладникова.

Хорошо представляю, как был смущен и обрадован археолог, когда после долгих странствований по берегам Ангары и Лены в поисках наскальных рисунков-петроглифов, которые по-сибирски зовутся писаницами, его познакомили с этим удивительным бурятом. Галдан робко протянул тетрадь, где были точно воспроизведены изображения, нарисованные женой краской на утесе «Тэмээн-Шулуун» («Верблюд-камень») в долине реки Оронгой: фигуры лошади, всадника с луком и бегущих оленей. Ученый много лет пробирался сквозь лесные заросли, карабкался по скалам и на птичьей высоте переносил рисунки со скалы на бумагу — и потому лучше других понимал, как Галдану досталась тетрадь. Зачем этот человек часами недвижно стоял над пропастью в камнях, за десятки километров от ближайшего улуса, голодный и измученный на солнцепеке и копировал изображения, боясь упустить хоть один штрих?

— Кто Вам подсказал, что это важно? — спросил Окладников.

— Это было мне интересно, и я надеялся, что пригодится другим.

С тех пор оба много путешествовали по забайкальским степям, мокли под дождем, сушились у костра и устало засыпали в палатках посреди дремучего леса — ученый и его проводник.

Галдан Ленхобоев познакомил археологов с неизвестными науке археологическими месторождениями и предоставил в распоряже-

ние экспедиции свои многолетние наблюдения и записи. Среди них оказались неожиданные для исследователей легенды о писаницах и оленных камнях, проливающих свет на происхождение удивительных памятников первоначального искусства человечества.

Эта дружба, продолжающаяся много лет, кажется мне примечательной во всех отношениях. Но сейчас хочется обратить внимание только на одну мысль: люди, столь разные по общественному положению и характеру основной своей профессии, обнаружили общность в сфере интеллектуальных интересов. Прежде всего это сделало их друзьями. Галдан и теперь встречается с академиком, и дружба продолжается. Алексей Павлович много искренних слов благодарности написал в своей новой книге «Петроглифы Забайкалья» и посвятил целую главу Галдану в книге: «История и культура Бурятии», изданной Бургом в 1976 году. «Вы — молодец, — пишет А. П. Окладников, — и мне искренне жаль, что нам не удалось вместе еще побывать во многих местах. Может быть, и удастся — я бы очень желал этого, вы сами знаете...».

У порога бревенчатого дома, где живет Галдан с женой и дочерью Сэржимой, сушатся на воздухе причудливые корни ильмы, молодой березы, кедра, растопыренные корешки багульника. Поздним вечером, отложив рукопись в сторону, хозяин как бы для отдыха перед сном кладет на колени кожаный фартук и долго старается ножом и пилкой над корешками. Я и сам видел эти чудесные превращения сучковатой застылости в трепетных птиц, зверят, резные вазы и в кувшины. И кресло, с которого я молча наблюдал за таинством искусства, тоже оказалось из мощного корня ильмы, где ножки обратились в змей, соболей, изюбрей, а спинка словно бы прислонилась к доброй морде медведя. Все его три комнаты населены этими скульптурами из корней сибирского леса. Делает Галдан статуэтки из камней. Они экспонировались на выставках художественных в Москве, Ленинграде, Улан-Удэ, и некоторые из них были отмечены памятными медалями Министерства культуры РСФСР и Союза художников СССР.

Мне еще осталось рассказать о последнем недавнем приезде в Улан-Удэ к Галдану — продолжает Шинкарев. На этот раз он заставил меня изумленно раскрыть рот перед его коллекцией лекарственного сырья растительного, животного и минерального происхождения. Он изучает старые книги по восточной медицине, в частности тибетской, и обнаружил немало полезного и целебного, не вошедшего в справочники и атласы. Теперь он пишет о методах бурятской народной медицины. Собирая специальную литературу, Галдан на пятьдесят седьмом году жизни стал штудировать латынь и встретил гостя с торжествующей улыбкой, сказал по-латыни фразу,

ШЭНЭ ТААБАРИНУУД		
Нарин могой Зуун хайрагтай.	Лидайса эблүүлдэг. (сабуун).	Эндэ тэндэ алхалдаг, Эрье ганга гаргадаг. (барладаг харуул).
Хаси хашаа Хара цохой зуугаа. (түмэр дабаха).	Дүрбэлэй нарын түхэлтэй, Дүрнү барима эшгэтэй, Хоёр тээшээ эршгэтэй. (ухами).	Хара могойн Хэлэн хурса. (хүүшэ).
Ехэ тогоон соо Бага тогоон бусалаа. (модоной сабуу халааха).	Бадгүй болжордог, Налагүй сэсэн. (ута харуул).	Загаһан бэстэй, Заряа нюргатай. (үрэгтэр).
Шоншогорхон бэстэй, Шодогорхон бүүртэй, Дайнда яладаг Дайша хүбүүн нэрэтэй. (алха).	Жазааргүй хатардаг, Хана дахажа ябадаг. (ханатай харуул).	Барихада байдаг, Бажуухада соолодог. (соолго).
Яһанай шүлэн	Дошхон ябадалтай, Дохолон харгытай. (зайдан харуул).	Харгыда байдаг, Хашахада ябадаг. (сабшуур).
		Нюрган дээрээ хүбшгэтэй, Төбхэ дээрээ тэргэтэй. (гар хюрее).
		Г. ЛЕНХОБОВ.

Новые загадки от
Г.Л. Ленхобоева.
Газета «Буряад Унэн»,
8 февраля 1975 г.

которая в переводе звучала бы так: «Важно, как хорошо ты живешь, а не как долго». Вот как охарактеризовал Галдана корреспондент.

Галдана Ленхобоевича мы знаем и как неумолимого собирателя бурятских народных поговорок, пословиц и загадок. А их уже больше тысячи записано. Они опубликовываются в газете «Буряад унэн» время от времени. По-видимому, когда-нибудь выйдут отдельным сборником.

Часто приезжает в Забайкалье экспедиция Ленинградского химико-фармацевтического института. Цель экспедиции — учет лекарственных трав и растений, а также поиск природного бальзама, которым очень заинтересованы ученые. Еще в 1967 году, например, Министерство здравоохранения СССР разработало клиническое использование экстракта из мумиё (каменное масло) при лечении переломов.

Известно, что экспедиция в составе кандидата фармацевтических наук К. Ф. Блиновой, кандидата биологических наук Г. Д. Яковлева, врача-микробиолога А. Н. Бадмаева, следопыта и знатока лечебных трав Забайкалья Г. Л. Ленхобоева работала довольно долго.

Большие запасы мумиё тогда были обнаружены экспедицией в труднодоступных скалах Хоринского аймака и в Закамне.

Г. Л. Ленхобоев с давних пор, еще до приезда экспедиции, занимался сбором и изучением лекарственных трав. Им был составлен

сборник, в котором описывалось свыше тысячи видов лекарственных растений и минералов, встречающихся в Забайкалье и в Восточной Сибири, содержащие лечебные вещества. Эта большая научная работа была представлена химико-фармацевтическому институту на проверку.

МАСТЕР НАРОДНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Осознав, что он должен найти свое место в создающемся новом обществе и отдавать трудовому народу все, что ты имеешь — свой талант, свои силы, свои знания и способности, Галдан Ленхобоевич решил: «наряду с работой на заводе пробовать свое умение в области искусства, этим создавать красоту жизни». В этом он видел свое счастье и смысл своей жизни.

Много зим и лет сменилось с тех пор, как модельщик завода Галдан впервые взял руки инструмент резчика. С неослабевающей любовью занимался резьбой по дереву и камню. В результате упорного труда стал он незаурядным мастером изделий и замечательным дарханом. Посвятил любимому делу всю последующую часть жизни. Его изделия из камня и дерева с успехом демонстрировались на выставках народно-прикладного искусства в Улан-Удэ, Ленинграде, Москва и украшают витрины музеев изобразительного искусства. Они отмечены второй премией на Всероссийской выставке художественной промышленности.

И сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, Галдан Ленхобоевич продолжает радовать людей своим талантом, передает свою увлеченность дочери и друзьям. В газетах «Правда Бурятии» и «Буряад унэн», в журнале «Байкал» неоднократно представлялись снимки его изделий.

Ленхобоев — своеобразный мастер, имеющий свое индивидуальное творческое лицо.

Форму, рисунок и орнаментовку своих изделий он всегда стремится сделать без излишней перегрузки деталями, как можно лаконичнее. В этом проявляется врожденный вкус к подлинной красоте народного мастера-самородка. Галдан Ленхобоев рассказывает:

украшать вещи надо с умом, чтобы она доставляла радость и тому, кто ею владеет, и тем, кто на нее смотрит. А главное, чтобы украшения всегда напоминали человеку о счастье, дружбе и доброте, делали его сердце чище. В этом, а не в пестроте суть. Пестрота — не змея, но и она ядовита. А человеку и себя, и вещи злом украшать не надобно.

*Стол с винным сервизом,
изготовленный
Г. Л. Ленхобоевым.*

Эту свою убежденность, что вещь должна напоминать человеку о счастье и добре, Галдан Ленхобоевич постоянно претворяет в осязаемую действительность.

Вот, например, изготовленный им оригинальный круглый стол. На столе бурятский винный сервиз — домбо и шесть чашек. В центре стола с симфоническим орнаментом «улзы уялга», или «бесконечный узел», выражающий идею вечной дружбы. А по краям стола орнамент, означающий счастье.

Богатство и разнообразие бурятского символического орнамента позволяют мастеру при украшении любого предмета подбирать соответствующий его назначению узор, который расшифровывается как пожелание счастья, успеха, здоровья.

У Галдана Ленхобоевича есть эскиз орнаментов, которыми раньше буряты украшали ковровые пологи над входом в дом.

Один из орнаментов расшифровывается так: «пусть добрая слава о вашем доме далеко летит, пусть счастье будет неразлучно с обитателями сего дома, а все злое не перешагнет через порог его дома».

Как видите, Галдан Ленхобоев — не только отличный модельщик, но и превосходный резчик по дереву и камню.

А ведь он не какой-нибудь ученый с именем, имеющий за плечами академическое образование! Он простой рабочий! Этого человека, несмотря на его преклонный возраст и недостаток образования, вполне можно назвать человеком нового времени, человеком будущего.

Мы знаем, что Галдан Ленхобоевич представляет самодеятельность художников Бурятии на выставке в Москве. Было получено очень радостное сообщение, что он принят в члены Союза художников СССР.

Будучи в квартире Галдана Ленхобоева, поражаешься его изделиям из корня багульника: «индийская танцовщица», «древний охотник» и другое. Их очень много. Есть изумительные изделия из камня-агальматолита. Целый музей!

В книге «Щедрость» (см. стр. 340) мы видим, что героем книги является Галдан Ленхобоев. Авторы раскрывают в ней облик необыкновенного, интересного человека, умело и любовно показывают богатство его духовного мира. Галдан предстает в книге и как знатный мастер-модельщик, чьи «золотые руки» не раз выручают производство в критические моменты, и как народный художник, резчик по дереву, работы которого приобрели широкую известность. Его произведения можно видеть не только в Улан-Удэ, но и в Ленинграде. Мы видим в Ленхобоеве и пытливого краеведа, высоко оцененного нашей общественностью. И неразрывно со всем этим через всю книгу проходит образ неутомимого труженика, человека широкой души, полной любви к людям и жизни.

В другом очерке О. Серовой Галдан Ленхобоев тоже встает перед нами сильным и смелым, добрым и мудрым, влюбленным в свой труд, в свой народ, край, как замечательный мастер, художник и ученый.

Добрая слава о мастере народного прикладного искусства Ленхобоева давно перемахнула границы Бурятии.

О ЧЕМ ПОВЕСТВУЕТ ТРУДОВАЯ КНИЖКА РАБОЧЕГО?

Говорят, трудовая книжка — лицо рабочего человека. Наверное, так оно и есть. Почти тридцать пять лет Галдан Ленхобоевич работал на одном месте. Потому так лаконична и чиста первая часть его трудовой книжки. Принят на завод «Механлит» в 1929 году, уволен в связи с уходом на пенсию в 1965 году.

Зато, что касается графы о наградах и поощрениях, она из-за вкладышей трижды толще против обыкновенной. Завидна его про-

Трудовая книжка.
Из личного архива
Г.Л. Ленхобоева.

изводственная деятельность. Тридцать пять лет безупречной работы на одном заводе. За это время он не раз удостоивался правительственных наград.

1946 год — награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1958 год — грамота и нагрудный знак «Заслуженный рационализатор РСФСР».

1958 год — нагрудный знак «Отличник соцсоревнования РСФСР».

1959 год — Орден Трудового Красного Знамени.

1960 год — медаль «За трудовое отличие».

1970 год — медаль «За доблестный труд в ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

1971 год — памятная медаль «За участие в выставке произведений художников автономных республик РСФСР» от Министерства культуры РСФСР и Союза художников РСФСР.

1975 год — памятная медаль «За участие в 5-й республиканской художественной выставке «Советская Россия» от Министерства культуры РСФСР и Союза художников РСФСР.

1976 год — медаль «30-летие победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1977 год — Почетная грамота Президиума Верховного Совета Бурятской АССР.

1977 год — медаль «Ветеран труда».

Галдан Ленхобоев является действительным членом Географического общества СССР и членом Союза художников СССР.

В 1977 году Галдану Ленхобоевичу исполнилось семьдесят лет, он полон энергии и творческих сил. Указом Президиума Верховного Совета Бурятской АССР от 16 ноября 1977 года он награжден Почетной грамотой, которая гласит «За долголетнюю плодотворную работу в области декоративно-прикладного искусства и в связи с 70-летием со дня рождения наградить Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Бурятской АССР товарища Ленхобоева Галдана Ленхобоевича — члена Союза художников СССР, заслуженного рационализатора РСФСР, персонального пенсионера».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе всего сказанного выше думается: «Мы вправе сказать, что чем больше прикасаешься с этим человеком, тем больше узнаешь о природе и быте людей. И приходит сам собой вопрос: «Сколько вокруг нас непознанного и неразгаданного?»»

Галдана Ленхобоева назвать рабочим — этого очень мало. В нем как будто живут два человека: один — рабочий высокой квалификации, труженик, заслуженный рационализатор, другой — эрудированный историк, этнограф, археолог, художник, мастер прикладного искусства.

Такие люди сильные, смелые, мужественные, которые использовали свой всесторонний талант только во имя Великого Октября. Жизнь Галдана Ленхобоевича и есть рождение того гармонически развитого человека, каким мы представляем его при коммунизме.

Поздравляем Вас, Галдан Ленхобоевич, с семидесятилетием и желаем долгих лет жизни и успехов в Вашем творчестве!

ГАЛДАН ЛЕНХОБОВЕВ
И БАЖЕЙ ЖАТУХАЕВ

А.А. Бальбуров.
Книга «У нас в Бурятии»
(Улан-Удэ, 1969)

А. А. Бальбуров. Галдан Ленхобоев и Бажей
Жатухаев // У нас в Бурятии: повесть.
— Изд. 2-е. — Улан-Удэ, 1969. — С. 56–63.

Иллюстрация
из книги А. А. Бальбурава
«У нас в Бурятии»

В марте забайкальское солнце начинает не на шутку злить зиму. Плотный снег, казалось бы, несокрушимо крепкий, начинает продыривливаться, он темнеет, ночные морозы, довольно еще сильные, делают его хрупким, ломким. Улан-Удэ, обычно весь белый в зимние месяцы, резко меняет свой облик. Он становится серее, темнеет крышами. Но зима еще цепко держится, не желая ни уступить, ни тем более сдаваться. Нежданно налетает она свистящими и ревущими метелями, накидывает громадные сугробы снега, чтобы утром, проснувшись, горожане с удивлением обнаруживали полный возврат к белоснежной, удивительно нарядной, но — бр-бр-р! — холодной зиме.

После вот такой вьюжной ночи Михаил Ильич с сыном поехали осматривать город. Ради такого случая решили далее взять такси. Было решено объехать самые интересные места, а к вечеру заехать в рабочее предместье Шишковку и навестить Галдана Ленхобоевича Ленхобоева, друга Михаила Ильича.

Мишка понял со слов отца, отлично знавшего город, что он состоит из шести районов, хотя и населения в нем всего лишь свыше двухсот тысяч человек. Очень разбросанный город! Михаил Ильич начал с показа стариннейшей Заудинской части города, расположенной за рекой Удой.

— Здесь была казачья станица Заудинская, — сказал он. — Тут кругом и наименования-то одни казачьи: Заудинская, Батарейная, Вахмистрово, Сотниково. Ну, а теперь это одни лишь названия. Посмотри на эту самую Заудинскую.

Глазам Мишки представилось довольно странное зрелище. Перед ним расстилалась широкая долина реки, и вся эта долина с востока на юг курилась белесыми струйками дымов. Казалось, на реку Уду шло беспощадное, грозное наступление: стройными рядами вы-

строились белокаменные многоэтажные дома, за ними воинственно дымили и сверкали вспышками электросварки громадные корпуса заводов, а между кварталами новых домов и рекой сгрудилось жалкое скопище одноэтажных, подслеповатых деревянных домишек.

Оказалось, скопище одноэтажных домиков — это и есть древняя казачья станица Заудинская. Все остальное — и целый район новых домов, и заводы — все это возникло совсем недавно, за годы Советской власти.

— Вот мясокомбинат. Он оборудован, как говорят, по последнему слову техники. — Отец показал на высоченную башню, торчавшую над огромными, окутанными дымом и паром строениями. — Я там был на экскурсии — дух захватывает! Тонкосуконная фабрика, фабрика пош — первичной обработки шерсти, мелькомбинат, лесозавод, множество школ, строящиеся корпуса Восточно-Сибирского института культуры — вот что случилось с Заудинской, где родилась твоя мама. А тогда, в ее годы, это было гнездо всякого хулиганья, спекулянтов, воров и бандитов. Зауда всем этим славилась на весь город. Спроси маму, она тебе расскажет, что творилось здесь в двадцатые-тридцатые годы.

Мишка с любопытством всматривался в сохранившиеся домишки старой Зауды. Деревянные, построенные на один манер, они, казалось, виновато шурялись старыми, покосившимися окнами на только что выпавший, ослепительно белый снег, как бы стыдясь, что они стоят перед белыми многоэтажными рядами, недавно выстроенных домов-красавцев. Где, в каком домишке родилась и провела безрадостное детство Мишкина мама? Она нет-нет да и расскажет, какое у нее было детство — полуголодное, полухолодное, очень скупое на радости, щедрое на обиды и слезы. Она была еще меньше, чем Мишка, но уже помогала матери зарабатывать на жизнь. Бедная мама!.. Мишке стало очень грустно от этих мыслей. Папка молча обнял его за плечи и прижал к себе. Он ведь такой, папка, всегда поймет!..

— А сейчас давай поедem к Галдану Ленхобоевичу, — обратился к Мишке отец. — Согласен?

Мишка кивнул.

Галдан Ленхобоевич восхитил Мишку. Мальчик увидел пожилого бурята с добрыми, пытливыми глазами. У него высокий, чуть сиплый голос. Мишка сел на диковинное кресло: нигде на нем ни гвоздей, ни клееных мест, ни следа обработки. Очень удобное кресло! Как же оно сделано? Как ни рассматривал его Мишка, так и не смог решить.

Хозяин увидел, как вертелся Мишка вокруг кресла, и засмеялся.

— Не ищи, парень, — сказал он. — Это кресло из корня дерева. Ильмовый корень. Оно такое и вырыто. Только обрублено.

IV съезд художников СССР.
Москва, Кремль, 1973 г.

Ученые интересовали рассказы Г. Ленхобоева о забайкальском мумиё. Беседа с Клавдией Федоровной Блиновой (слева) — ученым, ботаником, ученицей Адель Федоровны Гаммерман. Ленинград, 1967 г.

О Галдане Ленхобоеве писали много в республиканских газетах. Вырезка из газеты «Буряад Үнэн» за 28 ноября 1965 г.

Приглядевшись, Мишка нашел массу вещей, вырезанных из корней. Ими уставлены стол, комод, этажерки. То выглядывает морда сохатого с его разлапистыми рогами; то высунулась из-под пня голова соболя; а тут змея обвилась вокруг дерева, птички сели на ветку и вовсю голосят; грациозно прыгают козочки, выбегает из чащи разъяренный кабан-секач, медведь валит дерево. Масса неведомых фантастических существ в самых разнообразных позах — и все словно живые!

— Он большой художник, — сказал отец, когда хозяин вышел в другую комнату. — Он участвовал во Всероссийской выставке мастеров прикладного искусства. Занял второе место. Здорово ведь? Второе место по всей России! А кто он? Рабочий завода «Электромашина», уроженец бурятского улуса Оронгой. Тридцать лет он работает на своем заводе. В журнале «Байкал» напечатана история завода «Электромашина», написанная его рукой.

Конечно, Мишка еще маленький, и ему трудно понять, что из себя представляет Галдан Ленхобоев, модельщик высшей квалификации завода «Электромашина». Не поймет он, что означают выражения: «лучший рационализатор завода», «заслуженный рационализатор

РСФСР». А это ведь очень большое дело: с ним советуются инженеры, он бессменный учитель молодежи. Никто так не прочитает чертеж, как Галдан Ленхобоевич. Золотые руки этого модельщика выручают завод при самых сложных ситуациях: когда срочно надо изготовить деталь к какой-нибудь машине, которой ранее никто и в глаза не видал. На эту деталь нет и чертежей, а есть только полнотный образец. Завод, где работает этот большой мастер, славен не только в Бурятии. Он занял второе место по всей стране. Шутка сказать: изделия, изготовленные руками рабочих улан-удэнского завода «Электромашина», экспортируются в восемнадцать стран: в Монголию, во Вьетнам, в Корею, на далекую Гвинею, на далекую Кубу. Вот на каком заводе работает дядя Галдан Ленхобоев! О чем тебе это говорит, Мишка? Не находишь ли ты, что он многим напоминает твоего отца, охотника из Баргузинского поха? Право же, походят они друг на друга — модельщик Галдан Ленхобоев и твой отец охотник Михаил Жигжитов. Оба они — уважаемые люди в республике. Оба они — люди, каких никогда не было в Бурятии до революции и не могло быть, потому что вся Бурятия была почти сплошь неграмотна: по данным экспедиции 1907 года, в Бурятии насчитывалось всего лишь семь процентов грамотного населения. Оба они, помимо своего основного занятия, отдаются другому, любимому делу: один пишет художественные произведения, а другой создает из корней деревьев изумительной красоты произведения прикладного искусства, свой отпуск проводит в археологических экспедициях, — его труды высоко оценены академиком Окладниковым. Вряд ли Мишкиному сознанию что-нибудь скажет то, что Галдан Ленхобоев — автор нескольких признанных научных трудов, опубликованных в ученых записках Бурятского комплексного научно-исследовательского института, что недавно вышел из печати его ученый труд по этнографии «Свадебные обряды селенгинских бурят». Придет время, узнает обо всем этом маленький байкальский рыбак Мишка, обязательно узнает! А пока давайте-ка последуем за ним — его хотят везти к знакомому уже нам кинокорреспонденту Михаилу Дегтяреву.

Михаил Дегтярев, старый друг семейства Жигжитовых, встретил гостей радушно. Узнав, что Михаил Ильич решил познакомиться Мишку с республикой, Дегтярев широко улыбнулся.

— Ну что ж, — сказал он, — это можно. Начинать надо, конечно, с Улан-Удэ, а в нем — с самого большого завода локомотиво-вагоноремонтного, это, братец мой, штука огромная и интересная.

Склон высокой горы. Темно-бурая шуба из сосен плотно закрывает довольно крутой склон. В шубу эту вшит большой белый дворец. К нему ведет широкая, тоже белая лестница. Красив дворец.

— Это Дворец культуры завода, — объясняет Дегтярев. — Самый крупный не только в нашей республике, но и во всей Восточной Сибири рабочий клуб. Здесь очень хорошая самодеятельность — есть из кого выбирать на заводе с его многотысячным коллективом. На заводе есть свои поэты, художники, свой народный театр, своя футбольная команда, свой превосходный оркестр. В локомотивосборочном цехе, например, работает слесарь-бурят Даши Дамбаев. Замечательный он слесарь, уважаемый в коллективе. Он не только слесарь, но и хороший поэт — у него уже выпущено несколько книжек стихов. Его стихи появлялись в журнале «Октябрь», в «Литературной России», в Москве запланирована книжка его стихов на русском языке. Выйдет в издательстве «Советская Россия». Вот тебе и слесарь с локомотивосборочного!

С балкона Дворца культуры видна вся громадная панорама завода. Он дымит, посверкивает вспышками электросварки.

На мартовском солнце ослепительно блестят крытые стеклом крыши огромных корпусов.

Прямо под лестницей Дворца культуры стоит четырехэтажный дом. Михаил Дегтярев повел гостей к Бажею Жатухаеву, живущему в этом красивом доме. Кто он такой?

Небольшого роста круглолицый старик, еще крепкий, подвижный, встретил гостей приветливой улыбкой. Он познакомил вошедших с женой Надеждой Тарасовной.

В это время из другой комнаты вкатилась в зал маленькая девочка-ка лет трех, сильно похожая на хозяина дома.

— Это моя правнучка, — влюбленно смотря на девочку, сказал старик.

Оказалось, Бажей Егорович проработал на заводе больше четверти века. Он на пенсии. И сейчас нет-нет да потянет старика на завод, в кислородный цех, где бессменно работал он с тридцатых годов. Опытная его рука и сейчас оказывает коллективу цеха неоценимые услуги. Но старик прославлен на всю республику еще и другим. По просьбе гостей он сел на почетное место и, полузакрыв глаза, свежим, чистым голосом начал петь удивительно красивые строфы древнего бурятского эпоса «Гэсэр». Двадцать пять тысяч стихотворных строк хранит память сказителя. Бажей Жатухаев — из тех сказителей, чьей феноменальной памяти народ обязан сохранением бесценных сокровищ своей поэтической культуры. Ныне все эти богатства записаны, собраны и хранятся в надежных хранилищах.

Мишка был зачарован услышанным. Он никогда не слышал ничего такого. Как он хотел, чтобы старик пел еще и еще. Но тот устал и с доброй улыбкой сказал:

Сказитель Б.Е. Жатухаев (слева) передает свои сказания сотруднику БКНИИ СО АН СССР А.И. Уланову (справа).

— Приходили из института научного, хотят весь «Гэсэр» записать на пленку. Сможет слушать всякий, кто захочет. Вот в какое время довелось мне пожить: оказывается, сам смогу слушать собственный голос!

Михаил Дегтярев рассказал о том, что эти добрые старики, с лица которых не сходит улыбка, пережили в войну непередаваемую трагедию. У Надежды Тарасовны погиб сын от первого мужа — единственный сын. У Бажея Егоровича погиб зять. Он был танкистом и пал смертью храбрых в танковом сражении у озера Балатон. Это было в самом конце войны, когда все уже ждали фронтовиков домой. Когда пришла похоронка, дочь Бажея Егоровича лишилась рассудка. Старики вырастили внуку Раю, дали ей высшее образование, она сейчас преподает немецкий и английский языки в Бурятском педагогическом институте.

Вечерами собираются на квартире старого рабочего-сказителя буряты, русские, украинцы — друзья Бажея Егоровича по многолет-

ней работе на заводе. Любят они послушать талантливое сказителя. Удивительная штука — память сказителя: не только звучные строфы древнего героического эпоса сохранила эта память, но и многочисленные исторические легенды и предания из истории бурят, в которых причудливо переплетаются точнейшие даты исторических событий с блесками народной фантазии. Бажей Жатухаев передаст вам легенды и предания о первом бурятском ученом Доржи Банзарове, отравленном иркутским архиепископом, расскажет он и о многом-многом другом. Очень интересны рассказы Жатухаева о трагических эпизодах, связанных с мобилизацией бурят на тыловые работы в 1916 году. Здесь он мрачнеет и, как-то слишком уж торопливо закончив, расспрашивает друзей о том, что пишется в газетах о последних событиях на земле.

Крепко прижимает к уху свой слуховой аппарат Бажей Жатухаев, один из ветеранов рабочего класса Бурятии. Он боится из скучных, но всегда точных рассказов друзей пропустить хотя бы слово. И друзья хорошо понимают эту чуткую настороженность старого рабочего к новостям из международной жизни, понимают, почему старик невольно вздрагивает, услышав о военных провокациях империалистов.

— Безумеют! — говорит он, поднимаясь с места. — Так и Гитлер начинал...

Бесшумно убирает со стола внучка Рая. Гости смотрят на нее и на портреты не вернувшихся воинов. В этом доме знают, что такое война... Когда вышли из дома Бажея Жатухаева, весь соцгород завода был залит морем огней. Кругом огни, огни, огни. Ночь уже зажгла на небе звезды, погрузила в темноту окружающие горы, и уже не видать на этих горах могучего хвойного леса — сплошная ночная темь. Но даже ночь оказалась бессильной в этом новом многоэтажном красивом городе, где живет Бажей Жатухаев, старый бурят, рабочий человек. В этом городе всегда день.

Г.Л. Ленхобоев в до. ул. Амагаева, в кресле из корня и. сделанном своими руками.

БОГАТСТВО
родного края

Г. ЛЕНХОБОВЕ, Е. ХАМЗИНА

УЗЛЫ, ШВЫ И ПЛЕТЕНИЕ У БУРЯТ

В результате многовековой трудовой деятельности каждый народ выработал свои собственные приемы в шитье, в завязывании узлов и в плетении. Разные народы имеют свой собственный ассортимент их, отличающийся от других, так как узлы, швы и плетение отражают хозяйственную деятельность народа, создавшего их. Но несмотря на это, они незаслуженно обойдены молчанием. Чаще всего авторы работ об одежде, жилищах и хозяйстве кочевников-скотоводов не останавливаются на швах, узлах и приемах плетения, хотя они заслуживают особого внимания. Авторы этой статьи ставят перед собой скромную задачу познакомить читателя с частью узлов, швов и плетений, которыми пользуются буряты. Сделать это тем более необходимо, что многие из них исчезают в настоящее время безвозвратно. Статья не является исчерпывающей, так как публикуемый материал собран главным образом среди селенгинских бурят. Без сомнения, у бурят в других районах существует целый ряд узлов, швов и плетений, которые еще не известны авторам.

Узлы

Бурятам известны значительно больше способов завязывания узлов, чем русскому населению Забайкалья. Многие узлы вошли в обиход последнего под названием «бурятских». Эти узлы отличаются своей практичностью: они прочны, легко завязываются, при желании легко развязываются. До недавнего времени ни один бурят в повседневной жизни не мог обойтись без них. Узлы были необходимы ему на каждом шагу: без узлов не поставишь юрты, не привяжешь и не стреножишь коня, не перевяжешь поклажи и т. д. Везде необходим узел и для каждого случая в отдельности свой, по-особому завязанный. В настоящее время многие из узлов вышли из употребления, так как исчезла юрта, поклажу перевозят на машинах, где можно применить только некоторые из них.

Все описываемые нами узлы можно разделить на две примерных группы: бытовые и декоративные. Первые преобладают над вторыми своим количеством, последние отличаются большей прочностью и сложностью исполнения.

1*. Самый простой узел хорошо известен всем народам. Он широко применяется там, где не требуется особой крепости. При помощи з а н и г и л а закрепляется конец нитки, жилы при шитье.

* Рисунки под этими же номерами помещены после статьи.

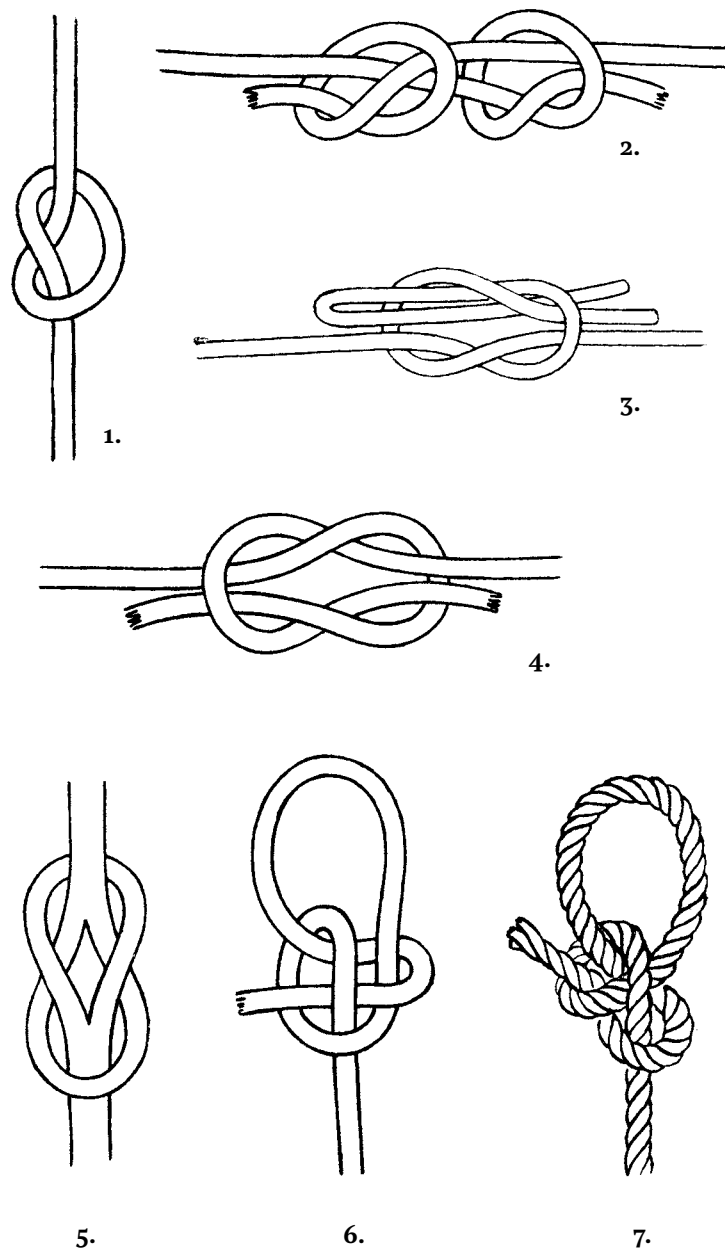
УЗЛЫ, ШВЫ
И ПЛЕТЕНИЕ
У БУРЯТ

Г. Ленхобоев, Е. Хамзина.
«Материалы по истории
и филологии Центральной
Азии», вып. 2 (Улан-Удэ, 1965)

В результате многовековой трудовой деятельности каждый народ выработал свои собственные приемы в шитье, в завязывании узлов и в плетении. Разные народы имеют свой собственный ассортимент их, отличающийся от других, так как узлы, швы и плетение отражают хозяйственную деятельность народа, создавшего их. Но несмотря на это, они незаслуженно обойдены молчанием. Чаще всего авторы работ об одежде, жилищах и хозяйстве кочевников-скотоводов не останавливаются на швах, узлах и приемах плетения, хотя они заслуживают особого внимания. Авторы этой статьи ставят перед собой скромную задачу познакомить читателя с частью узлов, швов и плетений, которыми пользуются буряты. Сделать это тем более необходимо, что многие из них исчезают в настоящее время безвозвратно. Статья не является исчерпывающей, так как публикуемый материал собран главным образом среди селенгинских бурят. Без сомнения, у бурят в других районах существует целый ряд узлов, швов и плетений, которые еще не известны авторам.

УЗЛЫ

Бурятам известно значительно больше способов завязывания узлов, чем русскому населению Забайкалья. Многие узлы вошли в обиход последнего под названием «бурятских». Эти узлы отличаются своей практичностью: они прочны, легко завязываются, при желании легко развязываются. До недавнего времени ни один бурят в повседневной жизни не мог обойтись без них. Узлы были необходимы ему на каждом шагу: без узлов не поставишь юрту, не привяжешь

и не стреножишь коня, не перевяжешь поклажи и т.д. Везде необходим узел и для каждого случая в отдельности свой, по-особому завязанный. В настоящее время многие из узлов вышли из употребления, так как исчезла юрта, поклажу перевозят на машинах, где можно применить только некоторые из них.

Все описываемые нами узлы¹ можно разделить на две примерные группы: *бытовые* и *декоративные*. Первые преобладают над вторым своим количеством, последние отличаются большой прочностью и сложностью исполнения.

1. Самый простой узел, хорошо известен всем народам. Он широко применяется там, где не требуется особой крепости. При помощи *зангилаа* закрепляется конец нитки, жилы при шитье.
2. *Залгалаа зангилаа* — узел для связывания обрыва веревки. Только этим узлом связываются концы разорванной тетивы.
3. *Нүбэрхэй уялаа*. Этот узел известен у населения Забайкалья как бурятский. Он имеет широкое распространение, так как сравнительно легко, но очень крепко соединяет два конца и при желании легко развязывается: стоит лишь потянуть за один конец. Им завязываются тесемки у шапки, фартука, концы платка.
4. *Зангилаа уялаа* — два конца. При помощи этого узла подвешивают воротца в скотниках. Развязать его сразу трудно.
5. *Бүгэлдэргэлхэ* — соединение при помощи двух петель. Концы веревок продергиваются через петли, завязанные на обеих веревках. Завязанный узел крепок, но труден для развязывания.
6. *Тоонто* — у русского населения известен под названием «бурятского узла». Этот узел используется в случаях, когда нужна петля на одном из концов веревки, например, когда затягивается воз сена.
7. *Налгай тоонто* — подобен предшествующему узлу, только завязывается уже не направо, а налево. Этим узлом чаще пользуются русские, чем буряты.
8. *Татамал тоонто* — тот же самый узел, но завязывается с петлей для быстрого развязывания.
9. *Бойлторгын уялаа* — неподвижный узел, закрепляющий крупную петлю на шее теленка во время дойки коровы, чтобы он не мешал.
10. *Томоһон бойлторго* — отличается от предшествующего только тем, что имеет дополнительную петлю, при помощи которой теленка прикрепляли к специальному приспособлению зальн уялаа на заборе загона в виде веревки с палочкой.

1 Рисунок под этими же номерами размещены на соседних страницах.

11. *Зэлын уялаа* — специальный узел для прикрепления к забору веревки с деревянным крючком-поперечинкой, к которому привязывается теленок за петлю на ошейнике.

Описанные выше узлы являются универсальными, за исключением двух последних, в то время как существует ряд узлов специального назначения, которые применяются только в определенных случаях. К таким узлам можно отнести целую серию узлов, которые в сочетании с плетением являлись украшением конской сбруи.

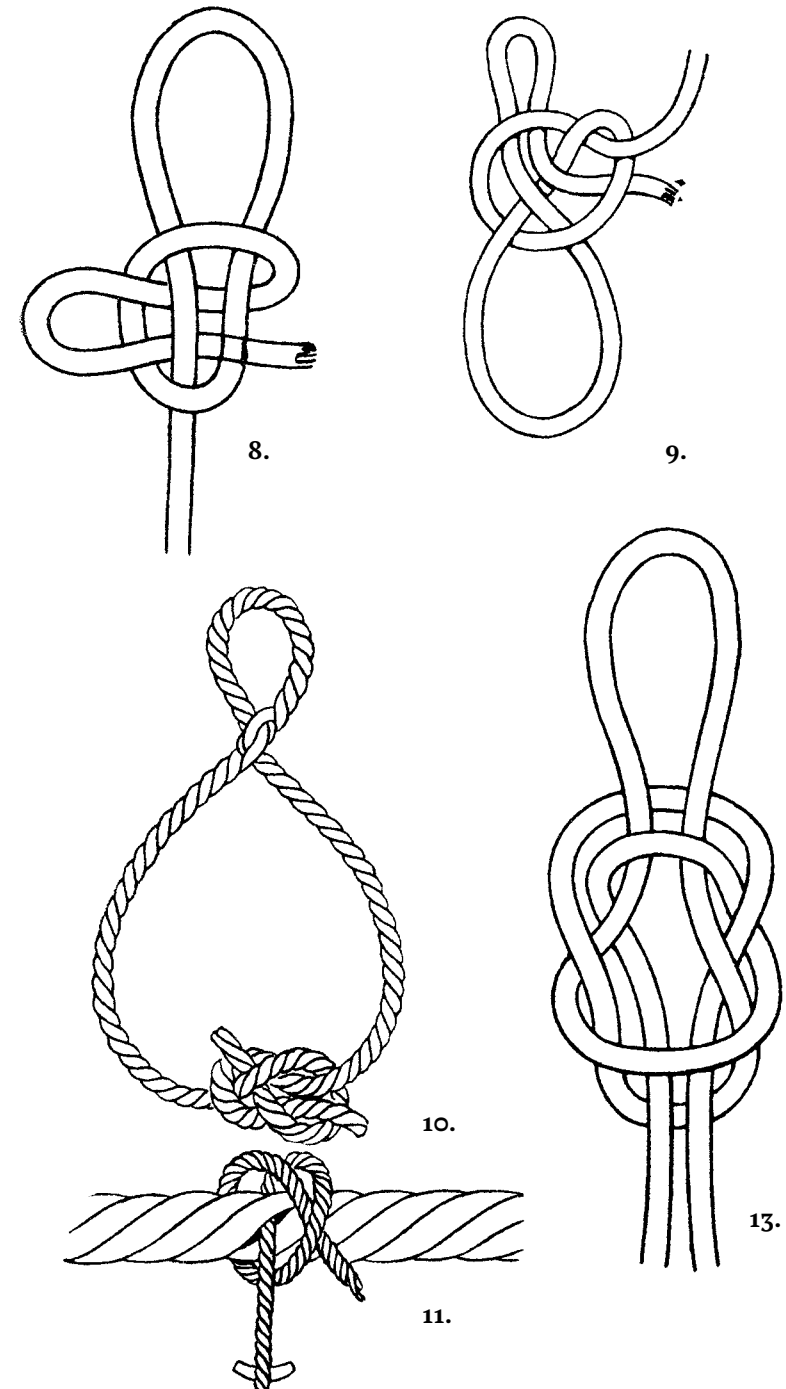
12. *Дүрбэлжэн зангилаа* — узел, связывающий четыре конца. Один из концов остается свободным, его можно привязать или завязать на нем другой узел. Используется в узде и связывает только ремни.
- 12а. Подобным узлом является *ихизаарай зангилаа*, который только связывает три конца¹.
13. Своеобразным узлом *хударгын уялаа* укрепляется седло. Он же является и декоративным, так как, туго затянутый, он красив.
14. Для украшения шлеи и узды используется сочетание узла с плетением из тонких ремней. Наглядным примером этого могут служить кисти, обязательные украшения шлеи и нередко узды, носящие название *хударгын сасаг*.

Нельзя не упомянуть и два декоративных узла.

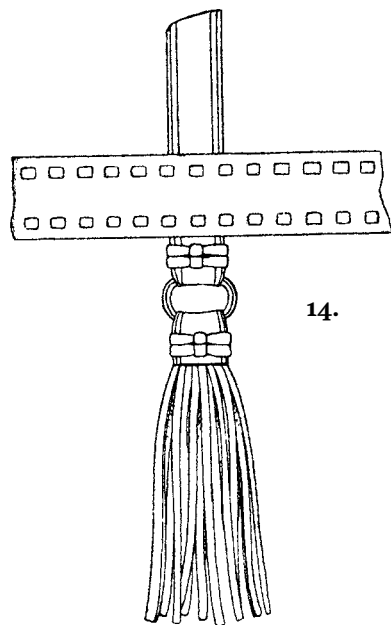
15. Первый Т-образный, у которого два конца являются как бы продолжением друг друга, т.е. вытянуты в одну линию, а два других параллельны между собой и перпендикулярны двум первым.
16. Другой представляет собой два простейших узла *зангилаа*, соединенных между собой петлями. Концы ремней вытянуты в одну линию и параллельны. Этот узел носит название сбруйного узла. К этим же узлам можно отнести и *ургын гүйбишэ*.
17. *Ургын гүйбишэ* — употребляется в тех случаях, когда нужны туго завязывающиеся узлы. Завязывается он обычно на веревке, у которой закреплены оба конца. Используется чаще всего для привязывания коня за узду к коновязи, к санкам.

Таковыми же являются узлы, которыми пользуются для связывания поклажи при перевозках. К ним относятся следующие:

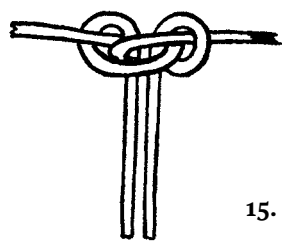
18. *Бастригай уялаа (даруулга уялаа)* — узел, который используется для затягивания воза с сеном. В этом случае один конец верев-

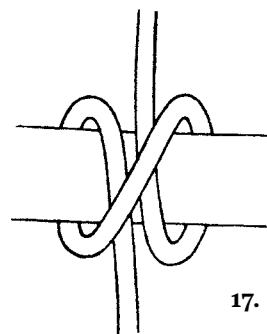
¹ Рис. 12, 12а отсутствуют.

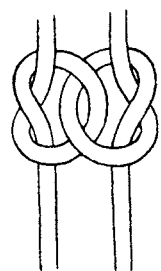
14.

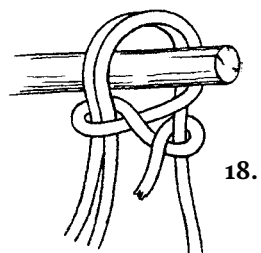
15.

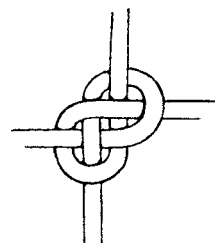
17.

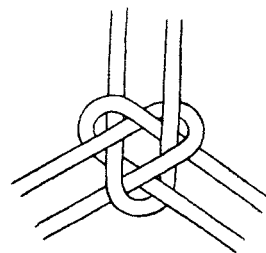
16.

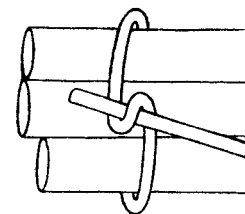
18.

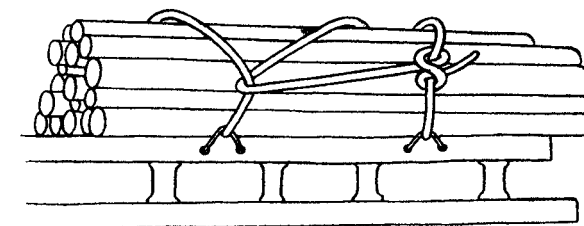
19.

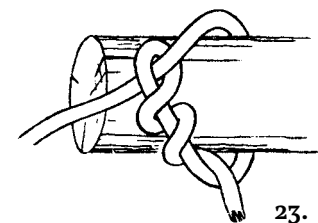
20.

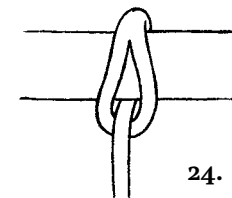
21.

22.

23.

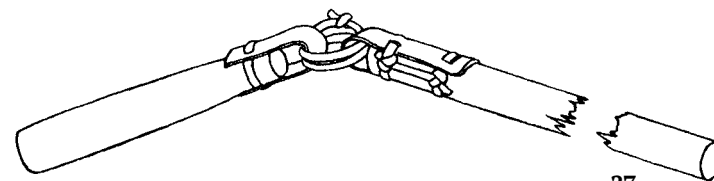
24.

25.

26.

27.

ки завязывается за сани при помощи узла тоонто, а второй перекидывается через бастрик¹, крепится за сани, обматывается снова вокруг бастрика и тут завязывается простым узлом.

19. Своеобразен узел четырехсторонней затяжки, который применяется при постановке стен войлочной юрты. Обычно в этом случае использовалась веревка из конского волоса, поэтому узел отличался особенной крепостью.
20. Другой узел подобен предшествующему, но уже имеет затяжку на шести концах. Он предназначается для прикрепления к центральному колу при постановке шестигранной палатки.
21. *Ирихэ* — способ связывания дров, жердей. На концы дров или жердей надевается веревочная петля, а потом туго закручивается палочкой, которая закрепляется.
22. *Шангадхаха* — способ привязывания жердей и бревен к телеге, машине и т.д.
22. *Бугуулидаха* — самый быстрый для завязывания узел, хорошо известный всем народам и носящий название удавки. Используется широко в строительстве, когда нужно поднять или перетащить бревно. В строительстве используется и мертвая петля *эгэлдэрхэ* (24). Она употребляется и в коневодстве (аркан).

Остроумно закрепляется копна при перевозке. Две петли на концах веревки, охватывающей копну, соединяются палочкой-костыльком, образуя своеобразный замок, который носит название *тэбхэдэхэ* (25).

Этот же принцип используется в путях *шагталха* (26), только в этом случае палочка-костылек закреплена на одном конце намертво и как бы затягивается на петлю.

27. *Гүйлүүр гүүжэ* — узлы на сыромятной коже. Они применялись при прикреплении петель молотила цепа, а также на дверях скотника. Сырым сыромятным ремешком приматывалось основание петли, тоже из сыромятины, к рукоятке цепа. После высыхания кожа теряла свою эластичность и намертво прикрепляла петли. Таким же образом крепятся петля к молотилу и петли на дверях скотника. И последнее в этой группе крепление — *горьёлко* (28), обычное ременное крепление с пряжкой, широко известное всем народам.

Вторая группа — декоративные узлы — как уже отмечалось выше, отличается сложностью завязывания. Основное их назначение — украшать. Они немногочисленны, но своеобразны и красивы. Часто они имели определенное назначение.

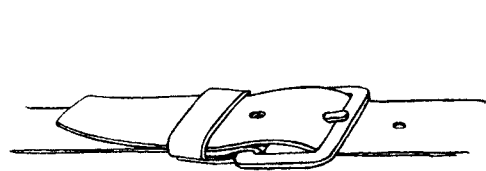
1 Круглая палка, при помощи которой сено придавливается сверху.

29. Узел *үлзы уялаа* — наиболее распространенный у бурят. Выполняется он обычно из цветных шелковых ниток, и носят его на левой стороне груди на халате.
30. *Жэниэ уялаа* — узел для петли на халате и шубе.
31. *Дүрбэлжэн уялаа*. При помощи этого узла девушки связывали сзади концы шнура, на котором подвешивалось *гуу* (медальон), у парней этот узел использовался для прикрепления кисточки к кошельку.
32. *Наймалжан зангилаа* — применялся только в конской сбруе.
33. *Малгайн залаа уялаа* — кисть для шапки. На основу из толстой нитки крепятся цветные, чаще всего красного цвета, шелковые нитки таким образом, что они отходят лучами от центра. Затем берется другая толстая нитка и «лучики» связываются узлом *ургын гүйбиэ* (33а) один за другим в кисточки.
34. *Бүһын сасаг* — кисточки у тканого шелкового кушака. Предварительно концы кушака продергиваются. Остается только основа. Она делится на равные части, которые последовательно связываются между собой, образуя кисточки.
- 34а. *Утаһан сасаг* — кисточки из цветного шелка. Нитки собираются вокруг шнурочка, а потом перевязываются пополам, складываются и еще раз перевязываются у основания. Ими обычно украшали четки, кисеты.
- 35а. *Гулдируулга*. Между двумя швами, образующими пространство, продергивают подвижной шнурок, который легко затягивается. Таким образом завязываются кисеты, вещевые мешки, сумки.
- 36а. *Хабишуулга* — способ завязывания кушака и двери.

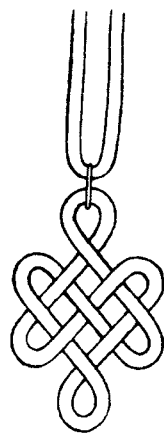
ГУРЛӨӨНҮҮД — ПЛЕТЕНИЯ

Не менее распространено и плетение. Оно используется в хозяйстве, в быту бурят. Сюда входят простейшие приемы плетения, когда свиваются два конца веревки, и сложные — когда соединяются шесть и более концов. Материал используется различный: сыромятные ремешки, шерсть, нитки.

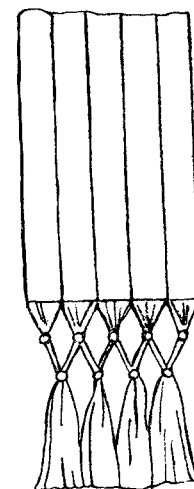
37. *Бүтүү һүжэһэн* — представляет собой способ закрепления постоянной петли, которая делается на конце веревки. Широко используется в быту.
38. *Һүлжөөдэһэн* — способ плетения, при помощи которого соединяется обрыв веревки.

28.

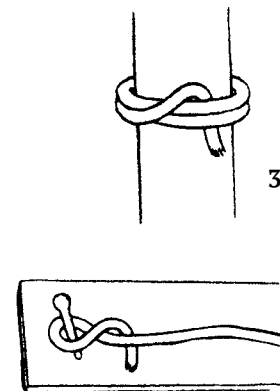
29.

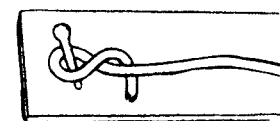
34.

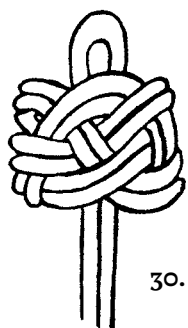
34(a).

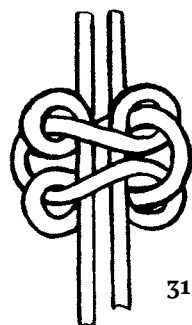
36.

36(a).

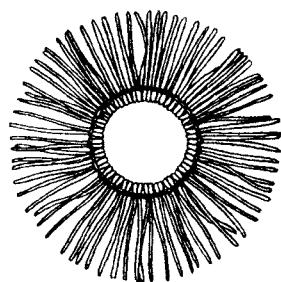
30.

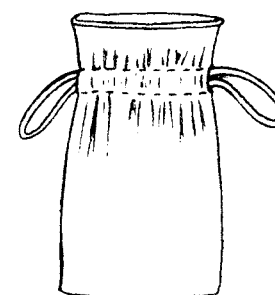
31.

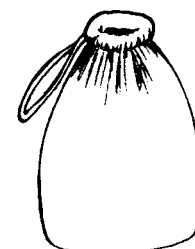
33(a).

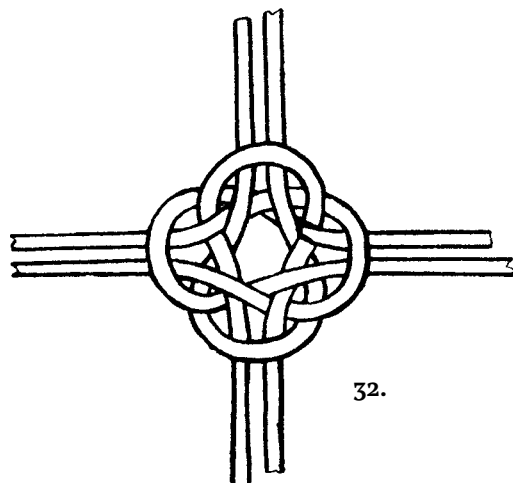
33.

35.

35(a).

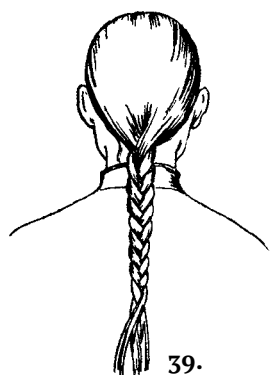
32.

38.

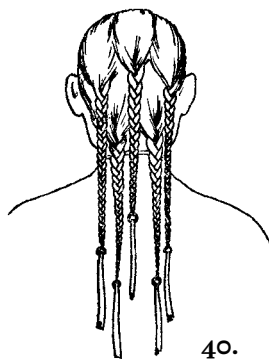
37.

39.

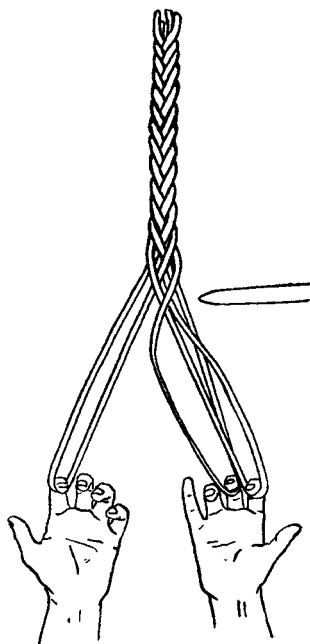
41.

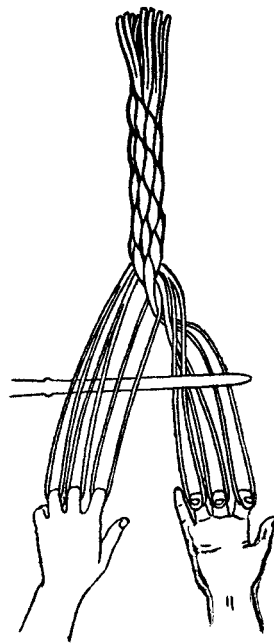
40.

43.

44.

45.

39. *Гээгэ гүрэхэ* — обыкновенное плетение трех концов в один. Этим способом заплетаются косы.
40. *Шанха* — прическа бурятской девушки (восточные буряты), состоящая из пяти косичек. Каждая косичка сплетена из трех концов. Косы располагаются в определенном порядке: три косы заплетаются у макушки, а две — между ними — внизу, у шеи.
41. Плетение трех кожаных концов *ташуур гүрэхэ* используется для изготовления кнотов.
42. *Оохор бүшэ гүрэхэ*¹ — способ плетения, а также тесемочки, выполненные посредством его из шелковых ниток. Для плетения берутся две нитки или тесемки и складываются пополам так, что образуется четыре конца. Петли надеваются на два пальца, указательный и безымянный, обеих рук. Один человек держит концы, а другой плетет, продевая последовательно петлю в петлю, при этом перед продеванием та петля, которая продевается, скручивается на один оборот вовнутрь. После каждого плетешка держащий концы ударяет между петлями по плетешку деревянным ножом для того, чтобы уплотнить плетение.
- Тесемки, сплетенные таким образом, используются на ко-соплетки и для петель.
43. *Дүрбэлжэн гүрлөө* — то же плетение, что и предшествующее, только из кожаных полосок. Плетутся так, главным образом, кнуты.
44. *Зургаагаар гүрэхэ* — плетение из шести концов (трех петель). Две петли надевают на указательный и средний пальцы правой руки, на эти же пальцы левой руки надевают одну петлю. Процесс плетения подобен плетению *оохор бүшэ гүрэхэ*. Средним пальцем левой руки поддевается петля на указательном пальце правой руки и продевается через петлю на левой руке. Одновременно указательным пальцем левой руки петля с этой руки надевается на освободившийся палец правой руки. То же самое проделывается с петлей, надетой на средний палец правой руки и т.д. Плетешки уплотняются также при помощи деревянного ножа.
45. *Наймаар гүрэхэ* — двенадцатиконцевое плетение. Петли надеваются на три пальца обеих рук: указательный, средний и безымянный.

Плетение ведется в следующем порядке: указательный палец левой руки — с безымянного правой; средний палец правой — со среднего левой; указательный правой — с безымянного левой; средний левой — со среднего правой.

1 Рисунок не дается.

46. Шестнадцатиконцевое плетение. Оно подобно двенадцатиконцевому, но занято уже восемь пальцев: указательный палец правой — с мизинца левой; средний палец левой — с безымянного правой; средний палец правой — с безымянного левой; указательный левой — с мизинца правой.

Существует второй вариант плетения на шестнадцать концов: указательный левой — с мизинца правой; средний правой — со среднего левой; безымянный левой — с безымянного правой; указательный правой — с мизинца левой.

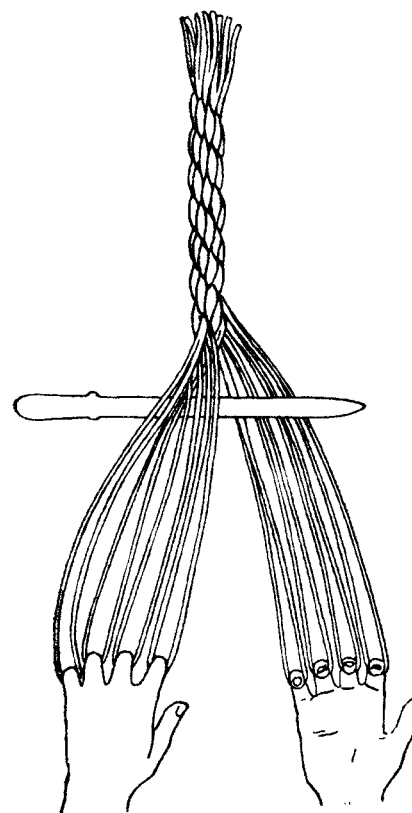
И снова в том же порядке, только начинается с правой руки.

47. При помощи *ташуурай* уялаа бич прикрепляется к кнтовищу (деревянная ручка).
48. *Петухай гүрлөө* — плетение из полосок кожи бича, но так как удар такого бича очень тяжел, то он носит больше ритуальный характер, является украшением всадника на сурхарбане.

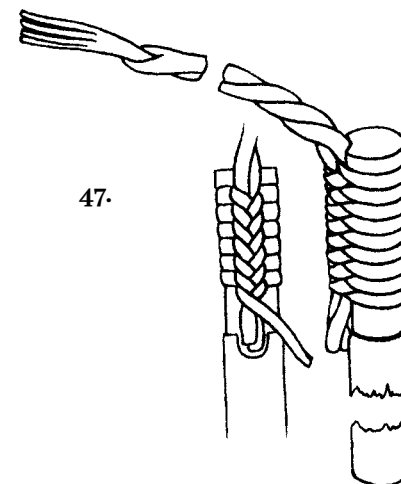
ЭЭРЭЛГЭ — ПРЯЖА

Большое место в жизни бурят занимают изделия из овечьей, козьей (яманьей) шерсти и конского волоса. Иногда шерсть прядется, но чаще вяжут вещи из непряденой. Первое заимствовано у русских, вязка же из непряденой шерсти — самобытный способ бурят.

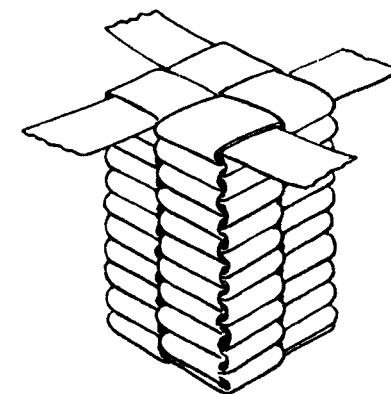
49. *Ноохо ээрэхэ* — ручное прядение шерстяных ниток. Шерсть вытягивается, туго скручивается и наворачивается на веретено.
- 50, 50а. *Ноохо ниидхэхэ* — сучение (соединение двух и более ниток в одну). Первоначально нитка сматывается на руку, а затем оба конца соединяются вместе, закрепляются на веретене и веретено приводится в движение таким образом, что нитки свиваются. При ссучивании предусматривается противоположное направление волокон.
51. *Утаһа ээрэхэ* — соединение нескольких шерстяных нитей в одну. Принцип тот же, что и в предыдущем случае. Но здесь необходимо следить, чтобы нить была ровной, при этом предусматривается разностороннее направление волокон (лево-правое и право-левое ссучивание).
52. *Утаһа ниидхэхэ* — ссучивание ниток в тесемку. В этом случае направление волокон одинаковое (лево-правое и лево-правое).
53. *Ноохо хубаха* — подготовка шерсти для вязки крючком. Шерсть предварительно шиньгуется (раздергивается) и слегка вытягивается. Из такой шерсти вяжутся носильные вещи.

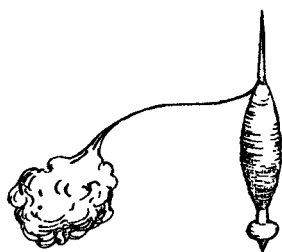
46.

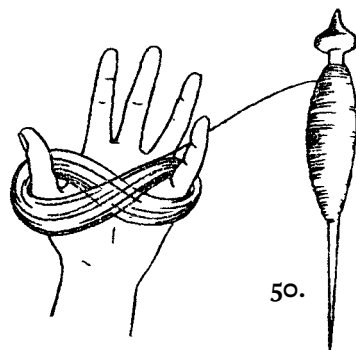
47.

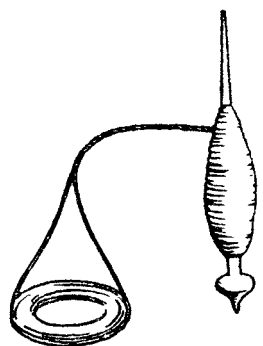
48.

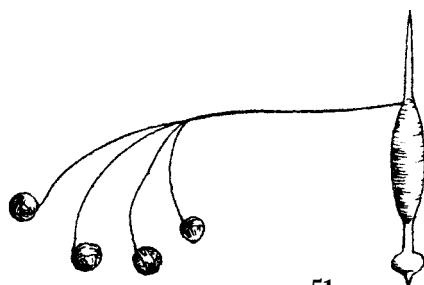
49.

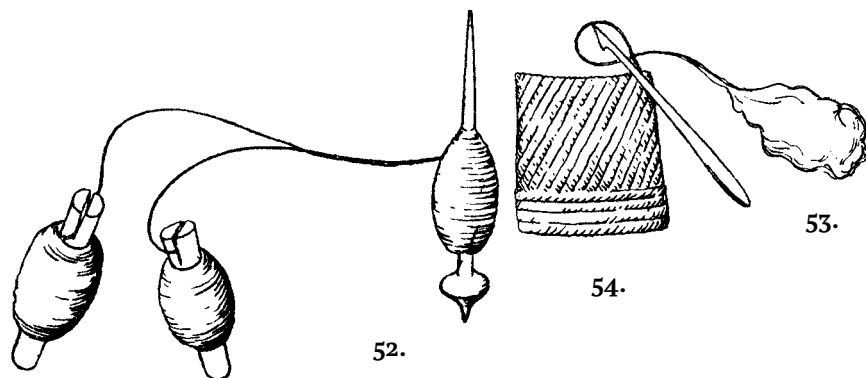
50.

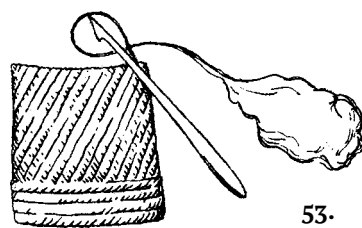
50(a).

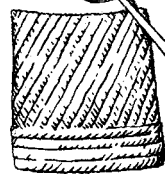
51.

52.

53.

54.

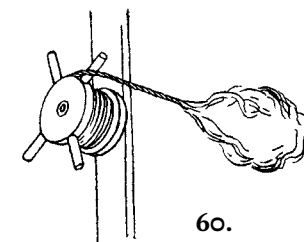
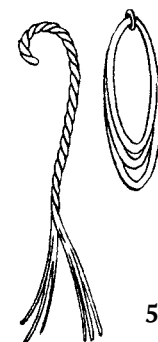
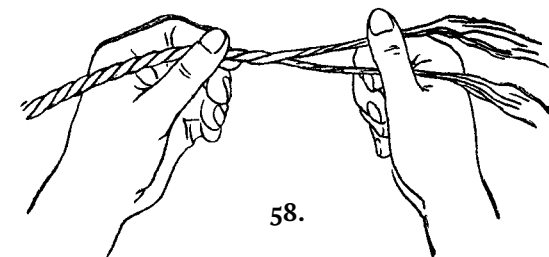
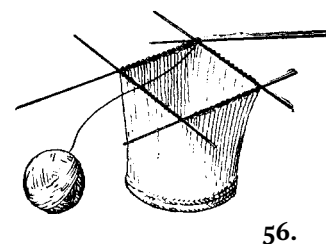
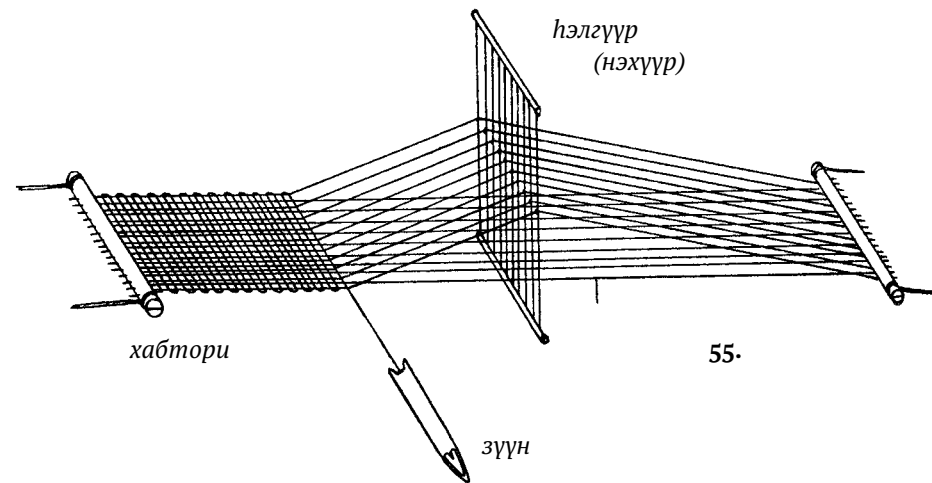
54. *Дэгээ зүүгээр оёхо* — вязание из непряженой шерсти. Производится следующим образом: шерсть слегка вытягивается в нить и сразу же простой петлей вяжется при помощи крючка. Вещи, связанные таким образом, отличаются мягкостью и теплотой. Так вяжут носки — *шагабша*, чулки — *оймхо*, варежки — *баарья*, шарфы — *шаарна*, платки и другие вещи.
55. Тканье из шерстяных ниток — *ноохо ээрэхэ* — несколько отличается от русского. Буряты не имеют станков, подобных русским, основа натягивается между двумя подвешенными рейками-держателями хабрири. Участвуют два человека. Один проталкивает челнок (*зүүн*), другой передвигает *хэхүүр*. Первый при помощи плоской палочки уплотняет ткань.
56. *Табан зүүгээр оёхо* — вязание на спицах из непряженой шерсти; встречается реже, чем *дэгээ зүүхэн оёдол*.
57. Кроме ссучивания ниток при помощи веретена, буряты пользуются простым приемом *утаха томохо*. Нитки расстилаются на ладони левой руки, правой ладонью проводят к себе поверх этих нитей таким образом, что нити свиваются между собой.
58. Таким же способом скручиваются веревочки для подпруг (*улам*), чумбура (*жэрэм*), кушаков (*бүхэ*) из козьей шерсти. Предварительно шерсть шингуется, растягивается, как для вязки, а затем движением ладони скручивается в шнурочки не толще обычного шпагата. Потом тем же движением ладони шнурочки ссучиваются (*утаха томохо*), но уже так, что направление волокон скрученных ниток противоположно.
59. *Гур мушхаха* — свивание тонких кожаных ремешков.
60. *Жолоо, боожо, аргамжа*. При помощи барабанчика из конского и козьего волоса свиваются толстые нити — заготовка для будущей веревки, которая скручивается из трех таких нитей.
- 61, 61a. Для ременной веревки заготовки делаются следующим образом: кожа режется на узкие полоски *аргамжа*, *боожо*, концы которых сшиваются между собой, затем их сматывают в три клубка.
62. Скручивание заготовки *жолоо* производится так: *жолоо* первоначально слегка скручивается пальцами, а затем смоченное, скатывается при помощи *жэрбэдэхэ* (63) — орудия, состоящего из плоской нижней доски (средние размеры 60×20 см) и верхней, с ручкой, меньшей по размерам (40×15 см). На нижнюю кладется *жолоо*, и по нему проводят верхней доской, слегка нажимая при этом на нее. После этого свивают из трех концов веревку.
64. *Аргамжа ниидхэхэ* — ссучивание веревки, петли при помощи которых оглобли прикрепляются к саням. Сначала материал,

из которого делаются петли, скручивается для правой направо, для левой налево. Затем пропускают через спицы и завязывают *зангилаа* (65), образующие петлю, в которую вставляется конец оглобли.

Первоначальным материалом для петель служили мочеточки быка, потом петли стали делать из кожи, в настоящее время жгуты для петель свивают из стволов молодой березы.

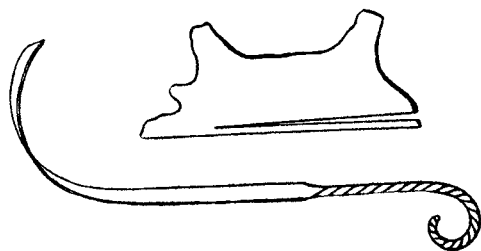
66. Из трех кожаных ремешков плетутся путы для коней. Они бывают трех типов: а) *тушаа* — путы для передних ног, б) *үрөөлэ* — для передней и задней ноги в) *шүдэр* — для передней и обеих задних ног. Плетут путы обыкновенной косой из трех концов. Используется ремень или волосная веревка из конского волоса. Здесь же применяется *шагталха* — замок, при помощи которого замыкается петля вокруг ноги коня.
67. *Мориной хамагша гүрэхэ* — плетеные из кожаных ремешков или из коры тальника и караганы намордники для лошадей.
68. *Бургааһан шүүр гүрэхэ*¹ — плетение из тонких очищенных от коры прутиков тальника для процеживания молока и чая.
69. *Түрсүүг гүрэхэ*² — корзина в виде ведрышка. Плетется обычно из прутиков тальника. Первоначально связывается несколько обручей разных размеров, в зависимости от их места. Устьевой обруч самый большой, донный — самый маленький. Верхний конец вертикального прутика загибается вокруг устьевого обруча, пригибается к нему так, чтобы он был параллельно обручу. Следующий прутик загибается вокруг обруча и прута, пригнутого к нему, и тоже укладывается рядом. То же самое проделывается с последующими.
70. *Монсог уялга* — украшение из цветных кожаных ремешков в виде шарика.
71. *Хударгын гүрлөө* — плетение из цветной кожи, украшающее шлею.
72. *Үдэхэ* — способ крепления петли на ремне. Сначала короткий конец прикрепляется к основной части ремня поперечным ремешком-муфточкой, затем они пришиваются продольным ремешком. Подобным образом двумя ремешками, расположенными параллельно по краям, скрепляются разрывы ремня.

Нельзя обойти молчанием и штампы, при помощи которых наносится на кожу орнамент путем насечки. Мы не будем перечислять все, а упомянем только несколько наиболее распространенных.

1 Рисунок не дается.

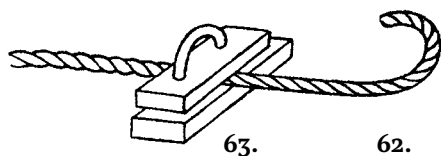
2 Рисунок не дается.

61.

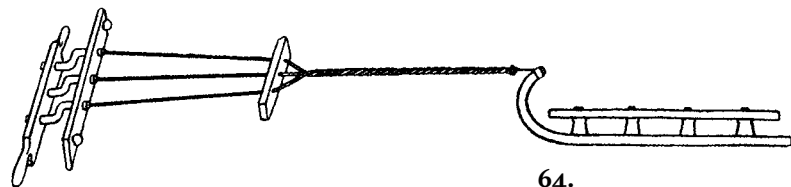

61(a).

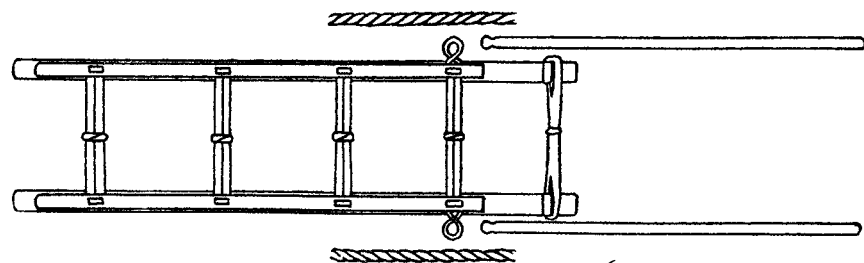

62.

63.

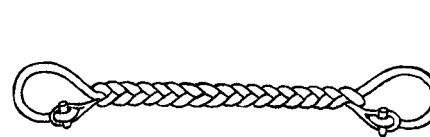
64.

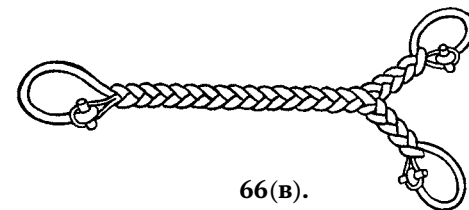
65.

66(a).

66(b).

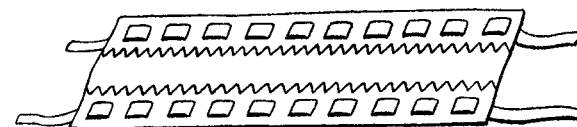
66(b).

67.

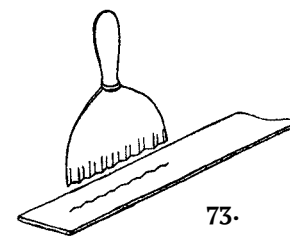
70.

71.

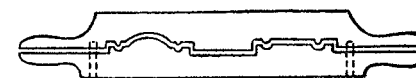
72.

73.

74.

75.

73. *Сабшуур* — штамп для насечки рисунка на коже, используемой для конской сбруи.
74. *Шүбэгэ* — шило, которое используется для нанесения украшений на кожаные ремешки (при шитье).
75. *Шаб* — инструмент для тиснения кожи для сбруи и поясных ремней. *Шаб* состоит из двух планочек, на внутренней стороне которых вырезаны два рельефных рисунка. Ремень вкладывается меж планками. Планки сильно сжимаются, рисунок оттискивается.

ШИТЬЕ

При шитье буряты держат иголку иначе, чем русские. Обычно иголка зажимается между большим, указательным и средним пальцами так, что она лежит между большим и указательным пальцами, средний поддерживает ее снизу. Шьют к себе.

Швов известно много. Все швейные работы производились главным образом руками. Швейная машина не всем была доступна. Женщины-бурятки — большие мастерицы, и вещи, вышедшие из их рук, отличаются изяществом.

Швы бывают разные, в зависимости от их назначения. Соединяющие швы соединяют две части вместе; закрепляющими подрубают ткань, чтобы нити не выпались; их также применяют для украшения вещи.

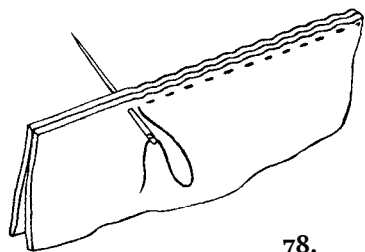
Наибольшим распространением пользуется шов «иголка вперед». Он положен в основу большинства бурятских швов. Им шьется одежда, им стегают и пришивают подошву к обуви. Таким образом, этот шов используется почти везде. Но в каждом отдельном случае меняется размер стежков, их плотность, а в зависимости от этого и название шва.

Самым наглядным примером может служить наметка — *шэдэхэ*. Иголку с ниткой пропускают в материю через четыре-шесть нитей все время вперед от последнего стежка. При наметке же на иголку набирают сразу несколько стежков, протаскивая потом через них нитку. В этом случае нитка не затягивается, в остальных швах стежки мелкие и туго затягиваются. Они настолько ровны и расстояние между ними так мало, что вся строчка шва производит иногда впечатление машинной. Подобными швами являются:

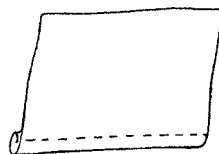
76. *Нибтэгэлзэхэ* — шов для шитья кожаных изделий (дох, шуб, ичигов, подошв на унтах). Иголкой протыкают насквозь сложенные вместе два края, протаскивают нитку (сухожилие), отступив немного, опять прокалывают и так далее.
77. *Хирхаг дараха* — наружная часть бельевого шва. Это все тот же легкий шов иголкой вперед. Стежки очень мелкие и частые.
78. *Шэнгээхэ* — шов, при помощи которого припосаживают некоторые части шьющейся одежды, например, рукава перед вшиванием. Величина стежков зависит от размеров припосаживаемой части и от наружной густоты сборок.
79. Подобен вышеописанному шов *хуняаһа оёлго*. В этом случае стежки располагаются в шахматном порядке и шьются цветными нитками. В результате получаются сборки. Так собиралась на женском халате юбка ниже пояса и на спине, бока не собирались.
80. *Хүбөөлхэ* — подрубка, подшивка края (подола, голенища унтов). Производится она обычным способом: край загибается во внутрь один раз очень немного, потом второй раз уже больше и пришивается с левой стороны.
- 81а. *Сабаглаха* — подшивка нижнего края другим материалом. Подштаферка подгибается в нижней части наружу, а в верхней — внутрь.

Кроме шва «иголка вперед», буряты пользуются так называемым швом «за иголку». Проколов шитье иглой, на нее набирают, предположим, четыре нити ткани и протаскивают через иглу с ниткой. Затем прокалывают ткань сзади второго прокола иглы, на половине или же в начале предшествующего стежка и набирают снова шесть или восемь нитей в зависимости от стежка. И снова иголкой ткань прокалывается за сделанным стежком. Называется этот шов (81б) *логшохо (шаглаха)*. Выполняется он обычно цветными нитками и используется при обшивке ворота халатов. К этому же типу относятся следующие швы:

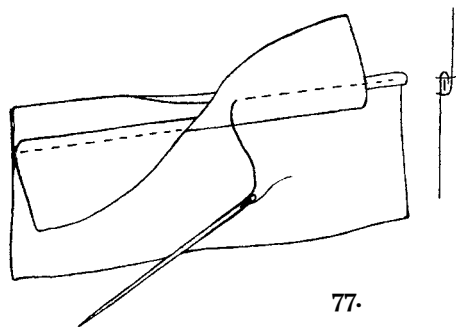
82. *Мүшхэхэ* — обшивка края верхней одежды цветной тканью.
82. *Шэрэхэ* — шов для стежки внутренних подкладок халатов, тулупов, войлочных потников, шапок.
84. *Шаглаха* — прикрепление союзок на унтах (то же, что и 76). Шов похож на машинный, так как расстояние между стежками настолько мало, что они почти сливаются между собой. Таким же образом прошивается запятник.
85. *Хажаха* — то же, что и *мүшхэхэ*, но обшивается ворот халата двумя и более рядами разноцветных тканей или тканью и мехом.

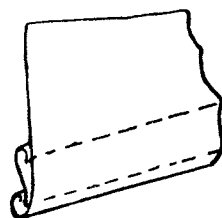
78.

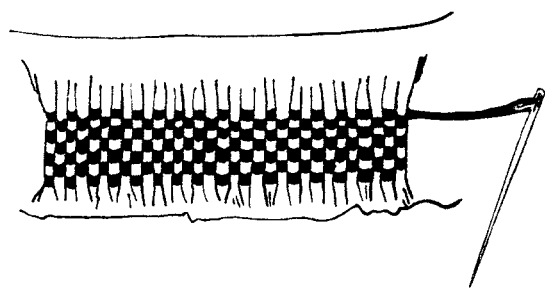
80.

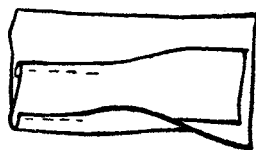
77.

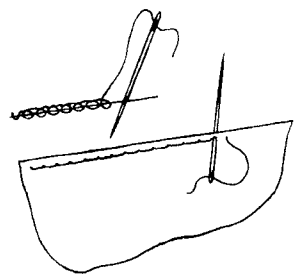
81.

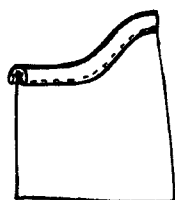
79.

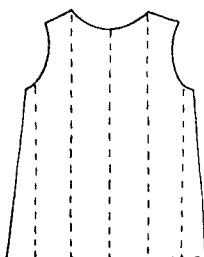
81(a).

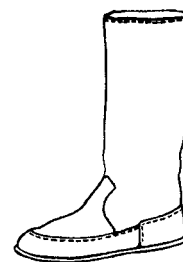
81(b).

82.

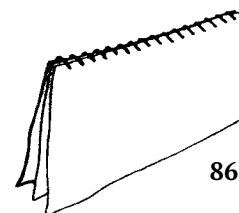
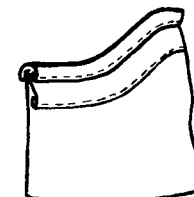
83.

84.

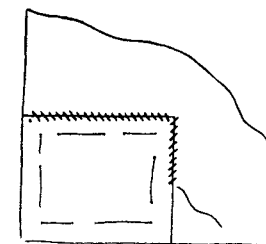
85.

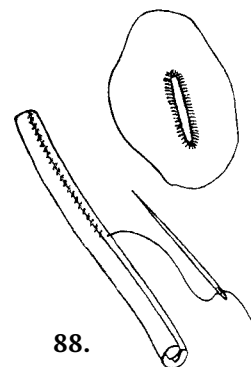
86.

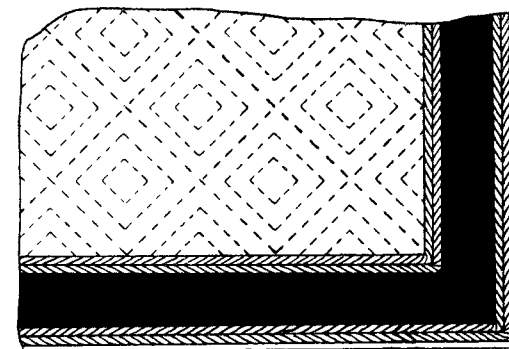
87.

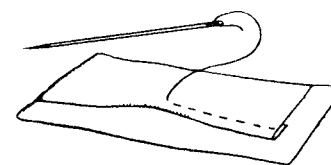
87(a).

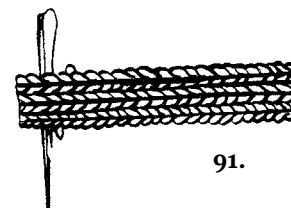
88.

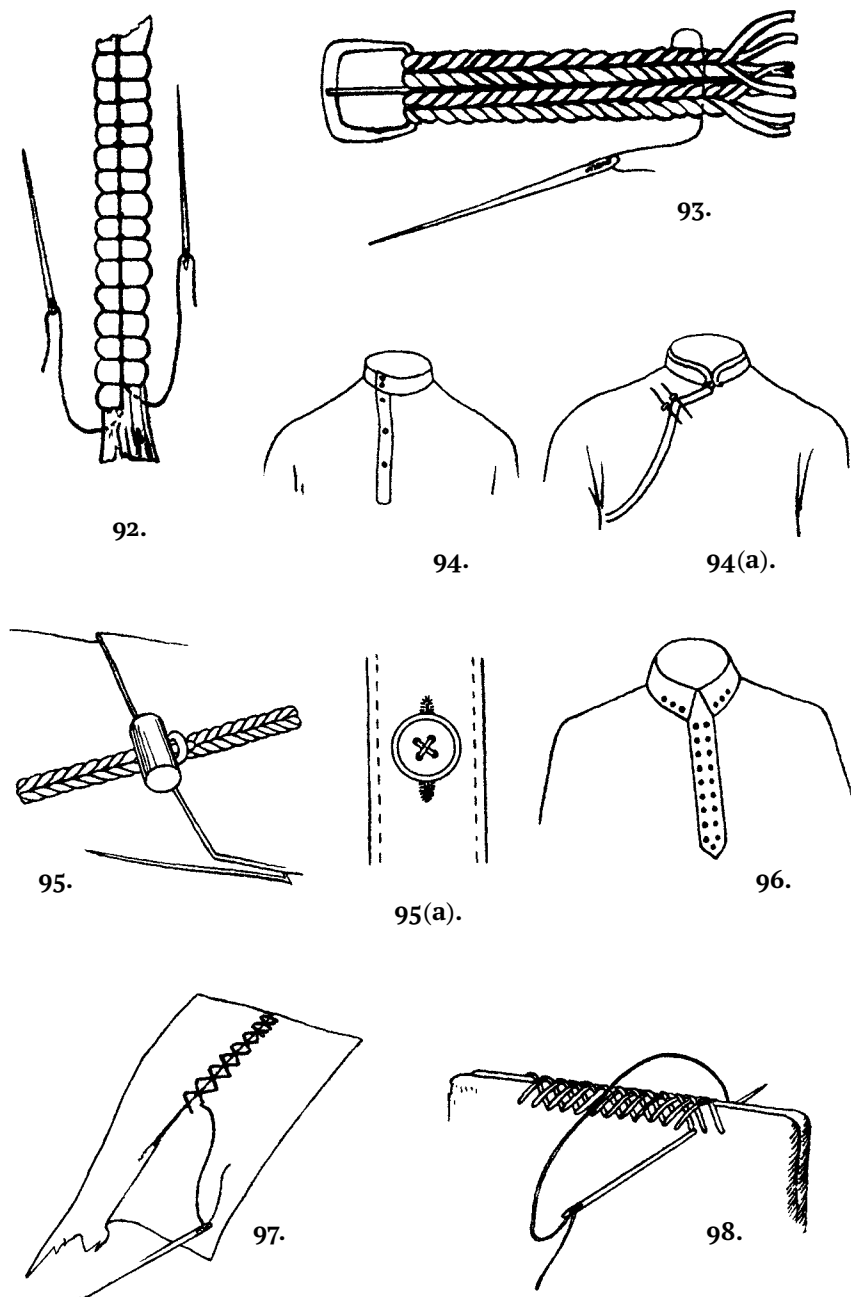
90.

89.

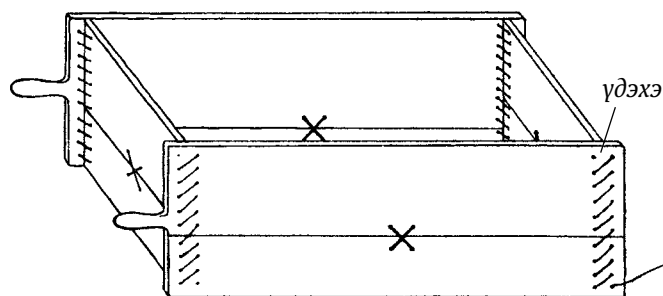
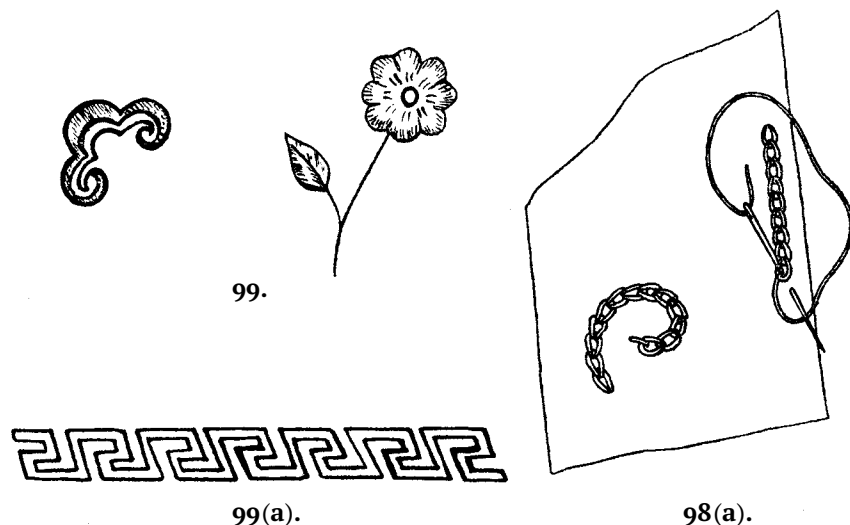

91.

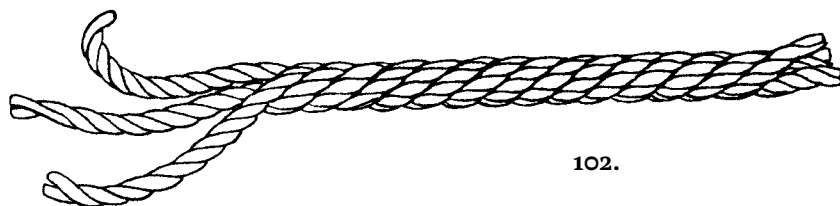

Третий тип шва, так называемая обметка, выполняется следующим образом: сложенные вместе несколько кромок тканей обшиваются через край вперед иголкой, в зависимости от назначения шва, большими или мелкими стежками. Им выполняются:

86. *Тооромжилхо*—приметка воротника для верной пришивки. В этом случае стежки мелкие и частые.
87. *Хүбэрдихэ*—шитье мучных мешков; в этом случае стежки крупные и частые. При шитье одежды (87а) *хүбэрдихэ*—внутренняя часть (соединяющая) бельевого шва.
88. *Эмхирхэ*—обшивка краев тесемок для ворота и петель. И последний (89) шов *хүшэхэ*. Это тот же шов иголкой назад, только материя накладывается одна к другой так, что одна часть получается много больше другой. Иголку с ниткой пропускают через две-четыре нити, все время вперед от последнего стежка, при этом прихватывается нижняя большая часть. Так пришиваются заплатки.
90. Для отделки потников используется сразу несколько швов. Так середина потника прошивается *шэрэхэ*. Обшивка края носит название *хязалха* и производится следующим образом: нашивается полоса черного бархата, края которой обкладываются тесемкой. Тесемка сплетается из нитей, spunенных из козьей шерсти. Плетется обычно в три конца.
91. *Зургаан эршиэтэй утаһа оёхо уялга*—тесма, сплетенная из цветных ниток для декоративной отделки верхней одежды: на женской обшивается пояс и предплечья на рукавах (*тохойн булуубша*); у мужской ею отделываются петли. Делается петля следующим образом: тонкие шелковые нитки ссучиваются в более толстые. Затем их скручивают еще раз, но так, чтобы направление волокон не совпадало: у одной нитки они должны идти слева направо, у другой—справа налево, что и создает особый рисунок. Полученные тесемки кладутся плотно рядами и пришиваются к материи, образуя кайму различной ширины (шестиряд, семиряд, восьмиряд).
92. *Утаһа даралга*—тесемка, похожая на вышеописанные, для обшивки подола шубы. Несколько рядов разноцветных ниток пришивается сверху, образуя широкую кайму.
93. *Дээһэ оёхо*—изготовление подпруг. Обычно нитки из козьего волоса ссучиваются вместе так, чтобы волокна у них имели разное направление, до тех пор, пока они не достигнут нужной толщины, а затем сшивают их по несколько штук в ряд. Здесь также применяется шов «иголкой вперед» (*шэрэхэ*).

100.

Имеют свои названия и приемы отделки ворота у халатов и рубах.

- 94, 94а. Обычная подшивка (подрубка) воротов у рубах и халатов носит название *захалха*.
 95, 95а. *Хадаха* — шов, при помощи которого пришиваются пуговицы, петли, вязки у шапок.
 96. *Шэгэдхэхэ* — отделка ворота одежды, головного убора бисером.

Швы украшающие:

97. *Тэрмэлзэхэ* — декоративный шов, которым отделяют боковые швы на рукавицах и сумках. Это обычный крупный крестик, выполненный цветными нитками.
 98. Второй шов *загаһа нюрган* подобен предшествующему, имеет то же назначение, только им обшиваются кромки одежды, чаще женской. Он своеобразен и создает впечатление плетения, так как состоит из перекрещивающихся цветных нитей. Для расшивки рукавиц и унтов буряты используют тамбурную петлю *үлгэхэ* (98а).
 99, 99а. Отличным от вышеописанных швов является *сэсэг хадхаха* — это обычная гладь, выполненная тонким шелком. Ею расшивались цветы, узоры и бурханы. Название больше относится к узору. В переводе на русский язык *сэсэг* — значит «цветок». Можно предполагать, что гладь заимствована у других народностей.
 100. Последний шов — *үдэхэ*, которым скрепляют сыромятными мешками стенки деревянного ящика для перевозки навоза на телегах и санях.
 101. Для шитья вместо ниток буряты издавна пользуют сухожилия (*шүрбэһэнэй нэрэнүүд*) домашних (конь, корова) и диких (олень, коза) животных. Причем отдают предпочтение сухожилиям диких животных. Сухожилия различаются по названиям.
 Сухожилия с передних ног: *шандааһан* — взятое с передних ног; *халбагата* — взятое с задней стороны ноги. Сухожилия с задних ног: *минаа* — взятое спереди; *бидхата* — взятое сзади.
 102. *Утаһа томохо* — ссучивание нескольких ниток сухожилий в одну.

III. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. Ленхобоев, К. Герасимова

МАТЕРИАЛЫ О НАРОДНЫХ УМЕЛЬЦАХ ОРОНГОЯ

В Бурятии среди коренного населения было много народных умельцев — чеканщиков, литейщиков, резчиков по дереву и по металлу, иконописцев, плотников, столяров, мебельщиков и т. д. В каждом улусе были свои мастера в том или ином ремесле, но Верхний и Нижний Оронгой славилась в Бурятии тем, что почти все их население занималось различными видами ремесел.

Здесь было много талантливых чеканщиков, резчиков, иконописцев, скульпторов, строителей, мебельщиков, лучников и т. д. 80—90 процентов мужского населения улусов Харгана и Верхнего Оронгая, 30—40 процентов в Нижнем Оронгое и Гильбере занимались ремеслом, сочетая его с ведением сельского хозяйства, скотоводства и земледелия. Обеспеченность пашней определяла степень потребности в занятиях ремеслом. Нижнеоронгойцы имели хорошие пашни, у харганатцев и верхнеоронгойцев наличие хороших пашен не восполняло нехватки пашен, и они вынуждены были добывать деньги на хлеб товарами работой по найму. Около 8 месяцев в году мужчины были заняты работами по найму: строили дацаны, церкви, жилые и общественные здания в городах и деревнях, мосты, делали мебель, кузнечные изделия, предметы культа и культовую утварь из дерева и металла, писали иконы, расписывали красками декоративные детали дацанов и церквей. Верхнеоронгийские мастера выстроили больше половины всех дацанов в Бурятии, причем они же выполняли все внешнее и внутреннее их убранство и часть предметов культа.

МАТЕРИАЛЫ О НАРОДНЫХ УМЕЛЬЦАХ ОРОНГОЯ

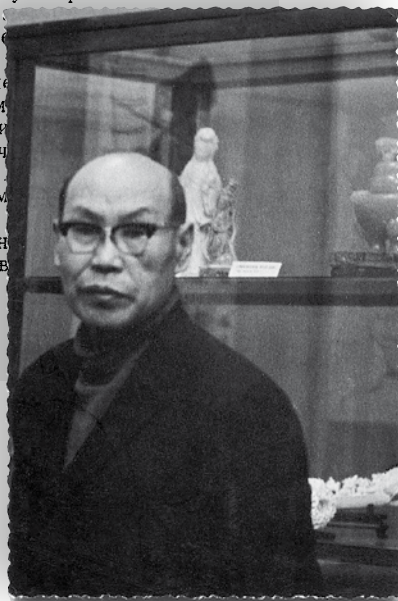
Г.Л. Ленхобоев,
К.М. Герасимова
(Улан-Удэ, 1963)

В Бурятии среди коренного населения было много народных умельцев — чеканщиков, литейщиков, резчиков по дереву и по металлу, иконописцев, плотников, столяров, мебельщиков и т. д. В каждом улусе были свои мастера в том или ином ремесле, но Верхний и Нижний Оронгой славилась в Бурятии тем, что почти все их население занималось различными видами ремесел.

Здесь было много талантливых чеканщиков, резчиков, иконописцев, скульпторов, строителей, мебельщиков, лучников и т. д. Восемьдесят-девяносто процентов мужского населения улусов Харгана и Верхнего Оронгая, тридцать-сорок процентов в Нижнем Оронгое и Гильбере занимались ремеслом, сочетая его с ведением сельского хозяйства, скотоводства и земледелия. Обеспеченность пашней определяла степень потребности в занятиях ремеслом. Нижнеоронгойцы имели хорошие пашни, у харганатцев и верхнеоронгойцев наличие хороших лугов для скотоводства не восполняло нехватки пашен, и они вынуждены были добывать деньги на хлеб и промышленные товары работами по найму. Около восьми месяцев в году мужчины были заняты работами по найму, строили дацаны, церкви, жилые и общественные здания в городах и деревнях, мосты, делали мебель, кузнечные изделия, предметы культа и культовую утварь из дерева и металла, писали иконы, расписывали красками мебель и декоративные детали дацанов и церквей. Верхнеоронгийские мастера выстроили больше половины всех дацанов в Бурятии, причем они же выполняли все внешнее и внутреннее их убранство и часть предметов культа.

Наиболее видные мастера Верхнего Оронгая второй половины XIX и начала XX вв.: подрядчики — архитектор Дава Сырен Доржиев, кузнец Гарма Бадмажапов, плотник Ранжур Гендунов, столяр Эрегдын Гармаев.

Г.Л. Ленхобоев, К.М. Герасимова.
Материалы о народных умельцах
Оронгая // О бурятском изобрази-
тельном искусстве: статьи и ма-
териалы / Акад. наук СССР, Бурят.
компл. науч.-исслед. ин-т. — Улан-
Удэ, 1963. — С. 135—153.

Плотники: Дугаржап Добдонов, Дава Санжеев, Дамба Самжеев, Бавасан Очиров, Очир Цыренов, Дансаран Шойдонов, Сыренжап Эрдынеев, Дамба Дылгеров, Намсарай Шарапов, Найдан Шодонов, Жап Жамсуев, Жигмит Жамсуев, Жамсаран Будаев, Дашинама Будаев.

Столяры: Цыден Ешисанжиев, Пурбо Бальчинов, Буда Бадмаев, Цыренжап Ломбоев, Жигжит Банзаракцаев, Санжа Цыренжапов, Шарап Тарбаев, Шагдар Бадмаев, Рая Цыбикжапов, Очир Цыренов, Аюша Цыденов, Санжа Цыбикдоржиев, Жап Жамсуев.

Резчики по дереву: Линхова Гармаев, Ломбо Хутунтуев, Шагдар Бадмаев, Сенге Намсараев.

Токари по дереву: Цыбикжап Гымнинов, Доржи Шойдопов, Найдан Шойдонов.

Чеканщики: Линхова Гармаев, Дондок Натаров, Дава Бадмажапов.

Кузнецы: Балдан Цыбикжапов, Буха Жигмитов, Дашинама Дагбаев, Балдан Банзаракцаев, Сырендоржи Бадмажапов.

Жестянщики и кровельщики: Цультим Тарбаев, Дава Бабасанов, Гарма Гомбоев, Даши Очиров.

Художники-иконописцы — ламы: Самбо Гармаев, Дава Дагбанимаев, Лубсан Шарап Бамбуев.

Маляры: Очир Намсараев, Ринчен Доржи Юмжапов, Жалсан Лумпунов (лама).

Барчины: Дашинама Цыбикжапов (лама).

Скульпторы (деревянные бурханы): Линхова Гармаев, иволгинский лама скульптор, резчик, иконописец, архитектор Санжи-Цыбик Цыбиков (умер в 1930 году).

ХАРГАНАТСКИЕ МАСТЕРА: плотники — Ганжур Гармаев, Сырен Доржи Цыденов, Бато Бадмаев, Еши Раднаев, Нима Базаров. Столяры: Бадмажап Галданов, Балдан Раднаев, Базар Будаев. Кузнецы: Бато Бадмаев (представитель 8-го поколения кузнецов в их семье), Максар Будаев, Ширав Шаралжаев. Маляры-специалисты по орнаменту: Шойжалсан Ринчинов, Лубсан-Нима Шойжамсуев, Лубсан Балданов, Жамсаран Чимитцыренов, Еши Бадмаев (лама). Иконописцы: Дашинама Эрдынеев (лама).

ГИЛЬБИРИНСКИЕ МАСТЕРА. Подрядчики: Сыжит Соктуев, Санжи Цыренов. Столяры: Базар Раднаев, Гарма Базаров, Убугун Абашеев. Чеканщики: Бавасан Бадмаев, Гургум Гунтунов. Кузнецы: Пурбо Улзытуев, Гургум Гунтунов (он же и чеканщик). Кровельщики: Даба Ринчинов, Гончик Гомбоев. Художники и маляры: Шарап Сыдыпов, Дашинама Бадмажапов (по прозвищу Бумбу), Даша Цырен Базаров.

НИЖНЕОРОНГОЙСКИЕ МАСТЕРА. Подрядчики: Цыбик Ломбоев. Плотники: Санжа Мункуев, Даша Мункуев, Доржи Цыренов.

Резчики: Жымба Жабаин. Токари: Лубсан Цыбиков. Чеканщики (по серебру, золоту): Лодой Тулбуруев, Гатап Бадмаев (лама). Иконописцы-ламы: Дава Тогочеев, Базар Будаев. Кровельщики: лама Будаев Нима.

Перечисление фамилий важно для изучения секретов мастерства.

Бурятские мастера издавна имели свои индивидуальные профессиональные секреты, которые передавали сыновьям или своим ученикам из других семей. Во второй половине XIX века в Оронгое эти секреты держались группами мастеров своего улуса и относились в основном к архитектурным работам, рецептам составления красок, рецептам и технике изготовления клея для иконописания, столярных, малярных работ и для изготовления луков и стрел. Плотники, резчики, столяры не держали особых «тайн ремесла», хотя и в их деле были свои традиции векового народного опыта.

Этот опыт не изучен, хотя в нем много полезного и не только для выяснения истории культуры местного края. Трудно сразу собрать исчерпывающие сведения даже об одном Оронгое, не говоря уже о вариантах профессионального опыта народных умельцев всей Бурятии, но первые наброски и очерки могли бы побудить краеведов к сбору материалов в этой области. В данной статье даются некоторые общие сведения о строительном, столярном, литейном, малярном, иконописном ремеслах мастеров из Верхнего Оронгоя и других мест Бурятии.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Строительные работы возглавлялись обычно подрядчиками, которые набирали бригады строителей, столяров, кровельщиков, маляров, кузнецов, чеканщиков и художников. Постоянных бригад не было, они формировались свободно в пределах улуса, не отказывали также и желающим из других мест. Работа возглавлялась подрядчиками из числа мастеров, имелись также подподрядчики по отделочным работам. Бригада, кроме того, делилась на группы по роду работ.

Заказчики в договоре оговаривали общий вид постройки, архитектурный проект составляли сами подрядчики. Храмы, в зависимости от их значения и назначения, строились в один, два и три этажа, размером 10×10 м; 12×12 м; 20×20 м; 30×30 м. Со второй половины XIX века это были в основном одноглавые храмы, в старину нередко строились пятиглавые.

Подрядчики сами заготавливали строительный материал: бутовый камень для фундамента, бревна, балки, квадратный брус для пола и потолка трех этажей (36×36, 27×27, 22×22), круглые столбы для внутренних колонн и для колонн галерей и крылец всех трех этажей, кедровые доски для резьбы отделочных деталей, кровельное железо, железные прутья, листовую красную медь, золото для золочения металлических деталей, гвозди, стекло, олифу, масляные краски.

Фундамент подводился под стены и внутренние колонны — *багана*. Нижние балки связывались на всю длину в голландский шип. На нижних балках на шипах ставятся багана и укрепляются временно жердями, затем поднимаются матицы, на них между потолком первого и полом второго этажей возводится черный сруб высотой два-три метра, внутри сруб разделен стенами на клетки с таким расчетом, чтобы каждый столб багана упирался в перекресток стен. На черном срубе ставятся связанные поперечные балки второго этажа, возводятся стены, внутренние столбы-багана и наружные столбы — круговые упоры-колонны галереи и крылец *добжо* второго этажа, на столбы поднимаются потолочные балки, на них строят черный сруб того же типа, и так продолжается до потолочных балок третьего этажа. Кроют потолок и связывают каркас под крышу, которая делится на две части: *майхабиши* и *харабиши*. Завершение строительства идет сверху вниз. Крышу третьего этажа кроют кровельным железом, красят, ставят золоченый ганжир, делают круговую обшивку под кровлей-уня и декорируют карниз традиционными декоративными деталями (*хэжим* и *шубуун хоног*), красят их и разбирают леса. Затем заделывают окна третьего этажа, ставят перила с балясинами на галерею и крыльцах-*добжо*, стелят пол, разбирают леса и начинают крыть крышу второго этажа. В таком порядке завершение строительства идет вниз до первого этажа, в последнюю очередь делают пол и крыльца первого этажа. Отделочные работы производятся внизу и поднимаются в готовом виде наверх, там собираются и красятся. Строительство трехэтажного Цогчен дугана бригада, состоящая из двухсот человек, завершала в пять-шесть месяцев, правда, в этих работах принимали бесплатное участие верующие, что значительно ускоряло постройку.

У оронгойских строителей не было своего архитектурного стиля, который мог бы отличить их постройки от любых других. Архитектура дацана, церкви, жилого и общественного зданий определялась заказчиками. Элементы и детали архитектурного проекта любого дацана были предопределены традицией культового зодчества. Декоративные детали были традиционно серийными, индивидуальное своеобразие достигалось сочетанием этих элементов в два-три

основных общих типах культовых построек. Несмотря на это, все дуганы Бурятии отличались один от другого, и в этом заключалось архитектурное творчество народных мастеров.

В Бурятии мы встречаем храмы тибетского, китайского образцов, в некоторых случаях одновременно сочетался тот и другой тип. Использовались также приемы русского церковного и местного гражданского зодчества¹. Архитектурный облик дацанов в значительной мере определялся формой крыши, оформлением карниза, антаблемента и количеством портиков-*добжо*.

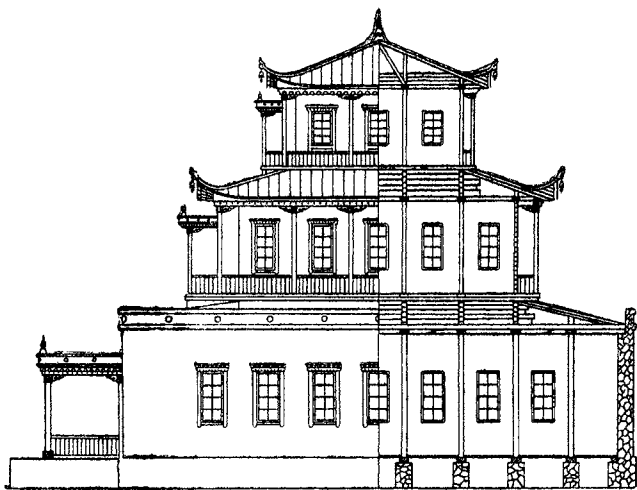
В наружном декоре во всех случаях использовались традиционные декоративные средства, происхождение которых уходит глубокими корнями в историю зодчества Китая и Тибета. Многие из этих декоративных элементов в прошлом имели рациональный конструктивный смысл; технические особенности древних китайских и тибетских построек стали традицией, продолжая жить в постройках совсем другой конструктивной системы уже в качестве архитектурных украшений, не имеющих никакого практического назначения.

Особенности черепичной кровли китайских построек, система стропил для такой кровли создали своеобразную форму карниза. Различные перекрытия потолков, пола, галерей, балконов, навесов определили оформление антаблемента и стеновых фриз.

Бурятские строители употребляли для оформления кровли и карниза (в крышах китайского образца) такие декоративные элементы, как *үүлээн*, *дүлэ*, *уняа*, *хэжим*, в антаблементах — *бэлэ*, *толи*, *тобируу*, *шубуун хоног*, *бантаб*, в оформлении дверных и оконных проемов — *бадма сэсэг*, *улзы*, *уялга*, *хас-уялга*, *түмэн жаргаланг*, *баатарай толгой*, для украшения капителей колонн — *хобто*, *номо*.

Нижний край кровли в бурятских дуганах заделывается *үүлээн* («облака») — фасонным подзором, вырезанным из кровельного железа, декорированным рельефной насечкой и росписью масляной краской зеленого, синего и белого цветов. Переход из одного цвета в другой делается путем ослабления основного тона градуированными полосами.

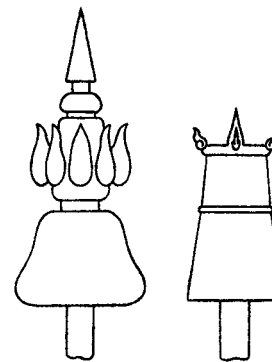
1 Прим. ред.: по мнению П.Н. Дамбинова и Р.С. Мэрдугеева, авторов неизданной рукописи «Об искусстве бурятских дацанов (материалы первой экспедиции БУКА 1927 г.)», сегодня хранящейся в Центре восточных рукописей и киотографов ИМБТ СО РАН (Улан-Удэ, www.imbtarchive.ru), русское влияние на облик дацанов происходило посредством «некоторого давления со стороны русифицирующей политики царизма». Например, «план Эгетуйского дацана, составленный дацанским чертежником и представленный на "величайшее утверждение" [иркутскому] губернатору, не был утвержден последним. Постройка означенного дацана разрешалась после того, как план якобы был пересоставлен каким-то русским чертежником. Сравнивая оба плана — план дацанского чертежника и план русского чертежника, экспедиция не нашла между ними никакой существенной разницы за исключением мелких деталей, внесенных в план русским чертежником».

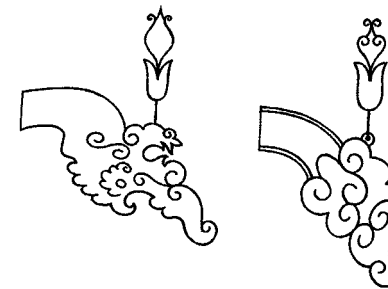
Архитектурный
разрез дацана. Из
книги «О бурятском
изобразительном
искусстве».

Эти үүлээн как бы повторяют мотив волнистого края черепичной крыши китайских построек. Верхний ряд черепицы заканчивался внизу орнаментированными концевыми дисками, нижний ряд — подтреугольными орнаментированными фестонами. В Тибете можно увидеть переходные формы: черепица заменена кровельным металлом, стык листов заделывается полукруглым валиком, напоминающим верхние ряды черепицы (встречаются также деревянные прямоугольные брусья). К нижнему краю кровли привешивается фасонный подзор фестонами вверх и вниз из золоченого листового металла.

В бурятских дуганах свешивающийся край крыши обшивался снизу уняя — брусочками 50–60 мм толщиной. Эти брусочки набивались в два ряда на расстоянии 15–20 см друг от друга. Брусочки верхнего ряда квадратные, нижнего — круглые. Торцы брусков окрашивались белой и желтой краской, все остальное — или в зеленый, синий, или красный-оранжевый цвета. Если верхний ряд брусков красился зеленой краской, то нижний — синей, если верхний — оранжевой, то нижний — красной. Уняя повторяют стропила черепичной китайской кровли. Два ряда таких тонких стропил каркаса крыши и система выносных дополнительных потолочных балок образуют поддерживающую и свешивающуюся части своеобразного китай-

Ганжир и жалсан. Из
книги «О бурятском
изобразительном
искусстве».

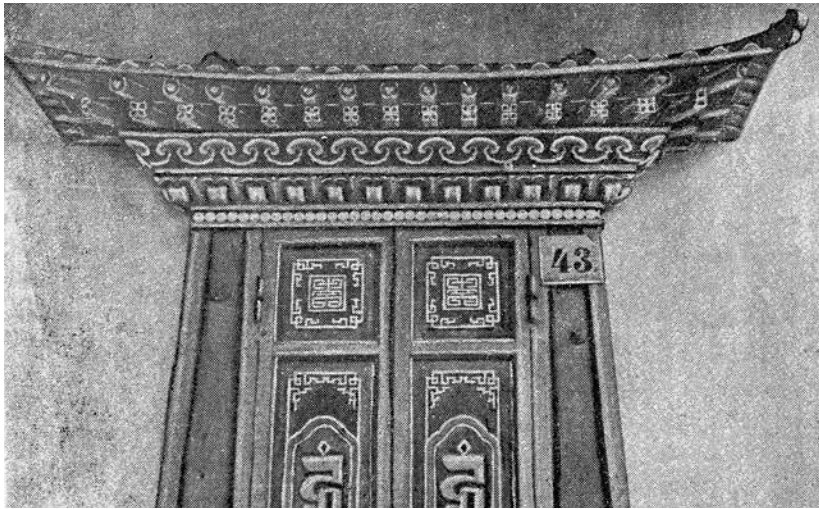
Дүлэ. Из книги
«О бурятском
изобразительном
искусстве».

ского карниза. В китайских и тибетских постройках торцы балок различных перекрытий не заделываются, а используются как декоративный элемент, они образуют пояс фриза. В антаблементе, перекрытиях для балконов, галерей, навесов балки кладутся клеткой: продольная балка на столбах, на нее поперечные балки торцами наружу на определенном расстоянии друг от друга, сверху продольные балки, затем поперечные и так несколько рядов. Продольные балки и торцы поперечных квадратных и круглых балок образуют рисунок, который постепенно стал традиционным декоративным мотивом. Таково происхождение тобируу, бэһэ.

Номо — крылья капители — имели когда-то практическое значение, они были массивной поддержкой антаблемента. Балка антаблемента ложилась не только на ствол колонны, но и на поперечные крылья — номо. В бурятских дуганах номо — декоративные дощечки, не имеющие конструктивного назначения.

Мотив шубуун хоног («птичье гнездо») неясен в своем происхождении. Такие украшения, как бантаб, бадма сэсэг, үлзы уялга, хас уялга, түмэн жаргаланг, толи имели чисто декоративное или символическое значение.

Хэжим, бэһэ, хобто — деревянная, выкрашенная коричневой краской (за исключением хобто) обшивка карниза, фриза, капители ко-

Окно дацана. Из книги «О бурятском изобразительном искусстве».

лонны. *Гурби* — фасонный брус для обшивки карниза, выкрашенный масляной краской. *Тобируу* — точеные деревянные полушария, выкрашенные белой краской, имитируют торцы перекрытий на фризе.

Шубуун хоног — декоративные продольные бруски с выдолбленными пирамидами кубиков, углубления красятся в шахматном порядке красками 7–9 цветов. Бруски с орнаментом *шубуун хоног* идут на украшение антаблемента *добжо* всех этажей, наличников дверей и окон (см. на рис. окно дацана).

Бантаб — брус с вырезанными рельефными стилизованными листьями лотоса. Лотос раскрашен белой, зеленой, синей краской с постепенным переходом из тона в тон. Этот резной брус идет на украшение антаблемента портиков всех этажей.

Бадма сэсэг (цветок лотоса) вырезается из тонкой дощечки, раскрашивается и устанавливается на филенках или косяках дверей. Орнаменты *улзы уялга*, *хас уялга*, *түмэн жаргаланг* вырезаются из тонкого деревянного бруска или досок, раскрашиваются полихромно и ставятся на наличниках окон, дверей, используются в интерьере. Балясины для перил точатся на токарном станке и красятся обычно в зеленый цвет.

Таким образом, все декоративные детали были яркими, полихромными, общее цветовое звучание усиливалось блеском золота металлических деталей.

На крыше дацана устанавливались *ганжир* — золоченая головка из чеканной листовой красной меди высотой в 1,5 м, диаметром 60–70 см. Иногда рядом с ганжиром ставились *жалсаны* — золоченые бочковидные бунчуки из листовой красной меди высотой до одного метра, диаметром 50 см.

Углы кровли заканчивались золочеными драконовыми головами с колокольчиками в пасти или *дүлэ* (орнаментированный, чеканный, золоченый). Фриз украшался символическими дисками — зеркалами *толи*, которые должны были распространять «свет» религии во все стороны.

ТЕХНОЛОГИЯ МАЛЯРНЫХ ИКОНОПИСНЫХ РАБОТ

Раскраска декоративных деталей производилась масляным раствором красок. Краски для тонких художественных работ привозили из Тибета и Китая. Тибетские краски по качеству были лучше китайских. Для окраски предметов домашнего обихода, для грубых малярных работ (наружный декор дацанов) использовались местные и готовые краски из магазина.

Местные художники различали шесть основных тонов: белый — *гарба*, красный — *марба*, зеленый — *жанху*, синий — *омбо*, желтый — *сэрба*, черный — *нагба*, добавлялся еще золотой — *сэрба*. Все остальные тона и полутона получали путем смешения красок основных тонов. В Бурятии, по словам народных художников, есть минеральные краски всех основных тонов, но место добычи их держалось в секрете.

Информаторы называют немногие из них:

Зосо — мягкий желтый камень. После обжига получает ярко-коричневую окраску, без обжига — желтую. Добывали эту краску на сопке Баян Ундур, на восточной стороне от озера Белое или на возвышенности Болдок, около станции Джиды (юг).

Гантидаг — мягкий белый камень, из него делают белила — добывают в местности Алташа Бичурского района.

Шонхо — оранжевый мягковатый камень, добывался около улуса Верхний Оронгой, в районе восточного склона горы Ухаа Толгой, на сопочке Шонхото.

Свинцовые краски — белые и красноватые — добывали в Нерчинске.

Кроме того, применялись так называемые драгоценные краски из коралла, золота, янтаря, малахита, ляпис-лазури, серебра, бисера для рукописных книг и для бурхана особого значения.

Иконопись, деревянные раскрашенные бурханы, роспись интерьеров, мебели сохраняли звучность и яркость красок на долгие времена. Устойчивость и яркость цвета зависели не только от качества красочного материала, но и от способа приготовления и особенностей растворителя. Эти рецепты держались в секрете, поэтому многие из них утрачены безвозвратно.

Очень важно, как подготавливается сам красочный материал. Краску не толкут, а легко перемешивают с водой ее куски в фарфоровой посуде каменным или стеклянным пестиком. От размешивания в пену уходит тонкая микронная пыльца (*умбэр* или *муми*), более массивные песчинки оседают на дно. Для художественных работ использовалась только пыльца в пене, которую собирали и сушили. Эту чрезвычайно трудоемкую работу обычно выполняли миряне, когда они приезжали в дацан отмаливать свои грехи.

Краску из драгоценных камней толкли, полученный тонкий порошок просеивали, смешивали с простоквашей, терли, сушили и опять терли. Простокваша придавала этим краскам липкость и блеск.

Растворителем для красок в зависимости от характера работ служили олифа конопляная, бобовая, тунговая, водяной раствор клея сыромятного, рыбного, рогового, тертая сырая скотская селезенка, тертые сырые мозги домашней козы.

Олифу бурятские мастера варили сами из чистых прозрачных сортов растительного масла в толстой открытой чугунной посуде на медленном огне. Масло при нагревании вспыхивает, поэтому для тушения применялась деревянная крышка с ручкой, обитая войлоком, смоченным водой. Нагревали масло до тех пор, пока в нем не загоралось быстро опущенное голубиное перо, прикрепленное к длинной палке. Олифа, доведенная до такой температуры нагрева, считалась сваренной. Так приготавливалась олифа из конопляного, бобового и тунгового масла. Этот способ давал олифе прочность, блеск и быстрое высыхание.

Бобовая олифа в сравнении с конопляной более жароустойчивая и не боится воды, тунговую олифу называли тунговым лаком, он не впитывался в дерево, отличался большой жароустойчивостью и употреблялся при изготовлении посуды для пищи — чашек, тарелок, ложек и пр. Этот лак употреблялся реже, так как тунговое масло стоило дорого.

Изготовление клея для тонких изделий относилось к профессиональным секретам. Наиболее древним клеем был рыбный, наготовленный из сушеного осетрового пузыря. Этот клей, отличающийся высоким качеством, со временем становился дорогим и редким. Оронгойские мастера во второй половине XIX века нашли ему

Работы бурят-монгольских мастеров из коллекции Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, выполненные под руководством известного буддийского художника, скульптора, габжа ламы Санжи-Цыбик Цыбикова (1877–1934):

- 1) Божество Курукула — Ошор ташаагша (Доржошагша) бурхан;
- 2) Гунриг — Бируузана бурхан;
- 3) Ученик Зонхавы Хайдубже — Зонхобын шаби Хайдаб;
- 4) Основатель школы гелуг Зонхава — Зонхобо бурхан.

Защитник веры Жамсаран в своей горной обители — Жамсаранай орон. Из коллекции Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова.

ряд заменителей из более доступного сырья. Рыбный клей хорош для изготовления луков и стрел, он хорошо держит рог, кости, сухожилия, камыш, отличается большой устойчивостью к сырости, эластичностью, хорошо держит склеенные части и в тех местах, которые должны гнуться, мяться, растягиваться. Недостаток рыбного клея — он при нагревании теряет упругость. Луки, склеенные таким клеем, сохраняют свои качества в течение пяти-шести веков.

Оронгойский мастер по изготовлению луков и стрел Базар Лубсанович (1857 года рождения), ученик Линховы Гармаева и Ринчи-на Намсараевича, в начале XX века изобрел клей из оленьих рогов. Время еще не подтвердило качества этого клея, но он, по предположениям Галдана Ленхобоева, должен уступать по своим качествам рыбному клею. Роговой клей не может служить длительное время, хотя он очень клейкий, эластичный, упругий, в нем не хватает маслянистости. Клей варится из старых рогов — (свежие не годятся, не дают клейкости, в них много крови), масло в них сгнило и выветрилось. Недостаток маслянистости сокращает срок служения клея, такой клей со временем и под влиянием сырости впитывается в дерево, склеенные части распадаются. Роговой клей обладает большей жароустойчивостью по сравнению с рыбным.

Оронгойские мастера изобрели также клей из обрезков сыромятной кожи. На качестве клея отражается способ приготовления кожи. Сухую кожу смачивают арсой, мнут и мажут костяным маслом, мнут, снова пропитывают маслом, коптят в дымокурной яме старыми посиневшими сосновыми шишками. Масло для пропитки кожи приготавливается следующим образом. Скотские и конские кости (остатки пищи) зимой собирают в бочку. Весной, в марте-апреле, их дробят мелко и варят. Первый отвар сливают, остатки квасят два-три дня, заливают водой и варят. Жировой слой отвара снимают и употребляют для пропитки кожи (*ужэжэн яһанай тоһо*).

Обрезки готовой сыромятной кожи варят два дня или больше, пока не получится густой отвар, как для студня. Варку производят в мае, в такое время, чтобы клеевой студень не замерзал и не таял, — то и другое портит качество клея.

Отвар процеживают, охлаждают, студень нарезают на тонкие пласты, подвешивают или ставят ребром на досочки, сушат. Высушенные плитки остаются эластичными, сколько бы и где бы они ни хранились. Для малярных работ идет средний прозрачный слой, нижний и верхний маслянистые слои употребляются как столярный клей. Сыромятный клей отличается высокой устойчивостью, не боится сырости, не гниет и в то же время глубоко впитывается в дерево, крепко склеивает. Эти качества в значительной мере обеспечиваются маслянистостью. Костяной жир не застывает даже

зимой. Кожа, обработанная им, не мокнет, не ломается от мороза, не портится от сырости. Для склейки деталей деревянных изделий, предназначенных для употребления в сыром месте, в клей дополнительно добавляется немного костного жира.

Клей для столярных работ разваривают следующим образом: раздробленные плитки намачивают в холодной воде на сутки и нагревают в медной посуде в водяной бане.

Клей для малярных работ разводят таким же образом, но берут плитки из среднего слоя студня (и сыромятного, и рогового клея) и заквашивают в теплом месте в течение трех суток.

Рыбный клей для тонких художественных работ на бумаге и ткани мало годится, при высыхании морщит поверхность. Роговой клей морщит, но меньше. Мягче всего действует сыромятный клей. Мозговой и селезеночный растворители дают гладкую и эластичную поверхность, долго сохраняют блеск и свежесть краски.

Для дорогих и особо важных произведений употреблялись мозговой и селезеночный растворители, рядовую продукцию делали на сыромятном и рыбном клее, но предварительно их заквашивали, это смягчало действие при высыхании грунтовки и красочного слоя.

Эти растворители использовались и для грунтовки, и для изготовления краски. Сырую скотскую селезенку трут, полученную кашу смешивают с краской. Мозги предварительно заквашиваются в теплом месте, стоят двое-трое суток, пока не появится гнилостный запах. Затем их трут, кашу смешивают с краской. Мозговой растворитель древнего происхождения изобретен был или в Китае, или в Тибете.

Для грунтовки употребляются все вышеперечисленные растворители, мел, слоновая кость в порошке, местные мастера обычно употребляли костяной пепел, краски. Цвет грунтовки подбирается в зависимости от изображения.

Ткань натягивали на доску, густой как каша грунтовочный раствор сильно втирали лопаточками из березы или камыша. Высохшая грунтовка давала гладкую блестящую поверхность.

Бумагу грунтовали под особо ценные рукописи и контурные изображения богов на черном фоне. Черная грунтовка составлялась из мозгового клея и голландской сажки. Изредка встречалась синяя и красная грунтовка. Загрунтованную поверхность шлифовали стеклянной чечевицей или шариком, насаженным на длинную палку, которая другим концом была привязана к потолку. На стекло накладывают загрунтованную бумагу и легко шлифуют стеклянным шариком или чечевицей.

Бурятские мастера обычно пользовались самодельными кистями. В тонкую железную трубочку вкладывали волос, смазанный столяр-

ным клеем или сильно нагретым варом, в другую сторону забивали точеную ручку. Между волосами вбивали один-два металлических клинчика напроход в ручку.

Для грубых малярных работ делали большие кисти из конского волоса или свиной щетины, для более тонкой работы — из коровьего хвоста, для гладкого, жидкого и мягкого окрашивания — из козловой бороды, тонкие кисти — из собачьей гривы, колонкового и беличьего хвоста.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ДОМАШНЕЙ МЕБЕЛИ

Мебель делали в приданое невесте, обычно это был весь обиходный гарнитур, в него входили три комплекта *үхэг-абдар* для обыденных и выходных шуб, женского нательного белья, платьев, гутулов, чулок, кровать, *бурханай шэрээ*, два *аягын шэрээ*, *эмээлэй үхэг* (для сидел), на него сверху ставится русский сундук для украшений, *эргэнэг* (буфет для посуды — молочной, столовой), *данхай* (шкаф для кухонной посуды — чугунов, котлов, ведер)

Высота мебели была стандартной, длина *абдара* и *үхэга* зависела от роста девушки, так как одежда не складывалась, лежала в них во всю длину.

Абдар и *үхэг* (самостоятельные части) составляют комплект, нечто вроде шкафа, нижняя половина — *үхэг* — представляет собой двустворчатый низенький продолговатый шкафчик, на него ставился сундук — *абдар*, плоская крышка которого открывается сверху.

Мебель делалась вся без гвоздей и металлических стержней, на сыромятном клее, деревянных шпунтах и угловых креплениях в шип.

Вся мебель была однотипной по размерам и по декоративному оформлению — филенкам, карнизам, окраске и орнаментальной росписи. Высота *эргэнэка* и *данхая* равнялась высоте *абдара*, поставленного на *үхэг*, длина *абдара* и *үхэга* была одинаковой. Кровать деревянная, низенькая, широкая, двуспальная. Мебель покрывалась краской только с лицевой стороны и сверху; *бурханай шэрээ*, *аягын шэрээ*, *үхэг* и *абдар*, *эргэнэг* и *данхай* красились в красный цвет, кровать всегда была зеленой. Зеленый цвет в данном случае имел символическое значение — благопожелание всегда жить и покоиться среди зелени, то есть на зеленой земле, в пору летнего обилия трав, цветов и листьев в лесу и на лугах. Верхние плоскости всей мебели зеленого цвета.

Орнамент на всех *үхэг*х одинаковый; *абдары* расписывались также однотипно, но рисунок их росписи отличался от такового на *үхэг*х.

Орнамент в основном традиционный. *Үхэг*: на красном фоне *бадма-сэсэг* бело-зеленоватыми переходами, обрамление филенки сине-зелеными переходами из основного тона в полутон и оттенки. *Абдар*: на красном фоне орнамент *наран*, *угалза*, конструктивные детали подчеркиваются желтоватыми кантами и полосой орнамента *түмэн жаргаланг* (желто-белый) на синем фоне.

Эргэнэг: конструктивные детали подчеркиваются желтыми кантами, сине-зелеными полосами. Орнамент *бадма-сэсэг* и точки как головки цветов.

Перед окраской лицевую поверхность мебели протравляют теплым жидким клеем. Все вдавленные места отпучиваются, эти дефекты счищаются шкуркой. Поверхность еще раз промазывается клеем, затем грунтуется краской *шонхо*, разведенной квашеным сыромятным клеем. Высохшую грунтовку шлифуют тонкой или старой наждачной шкуркой, пемзой и покрывают краской на клеевом растворителе. Затем на этом общем фоне делают роспись, после просушки лакируют тонким слоем олифы. Олифу наносят губкой из мягких сухожилий, легко катая ее по окрашенной поверхности (не тереть и не мазать).

ЛИТЕЙНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Хоринские, агинские, селенгинские буряты издавна занимались цветным литьем, особенно славились литейщики из Усть-Тугнуя (мастера Гендын Эрдениев, Жана Сысыренов, Дондок Гармаев). Все население улуса Хорто совмещало занятия сельским хозяйством с литейным ремеслом. Из бронзы, латуни, серебра отливали различные изделия, бытовые, культовые, художественные: стремяна, ступки, пестики, пуговицы, женские украшения, детали и украшения конской сбруи, культовую утварь — жертвенные чашечки, подсвечники, *мандал*, *толи*, *бумба*, *очир*, *найман тахил*, *долоон эрдэни*, музыкальные инструменты для дацанского богослужебного оркестра — *хонхо*, *дурма*, *дэнчик*, *сельнин*, *сан*.

Определенных рецептов литья не было, каждый мастер составлял свои пропорции состава, особенно для музыкальных инструментов, покупатели выбирали литье по цвету и по звучности. Бронза имела в своем составе цинк, олово, латунь. Для изготовления музыкаль-

Резная типографская деревянная доска-клише (бар). Работа неизвестных резчиков XIX в. Из книги «Монголын Ардын Гар Урлаг».

ных инструментов в бронзу добавляли серебро. Различные пропорции состава создавали множество вариаций звучания музыкальных металлических тарелочек — *дэнчик*, *сельнин*, *сан*. Наиболее мелодичными были литые *дэнчик*. Качество литья *дэнчик* проверялось таким образом. *Дэнчик* — комплект из двух тарелочек; одну из них выносили на улицу, другую оставляли в доме, удар по тарелочке на улице должен был вызвать ответное звучание в тарелочке, находящейся в доме.

Тарелочки хорошего литья давали такой эффект, литье плохого состава — нет.

В отличие от *дэнчик* *сан* и *сельнин* ковались из листовой латуни (латунь л 68, л 62, л 61). Этот трудный процессковки требовал большого искусства, поэтому *сан* стоили очень дорого, за один комплект отдавали быка.

Звучность достигалась не только качеством металла, процессомковки, но и заключительной эрировкой ударами тяжелого молота. Удары наносились по круговым линиям или по точкам в шахматном порядке, это создавало систему выпуклостей, при ударе одной тарелки о другую — струйки воздуха выходили между выпуклостями — это давало более яркий, чистый звук, без глухоты и дребезжания.

Дурма — восемь тарелочек, закрепленных в решетчатой рамке на подставке, — не отличалась особой мелодичностью. Тарелочки отливались, токарной обработкой снимали слой металла по краям и в середине, эти вариации в толщине стенок, посредине каждой тарелочки создавали разницу звучания.

Музыкальные тарелочки были не только принадлежностью дацанского оркестра, многие миряне имели их у себя дома для домашнего богослужения.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ КСИЛОГРАФИЧЕСКИХ ДОСОК

В быту были также распространены рукописные и печатные книги. Книгопечатанием занимались не только ламы в дацанах, но и миряне. В Еравнинском аймаке, в улусе Суба, около Эгитуйского дацана, было много *барчинов* — резчиков ксилографических досок для печатания книг. В Субе *барчинами* были в основном миряне, знавшие монгольский и тибетский языки. Они резали матрицы и печатали книги за деньги по заказу дацана, для богатых лам и богатых мирян. Эти занятия совмещались с сельским хозяйством.

Бар резали из березовых и ольховых досок, высушенных выстроганных, самодельными инструментами, плоскими, полукруглыми, ромбообразными стамесками, выточенными из стального полотна литовки.

Тушь (китайская) разводится водой с сахаром, три дня квасится в теплом месте, пока в ее запахе не появится привкус мяты. Тушь наносят на поверхность бара тонким суконным тампоном; кладут бумагу, тонким сухим тампоном приглаживают сверху, снимают лист, сушат, потом печатают на обратной стороне.

Славились следующие барчины: Дамби Будаев, Мухонгуй Санжинанов, Борсодой Убугун, Донди Самбуев, Базар Бадмаев. В Эгите крупными барчинами были Нанзат Барисанов и чеканщик Бади Нембуев.

Характерной особенностью народных мастеров была их разносторонность, многие из них действительно были мастерами на все руки, поэтому в приведенных выше списках одни и те же фамилии повторяются в разных рубриках.

Инструментов, которыми работал Галдан Ленхобоев, было множество — их он тоже делал сам.

Профессор А. П. ОКЛАДНИКОВ

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАПИСИ Г. Л. ЛИНХОБОЕВА

Публикуемые в этом номере «Записок БМ НИИК» фольклорные записи Галдана Линхобоевича Линхобоева относятся к числу образцов бурятского исторического фольклора. Все эти легенды и предания собраны и записаны им среди оронгойских бурят, перекочевывавших на р. Оронгой в бурные времена XVII столетия из Прибайкалья. Буряты ушли с Ангары на Селенгу, как известно, из-за насилий Ивана Похабова, а затем возвращались обратно отдельными группами. Однако, предки Галдана Линхобоева остались кочевать на привольных лугах по Иволге и Оронгою, где кроме скотоводства они могли также с успехом заниматься и охотой.

Предания сохранили даже имя одного из первых таких пришельцев в долину Оронгоя, старика Олошко, жившего до переселения за Байкал по реке Куде (Хуяд).

Собиратель родился и вырос на Оронгое, на были грамотные по-монгольски люди, интерес своего народа. Обладая живым воображением и отзывчивым умом, он с детства был увлечен древних легенд, жадно слушал рассказы и пользовался их доверием. С таким же интересом читал исторические сочинения на монгольском языке, копил сочинения монгольских и бурятских писателей. Во всех этих сочинениях Г. Линхобоев искал сведения о прошлом своих родичей, оронгойских бурят. Не ограни-

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАПИСИ
Г. Л. ЛИНХОБОЕВА

Профессор А. П. Окладников.
Записки Бурят-Монгольского
научно-исследовательского
института культуры
(Улан-Удэ, 1956)

Публикуемые в этом номере «Записок БМ НИИК» фольклорные записи Галдана Линхобоевича Линхобоева относятся к числу образцов бурятского исторического фольклора. Все эти легенды и предания собраны и записаны им среди оронгойских бурят, перекочевывавших на реку Оронгой в бурные времена XVII столетия из Прибайкалья. Буряты ушли с Ангары на Селенгу, как известно, из-за насилий Ивана Похабова, а затем возвращались обратно отдельными группами. Однако, предки Галдана Линхобоева остались кочевать на привольных лугах по Иволге и Оронгою, где, кроме скотоводства, они могли также с успехом заниматься и охотой.

Предания сохранили даже имя одного из первых таких пришельцев в долину Оронгоя — старика Олошко, жившего до переселения за Байкал по реке Куде (Хуяд).

Собиратель родился и вырос на Оронгое, в семье, где издавна были грамотные по-монгольски люди, интересовавшиеся прошлым своего народа. Обладая живым воображением, впечатлительным, отзывчивым умом, он с детства был увлечен наивной поэзией древних легенд, жадно слушал рассказы знатоков прошлого и пользовался их доверием. С таким же интересом Г. Линхобоев читал исторические сочинения на монгольском языке, изучал рукописные сочинения монгольских и бурятских летописцев. Во всех этих сочинениях Г. Линхобоев искал сведения о прошлом своих родичей, оронгойских бурят. Не ограничиваясь фольклором и летописями, Г. Линхобоев с той же целью стал собирать сведения об археологических памятниках Оронгойской долины, а затем и соседних с ней районов по Селенге. В этих археологических памятниках он, вслед за своими информаторами, рассказчиками легенд и преданий, видел вещественные следы той же прошлой жизни оронгойских бурят и их предшественников.

Кстати сказать, Г. Ленхобоев работает мастером на Улан-Удэнском заводе «Механлит». Он знатный человек своего предприятия и города. Его умелые, подлинно «золотые» руки известны далеко за пределами Улан-Удэнского «Механлита». Можно без преувеличения сказать, что Ленхобоева — конструктора и изобретателя знают во всей республике.

Вместе с тем Г. Ленхобоев не оставляет и свои старые исторические увлечения. В течение ряда лет он активно участвует в работах Бурят-Монгольской археологической экспедиции. Он ознакомил археологов с рядом открытых им ранее неизвестных в науке, интересных археологических местонахождений, в первую очередь — писаниц, а также могильников и древних поселений. Г. Ленхобоев предоставил в распоряжение экспедиции также свои фольклорные записи, имеющие отношение к археологии, которые и публикуются в этом сборнике.

Среди этих легенд и преданий имеется немало драгоценных мифологических преданий, которые уходят своими истоками в отдаленнейшую древность. Таковы, например, интереснейшие легенды о происхождении рек Ангары и Селенги. В таких легендах реки выступают как живые существа, наделенные интеллектом, волей, чувствами и даже страстями, подобно человеку. Бывает и так, что мифические богатыри, выполнив свои подвиги, превращаются в девять русел той же самой реки Селенги, которую они своими богатырскими усилиями повернули в другую сторону и заставили впадать в Байкал. Такая антропоморфизация природы свойственна, как мы знаем, первобытной мифологии на определенном этапе ее развития, который полнее всего и ярче представлен в греческом эпосе мифологии гомеровской эпохи. Но здесь она несравненно первобытнее и с большей силой раскрывает черты древнего мировоззрения. Перед нами картина того первобытного мифологического творчества, на почве которого со временем возникают, с одной стороны, живые конкретные образы первобытного искусства, а с другой — его противоположность — мрачная фантастика шаманских легенд, заклинаний и мифов.

Не менее древний облик имеет рассказ о гигантских птицах ёло, обглодавших будто бы целые скалы. Подобные рассказы известны по всей Азии, вплоть до далекой заполярной Якутии, где такие мифические птицы, образцы которых неразрывно связаны с космогоническими представлениями, носят наименование *эксеку-кыыл*. Чудовищным птицам — *эксеку* жители Заполярья издавна приписывали встречавшиеся в тундре «рога» носорогов, считая эти рога птичьими когтями.

Этнографическая конференция
Бурятского филиала АН СССР, 1967 г.
Первый слева — Б.Д. Дандарон, третий
слева — академик А.П. Окладников.
Г.Л. Ленхобоев крайний справа.

Среди преданий, записанных Г.Л. Ленхобоевым, имеются и такие, где действуют уже не стихии и не космические чудовища, а люди, но тоже сказочные, фантастические, вроде демонического существа, старца-людоеда, обросшего волосами до земли.

Действуют в этих легендах и могучие богатыри, способные снять с горы вершину и перенести ее на другое место. Упоминаются разбойники, тоже окруженные фантастическим сказочным ореолом, тоже гиперболизированные.

Но в преданиях оронгойских бурят сохранились также имена реальных древних племен и народов — *беданцев*, то есть древних монголов (*бод*) и *меркитов*, или как пишет Г.Л. Ленхобоев «*мэрэгитов*» и «*хиргит-монголов*», то есть киргизов. Интересно, что «хиргит-монголам» фольклорная традиция оронгойских бурят приписывает, вслед за старцем Олошко, остатки древней земледельческой культуры в районе Верхнего Оронгоя, следы заросших лесом пашен и оросительных каналов, по которым вода из горных ручьев и речек шла на эти пашни.

Значительное место среди всех этих исторических легенд принадлежит рассказам, связанным с различными археологическими памятниками — с древними каменными статуями и оленными камнями, с пещерами, стоянками, плиточными могилами и, в особенности, с наскальными изображениями.

Исключительно интересны, в частности, упоминаемые в записях Г.Л. Ленхобоева древние «надписи» уйгурским шрифтом на скалах, ныне, к сожалению, уже не существующие.

Очень вероятно, что в долине реки Селенги и на самом деле имелись такие древние надписи на монгольском языке. Во всяком случае стоило бы поискать такие следы древнемонгольской письменности в долине Селенги и в других местах Бурят-Монголии.

Совершенно неожиданными для исследователей, занятых изучением археологических памятников Бурят-Монголии, являются записанные Г.Л. Ленхобоевым легенды о писаницах и оленных камнях. Как видно из записей Г.Л. Ленхобоева, вокруг наскальных рисунков и оленных камней сложился особый, вполне законченный и оригинальный цикл преданий и легенд.

Старики-буряты пытались по-своему понять и истолковать эти рисунки, по-своему объясняли их содержание.

Бурятские старики видели в них своего рода пиктографические летописи, рассказывающие о походах и жизни древних обитателей долины реки Селенги и ее притоков. Они даже пытались по-своему «прочитать» эти летописи.

Теперь мы знаем, что эти рисунки имеют очень древнее происхождение и что их следует датировать бронзовым веком. Сравнивая различные наскальные рисунки друг с другом, можно отчасти приблизиться и к пониманию их смысла. В основном они связаны были, по-видимому, с магическими обрядами древних скотоводов и охотников.

Но при всем том наивные рассказы бурятских стариков интересны и ценны как свидетельство о глубоком и осмысленном интересе бурятских старцев к прошлому, о попытках рационально объяснить и понять эти загадочные археологические остатки. В таких рассказах можно видеть поэтому не что иное, как зачатки своеобразных народных исторических интересов, самобытной исторической мысли. Этот факт дает право вспомнить и о таких замечательных в своем роде образцах народной исторической литературы бурят, какими являются бурятские летописи, тоже насыщенные фольклорными элементами, тоже начинающиеся легендами и преданиями о прошлом.

Из сказанного видно, насколько интересны записи фольклорных сведений», сделанные Г.Л. Ленхобоевым.

Следует заметить при этом, что его рукопись была при подготовке к печати сокращена за счет пересказа сведений, заимствованных из исторической литературы и связанных с ними собственных построений автора (например, о *гуннах*, *сяньбийцах* и проч.)¹.

Рукопись также редакционно выправлена, но только лишь в чисто литературном отношении. Однако и здесь было сделано все, чтобы сохранить характерную для ее автора, чисто фольклорную в основе, манеру речи, ее построение и, конечно, содержание. Статья Г.Л. Ленхобоева по сути является не просто записью легенд, а своего рода продолжением этой, хорошо известной, старинной исторической традиции бурятских летописцев. Сам автор видит в ней именно фольклорную летопись реальных событий, опирающуюся на археологические памятники, запечатленную в этих памятниках и легендах историю своих предков оронгойских бурят.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ О ПРОШЛОМ ОРОНГОЙСКИХ БУРЯТ

Г.Л. Ленхобоев

В улусе Верхний-Оронгой жили трое стариков: Буда Гармаев, Гунтуб Эрдынеев и Линхобо Гармаев. Они понимали знаки, исторические рисунки на скалах, но никому не рассказывали. У стариков была принята присяга: кто расскажет и покажет эти знаки, того накажет злой дух. И считали его за преступника, который ни при каких условиях не сможет смыть греха. И лишь перед смертью поведали они свою тайну мне, но и то тайно, устным путем. Старики эти ездили по всем местам и показывали мне рисунки, рассказывали их значение.

Говорят, что буряты прибыли с запада и жили в южной части горы Алтан-Хангай, а на самом деле жили они в южной стороне хребта Хангай. С хребта на юг протекала мелководная река Оронгой. По левому берегу Оронгоя жили племена — *беданцы*, которые занимались скотоводством и охотой. Однако основным занятием их было скотоводство. Далее в легендах сказано, что эти племена имели происхождение с верхней Селенги. Как известно, в верхней

1 Прим. автора: Полный текст рукописи хранится в рамках н и и к.

части долины реки Селенги жили крупные племена, от которых отошли *беданцы*, поселившись по левому берегу Оронгоя. Согласно легендам, существовавшим в Иволгинском и Кабанском районах, в далекие первобытные времена река Селенга встречалась с рекой Зырлыгэй-гол¹, которая брала свое начало с Востока. Соединившись, обе они не имели выхода в сторону. Поэтому они, запруживаясь, разливались по всей степи. По преданию, один богатырь с восемью друзьями приезжал к реке Селенге с целью направить ее в сторону Байрын-гол (в переводе «Застоявшаяся река»). После этого река Селенга стала впадать в Байрын-гол, из которого и стала вытекать дочь Ангара, которая, будто воспользовавшись сном отца, убежала к Енисею.

Байрын-гол (ныне озеро Байкал), приняв в себя Селенгу, назвался Байгалай-мурун.

Далее в легендах повествуется о том, что этот богатырь с восемью товарищами, сделав свое дело, решил не возвращаться, ибо задумали они поселиться в данном месте, так как после их работы на месте запрудившихся рек образовалась прекрасная местность.

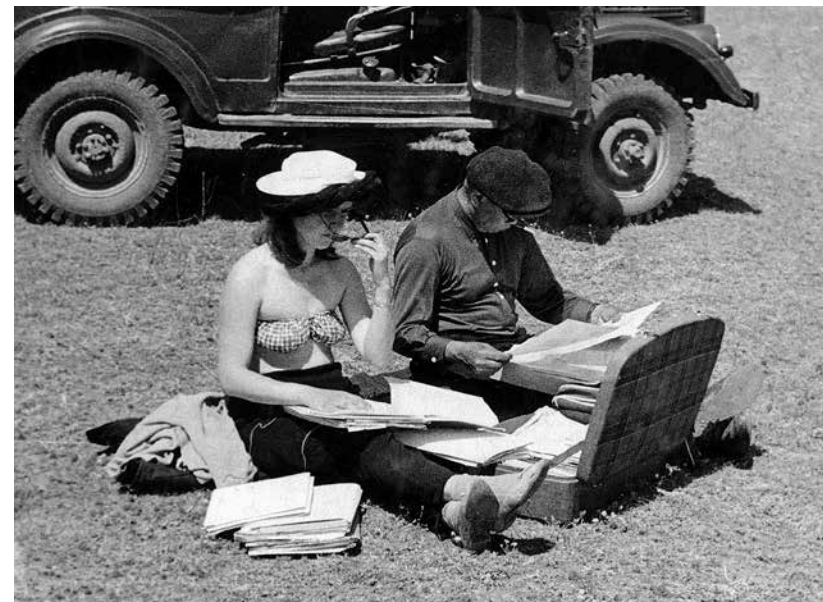
На месте запруженных ранее рек остались озера, которые изобиловали гусями, лебедями и рыбой, а на засохшей земле осталось большое количество рыбы. Они обманули хана; послали одного из своих друзей, который заявил ему, что богатырь на обратном пути превратился в статую². Хан разрешил ему увести семьи (восьми друзей) и семью богатыря и поселиться в том месте, где имелись благоприятные для их жизни условия. Они-то и являются предками *беданцев*. А почему называли *беданцами*, потому что они сами себя называли *биданами* («бидан» значит «мы»).

В легенде «О девяти сыновьях» говорится также, что они из людей превратились в девять русел устья реки Селенги.

1 Зырлыгэй-гол — ныне река Уда. С севера здесь шла глубокая длинная впадина, которая упиралась в высокие горные цепи Хангая. Тот богатырь, о котором говорится ниже, будто бы прострелил стрелой хребет Хангая, после чего горная цепь разделилась на две части, а река Селенга размыла до дна хребет с восточной стороны, образовав широкий мыс, а с западной стороны мыс Хамар.

Хребет этот был назван Хамар, то есть «Нос», ибо и на самом деле переход (перевал) походил на нос. Назвали так в XVII веке Хамар-Дабан. «Хамар» нынешние буряты называют «Харааста хабсагай», или «Мандрик».

2 Иволгинские старики рассказывают о том, что статуя действительно стояла на горе Тулумжуй и называлась «хун шулуун», но ее увезли в город еще до революции и использовали под фундамент при постройке дома.

Во время экспедиций
по Бичурскому району
Бурят-Монголии.

Древние рисунки на скале Тэмээн
Шулуун в улусе Верхний Оронгой.
Фото Галдана Ленхобоева.

ОБЪЯСНЕНИЕ НАЗВАНИЙ МЕСТНОСТЕЙ И СТРАН СВЕТА НА МОНГОЛЬСКОМ И БУРЯТСКОМ ЯЗЫКАХ

Древние монголы, в том числе и буряты, давали названия рекам и местностям по отдельным их признакам. Например, реку Селенгу называли Сэл, то есть «разлив, озерко».

С левой стороны в Селенгу впадает мелководная река Оронгой. Название такое река эта получила потому, что в долине ее обитали животные *оронго* («антилопа»).

Современная Тугнуйская долина в древности называлась Борбо («кость запястья»). Тугнуйские степи и реку Тугнуй называли Борбо потому, что в устье этой реки есть гора, которая напоминает вид «борбо».

Современное слово *тугну* значит «блуждать» и известно как название реки с XVII века.

Река, впадающая в Тугнуй с левой стороны, — Сулхаре (по-бурятски *Сулхар*), в древности называлась Шилигир («с горкой»).

Реку Уду древние монголоязычные племена называли Зырлыгын-гол, то есть «Река дикарей». Так она названа потому, что монголы лесные племена называли дикарями.

В VIII веке нашей эры восточномонгольские войска пришли к реке Зырлыгын-гол во время обеда и дали ей название Уда (Үдэ), то есть «время обеда» (из истории Бурлика). По долине Уды некоторые места назывались Кижинга, Ашинга и т.д. Эти названия даны эвенками, например, Ашинга — это «овраг».

Как говорится в легендах, река Иркут текла с запада на восток до Восточных Саян, затем остановилась здесь и послала Ильчи, то есть посла, попросить у моря Байкала разрешение впадать в него. Но Байкал отказал, говоря, что с меня достаточно воды девяти сыновей и реки Селенги. Тогда река Иркут обиделась, круто повернула и, направив свое русло обратно на север, стала впадать в Ангару. Выходит, что, по преданию, река эта стала капризничать и поэтому называли ее Ирхэ («капризной»). А та небольшая река Ильчи впадает теперь с запада в озеро Байкал около железнодорожной станции Култук.

У древних монгольских племен день делился на три части: первую часть дня называли «молодое солнце» (*нилха наран*), вторую часть — «полночный лучистый свет солнца» (*эдир наран*), третью часть дня — «устарелое солнце» (*хүгшэн наран*). Буряты больше всего почитали начало второй части дня. Молодые солнечные лучи света они называли «үдэ». У всех монгольских племен название юга не «полуденное солнце», а «үдэнское», поэтому «эмунэ» на 40° левее

от общепринятого направления «юг». Монгольские названия сторон света: *эмүнэ, үрнэ, умара, дорно*. Бурятские: *урда, баруун, хойто, зүүн*.

Так как по нашей географии центром севера называют Полярную звезду, то монголы и буряты называют «Алтан гадасан», то есть Полярная звезда (направление прямо на северо-восток).

У монгольских народов есть такой обычай: если проходящий спрашивает дорогу, то монгол (или бурят) скажет: иди «на юг» или «на запад», а чтоб сказать — поверни «налево», поверни «направо» — никогда, ибо такие направления считают неправильными.

Монгольские народы определяют страны света и направление по естественным предметам: по солнцу, звездам, по растениям, камням и т.д. В Азии местные жители определяют страны света даже по ветру (обычно ветер с северо-запада имеет отклонение на 40° от севера), по кучке земли, а в лесу по сучкам или растениям. По звездам определяют даже время (например, по Большой Медведице — «Долоон Үбгэн»). Этой цели служат также созвездия *Шонын дүрбэн нүдэн* (Коромысло), *Суг мүшэн* (Плеяды). По звездам предвидят даже осадки зимой (снег), а летом (дождь), говорят, когда они будут. По этим признакам начинали строить или ремонтировать свои жилища. А когда строили жилища, шалаши или юрты, двери всегда обращали на монгольский юг, развернутый на 40° налево от обычной географической стороны «юг», будто к удэнскому солнцу навстречу. Также и окна обращали к солнцу. А внутри жилища сторону, противоположную к солнцу «үдэ», называли *хоймор*, то есть «почетное место». Правая сторона от двери — женское место, а левая половина — мужская.

В трех километрах на север от Кяхтинской железной дороги, между реками Оронгой и Гильбира, находятся большие болота. Здесь, по легендам, жил один богатый человек, жилище которого называлось «Айдарай баян». Он имел несчетное количество скота. Наши легенды говорят, что хухутские долины все были затоптаны его скотом и превратились в непроходимые болота. Имеется также древний рассказ «Айдарай мэргэн», про его сына. Есть еще другой рассказ «Айдарай Мэргэнэй зээ хүбүүн», то есть про его племянника. Этот рассказ известен многим бурятам. Отсюда, в двух километрах на север, есть гора — Улаан-тологой. У южного подножия этой горы имеется могила Хонгор-батора. Хонгор-батор жил в те времена, когда жил и Айдарай-баян.

Легенда рассказывает: давным-давно однажды вечером Айдарай-баян ушел в ближайшее село пьянствовать, пить молочное вино.

И в тот же вечер его жена вышла доить коров. Как только она ушла, к ним зашел разбойник-старик и похитил маленького ребенка, который ползал по полу. Когда жена Айдарай-баяна возвратилась, то увидела, что ребенка нет, и отправилась на поиски его.

В кустарниках (*оёор шогой*), а они были к югу от их дома, она увидела следующую сцену: на земле сидел старик, волосы у которого доходили до земли, брови до груди, а за спиной у него сидел ее сын. Старик этот сидел и спокойно точил нож. Жена Айдарай-баяна начала манить к себе ребенка грудью. Сын, увидев мать, с радостью уполз от старика. Она, как только пришла, сообщила Айдарай-баяну и Хонгор-батору, которые, собрав людей, отправились на поиски этого разбойника. Им удалось поймать старика. Поймав, его убили, а затем закопали у восточного подножия западной горы. А Хонгор-батор, сняв вершину рядом стоящей маленькой сопки, положил ее на могилу старика.

На этом месте образовалась живописная сопка. Они же дали клятву, чтобы никто не раскапывал сопку до тех пор, пока рога козла не дорастут до неба, а хвост у верблюда до земли. Эта гора в данное время называется Мал-Алтан.

ОСТАТКИ ДРЕВНИХ ЖИЛИЩ

1. Стойбище крупного скотовода Айдарай-баян-хана сейчас находится целиком под болотом. Хан этот был из племени *бедана*.
2. На правой стороне реки Оронгой имеется древняя пещера (современное название — Нухэтэ Байса). По преданию, ее называли древним жилищем. А также к концу XIX века в ней жили ламы-отшельники. В эту пещеру можно войти по двум десятиметровым лестницам. В действительности же здесь не жили люди, а добывали железную руду. Из добытой из этой пещеры руды изготавливали высококачественную сталь — такую, как дамасская. Из этой стали изготавливали оружие и орудия труда. В местности Урса мною найдена недоплавленная руда, уцелевшая на месте первобытной кузницы. Эта руда оказалась рудой из Нухэтэ Байсы. Железо из руды Нухэтэ Байсы качеством лучше, чем железо из руды Тэмэн-Шулүна. Полежав много лет в земле, железо из этой руды не ржавеет.

В улусе Верхний Оронгой, на западной стороне горы Баян-Ундур, есть скала Тэмэн-Шулүн, у которой издавна добывалось тоже железо. В XVII веке, когда наши предки перекочевали сюда с западной стороны Байкала, они стали снова добывать железо из этой же скалы. В конце XVIII века кузнец Азар-дархан еще добывал здесь железо, но с появлением дешевого железа из России здесь прекратилась добыча.

Возле села Кокорино, вверх по течению Гильбиры, в горах имеется большая пещера: видимо, это было древнее жилище, ныне она называется Ончин-байса.

В XVII веке в этой пещере жил разбойник-монгол по имени Ончи, отсюда и произошло название пещеры Ончин байса (скала Ончи).

Рядом имеется ущелье, где разбойник держал своего коня-рысака.

На территории Нижнего Оронгоя, в местности «Зуун Оронгой», у западного подножия горы Баршагар находится маленькая сопочка Ясатэ, а между двух больших оврагов имелось стойбище богатых скотоводов древних времен. В этих двух оврагах, общая глубина которых достигает 2 метров 60 см, на дне под слоем земли имеется слой верблюжьего и овечьего навоза, смешанный с костями мелких и крупных животных. Назем этот лежит пластом длиной и шириной в 40 метров, толщиной в 25 см. Половина навоза сгорела от пожара. В северо-восточном углу имеются дымокурные ямы «утаариин нухэн» для окрашивания овчин. В те времена водились такие животные, как верблюды, лошади, рогатый скот, овцы и козы, то есть, имелись пять видов домашних животных, современное название которых «табан хушуун мал». На северном берегу оврага в восьми метрах от назема открыта яма в полтора метра глубиной, где обнаружены крупные кости (носорога).

В двух километрах от села Ганзурино находится гора Түмүртэй. Она является одним из многих мысов большой торы. Напрашивается вопрос, почему эту гору называли Түмүртэй («железистая»). Историческое предание говорит, что здесь была когда-то пещера с железной дверью. Эта дверь валялась примерно до XVIII века. На мысе Түмүртэй имеется и стойбище древних людей. Эта сопка окружена крутыми, непроходимыми стенами. С западной террасы прямая стена продолжалась до вершины перевала. На северном склоне мыса был естественный прорыв, который закрыт людьми камнями на расстоянии двадцати метров. На самой вершине перевала между двумя стенами есть проход шириной в один метр. Сразу от прохода налево и направо проложена дорога для спуска. Она идет до равнины. Внутри крепости есть площадка длиной в двести метров, шириной пятьдесят метров. Жилища могли быть здесь деревянными срубам или войлочными юртами. На западном и на всех других мысах имеются и следы жилищ.

На запад от села Ганзурино, у южного подножия горы Баршагар, находится больше двадцати могильных памятников; ныне сохранилась малая часть их, потому что здесь прошла шоссейная дорога и много камней увезено на постройку дорог. У одной из могил находится столбообразный камень с изображениями в виде секиры и железа, глубоко выдолбленных в камне.

О происхождении этого могильного памятника в легенде говорится следующее.

Войска Таньчи-Хубин-хана забрали все и оставили голую пустыню. В то время перед переправой через реку Селенгу они убивали своих тяжело раненных людей, а также наших стариков и старух. Здесь они хоронили убитых и возводили памятники с рисунками погибшим воинам.

После ухода войск Таньчи-хана остались люди только в ущельях, в труднодоступных местах.

В местности Иволга есть острая сопка. Она находится на южном склоне горы Гун-Саба. На сопке есть пещера. Здесь жило около 28 человек. Во время боя приехали сюда скрываться несколько человек, среди них один кузнец, всего стало их сорок два человека.

Вверх по течению реки Оронгой, ныне называемый мыс Тамгатуй, охотилось четверо хороших охотников; они охотились на изюбря и, услышав о начале войны, скрылись на мысу и остались. В других местностях, особенно по лесам, осталось много людей. Эти люди все собрались и держали совет. На совете они решили, что местность, занимаемая ими, не безопасна, что ушедшие войска могут возвратиться.

В те времена иногда охотники уезжали на два, на три месяца в далекие места, даже проникали в местности вокруг озера Байкал. Окружающая местность им была хорошо знакома. Поэтому они решили, что на северной стороне Байкала жить лучше, здесь много дичи и зверя, а местность отдаленная, куда не проникнуть врагу.

Когда они собирались уезжать, то в пещере Гун-Саба нарисовали рисунки: какое количество людей жило (показана стрела с корнями, которая обозначает постоянное жительство), сколько прибавилось человек впоследствии и чем занимались. Когда они ушли, поставили крест, нарисовали человека в седле, этим показали, что люди, жившие здесь, выехали.

Выехали на запад. Дошли до Уха-Тологой на восточном склоне горы Баян-Ундэр, в скале Тэмэн-Шулун также нарисовали несколько человек верхом и поставили крест.

Количество нарисованных — 25 человек. Из них четыре человека без головы. Это обозначает, что они не имели хана.

Дальше продолжали путь по верхнему течению Оронгоя. Доехали до местности, где четверо охотников когда-то убили изюбря. Там нарисовали четырех человек, котел и оленя. Также нарисовали человека на коне, длинную стрелу и поставили крест. Дальше держали путь по берегу реки Оронгой до верховьев хребта Хамар-Дабан. Всего людей было около семидесяти человек.

В нынешнем улусе Верхний Оронгой, по верхнему течению реки в семи километрах, на левом берегу Оронгоя, на мысе Тамгатэй в местных горах у южного подножия на берегу Оронгоя на маленькой скале нарисовано четыре охотника с оленями. Ныне это место названо «Тамгатэй хушуу». Эти рисунки нарисованы красной краской. Красная краска получалась путем обжигания коричневых камней. Месторождение такого камня находится у подножия горы Улан-Тологой. Этот камень называется «шунхо».

Отсюда люди дошли до вершины хребта Хамар-Дабан и увидели озеро Байкал. На правой руке около тропинки на высокой сопке расположена скала, видная с четырех сторон. На этой скале нарисован топор со сломанным обухом. Это обозначает отделение от родственников. Нарисовали коня, причем седло на коне находится передом назад. Это обозначает, что сами направились на север. Седло повернуто обратно на юг, это следует понимать так; когда-либо они вернутся и снова встретятся со своими родственниками. Они искали свое счастье в жизни, поэтому в поисках счастливой доли покинули насиженные земли. Уезжая, давали клятву.

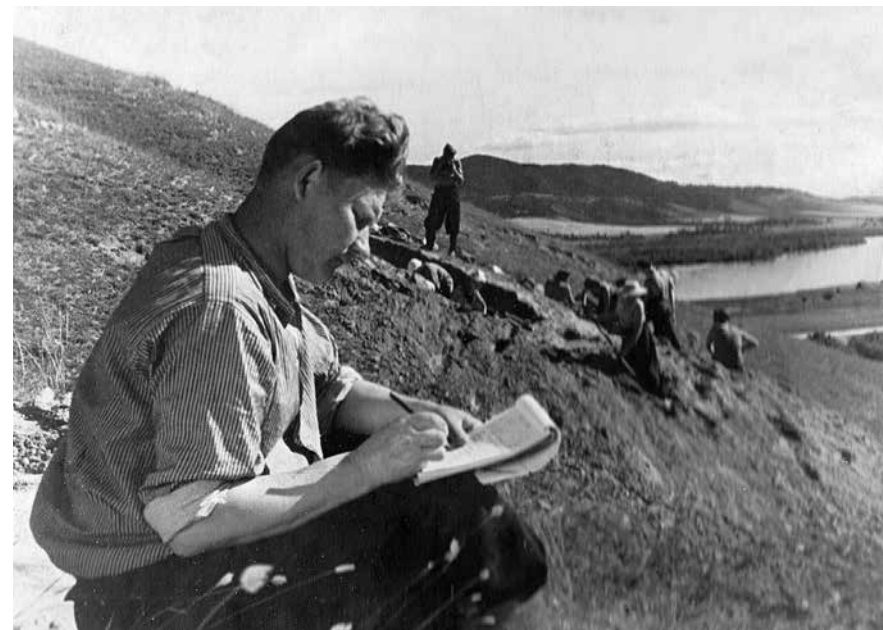
Топор в жилище должны оставлять лезвием внутрь. Седло снимали с коня и ставили передом на юг. Эти два обычая существовали среди бурят до наших дней.

Эту скалу называли Сухэтэ, то есть «с топором». С XVIII века она стала называться Дэрэнэн-Шулуун. В сентябре 1952 года я совершил поездку в эти места. Дэрэнэн-Шулуун состоит из огромных глыб, которые имеют вид крепости. На одном четырехгранном камне, который расположен в средней части скалы, с южной стороны Дэрэнэн-Шулуун на маленьком камне нарисован красной краской человек, сидящий на верблюде, и человек на лошади. Над головой лошади нарисован крест, а остальные рисунки в нижней части камня выветрились и размыты дождями.

Камень этот гладкий и находится в вертикальном положении. Размеры его приблизительно следующие: высота — 2,5 метра и ширина — такая же. По рассказам стариков, в западных скалах с южной стороны было много рисунков, однако скалы сильно разрушились и рисунки исчезли.

Рисунки были, по их словам, в двух местах — как на больших, так и на малых камнях.

Местность, называемую Тургэн-Эрье, или иначе Тумэн-Тологой, то есть «Десять тысяч голов» (она названа так потому, что в этой местности погибли десять тысяч беданских воинов), предки наши считали священной и, проезжая мимо, оставляли деньги и водку, чтобы задобрить злых духов; такой обычай сохранился у старых людей и доныне.

Доктор исторических наук А.П. Окладников на археологических раскопках в Бурят-Монгольской АССР. 12 августа 1952 г. Фото из личного архива Г.Л. Ленхобоева.

Буряты обычно сопку, или небольшое возвышение, называют «толгой». Поэтому сопку, расположенную в четырех километрах от местности Тумэн-Толгой на запад, называют Мянган-Толгой, что означает «Тысяча голов». В местности же Тумэн-Толгой сопки нет, поэтому она ныне называется Тургэн-Эрье («Крутой увал»).

В десяти километрах от города Улан-Удэ (там, где происходила война) находится местность Талын-Харгана, которую также считают священной. Ныне в тех местах, где когда-то были расположены эти исторические памятники, проходит Кяхтинский тракт. По легенде, сын Хурсар-Мэргэн-хана Ужам-Бурал спрятал большое количество золота. Около восьмидесяти верблюжьих вьюков золота он закопал в местности Малый Алтай. Эта местность находится недалеко от станции Убукун на северо-западе, в пяти километрах. Гору, где, по преданию, Ужам-Бурал спрятал золото, называют Алтан, то есть «Золото». У восточного подножия Большого Алтана в небольшом круглом леске скрывался во время войны Ужам-Бурал.

На восточной окраине леса, в небольшом лесочке, расположена малая сопка Бага Алтан («Малое золото»), об этой малой горе говорилось еще в рассказе об Айдарай-баяне. Здесь будто бы покоятся останки разбойника-старика, и копать эту гору было запрещено под страхом наказания злых духов.

Когда люди уезжали отсюда, то на горе Малый Алтан нарисовали много рисунков.

ЛЕГЕНДА О МИФИЧЕСКОЙ ПТИЦЕ ЁЛО

Эта птица, по словам стариков, ростом была, как косач. Птицы ёло ели мелкие камни. Люди убивали их и мясо употребляли в пищу. Помет ёло ныне встречается в некоторых местах. Величиной и формой он похож на помет косача, диаметром десять миллиметров, продолговатой формы, в одном месте встречается штук по десять-пятнадцать. Ёло — обитатели горной степи в Иволгинском, Бичурском и Мухоршибирском районах. Около устья Тугнуя, на горе Элбэр-Шэбэтэ, скала объединена этими птицами ёло. Также в Бичурском районе на правом берегу реки Алташи, от села пять километров, вверху реки находится маленькая скала, которая вся объединена ёлами, и еще осталась там одна интересная фигура, которая выдолблена ёлами.

В Бичурском районе, на правом берегу реки Хилок и на левом берегу реки Дабатуй, на большой скалистой горе Хайранга, по южному склону этой высокой горы есть несколько живописных котловин. Здесь в древние времена имелось городище, ныне местные старики указывают, что здесь было жилище «татар».

Имеются также остатки караванной тропы, прослеживаемой в местности Гурбан-Шулун по правому берегу реки Хилок, на восток по горам.

Очень интересны археологические остатки в местности «Шара тэбсэг» на правой стороне устья Тугнуя, где, по преданию, было золото. В конце XIX века местные люди копали эту гору, искали сокровище, но не нашли его.

В 1928 году один старик рассказал мне, что в одной укрытой местности поблизости оставлен медный котел высотой в полтора метра, диаметром в два метра. Толщина котла в палец. Этот котел использовали, по его словам, войска *мэрэгитов* для приготовления пищи. Местные старики этот котел знают, но не рассказывают о нем, ибо боятся духов. Я искал этот котел, но имеются большие трудности: скалистые горы, крутые спуски, поэтому не мог его найти.

На горе Орголи с правой ее стороны, в устье Жирима, на берегу Селенги имеется камень Гэргэн-шулун («Баба-камень»). На северном склоне этой горы имеется глубокая пещера, в этой пещере, согласно легендам, похоронена шаманка Хэрлэгэн, жена Му-Банди из монголо-мэрэгитского племени.

Отсюда на востоке на горе Модото, на берегу Селенги, с северо-запада села Тарбагатай в пещере было похоронено трое шаманов. На шаманах были надеты шелковые халаты и шапки, много серебряных и золотых украшений. В начале XVIII века ниже-оронгойский старик Уезуй с сыном Энгельдуром ограбили эти могилы, достали много серебра, золота, и несколько поколений они были богачами. Приезжавшие сюда монголы молились здесь до 1930 года. В конце XIX века из Монголии приезжали большие ламы, они рассказывали населению всяческие небылицы и грабили население, пользуясь их суеверием.

Долину реки Тугнуй заняли *табангуты*. Табангутский Далай-Дайбан-хан поселился в местности Осутай (Сутай) у восточного подножия горы Булзагат (Жаргаланта), где построил дворец с каменным полом и серой черепичной крышей. Вокруг дворца вырыли канавы. Это был летник. В четырех километрах на север отсюда в местности Нарсатуй был построен зимник, точно такой же.

По преданию, Чингисхан в 1212 году, или на пятидесятом году своей жизни, решил уяснить своих предков, происходивших из *бурдун-шоно*, которые господствовали над *беданцами*. Чингисхан приехал с уйгурским ученым и с одним богатырем, всего двенадцать человек, по левой стороне реки Селенги. В устье реки Селенги на ее левой стороне, на скале горы Баршагар, они на уйгурском алфавите красной краской написали «Ехэ эзэнэй эхэ орон» и еще несколько слов. Если перевести их на русский язык это будет: «Родина-мать великого хана». Отсюда на восток по Селенге встречаются такие надписи в трех местностях. Ниже села Ганзурино, на скалах южного подножия горы Түмүртэй, рядом с ним у пади устья Саган-Хундуй были такие же уйгурские надписи, но эти скалы все уничтожены. Еще ниже по Селенге в устье Шилутуй, на самом берегу Селенги, на скалах были такие же надписи. Эти надписи тоже не существуют сейчас. У сопки Гун-Саба, близ села Иволга, в пещере на потолке тоже были надписи. Эту запись уничтожил лама Дамби-Нима в 1905 году.

Отсюда направились на запад к вышеуказанному Уха-Толгой. Здесь тоже написали на могильных камнях Хонгор-батора. Эту запись тот же лама Дамби-Нима выскоблил и на месте ее написал белой краской религиозное чтение «мани».

Отсюда вверх по течению Оронгоя дошли до самого хребта Хамар-Дабан. На самой высоте Хамар-Дабана соорудили *обоо* и эту гору называли Бурхан-Галта-*ула*. В обратном пути отметили место, где сбережено Ужам-Буралом золото. Они дали название этим горам. Ныне называемому Бага-Алтан дали имя Хатун-*ула*, то есть «Гора-царица»; горе, стоящей рядом к северу, дали название Хаан-уула, то есть «Гора-царь».

Когда они возвращались на запад, вышли в местность Сутай, где сделали надпись на могильных камнях. Отсюда держали путь на запад. По пути (в Джидинском аймаке) одной горе дали название Бурун-хан (Бажагара). На юго-западе от горы Бажагара находится мыс Бешекто-Байса, и здесь снова сделали свою надпись, и на этой скале находились рисунки, изображавшие звериную борьбу.

Буряты в XVII веке вступили в подданство России. После этого в 1635 году они выехали на южную сторону Байкала небольшими группами на территории нынешнего Кабанского района. На северной стороне Байкала, на берегу реки Куды и в устье реки Хуяд, жил старик Олошко, который знал древние, секретные исторические слова. Он, взяв несколько своих родственников, в 1640 году весной по льду перешел море в устье Большой реки. Там они подождали лето, а летом направились вверх по Большой реке. Перешли через Хамар-Дабан и остановились в Верхнем Оронгое, где когда-то жили их предки *беданцы*.

Поселившись здесь, старик Олошко стал изучать окружающую местность. Здесь-то были найдены остатки пашен, жилищ и оросительных каналов. На пути от Гильбиры до Оронгоя еще донныне осталось не менее пятидесяти гектаров такого древнего поля. Здесь находили много могильных памятников. Некоторым умершим, особенно богатым и знатным, ставили круглые каменные памятники и рядом закапывали его коня. В одной оросительной канаве нашли трехсотлетнюю сосну, поэтому решили, что люди, жившие здесь когда-то, уехали за это время до приезда бурят. Племя их называлось *хиргит-монгол*. Они жили в войлочных юртах и небольших деревянных срубках. После отъезда *хиргит-монголов* и до появления бурят на левой стороне реки Селенги, у южного подножия хребта Хамар-Дабан, не жило более никакое племя, поэтому в этих местах расплодился зверь: дикие козы, изюбри, сохатые.

«МОЙ ДРУГ ГАЛДАН»

ТВОРЧЕСТВО НАРОДНОГО УМЕЛЬЦА ГАЛДАНА ЛЕНХОБОВЕВА

Жизнь Галдана Ленхобоева наполнена радостью творческого труда. Недаром имя, которое ему дали родители в далеком бурятском улусе Верхний Оронгой, переводится как «полная радость».

30 лет он проработал в Улан-Удэ модельщиком. Но он не только заводской специалист. Галдан Ленхобоев — автор книг, вышедших в Бурятском книжном издательстве, статей — в научных сборниках. В одном из номеров журнала «Байкал» напечатана его лирическая поэма о природе, красоте родного края. В изобразительном музее его работы — оригинальные скульптуры из корневища ильма, пнялы и декоративные вазы, украшенные резным орнаментом.

Академик А. П. Окладников в своей книге «Олень — золотые рога», рассказывающей об охоте за наскальными рисунками, посвятил Ленхобоеву главу «Мой друг Галдан». Вот цитата из книги: «Передо мной стоял невысокий застенчивый человек средних лет, из глаз которого струилось какое-то особенное доброжелательство, душевная мягкость и теплота. Вместе с тем в сдержанной умной простоте и какой-то глубоко скрытой деликатности его манеры разговаривать с новыми людьми чувствовалась та своеобразная дисциплина чувств, воспитанная веками, которая была характерна для многих хорошо знакомых мне людей из старой бурятской интеллигенции».

В тетрадке, которую принес Окладникову Ленхобоев, были тщательно зарисованы наскальные рисунки вдоль реки Селенги в недоступных хребтах Саян, те, что раньше считались у бурятских стариков священными. Только на склоне лет они решились открыть Ленхобоеву хранимую ими тайну.

Свой летний отпуск Ленхобоев всегда проводит в самых далеких уголках Бурятии, записывая легенды, загадки, пословицы. В Бурятском книжном издательстве готовится к выпуску его многолетний труд «Восемьсот загадок». С большим увлечением читается очень точная в деталях и ощущении всего национального быта его книжка «Из истории свадебных обрядов селенгинских бурят». За ныне забытыми подробностями встает неповторимый облик и характер народа. С большой любовью пишет он о старых мастерах, восстанавливает подробности материальной культуры, пишет о народных легендах и преданиях, поражающих воображение фантастически яркими образами.

В статье «Бракшун — забайкальское мумие» (журнал «Наука и жизнь» № 5, 1968) авторы, ленинградские ученые, пишут о заме-

чательных свойствах исследуемого ими древнего средства тибетской медицины, которое прислал им Галдан Ленхобоев, знаток тибетской медицины. Он сам собирает летом корни целебных растений и плоды, составляет лекарства, в которые входит иногда до сорока элементов. Кстати, в ленинградских клиниках лечат больных средствами тибетской медицины, присланными Галданом Ленхобоевым. Чтобы добыть целебный бракшун, нужна и удача и терпение.

Родное село Ленхобоева Верхний Оронгой, как и соседнее Нижний Оронгой, славится своими мастерами, дарханамы — чеканщиками, кузнецами, мебельщиками, барчинами — резчиками ксилографических досок, строителями, лучниками, иконописцами.

Галдан — сын Ленхобо, доброго слача Ленхобо Гармаева, доказывающего на спор свою силу, умевшего сделать пналу из корня ильма или багульника и оправить ее в серебро, вырезать на забаву фигурки зверей, а если нужно — то и построить дацан по своим чертежам, украсить его сложной резьбой, сделать роспись минеральными красками на вечном клее, сваренном из печени ослера.

Эти качества унаследовал и Галдан. В его маленьком рабочем кабинете — пишущая машинка, аптекарские весы, тесная полка книг, метровая кипа неизданных рукописей, древние медицинские тибетские книги — пачки узких листов с иероглифами.

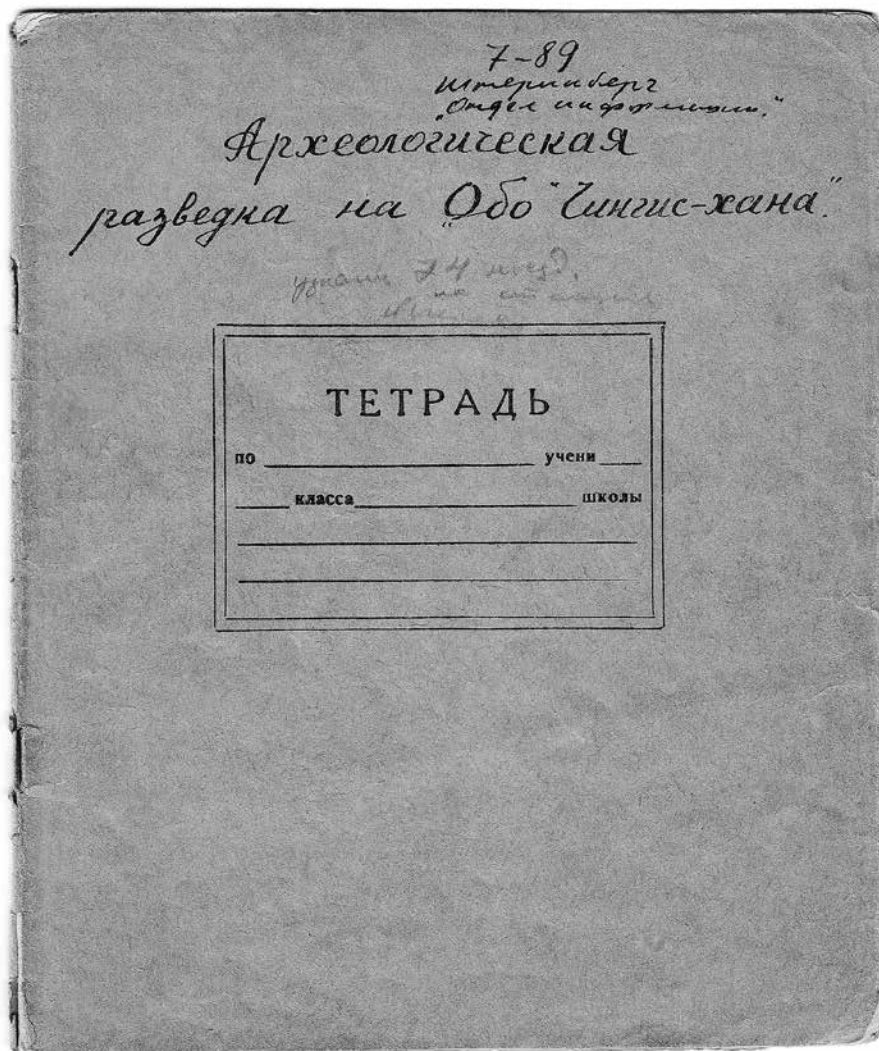
Во дворе дома — сарай, где стоят банки с истертыми в порошок травами, сухие «букеты» цветов, пучки корней, ящики с рабочим инструментом. Наружу выставлены огромные причудливо изогнутые корневища — сами по себе они выразительны, как скульптура, хотя и ждут своего часа, когда хозяин дома примет за них, где-то обрубят, где-то вырежет, обработает составами, покроет пленкой лака — и вдруг получится такая дикийвинная штурковина.

Очень синее небо в Бурятии. И степи далеко уходят за горизонт. И горы синие, как небо, рядом — темные с черно-зелеными соснами и прорезанной по склонам парчовой ниткой стволов. Улан-Удэ лежит в котловине, взбирается на пологие склоны — а вокруг нигде не прерывающаяся линия горизонта. И потому, наверно, древняя заклиная формула начиналась словами: «силюю вечно-го синего неба»... — прекрасным образом земли, солнечной и суровой.

ЛЮДМИЛА ОЛЗОВА,
(АПН).

Л. Олзова Мой друг Галдан
// Ленинское знамя. — 1969.
— 13 марта; Красная Селенга.
— 1969. — 29 марта; Улаан-
Сэлэнгэ — 1969. — АНР. 1.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА ОБОО ЧИНГИСХАНА

Из неопубликованных
работ Г.Л. Ленхобоева
(Улан-Удэ, 1952)

1 сентября 1952 года мы направились к вершине Хамар-Дабана с целью обследовать историческое место — Обоо Чингисхана. Маршрут следующий: Нижний Убукун — Черемушка — Халюр — Березовка — Ярин — Усть-Хахатуй. Путь этот имеет общую протяженность тридцать шесть километров.

Время было 7 часов 54 минуты утра, когда мы вышли из Олзона. Дорога до участка леспромхоза, который носит название Черемушка, трастовая, по ней возят на машине лес. С Нижнего Убукун до Черемушек, как и до местности Хахатуй, тоже восемнадцать километров, но вместо хорошей дороги, как мы ожидали, попали на тропинку. Тропинка эта тянется вдоль правого берега реки Оронгой до ее притока — речки Усть-Хахатуй.

С Усть-Хахатуя до Обоо Чингисхана примерно пятнадцать километров. Однако это самый трудный путь, ибо приходилось идти, пробираясь через кустарники, обходя деревья, а местами перепрыгивая через камни и ручейки — мы шли целых пять часов. Пришли к месту поздно, почти к моменту отхода ко сну, время было 8:30 вечера.

Утром 2 сентября 1952 года мы вышли на южный склон вершины Хамар-Дабана. Именно здесь расположено знаменитое Обоо Чингисхана. Склон сплошь покрыт еландиками, мелкими кустарниками и березками, а местность у подножия — болотистая. А с самого склона берут свое начало ручьи, которые питают своими водами реку Оронгой.

В «Секретной истории Чингисхана», а также в «Истории мнр» под редакцией Амура (т. I, стр. 179), написано, что вершина, на которой расположено Обоо Чингисхана, именовано самим Чингисханом «Бурхан Галта Уула». Существует версия, что Обоо сложено по приказу Чингисхана в честь его предков Бурдун-шоно в 1212 году.

Неопубликованный
отчет об экспедиции
из личного архива
Г.Л. Ленхобоева.

Обоо Чингисхана, хребет Хамар-Дабана (1550 метров над уровнем моря). Фото Галдана Ленхобоева, 1952 г.

АРШААНТА ШУЛУУН

К юго-западу от Обоо Чингисхана расположена скала, которая носит вышеупомянутое название и находится на расстоянии около двух километров. И, чтобы дойти до нее, нам потребовалось около одного часа, из-за отсутствия тропинки пришлось идти по камням и по обгоревшим еландикам. Эта скала издавна славилась тем, что имеет на своей вершине с южной стороны тарелкообразную выемку, которая до половины наполнена чистой и прозрачной водой. Эта выемка сверху имеет навес в виде «сарайчика», который представляет из себя плитообразный камень. Интересно то, что вода не исчезает в выемке, если ее выплеснуть, хотя и не видно источника — он, видимо, существует, но нам не удалось его обнаружить.

ОБОО ЧИНГИСХАНА

Обоо расположено примерно в ста километрах от вершины хребта Хамар-Дабан на северо-западном склоне. Оно состоит из камней разного размера. Крупные камни доходят до полутора кубометров, при этом они имеют разные формы, здесь можно встретить круглые, квадратные, треугольные и другие. Высота Обоо примерно пятнадцати метров, а окружность — около пятидесяти.

Вокруг на сотни метров — многочисленные кругообразные камни, которые как бы переплетаются с обгоревшими еландиками. Прежде Обоо окружал густой лес, но, по рассказам стариков-бурят, он сгорел во время пожара в 30-х годах XX в.

С вершины Обоо можно видеть и глубокий Байкал, и высокие Саянские горы, которые, будучи покрытые вечными снегами и льдами, так и белеют вдаль.

ШАМАНСКИЙ ТАЙЛГАН

К югу от Обоо в пятидесяти метрах расположен Шаманский тайлган — гордость стариков-бурят, ибо существует версия, что он основан сто пятьдесят лет назад оронгойским ламой Нохойшхон-Жодче. И с того времени он был признан нашими предками священным местом. Вплоть до коллективизации на это место приходили буряты-старики, чтобы помолиться за богатый урожай. На этом месте мы нашли множество предметов, которые я перечисляю ниже.

Стволы старинных кремневых ружей (2 шт.), копья (2 шт.), образцы луков (2 шт.), наконечники пик вилкообразной формы (2 шт.), секира, чугунный котел (который находится на железном тагане), чашки, ведра, эмалированные тарелки, туесы и обломки бутылок.

А в середине тайлгана расположена деревянная перекидаина, предназначенная для хранения ламских хурденов со священными письмами. Однако на своем месте находится лишь один хурден, ибо остальные два хурдена сняты и разбросаны.

К северо-востоку от местоположения хурдена находятся два сэргэ, которые обозначали по обычаю стариков стойла лошадей. По словам стариков, здесь находились старинные мечи, двенадцать штук, а сейчас этих мечей не оказалось.

*Шаманский тайлган
около Обоо Чингисхана.
Фото из личного архива
Г.Л. Ленхобоева.*

*Сангай обоо недалеко
от Обоо Чингисхана
и Шаманского тайлгана.
Фото из личного архива
Г.Л. Ленхобоева.*

САНГАЙ ОБОО

К юго-западу от Обоо, примерно в семидесяти и пятидесяти метрах от Шаманского тайлгана, расположен так называемый Сангай обоо.

Оно так же состоит из разнообразных крупных камней, сложенных высотой примерно семь метров, а окружностью — двадцать пять метров.

ДРЕВИН ШУЛУУН

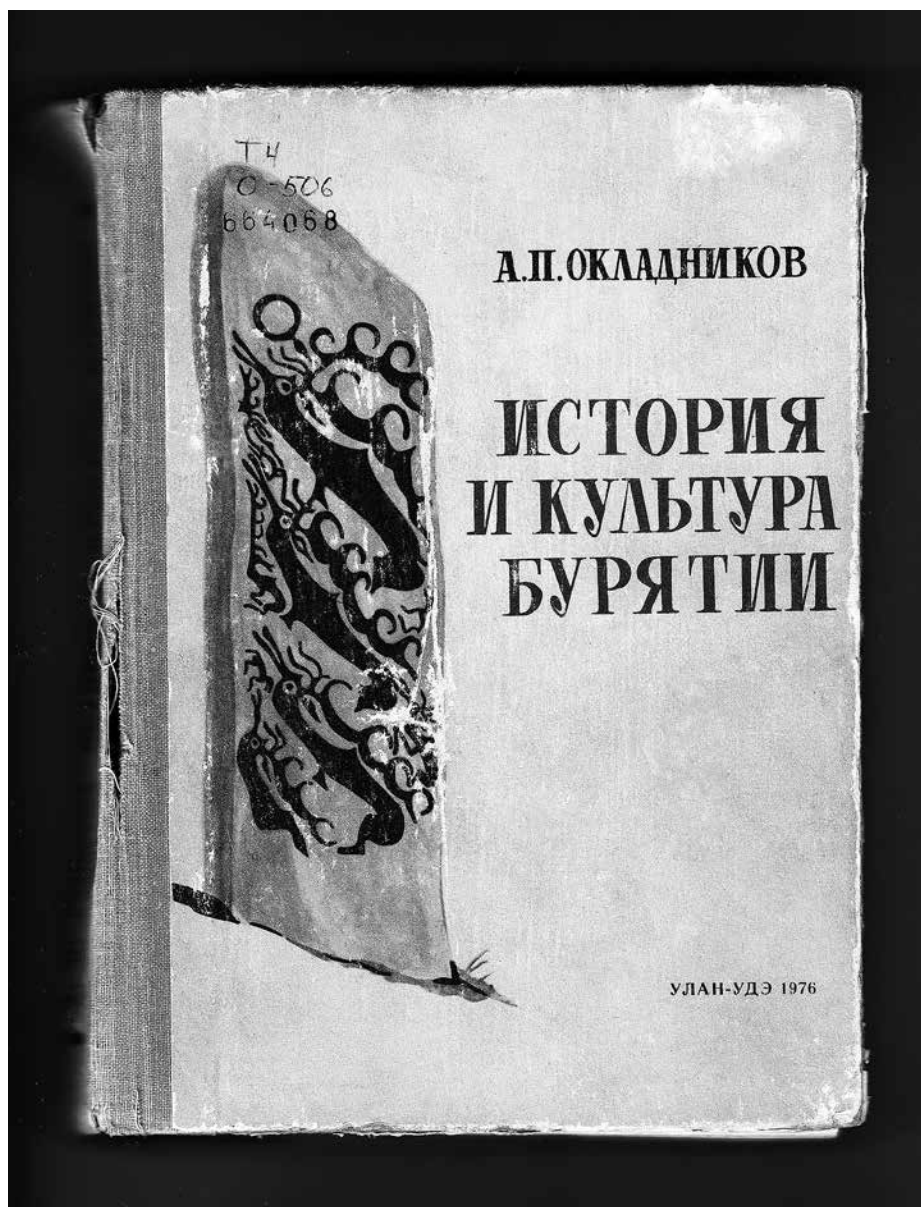
К востоку от Обоо Чингисхана в пяти километрах находится так называемый Древин шулуун. Между ним и Обоо находится небольшая котловина, в которой растут разные деревья, здесь можно встретить и пихту, и кедр, и березу.

По мере приближения к Древин шулууну встречаются еландики и камни, которые затрудняют движение, ибо нам приходилось с трудом переходить по ним.

По пути к Древин шулууну мы обнаружили плитообразный камень, который сплошь и рядом высечен топором и очень напоминает могильный памятник.

Древин шулуун состоит из огромных камней, которые сложены в виде башен, и издалека можно подумать, что там находится какая-то крепость.

Во время исследования на одном четырехгранном камне, который расположен в средней части скалы с южной стороны Древин шулууна, мы обнаружили изображения верблюда, лошади, человека и крест над головой лошади, больше не могли разобрать, потому что красноватую краску смыло дождем. Камень этот находится в вертикальном положении, причем он гладкий и прислонен к скале. Размер его приблизительно следующий: высота — два с половиной метра и ширина — такая же. Опять же этот Древин шулуун на сотни метров окружен камнями и растущими еландиками, которые сильно затрудняют движение человека.

ЛЕТОПИСЬ ОСТРОЙ СОПКИ

А.П. Окладников.
«История и культура Бурятии»
(Улан-Удэ, 1976)

МОЙ ДРУГ ГАЛДАН

Когда я услышал имя Галдан, в моей памяти овеванные бурями страницы древней монгольской летописи, рассказ о кровопролитных войнах знаменитого ойратского полководца Галдана Бошокту-хана с халхасскими ханами, маньчжурами и тибетцами, о его громкой славе и трагической гибели. Но мой Галдан был совсем не похож на своего воинственного тезку, в честь которого по старому бурятскому обычаю он получил свое громкое имя. Передо мной стоял невысокий застенчивый человек средних лет, из глаз которого струилось какое-то особенное доброжелательство, душевная мягкость и теплота. Вместе с тем в сдержанной умной простоте и какой-то глубоко скрытой деликатности его манеры разговаривать с новыми людьми чувствовалась та своеобразная дисциплина чувств, воспитанная веками, которая была характерна для многих хорошо знакомых мне людей из старой бурятской интеллигенции.

Нельзя сказать, что имя этого человека было мне совсем неизвестно и что я его услышал впервые. Напротив, бурятская земля знала Галдана, сына Ленхобоина. Повсюду шла его громкая слава как одного из лучших производственников, первоклассного рабочего-стахановца, искусного мастера на все руки — скульптора и литейщика, столяра, кузнеца и слесаря, человека с подлинно золотыми руками и умной, светлой головой — инициатора различных технических новшеств, смелого рационализатора. Но теперь Галдан Ленхобоев раскрылся передо мной с новой и, надо прямо сказать, неожиданной стороны, о которой я раньше и не подозревал.

В руках у него находилась объемистая рукопись. Развернув ее, я увидел красные пятна, «оградки» из линий, ряды забавных человечков, взявшихся за руки, и схематические фигурки птиц— словом, так хорошо знакомые мне забайкальские писаницы.

Контуры писаниц явно были переданы не механическим способом, не через кальку, как делаем мы, археологи, а от руки, на глаз, но при этом с поразительной точностью. Чтобы выполнить эту трудную работу с такой точностью, несомненно, потребовалось не только много времени и усердия. Нужна была еще и умелая, твердая, хорошо тренированная рука. Нужен был острый и меткий глаз. И, самое главное, необходимо было страстное увлечение такими бесполезными, с обычной обывательской точки зрения, вещами, чтобы целыми часами стоять перед скалой и медленно, фигуру за фигурой перерисовывать целые композиции из десятков красочных пятен и изображений.

А если к этому добавить все те неизбежные трудности и огорчения, которые, как мы хорошо знали, ожидают в забайкальской тайге охотников за писаницами— неизбежный гнус, вынужденное купание в ледяной воде или ходьба по острым плитам каменных россыпей, от которых с молниеносной быстротой разваливаются сапоги и ботинки, то одного взгляда на рисунки было достаточно, чтобы увидеть в их авторе человека особенного, с большой волей, недюжинным умом и характером.

Мой интерес, а вместе с ним и симпатия к Галдану еще более возросли, когда я открыл рукопись и прочел ее первые автобиографические по содержанию строки. Автор писал, что он с детства с волнением слушал рассказы своих сородичей, иволгинских бурят, старцев—хранителей легенд и преданий о прошлом своего рода, о делах давно минувших дней.

В собственной семье Галдана издавна были люди, владевшие монгольской грамотой, носители древней монгольской культуры. На шкафике в юрте его матери, добродушной старушки, в глазах которой светился тот же огонек живого, добродушного ума и любознательности, рядом с традиционными изображениями богов— бурханами мы увидели старинную книгу, почтительно и бережно завернутую в кусок желтого китайского шелка. От нее, как положено, шел острый терпкий запах альпийских трав и сандалового дерева. Таким порошком из сандала и трав всегда пересыпались старые книги. Это не только свидетельствовало о благоговении перед заключенной в них священной мудростью, но и спасало бумагу от вредных насекомых. Книга была напечатана с резных деревянных досок—ксилографов где-то в далеком степном монастыре Монголии, а может быть, и в самой Лхасе. Длинные узкие листы ее

Академик А.П. Окладников с бурятскими учеными (справа налево) П.Б. Коноваловым, Е.М. Залкиндом, Е.А. Хамзиной.

пожелтели от времени и были покрыты пятнами. В ней, однако, содержались не молитвы, обращенные к богам буддийского пантеона, не заклания злых сил и даже не биография Будды. Книга носила короткое название «Юм»—буквально: «что?». Это означало, что здесь содержались ответы на множество вопросов: о начале и причине вещей, об устройстве Вселенной и даже смысле жизни. Хорошо известно, какой океан мысли заключается в старых буддийских книгах. Веками билась эта беспокойная мысль философов Востока. Возникали и сменяли друг друга новые философские школы и концепции. С крайним идеализмом и ортодоксами буддизма боролись робкие и не очень последовательные материалисты философы-скептики и явные еретики. Перед нами как раз и лежал один из образцов философской литературы Востока, целая философская энциклопедия, составленная много веков тому назад и переведенная каким-то благочестивым буддистом на монгольский язык. Старушка читала ее каждый день—утром и вечером.

От матери и от других людей из старшего поколения Галдан унаследовал знание монгольской письменности, а вместе с тем любовь к истории своего народа. В рукописи, принесенной нам, как раз

и содержались исторические предания, которые он так тщательно и так любовно записал от своих учителей и рассказчиков. Вся его летопись была пронизана духом наивной первобытной фантастики, полна отзвуками поэтических первобытных мифов, в которых природа живет чисто человеческой жизнью. Реки и горы в летописи Галдана были наделены умом, воображением и чувствами. В их сердце кипели страсти, они ссорились, враждовали и капризничали, как люди.

В одной из легенд, записанных Галданом, простодушно рассказывается, что в незапамятные времена река Иркут текла с запада на восток, до Восточных Саян. Затем она остановилась и послала Ильчи, посланника, испросить разрешение Байкала, чтобы впадать в него. Но Байкал отказал Иркуту в этом, сказав: «С меня достаточно воды девяти сыновей и реки Селенги». Тогда Иркут обиделся, круто повернул от Байкала и стал впадать в Ангару. Поэтому он получил название Ирхэ — «капризный». А речка-посол Ильчи и теперь впадает в Байкал около станции Култук.

Богатыри в этих мифах не только ворочают горами, как в гомеровском эпосе, не только поворачивают реки и заставляют их течь обратно, но и сами превращаются в горы и реки. Таким именно образом объясняется происхождение девяти русел дельты Селенги, которые прежде были братьями-богатырями.

С такой же наивной верой в старинных легендах рассказывает о чудовищной птице ёло, которая не только питалась мелкими камнями, как зерном, но и объедала целые скалы. Такие скалы есть во многих местах Бурятии. Они отшлифованы, источены и изъедены ветрами пустынь в далекое сухое, жаркое время, наступившее вслед за последней ледниковой эпохой. Глубокие желоба выветривания в них и на самом деле похожи на следы гигантского клюва птиц, питавшихся камнями.

Но еще неожиданнее было то, что древние мифы и исторические легенды в рукописи Галдана тесно переплетались с нашими писанинами! Не случайно рисунки писаниц занимали в Иволгинской летописи Галдана такое большое место. Получалось так, что древние рисунки в глазах иволгинских бурят были своего рода картинными записями событий прошлого, летописью их предков, и при этом летописью сокровенной, доступной немногим, от начала и до конца оваянной тайной.

«В улусе Верхний Оронгой, — рассказывал Галдан, — жили трое стариков: Буда Гармаев, Гунтуб Эрдынеев и Линхобо Гармаев. Они понимали знаки, исторические рисунки на скалах, но никому не рассказывали. У стариков была принята присяга — кто расскажет и покажет эти знаки, того накажет злой дух. И считали его за пре-

Рисунки на скале Острой сопки. Фото из личного архива Г.Л. Ленхобоева.

ступника, который ни при каких условиях не сможет смыть греха. И лишь перед смертью поведали они свою тайну мне, но и то тайно, устным путем. Старики эти ездили по всем местам и показывали мне рисунки, рассказывали их значение...»

На Острой сопке, у южного склона горы, которая носит имя популярного в бурятских легендах русского посла к китайскому императору Саввы Владиславовича Рагузинского, «Гун-Саба», виднеется темная ниша пещеры. В ней, рассказывали старики, в давно прошедшие годы, когда по Селенге проходили войска грозного Таньчи-Хубин-хана, жило двадцать восемь человек. Когда они собирались уезжать на охоту, то и в пещере Гун-Саба оставили свои рисунки. На рисунках было показано, сколько здесь жило людей — двадцать восемь. «Стрела с корнями» обозначала, что они жили в пещере постоянно. А когда обитатели пещеры ушли из нее, то изобразили крест и нарисовали человека в седле — знак, что люди, жившие здесь, выехали из пещеры навсегда.

Доехав до горы Уха-Тологой, на скале Тэмэн-Шулун, то есть «Верблюдо-камень», они нарисовали двадцать пять человек и в том числе четырех без головы. Это означало, что у них не было хана-пра-

вителя. Добравшись до верхнего течения реки Оронгой, охотники в количестве четырех человек добыли изюбря. В память о том были нарисованы четыре человека, котел и олень.

Отсюда охотники поднялись на вершину хребта Хамар-Дабан и с нее увидели Байкал. Направо от тропинки на высокой сопке стояла одинокая скала, видная со всех четырех сторон. На ней был нарисован топор со сломанным обухом. Это обозначает отделение от родственников, а скалу так и называли в старину Сухэтэ, то есть скала «с топором». Рядом путешественники изобразили коня с седлом, причем седло повернуто передом назад. Это обозначает, что сами они направились на север. Снимая седло, его прежде обязательно ставили передом на юг. То, что седло повернуто задней лукой на юг, следует понимать так: покидая в поисках счастья землю предков, эти люди поклялись снова встретиться со своими покинутыми родственниками...

Нам оставалось только повторить под руководством Галдана эти легендарные маршруты его предков — сначала к Острой сопке и пещере на горе Гун-Саба. Потом — к Верблюжьему камню и другим местам, где, по его данным, были не только писаницы, но и могила богатыря-исполина Хонгор-Батора, пещеры с могилами шаманов и камни с выбитыми на них памятными изображениями.

Не удалось побывать только у сопки Сухэтэ («с топором») на вершине Хамар-Дабана. Путь туда был слишком труден. Да и, кроме того, Галдан тщательно скопировал все рисунки «скалы с топором». Но зато во всех других местах, отмеченных в рукописи Галдана, нам встречались памятники глубокой старины, о которых рассказывала легенда.

Путь наш начался с легендарной долины между реками Оронгой и Гильбира, вблизи горы Улан-Тологой, где, по его рассказам, жили великий богатырь Хонгор-Батор и такой же знаменитый богач Айдарай-Баян.

Скота у Айдарай-Баяна, говорит легенда, было столько, что коровы, лошади и овцы истоптали своими копытами всю просторную Хухутокую долину, и она превратилась в непроходимое болото. Однажды, когда Айдарай-Баян ушел пить молочную водку-тарасун к соседям, а жена его ушла доить коров, явился разбойник-старик и похитил у них ребенка. Когда жена Айдарая бросилась по следам разбойника, она увидела, что он сидит в кустах, волосы его спадают до земли, а брови свисают до груди.

Сидя в кустах, страшный старик точил нож, чтобы зарезать ребенка. Не растерявшись, жена Айдарай-Баяна обнажила грудь и показала ее ребенку, который сразу уполз к матери. Убежав в свою юрту, жена Айдарай-Баяна рассказала овсем случившемся своему

Могильный памятник Хонгор-Батора в улусе Верхний Оронгой.
Фото Г.Л. Ленхобоева.

Могильный памятник
Хонгор-Батора в улусе
Верхний Оронгой.

В экспедиции на Омудевке.
А.П. Окладников второй
слева в нижнем ряду,
Г.Л. Ленхобоев крайний
справа в верхнем ряду.
Бурят-Монголия, 1952 г.

мужу и Хонгор-Батору, которые нашли старика и убили его, а затем закопали у восточного склона Западной горы. Хонгор-Батор снял вершину с небольшой сопки, стоявшей рядом, и положил ее поверх могилы. Похоронив старика под сопкой, Айдарай-Баян и Хонгор-Батор произнесли заклятье, чтобы никто не мог раскопать сопку до тех пор, пока рога у козла не дорастут до неба, а хвост до земли.

Поблизости от сопки Галдан указал нам и могилу Хонгор-Батора, которая оказалась типичной плиточной могилой из огромных плит, тяжесть и размеры которых вполне соответствовали славе и подвигам захороненного под ними, согласно легенде, богатыря. В самой могиле, к сожалению, не сохранилось ничего, кроме обломков плоскодонного глиняного сосуда, но на одном ее угловом камне мы с волнением заметили полустертые временем желобки тщательно выбитого узора. Затем под боковыми лучами солнца обнаружилась и целая композиция: схематические фигуры животных и длинные полосы — «дороги», по которым они шли. Рисунки были замечательны тем, что животные на них не походили на обычных оленей с оленних камней, а представляли как бы копию красочных писаниц: это был первый случай, когда красочные писаницы и плиточные могилы как бы явственно «перекликались» друг с другом!

Но и настоящие писаницы не заставили себя ждать: все было на своем месте, именно там, где про писаницы рассказывала устная летопись о приключениях предков Галдана, иволгинских бурят.

Правда, чем больше мы с Галданом находили писаниц, чем полнее были наши записи и папки с кальками, тем яснее становилось, что они не имели прямого отношения к собственно бурятской истории.

Бурятские старцы просто-напросто, как и мы сами, пытались по-своему расшифровать, объяснить и понять эти загадочные знаки и совершенно произвольно связывали их с именами своих предков. Их рассказы были лишь попыткой связать древние «письмена» с легендами о своих реальных и мифических предках, о богатырях и героях древних времен.

Но тем интереснее было узнать, что же такое на самом деле они представляют, когда и какой народ их оставил, в чем на самом деле заключается их загадочное содержание.

СЫНА АТИЛЛЫ ЗВАЛИ ЧИНГИСОМ

Чингис Гомбоин,
руководитель проекта «Их-Хориг»
Анатолий Жамаев,
разработчик проекта «Их-Хориг»
(Улан-Удэ 1998)

Сорок шесть лет назад, в сентябре 1951 года, в ту пору уже известный в ученых кругах историков и археологов краевед Галдан Ленхобоев и студент-второкурсник Бурят-Монгольского пединститута им. Д. Банзарова Николай Лаврентьев совершили восхождение на вершину Хамар-Дабана. Событие ординарное: и раньше, и после сотни людей — геодезистов-картографов, охотников да и туристов — поднимались на вершину хребта. Но в данном случае было одно обстоятельство. Отважные путники добрались до определенной точки Хамар-Дабана, овеянного легендами и окутанного тайнами священного места — Обоо Чингисхана.

Этим летом мы побывали у подножия Хамар-Дабана, хотя по ряду причин не удалось осуществить восхождение на заповедное место, постарались побольше узнать об этих легендах и тайнах. Обобщив рассказы старожилов Оронгоя, Хурамши, Тохоя, Жаргалантуя, можно прийти к выводу, что действительно Обоо Чингисхана существует и столетиями считается запретным. Обряд поклонения могут совершать только посвященные, передающие тайну из поколения в поколение. Таковых нам разыскать нынче не удалось. Простым людям да и шаманам, не прошедшим специального посвящения, участвовать в обрядах поклонения запрещается, за нарушение грозят несчастья, болезни, всякие беды. К какому времени восходит подобное табу, выяснить не удалось. О времени образования культа Обоо подробно пишет сам Галдан Ленхобоев в своей рукописи «Древние памятники, свидетельствующие о происхождении бурят-монгольского народа», на которую мы ссылались в декабрьском материале. Цитируем рукопись:

«Из истории Монголии» Амара. Издание 1934 года, стр. 154. секретной истории Чингисхана, из бурятских устных исторических слов (сохраняем

Обоо Чингисхана, вид сверху, 2014 г.
Фото предоставлено пресс-службой
компании «Метрополь».

стиль автора) и из записей Чингисхана на скалах следует, что Чингисхан в 1212 году, или на пятидесятом году своей жизни, решил уяснить своих предков, происходивших из Буртэ-Чино. Он приехал с уйгурским ученым и с одним богатырем, всего двенадцать человек, по левой стороне реки Селенги. В устье реки Оронгой, на ее левой стороне, на скале Баржигар они на уйгурском алфавите красной краской написали «Ехэ эзэнэй эхэ орон» и еще несколько слов. Если перевести на русский язык: «Родина-мать великого хана». Отсюда на восток по Селенге еще встречаются такие надписи в трех местностях...

Вверх по течению Оронгой дошли до самой вершины хребта Хамар-Дабан, на самой вершине горы соорудили Обоо... В «Истории Монголии» под авторством Амара (том 1, стр. 179) написано, что вершина, на которой расположено Обоо Чингисхана, переименована самим Чингисом в Бурхан Галта Уула. И существует версия, что Обоо сложено по приказу великого императора в честь его предков Буртэ-Чино...

Современное издание этого труда называется «Монголын товч түүх» («Краткая история Монголии»), переиздано в 1989 году в Улаанбаатаре на современном монгольском языке, вернее, на кириллице.

Прочитав книгу «Краткая история Монголии», узнав о жизни и деятельности ее автора, понимаешь, почему в библиографии научных трудов невозможно было встретить имя А. Амара. Во времена тоталитаризма наиболее яркие сыны народа преследовались. Амар был арестован, затем препровожден в Советский Союз. Там и был казнен в одном из бериевских застенков 10 июня 1941 года.

... После публикации материала «По горам и долам заповедной зоны» откликнулся Николай Лаврентьев, побывавший вместе с Галданом Ленхобоевым на Обоо Чингисхана. Ныне он с семьей проживает в Перми.

Николай Васильевич дополняет рассказ Галдана Ленхобоева про Обоо Чингисхана:

Будучи студентом второго курса пединститута, ездил с Галданом Ленхобоевичем в археологическую экспедицию, писал в газету, где под названием «Памятники старины» вышла моя заметка, хотя я давал целую тетрадь. Тетрадь, конечно, не сохранилась, но я отчетливо помню, как мы любовались наскальными рисунками фигур людей, лошадей, находили наконечники стрел, копий. Сообщаю, что мы их не трогали, вернее, не собирали...

У Галдана Ленхобоевича был мотоцикл с коляской, на нем и съездили на Обоо. Правда, с ночевкой у подножия Хамар-Дабана, а утром поднимались на вершину.

И еще одну очень существенную деталь упоминает Николай Васильевич:

... на скале, на самой верхушке, мы обнаружили углубление в виде чашечки, куда каплями собиралась (лилась) вода, которую мы пили. Некоторые старики говорили нам, что на Обоо Чингисхана на скале бьет источник с «живой водой» или, как образно говорят буряты, «мунхын усан» — вода вечности, вода бессмертия. Как бы то ни было, стоит взять воду с вершины скалы на анализ.

Но вернемся к рукописи Г. Ленхобоева «Памятники древности, свидетельствующие о происхождении бурят-монгольского народа». При внимательном ее чтении бросается в глаза влияние на Галдана Ленхобоевича сказанное автором «Краткой истории Монголии» А. Амаром. Кстати, Амар задумал свою книгу в двух томах; первый охватывал период с первобытно-общинного строя по XIII век. Во втором должна была идти речь о периоде после эпохи Чингисхана до нашего столетия. Удалось же написать и издать только первой том. Так вот Г. Ленхобоев в своей рукописи придерживается периодизации, которой следовал Амар. Кстати, Амар относит происхождение Чингисхана к легендарным Буртэ-Чино и Гуа Марал и утверждает, что эти имена не тотемы, а конкретные исторические лица.

В заключение книги А. Амар приводит список литературы, использованной в его труде. Список внушительный, но среди многих трудов преимущественно на монгольском языке от «Сокровенного сказания» до «Алган Тобчи» немалое место занимает литература на тибетском языке. Большая часть их неизвестна европейским исследователям. Мы же знаем, что Галдан Ленхобоевич владел тибетским языком, и некоторые факты, приведенные им в рукописи, могут быть почерпнутыми из тибетских источников.

Признаться, когда мы прочитали у Г. Ленхобоева, что имя Чингисгуннского происхождения, мягко говоря, отнеслись к этому недоверчиво. Но вот оказалось, что это утверждение имеет под собой почву. Вот что говорил в своем докладе, прочитанном 30 октября 1952 года (как раз в это время Галдан Ленхобоев завершил свою рукопись) в отделении истории и философии Академии наук СССР известный ученый Г. Н. Румянцев:

В конце первого тысячелетия до н.э., приблизительно в середине III века, территория Забайкалья входит в гуннский племенной союз. В литературе нет единого мнения об этнической принадлежности гуннов. Многие ученые относят их к тюркам. Однако некоторые факты, например,

анализ сохранившихся в китайской иероглифической записи гуннских слов, а также собственных имен гуннских вождей, встречающиеся в западноевропейских источниках того времени, заставляют вновь вернуться к «монгольской» теории происхождения гуннов.

У Иорнанда, Приска, Прокопия Кесарийского, Олимпиодора и др. мы находим имена вождей западных гуннов, к сожалению, изрядно искаженные греческой и латинской транскрипцией. Все же некоторые из них поддаются восстановлению и оказываются сходными с монгольскими. К их числу относятся такие имена, как:

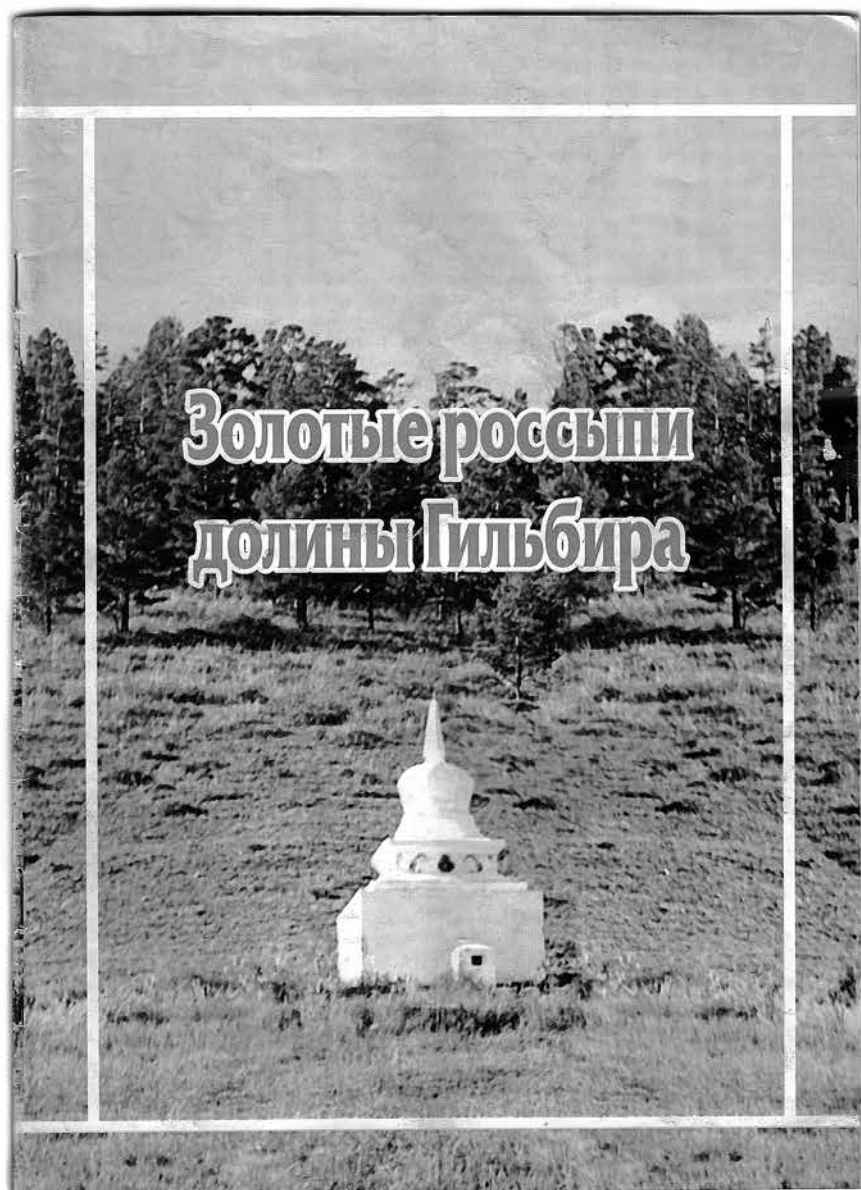
1. Буда, брат Аттилы, ср. бурятское имя Будей, Буда.
2. Денгиз — т.е. Чингис, сын Аттилы. Ср. монг. Тенгиз (*денгиз* монг. квадратное письмо-море).
3. Хоря Мурина, придворный Аттилы, вероятно, *хара морин* — «черный конь», или *хара мурэн* — «черная река».
4. Могол — имя вождя гуннского племени *кутригуров*, вошедшего в VI веке н.э. в состав болгар. Могол из вариантов этнонима монгол. В настоящее время в Афганистане живут монголы, которые сами себя называют моголами.

Доклад Г.Н. Румянцева опубликован в «Записках Бурят-Монгольского НИИ», т. XVIII (Улан-Удэ, 1953 г.). К тому времени, вернее, на год раньше, Галдан Ленхобоев завершил свою рукопись. Пусть он не имел ученых степеней и званий, но знаниями обладал огромными. Некоторые его утверждения вызывают поначалу неприятие, настолько они дерзки и неожиданны, но при анализе, проверке, сличении с другими источниками представляются правдивыми.

Свидетельством тому и его версия о «монгольском» происхождении гуннов или о родственности монголов X–XIII веков с гуннами. Нас же в данном случае заинтересовали обычаи погребения гуннских вождей, сходные с обычаями монголов интересующей нас эпохи. По нашей рабочей гипотезе, легшей в основу разрабатываемого нами культурно-исторического проекта «Их-Хориг», территория бассейна Селенги, отроги Хамар-Дабана не могли быть местами захоронений чингисидов. Об этом свидетельствуют ландшафтные, природные, географические особенности рассматриваемой нами территории. Словом, поиск продолжается.

Галдан Ленхобоев
любуется самородком
Забайкалья, найденным
в отрогах Хамар-Дабана.
Улан-Удэ, 1970-е гг.

ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ЧИНГИСХАНОМ И ГИЛЬБИРОЙ?

«Золотые россыпи долины Гильбира».
Изд-во ОАО «Республиканская типография»
(Улан-Удэ, 2001)

Жители Гильбиринской долины гордятся тем, что есть кое-что общее между нашей долиной и именем Чингисхана, человека тысячелетия, великого правителя и создателя монгольской империи.

Учащаяся школы Мира Дашимолонова узнала от своей бабушки Веры Тугмитовны легенду о происхождении названия села Хурамша.

Это было давно. Однажды в нашу долину прискакало войско во главе с Чингисханом. Он провел здесь несколько дней. Когда уехал, забыл свою *хурмагу*. Вспомнил о ней, когда был совсем далеко от наших мест. Поэтому люди называли село Хурамша, от бурятского слова «хурмагша», что в переводе означает «завалина юрты».

В степной местности Олзон часто встречаются курганы. По легенде, камни складывали воины Чингисхана, зарыв награбленные сокровища или захоронив знатных воинов. Многие курганы стали священными местами — *обоо*.

В 1950–52 годах Галдан Ленхобоев и академик Окладников с археологической экспедицией раскопали Хонгор-уула и обнаружили очень красивый кувшин, а под Ухэр-шулуун нашли крупную берцовую кость, которая не помещалась в кузове машины.

Один из старейших жителей нашего села Ажанов Бальжинима Хандажапович, бывший охотник, рассказал о том, что недалеко от местности Ухаа-Толгой он обнаружил Ундэрэй обоо, на вершине его увидел огромных размеров саблю, украшенную узором. И, конечно же, не посмел даже подойти близко.

Одним из самых интересных исторических, природных, культовых памятников нашего края является Обоо Чингисхана, сложенное по приказу великого императора в честь предков матери и названный им Бурхан Галта уула. Это величественное сооружение расположено среди безбрежного моря тайги в верховьях реки Оронгой

Издание «Золотые россыпи долины Гильбира». — Изд-во ОАО «Республиканская типография». — Улан-Удэ, 2001.

на одном из куполовидных возвышений Хамар-Дабана в пяти километрах к западу от наивысшей точки в восточных отрогах хребта-гольца Бильчир (около 1780,6 м).

Обоо среди однообразных ландшафтов вершины Хамар-Дабана четко выделяется своей геометрически правильной формой (конусовидной) и размерами — высотой 15–18 метров и диаметром не менее 50 метров. Оно сложено из камней — глыб пород и развалов гранитного сланца. Купол возвышения, на котором воздвигнуто обоо, имеет небольшую площадь, около 0,5 км². Эта вершина слегка возвышается над верхней границей леса, поэтому она не облесена. Купол покрыт зарослями кедрового стланика, который имеет оригинальный ажурно-линейный рисунок. Господствующие северо-западные ветры создали своеобразные коридоры из накопления мелкого щебня и песка, зимой — снега. Подобное направленное воздействие ветра, песка и снега разорвало сплошные заросли кедрового стланика на линейно вытянутые полосы шириной 1,5–2 метра. Среди стелющихся латков стланика обильно плодоносит брусника с крупными и сладковато-кислыми ягодами.

Территория этнической Бурят-Монголии, в частности долина Селенги, хребты и предгорья Хамар-Дабана, озеро Байкал, со времен Великой Монгольской империи была объявлена запретной зоной — сакральным заповедником Их Хориг (*Их* — великий, *Хориг* — запрет). В этих местах был введен запрет на обработку земель, строительство городов и даже массовую облавную охоту. Этот запрет, подразумевавший особое отношение к живой природе, строго соблюдался на протяжении столетий.

В местах Их Хориг выделялись почитаемые сакральные места, где шаманы проводили ритуал поклонения духам предков Чингисхана. Обоо Чингисхана является одним из таких мест. В предыдущие столетия и даже в начале XX века это обоо скрывалось от большинства людей. Подниматься на него имели право шаманы, да и то специально посвященные.

Первое и наиболее глубокое повествование об обоо Чингисхана дает Галдан Ленхобоев, родом из местности Олзон. В 1951 году он организовал восхождение на обоо со студентами исторического факультета Бурятского педагогического института. Наш земляк Г. Ленхобоев сделал первое научное описание культового сооружения. Руководствуясь книгой «Краткая история Монголии» А. Амара, общественного деятеля Монголии 1930-х годов, он пишет, что обоо сооружено по приказу Чингисхана в 1212 году. Хан на пятидесятом году своей жизни вместе с уйгурским ученым и несколькими богатырями предпринял поездку к местам предков своей матери Буртэ

Чино. На утесах повелел высечь надпись на уйгурской письменности — «Ехэ эзэнэй Эхэ орон» (Родина-мать великого хана) и повелел почитать эти места как священные.

В 1996–97 годах о загадном обоо немало пишет известный историк, журналист Чингис Гомбоин. По гипотезе Ч. Гомбоина, поблизости таких почитаемых мест могут находиться захоронения ближайших по времени потомков Чингисхана, по крайней мере, шести великих ханов золотого рода, включая Хубилая — императора Китая.

7 июня 1998 года, через десятки лет после восхождения на обоо Галдана Ленхобоева, группа учащихся Гильбиринской средней школы решила отправиться на поиски этого знаменитого места. В группу отважных туристов-краеведов входили Пурбуев Мунко Васильевич, учитель физкультуры, инициатор и организатор похода, Жамбалов Тумэн Дашинимаевич, учитель физкультуры и обж, учащиеся Чингис Санжиев, Жаргал Гомбоев, Жаргал Жамсаранов, Петя Пурбуев и проводник Артур Чимитович Будожаров. Любознательные смельчаки через два дня нелегкого и опасного пути по каменистым лесным тропам, крутым горам, холодным речкам, густому стланику, водопадам нашли долгожданное обоо — внушительное рукотворное сооружение из камней. О своем сенсационном восхождении, открытии обоо руководитель М. Пурбуев рассказал на страницах газеты «Бурятия» от 20 июля 1998 года.

А 6 сентября 1998 года директором российско-американского экологического проекта Я. Д. Васильевой при поддержке Межрегионального общественного объединения «Факел» (Москва) была организована экспедиция на обоо на вертолете. Основная цель восхождения — совершение обряда очищения и поклонения хозяину местности. Обряд провели Еши-Лодой Римпоче, Лхарамба Тэнгиз Церинг, ламы Иволгинского дацана, гильбиринцы Бадма-Гарма Гармаев и Ганжур Раднаев.

После совершения обряда поклонения хозяевам местности на обоо, можно считать, что возобновлена традиция молебнов у этого сакрального места, связанного с именем Чингисхана. Теперь нужно думать о содержании этого места в порядке и защите его от возможных кладоискателей.

Это величественное обоо является замечательным культовым, природным, историческим памятником, вызывающим глубокий интерес ученых, общественности далеко за пределами Бурятии.

ДРЕВНИЕ НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ,
ИЛИ О ЧЕМ ГОВОРЯТ КАМНИ

О, вечные Духи!
Расплодите наш скот и табуны,
Сделайте нас богатыми и счастливыми,
Размножьте наших внуков и правнуков,
Сделайте нас многочисленными и здоровыми!
(Расшифровка наскального рисунка
Селенгинского образца)

Эти слова являются древней молитвой наших предков к духам-божествам, оставленной ими в виде наскальных рисунков или петроглифов.

Петроглифы Бурят-Монголии привлекали к себе внимание различных исследователей еще с начала XVIII века. Однако на раннем этапе изучения памятников древнего наскального искусства материалы о них практически не публиковались. Есть, правда, отрывочные сведения об интересе декабриста Н. А. Бестужева (середине XIX века) к писаным скалам долины реки Селенги, но рукописи его статей пока не найдены. К тому же времени относятся исследования петроглифов в Восточных Саянах П. А. Кропоткина и А. А. Ломоносова.

В советское время изучением наскального искусства Бурятии занимались В. В. Попов, Г. П. Сергеев, Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших, Р. Ф. Тугутов, М. Ф. Косарев, П. Н. Рябов, А. П. Окладников, В. Д. Запорожская, А. И. Тиваненко.

В их числе — наш знаменитый земляк, который внес огромный, незаменимый вклад в дело открытия и исследования наскальных рисунков. Это заслуженный рационализатор России, краевед, член Географического общества СССР, писатель и известный народный целитель Галдан Ленхобоевич Ленхобоев.

Он был незаменимым спутником и помощником известного советского археолога, ученого с мировым именем, академика Алексея Павловича Окладникова в экспедициях по Бурятии. Окладников пишет о нем:

Передо мной стоял невысокий застенчивый человек средних лет, из глаз которого струилось какое-то особое доброжелательство, душевная мягкость и теплота. Вместе с тем в сдержанной, умной простоте и какой-

Наскальные рисунки из
неопубликованного отчета об
экспедиции на Обоо Чингисхана из
личного архива Г. Л. Ленхобоева.

то глубоко скрытой деликатности его манеры разговаривать с новыми людьми чувствовалась та своеобразная дисциплина чувств, воспитанная веками, которая была характерна для многих знакомых мне людей из старой бурятской интеллигенции... В руках у него находилась объемистая рукопись. Развернув ее, я увидел красные пятна, «оградки» из линий, ряды забавных человечков, взявшихся за руки, и схематичные фигурки птиц — словом, так хорошо знакомые мне забайкальские писанцы.

Совершенно неожиданными для исследователей явились записанные Ленхобоевым легенды о писаницах и оленных камнях.

В улусе Верхний Оронгой (Олзон) жили трое стариков: Буда Гармаев, Гунтуп Эрдынеев и дед Галдана — Ленхобо Гармаев, которые понимали знаки, исторические рисунки на скалах, но никому не рассказывали о них. У стариков была принята присяга: кто расскажет или покажет эти знаки, того настигнет злой дух, будут считать за преступника, который ни при каких условиях не сможет смыть греха. И лишь перед смертью поведали они свою тайну Галдану. Галдан подробно записал услышанное от стариков.

Древние рисунки в глазах иволгинских бурят были своего рода картинными записями событий прошлого, летописью их предков, доступной лишь немногим, от начала до конца овечьей тайной.

Ленхобоев повел экспедицию по маршруту наших предков — эхиритов по легендарной долине между реками Оронгой и Гильбира, где, по рассказам, жили великий богатырь Хонгор-Батор и такой же знаменитый богач Айдарай Баян из племени Бедана.

Вверх по течению реки Оронгой в семи километрах, на левом берегу, у южного склона горы находилась пещера Гун-Саба, которая носит имя популярного в бурятских легендах русского посла к китайскому императору Саввы Владиславовича Рагузинского. Когда по Селенге проходили войска грозного Таньчи-Хубин-Хана, люди, услышав о войне, скрылись. Собираясь покинуть убежище, они в пещере сделали рисунки: какое количество людей жило (показана «стрелка с корнями», которая обозначает постоянное жительство, сколько прибавилось человек впоследствии и чем занимались). Когда обитатели пещеры ушли из нее, то изобразили крест и нарисовали человека в седле — знак, что люди, жившие здесь, выехали навсегда. Доехав до горы Ухаа Толгой на восточном склоне горы Баян Ундэр, на скале Тэмэн Шулун они нарисовали двадцать пять всадников, в том числе четверо — без головы (это означает, что у них не было хана-правителя). Добравшись до верхнего течения, четыре охотника добыли изюбра. В память о том были нарисованы четыре человека, котел и огонь. Также нарисовали человека

Олзоной обоо. Фото
С. Очировой, май 2014 г.

Вид на село Хурамша.
Фото С. Очировой,
май 2014 г.

Наскальные рисунки
из неопубликованного
отчета об экспедиции
1952 г. на Обоо Чингисхана.

на коне, длинную стрелу и поставили крест. Отсюда охотники поднялись на вершину хребта Хамар-Дабан и с нее увидели Байкал. Направо от тропинки на высокой сопке стояла одинокая скала, видная со всех четырех сторон. На ней был нарисован топор со сломанным обухом. Это означает отделение от родственников, а скалу так и называли — Сухэтэ, т.е. скала «с топором». Рядом путешественники изобразили коня с седлом, причем седло повернуто передом назад. Это обозначает, что сами они направились на север. Снимая седло, его прежде обязательно ставили передом на юг. То, что седло повернуто задней лукой на юг, следует понимать так: покидая в поисках счастья землю предков, эти люди поклялись снова встретиться со всеми покинутыми родственниками.

Скала Сухэтэ с XVIII века стала называться Дэрээбэн-Шулуун. Дэрээбэн-Шулуун состоит из огромных глыб, которые имеют вид крепости. На одном четырехгранном камне, который расположен в средней части скалы, с южной стороны Дэрээбэн-Шулуун нарисован красной краской человек, сидящий на верблюде и человек на лошади. Над головой лошади изображен крест, а остальные рисунки в нижней части камня выветрились и размыты дождями. Размеры его приблизительно $2,5 \times 2,5$ м.

В сентябре 1952 года Галдан Ленхобоев совершил также поездку в место, именуемое сейчас обоо Чингисхана, и тщательно скопировал все рисунки. Великий Хан с уйгурским ученым и несколькими богатырями в устье реки Селенги на ее левой стороне, на скале горы Баржагар, на уйгурском алфавите красной краской написали «Ехэ эзнэй эхэ орон» и еще несколько слов. Отсюда на восток по Селенге встречаются такие надписи в трех местах. В пещере Гун-Саба на потолке, на могильных камнях Хонгор-Батора также оставили надписи. Эти надписи выскоблил лама Дамби-Нима в 1905 году и на их месте написал белой краской религиозные чтения «маани». Отсюда вверх по Оронгою вместе со своими спутниками дошел до скалы Сухэтэ на вершине Хамар-Дабана. Там они соорудили обоо и назвали эту гору Бурхан Галта Уула. На обратном пути отметили место, где спрятано Ужам-Буралом золото. Они дали название этим горам Бага Алтан-хан Уула, Ехэ Алтан-хатан Уула.

В Гильбиринской долине есть разные местонахождения петроглифов. Один из них находится на живописной скале вблизи села Кокорино, на левом берегу реки Гильбиры. Хотя скала частично разрушена взрывными работами, рисунки, выполненные красной охрой, видны на юго-западной плоскости утеса. На них изображены человечки в разных позах, силуэт птицы. Рассказывают, что в этих местах были найдены кости жертвенных животных. По-видимому, это было священное место для жертвоприношений.

На вершине горы Оншайн Бууса недалеко от деревни Гильбира есть пещера. О ней существует предание, будто там скрывался разбойник по имени Ончин. В ней сильно закопченные стены, отдельные камни упали со стен и лежат на полу. На стене пещеры также есть писаница, где изображены олень и четырехугольная оградка с точками в горизонтальные ряды. Возможно, была изображена рожающая лосиха, а может быть, олень, ведущий за собой весь свой род.

Наши места очень богаты памятниками наскальной живописи. Только в районе села Верхний Оронгой (т.е. Олзон) насчитывается 21 памятник, практически на каждой сколько-нибудь значительной скале долины реки Оронгой. Это говорит о том, что в прошлом здесь было много культовых мест — «святотерий», а окружающие долину горные массивы были предметом обожествления как место жительства духов местности. Не случайно символы в петроглифах строились в два яруса: в верхнем содержатся обращения к духам или к небу, а в нижнем — то желаемое, которого хотели достичь. Одна из расшифрованных наскальных надписей гласит: «Силою Вечного Синего Неба да будет счастье!»

Глава IV

Картина художника
Юрия Чиркова
«Бурятский дархан Галдан
Ленхобоев». Холст, масло,
1975 г. Из коллекции
Художественного музея
Республики Бурятия.

В СЕРДЦЕ
отзовется

Г. БАЛЗОВСКИЙ, О. СЕРОВА

ЩЕДРОСТЬ

КУСОЧЕК СОЛНЦА

Была она золотисто-коричневая, и по ее окружности скакали, встревоженные погоней, с прижатыми в страхе ушами, искусно врезанные в дерево дымчато-белые костяные барашки. И когда первый утренний луч скользнул по вазе, словно кусочек солнца засветился в причудливой ткани дерева, оно стало янтарно-теплым, хотелось коснуться его рукой.

Не так уж много часов потратил Галдан Ленхобоев, чтобы создать эту чудесную вазу. Но разве он один делал ее? Резцом двигали не только его рука и сердце. За плечами мастера стояли поколения безвестных народных умельцев, пронесших через века любовь к искусству.

...Западные тэнгрины — добрые небожители. Они печалились, глядя на землю: плохо, бедно живут буряты. Лес богат зверем — а как добудешь его, если в руках только камень? Озера богаты солью — а как вываришь ее без котла? Враг нападет — чем защищаться будешь? Собрались тэнгрины на совет, позвали живущего на небе славного кузнеца Божинто и говорят ему: пошли на землю своих сынов, пусть помогут они бедным бурятам. Спустились вниз сыны Божинто и стали учить людей кузнечному делу. Оттого-то так искусны нынче бурятские кузнецы.

Жизнь, с ее суровой борьбой за существование, с извечным стремлением человека к лучшему, навела эту старинную легенду.

Буряты сами добывали металл и прекрасно обрабатывали его. Большим почетом пользовался в улусе дархан, что значит: кузнец, мастер, мастак. Его искусные руки оживляли мертвый материал, это казалось чудом, волшебством. А волшебник все может, даже домового отковать из железа, как говорится в одном стародавнем сказе о кузнеце. Мастера считались мудрецами, они имели своих гениев-покровителей, свои праздники.

Ремесла были жизненной необходимостью. Все предметы вооружения охотника и снаряжения коня, домашняя утварь, праздничная одежда — все это проходило через руки мастерового. Вначале поверхность оружия и сбруи покрывалась для большей прочности металлическими бляхами, а развитие ремесла постепенно привело к художественной обработке металла.

Поясные ножи, огнива, трубки были предметами первой необходимости и одновременно лучшим украшением мужского костюма. Даже бедный, плохо одетый бурят имел художественно выполненные нож и огниво. Костюмы обшивались бляшками, шапки — особыми верхушками. Очень разнообразны были женские головные и нагрудные украшения из металла.

Бурятских плотников, одновременно занимавшихся и резьбой, все называли превосходными мастерами. Принято было украшать резьбой сундуки, столы, шкафы. Очень часто эти вещи расписывались.

Немало было умелых рукодельниц, которые расшивали халаты, безрукавки, рукавички праздничными узорами. Особенно затейливы были вышивки на свадебных уборах.

Не зря «сметливым племенем» называл бурят их друг Николай Бестужев. Восторженно отзывались о бурятских умельцах все, кто побывал в старину в забайкальских краях. Знаменитый ученый Гмелин, участник Большой Сибирской экспедиции, писал, что изделия бурятских ковалей-ювелиров не уступают поделкам всемирно известных арабских кузнецов из Дамаска. Ученый Эрман сравнивает наших умельцев с прославленными тульскими мастерами по металлу. А трубки и огнива, по его мнению, никто в Европе не сделает лучше бурят.

Каждый улус отличался своим ремеслом. Уаусы Харгана, Гильбири, Верхний и Нижний Оронгой славилась кузнецами и кровельщиками, плотниками и столярами, токарями и резчиками. Здесь, в Верхнем Оронгое, и жил известный грамотей и мастер на все руки Ленхобой Гармаев. Умел он украсить затейливым узором рукоятку ножа, огниво и трубку, серьги и браслеты.

ЩЕДРОСТЬ

КУСОЧЕК СОЛНЦА

Была она золотисто-коричневая, и по ее окружности скакали встревоженные погоней, с прижатыми в страхе ушами, искусно врезанные в дерево дымчато-белые костяные барашки. И когда первый утренний луч скользнул по вазе, словно кусочек солнца засветился в причудливой ткани дерева, оно стало янтарно-теплым, хотелось коснуться его рукой.

Не так уж много часов потратил Галдан Ленхобоев, чтобы создать эту чудесную вазу. Но разве он один делал ее? Резцом двигали не только его рука и сердце. За плечами мастера стояли поколения безвестных народных умельцев, пронесших через века любовь к искусству.

...Западные тэнгрины — добрые небожители. Они печалились, глядя на землю: плохо, бедно живут буряты. Лес богат зверем — а как добудешь его, если в руках только камень? Озера богаты солью — а как вываришь ее без котла? Враг нападет — чем защищаться будешь? Собрались тэнгрины на совет, позвали живущего на небе славного кузнеца Божинто и говорят ему: пошли на землю своих сынов, пусть помогут они бедным бурятам. Спустились вниз сыны Божинто и стали учить людей кузнечному делу. Оттого-то так искусны нынче бурятские кузнецы.

Жизнь с ее суровой борьбой за существование, с извечным стремлением человека к лучшему навела эту старинную легенду. Буряты сами добывали металл и прекрасно обрабатывали его. Большим почетом пользовался в улусе дархан, что значит: кузнец, мастер, мастак. Его искусные руки оживляли мертвый материал, это казалось чудом, волшебством. А волшебник не может даже домового отко-

вать из железа, как говорится, в одном стародавнем сказе о кузнеце. Мастера считались мудрецами, они имели своих гениев-покровителей, свои праздники.

Ремесла были жизненной необходимостью. Все предметы вооружения охотника и снаряжения коня, домашняя утварь, праздничная одежда — все это проходило через руки мастерового. Вначале поверхность оружия и сбруи покрывалась для большой прочности металлическими бляхами, а развитие ремесла постепенно привело к художественной обработке металла.

Поясные ножи, огнива, трубки были предметами первой необходимости и одновременно лучшим украшением мужского костюма. Даже бедный, плохо одетый бурят имел художественно выполненные нож и огниво. Костюмы обшивались бляшками, шапки — особыми верхушками.

Очень разнообразны были женские головные и нагрудные украшения из металла.

Бурятских плотников, одновременно занимавшихся и резьбой, все называли превосходными мастерами. Принято было украшать резьбой сундуки, столики, шкафы. Очень часто эти вещи расписывались.

Немало было умелых рукодельниц, которые расшивали халаты, безрукавки, рукавички праздничными узорами. Особенно затейливы были вышивки на свадебных уборах.

Не зря «сметливым племенем» назвал бурят их друг Николай Бестужев. Восторженно отзывались о бурятских умельцах все, кто побывал в старину в забайкальских краях. Знаменитый ученый Гмелин, участник Большой Сибирской экспедиции, писал, что изделия бурятских коналей-ювелиров не уступают поделкам всемирно известных арабских кузнецов из Дамаска. Ученый Эрман сравнивает наших умельцев с прославленными тульскими мастерами по металлу. А трубки и огнива, по его мнению, никто в Европе не сделает лучше бурят.

Каждый улус отличался своим ремеслом. Улусы Харгана, Гильбира, Верхний и Нижний Оронгой славились кузнецами и столярами, токарями и резчиками. Здесь, в Верхнем Оронгое, и жил известный грамотей и мастер на все руки Ленхобо Гармаев. Умел он украсить затейливым узором рукоятку ножа, огниво и трубку, серьги и браслеты, седло и уздечку, изготовить добротную и красивую утварь, луки и стрелы. Трудно даже сказать, чего не умел делать Ленхобо Гармаев.

Был он силач и добряк, многие приезжали к нему не только с заказами, но и за советом, а в трудную минуту — и за помощью. Вечерами, когда по степи мела студеная метель, в избе Гармаевых

собирались соседи, родственники, знакомые из дальних улусов. За чашкой крепкого зеленого чая велись простые разговоры о хозяйстве, об интересных новостях. Но бывало и другое. Когда на огонек забредали старики-улигершины, далеко за полночь лилась песня-сказ о преданиях старины глубокой. Не просто слушал сказы Ленхобо Гармаев. Древнемонгольскими письменами вел он записи улигеров, этого живого эпоса бурятского народа. Находил он время сделать запись о знаменательном событии в жизни своего рода, целебной траве или аршане, примете к перемене погоды, к урожаю; одним словом, о всех полезностях, какие хотел передать потомкам.

Когда Ленхобо Гармаевич брался за резьбу, рядом присаживался маленький Галдан. Часами, забывая об играх, мог сидеть он возле деда, не спуская глаз с его неутомимых и проворных пальцев. Мальчик поражался, как это его дедушка-великан, первый силач в улусе, на спор обносивший вокруг мельницы колокол в двенадцать пудов, мог этими самыми руками держать такой тонкий резец и делать такие маленькие и красивые узоры. Казалось, резец почти не двигается, так спокойны и размеренны движения мастера. Но проходил час-другой, и мальчик с удивлением видел, что бесформенный кусок дерева превращается в красивую чашу, в которой будут толок зерно для вкусной *замбы*, или в нарядный сундучок для иголок и ниток, или в разукрашенный узорами столик...

Деду нравилось, что внук так внимательно ко всему присматривается. Он угадывал его нетерпеливое желание самому взяться за резец и мало-помалу стал доверять мальчику несложные работы — распилить болванку, приглядеть за кипящим клеем, растереть краски...

Вскоре Галдан стал мастерить ложки, грабли, топорщица. Однажды он принес деду доску с вырезанными на ней буквами.

— Вот, дед, как и ты сделал. А к бумаге приложил, наоборот почему то выходит!

Улыбнулся в усы Ленхобо Гармаевич и показал, как надо делать, — в семье Гармаевых издавна резали матрицы и печатали книги.

Галдану было одиннадцать лет, когда сделал он первую пиалу. Дед поставил ее на свою широкую ладонь и задумался. Потом перевернул пиалу на полку, рядом со своими изделиями.

— Ну, Галдан, — сказал он. — Вот ты и мастер...

Вечером, когда родные куда-то ушли, мальчик сразу подошел к полке — ему не терпелось полюбоваться на дело своих рук. Внутри его еще звучало сладостное слово: мастер... Он зажег сальную плоску и поднес ее к полке. На полированной поверхности пиал мерцали оранжевые блики. Выстроившиеся в ряд янтарно-коричневые пиалы, отливающие матовым блеском костяные шкатулки,

расписанные алой киноварью сундучки — все это казалось в полумраке каким-то необычным, таинственным и прекрасным. Мальчику стало и радостно, и тревожно, и почему-то грустно...

Так впервые пришло к Галдану чувство красоты.

Мальчик долго всматривался в свою пиалу, сравнивал ее с поделками деда. И чем дальше, тем отчетливее видел он разницу между ними. В эти минуты открылась Галдану вся трудность дедовского искусства. Сколько же надо постичь ему, чтобы стать настоящим мастером!

ШКОЛА ЛЕНХОБОВА

В модельном цехе пахло свежей сосновой стружкой и клеем. Визжала циркулярная пила, звук заполнял все помещение, казалось: она одна работает во всем цехе. И только когда пилу выключили, стало заметно, сколько трудится здесь людей.

У верстака около окна, склонившись над чертежом, стоял худощавый мужчина. Смуглое, со степным румянцем и полными простодушными губами лицо его было молодо, почти без морщин, хотя человеку — мы знали — перевалило за пятьдесят. Внешне он спокоен, даже медлителен, и только глаза, живые и блестящие, выдают скрытую в нем энергию. И работает он так же — будто медленно, а на самом деле споро.

Оторвавшись от дела, он поднял очки на лоб и почтительно поздоровался с нами. Говорит он не спеша, держит себя просто, но в каждом его жесте сквозит достоинство рабочего человека.

Мы идем с Галданом Ленхобовичем по цехам, и за шумом станков, звоном раскаленного металла, движением мостовых кранов перед нами встает жизнь большого современного предприятия, жизнь самого Ленхобова.

Нелегко пришлось Галдану на заводе на первых порах. И не потому, что тяжело давалось новое дело — от природы смышлен был он на любую техническую выдумку. Ему хотелось как можно скорее постичь заводскую науку. Да вот беда — мастер, не в пример другим, попался ему старой закваски. Он не шел навстречу любознательности Галдана, старался даже утаить многое, что знал сам и что, по его мнению, не нужно знать простому рабочему. Но Галдан был терпелив и настойчив, умел видеть и хорошо освоил сложное модельное дело.

Ленхобов не забыл, как достались ему первые шаги. Но он был совсем иным человеком, чем его мастер. Когда Галдан сам стал учить мастерству, он ничего не утаивал, стремился все передать но-

вичкам, готов был в любую минуту придти на выручку. Просил его кто-нибудь — сразу бросит все свои дела и поможет, хоть ему даже очень некогда.

Нам довелось познакомиться с одним из ветеранов завода Ефимом Романовичем Архиповым. Это пожилой сухощавый человек с застенчивым лицом и добрыми большими руками. Он много лет проработал вместе с Ленхобовым и так привязался к нему, что и жить решил по соседству, сделал пристройку к дому друга.

Когда Архипов рассказывает, как работали они вместе с Галданом, как подружились, как помогал ему строиться, с его суховатого лица сходит озабоченность, славная улыбка трогает его губы.

— Говорят, пуд соли надо съесть, чтобы узнать человека. Не всегда так бывает! Вот мой сосед — при первой же встрече видишь, какой он прямодушный, сердечный.

— Вспоминаю годы войны. Тяжелое было время, а тогда-то и показывает себя человек до доньшка. Поставили Галдана командовать механическим цехом. Сами знаете — рабочие руки были на фронте, собрали в цех женщин да ребятню. Некоторые были так малы, что приходилось подставки у станков делать. Да и сознание у ребят известно какое. Выбегут на пустырь, постреляют из рогаток, поиграют в чехарду — и снова к станку. Ленхобоич умел и с этой ребятней план перекрывать. Видели ребята, как их начальник работает, и днюет и ночует в цехе, чувствовали его душевность — и сами старались.

А сколько на заводе таких людей, которые считают себя учениками Галдана Ленхобовича! Пусть они и не работали вместе, все равно прошли школу Ленхобова — он передал им умение браться за дело, а главное — частицу своего доброго сердца.

Начало всех начал на заводе — модель. Но начало может быть всякое. Можно просто хорошо сделать модель, соблюдая все конструктивные точности чертежа. А можно еще внести что-то свое и облегчить людям дальнейшую работу над деталью.

Сколько мучились литейщики со станиной электродвигателя — уж больно она громоздкая. Узнал об этом Ленхобов и говорит:

— Так что же — давайте разрежем ее надвое.

И вроде проще простого, а додуматься раньше никто не мог!

Ленхобов не успокоится, пока не увидит вышедшую из сборочного цеха готовую машину. Где-то получился брак — Ленхобова это уже тревожит. Он непременно пойдет туда, поможет найти причину и поможет устранить ее.

Было однажды так. Не ладилось с литьем, детали выходили нечистые, обрубщики ругались. Каждый понимал — плохая облицовоч-

ная смесь. Все. Казалось, делали по инструкции, а земля ложилась неровно, рассыпалась. На помощь пришел Галдан Ленхобоевич. Он решил совсем изменить состав смеси. А дело это не простое — надо примериться не только к деталям, но и к земле, и даже к температуре в помещении. Вместе с инженером-металлургом Тихоновой и формовщиком Воронниковым проводил он вечера в цехе, пробуя разные составы. Немало пришлось попотеть, пока нашли они пригодную смесь. Зато насколько легче стало формовщикам и обрубщикам, какие чистые пошли детали!

...Вольтметр не действовал — где-то было замыкание. Но где? Двое суток бился Владимир Доржиев, электрик-испытатель, но так и не мог ничего поделаться с заупрямившейся машиной.

Мимо проходил спешивший куда-то Ленхобоев. Увидев огорченное лицо паренька, он остановился: что случилось, Володя?

— Да вот, Галдан-ахай, барахлит что-то и что ума не приложу.

Ленхобоев внимательно посмотрел походную электростанцию — все, казалось, на месте.

— А может, в патронах что-нибудь? — спросил Ленхобоев.

— Да я уж сколько раз отвертывал, смотрел, — досадливо махнул рукой Володя.

— Давай еще раз посмотрим, всякое ведь бывает, — мягко сказал Галдан Ленхобоевич.

И его опытный глаз увидел в одном из патронов то, что трудно было заметить молодому электрику: кончик пружины контакта искривился — вот и получалось замыкание... Иной говорит: помочь бы человеку надо, да времени нет. Не верь ему! Чтобы помочь, не нужно много времени, надо только уважать людей, быть щедрым!

Кажется, для Ленхобоева нет ничего невозможного. Сколько на заводе разных специальностей — и каждой из них он владеет, и не поверхностно, а будто годы проработал у этой машины, у этого станка или горна.

... В горячие военные дни, когда дорог был каждый час, неожиданно вышла из строя станина штамповочного прессы. Это мощный агрегат, а было их на заводе всего два.

— Что будем делать? — обратился к конструкторам главный инженер завода Анисим Федорович Марин. — Сколько нужно времени на чертежи новой станины?

Конструктора осмотрели машину: стало ясно, что раньше, чем через две недели, чертежи готовы не будут.

«Две недели! — подумал Марин. — Да еще столько же на отливку. Немыслимое дело!

... А что если рискнуть — сделать модель вообще без чертежей?»

Страшно было решаться на такой шаг: можно затратить время, а вдруг неудача — что тогда?!

В трудные минуты Марин, да и другие на заводе, советовались с Ленхобоевым. Они знали: зря он ничего не скажет и зря ничего не сделает. И на этот раз его пригласили на совет.

Галдан Ленхобоевич молча подошел к прессу, сиротливо стоявшему среди вереницы шумящих станков. Он осматривал пресс так же внимательно, как исследует хирург тяжелобольного перед операцией.

Анисим Федорович с тревогой смотрел на мастера. А Ленхобоев не спешил с ответом. Он сходил еще ко второму работающему прессу, постоял около него, посмотрел, подумал. И только после этого инженер услышал от него то, что и ожидал:

— Что ж, сделать можно.

Через полмесяца пресс работал.

Почему же так смел и удачлив Ленхобоев?

Как мастерство Ленхобоева-резчика питается искусством многих поколений, так и в работе его у станка живут давние традиции оронгойских умельцев. Именно теперьгодились Галдану те навыки, то терпение и упорство, которые прививал ему дед. Все пригодилось Галдану: и то, как вместе с дедом ставил он в соседних русских селах добротные избы, украшая наличники, карнизы и ворота узорчатой резьбой, и то, как помногу раз приходилось ему делать и переделывать луки для стрельбищ, и то, как лежал на его плечах ремонт всех машин в колхозе...

И потому еще так смел он и удачлив, что у него свой, рабочий талант. Как есть абсолютный музыкальный слух, так есть, видно, и абсолютно точный глаз. Вот такие снайперские глаза и у нашего Ленхобоева. Можно поразиться, как развито у него пространственное воображение. Человек без специального образования, он читает чертежи не хуже инженера. Ленхобоев широк по натуре, любознателен. И самое важное — человек он мыслящий. Любое задание он выполняет не просто потому, что начальство приказало, а потому, что сам считает задание правильным, необходимым народу. К любому делу подходит он творчески, отыщет и использует все возможности.

Жизнь труженика — не торная дорога. С того самого дня, как становится он за станок или садится на трактор, берется за штурвал самолета или молоток геолога, за кисть или перо, перед ним одна за другой встают трудности. И у Ленхобоева не все шло гладко. Тридцать лет на заводе — это целая жизнь. А в жизни случается всякое.

Надо было однажды сделать модель шестерни. Как и повелось, заказчик передал чертеж прямо Ленхобоеву — знали, что мастер опытный, сам разберется, что к чему. Работа оказалась кропотливой — с каждой стороны модели нужно в семь рядов положить друг на друга сегменты, подогнать их, точно отделать зубья. Но это для Ленхобоева не беда, ему по душе такая работа, где смекалка да сноровка требуются. Целую неделю затратил мастер, зато модель получилась добротная.

А после того, как заказчик забрал отлитые шестерни, приходит в модельную начальник цеха Девезенцев. Зашел и молчит, будто случайно, по пути завернул сюда. А Ленхобоев уж знал: если молчит Девезенцев, значит, недоволен чем-то. Помолчал, попыхтел и говорит как бы между прочим:

— Шестерня-то не подходит...

Его, Ленхобоева, работа оказалась браком! Галдан Ленхобоевич почувствовал, как приливает кровь к лицу. Беспомощно оглянувшись кругом, он увидел, что никто из товарищей не смотрит на него, как будто они и не слышали ничего...

Хорошо делать работу, да плохо переделывать. У мастера даже чуть-чуть дрожали руки, когда он снова брался за модель. И спал он в эту ночь плохо. Плохо спал Ленхобоев и после того, как увезли вновь отлитые шестерни. Он гадал, словно новичок, пойдет или не пойдет его шестерня.

Не пошла! На этот раз совсем не пошла, словно он нарочно сделал еще хуже. Когда Ленхобоева вызвали на утро к директору, ему казалось странным, как это могут шутить друг с другом и смеяться попадавшиеся ему навстречу люди, когда у него такая беда.

Появился приказ — удержать за брак из зарплаты виновного.

Так Ленхобоев стал бракоделом. Все было против Ленхобоева, и все же где-то глубоко в душе его жила мысль, что он прав. Но как это доказать. Об этом он упорно думал...

А заказчик не мог ждать — стояло производство. И Ленхобоев на свой риск и страх сделал модель без чертежа — так, как подсказывала ему многолетняя рабочая сметка. И машина пошла!

Почему же не пошли первые шестерни? Специалисты потом докопались, что и чертеж был точным, и Ленхобоев делал модель правильно. Загвоздка была в другом — нестандартной оказалась малая шестеренка, «на пару» с которой должна была работать новая шестерня, — ее делали по старой, с истершимися зубьями.

Так вышел Ленхобоев победителем из нелегкого испытания, так победила вера рабочего человека в свои силы.

Эта же вера помогла Ленхобоеву в тяжелый для завода 1936 год. Проходила реконструкция, предприятие передавали из рук в руки.

Долгое время не было материалов, прекратилось литье. Ленхобоев, единственный тогда модельщик, перебивался временными работами — где двери поставит, где ворота, где забор упавший поднимет. Семья еле сводила концы с концами. Некоторые советовали уйти с завода — такой, мол, мастер нигде не пропадет. Но верное сердце у Галдана — не мог он покинуть свой завод в трудное время, как не мог бы оставить друга в беде.

Ленхобоев любит свой труд, не мыслит жизни без завода. Но для широкой натуры Ленхобоева этого мало. Он жаждет непознанного. Что еще больше обогатило бы его, дало радость ему и людям.

ГАЛДАН НАШЕЛ СВОЮ СКАЗКУ

Прохладным ветром потянуло из пади. Заметались листья черемухи у быстрого ручья, дрогнули березки, пригнулся хлипкий иванчай и вновь поднял свою лиловую острую шапочку.

Неподалеку от темного ольшаника, у покрытого сосновой корой шалаша, горел костер. Над большим закопченным котлом поднимался густой пар. У костра лежала лохматая собачонка и внюхивалась в пар. Но запах явно не сулил ей вкусной похлебки. В кипящей воде лежал какой-то бесформенный предмет, не похожий ни на что съедобное.

Из шалаша вышел мужчина, неторопно подошел к костру и заглянул в котел.

— Ну что, Дружок, готов наш корень?

Дружок встал и ткнулся влажным холодным носом в руку человека. Он чувствовал, что у хозяина хорошее настроение.

И верно, на этот раз Ленхобоеву особенно повезло — ему попалось диковинное корневище.

Многие годы провел в земле этот корень. Над ним пробегали быстрые звери, лились дожди, сыпал снег. Так бы и лежать ему... Но вот пришел человек.

Сколько раз приходилось Ленхобоеву добывать корни березы, ильма, сибирского персика, багульника. И как каждый искатель неизведанного всегда мечтает открыть или найти что-то совершенно новое, нужное для всех, так и у Галдана всякий раз замирает сердце от мысли: вот сегодня, вот сейчас выроет он такой корень, который заживет в его искусных руках новой чудесной жизнью, будет радовать тысячи и тысячи людей...

Галдан смотрит в котел. В уродливых отростках корня, темного и шершавого, чудятся ему какие-то удивительные образы: то го-

ловка прелестной девушки, то мудрое лицо старика, то мифическая птица ёло, то извилистое тело полоза...

Так и начинается творчество.

Не день и не два бродит Ленхобоев по лесу. Он не только охотник за корнями — выкопать их, положить в машину и увезти. В далеком детстве сроднился он со степным ветром и невнятным говором тайги. Ему нравились таежные тропы, невесть куда идущие. Хотелось без конца идти по чуть заметному, путаному, порой совсем исчезающему следу. Казалось, что где-то там, за горами и распадками, найдет он страну Сказки. Маленький Галдан не нашел свою Сказку. Бродя по забытым тропам, сидя у костра под небом с дрожащими звездами, ловя отсвет первой зорьки в прозрачном аршане, выбегающем из-под корней древнего кедра, большой Галдан нашел свою Сказку и пересказал ее людям...

Мы застали Галдана Ленхобоевича в его доме, где все, начиная от стен и кончая остроумным затвором входной двери, которую может открыть каждый, сделано его руками. Хозяин сидел за рабочим столом и монтировал выпускные костяные колосья на деревянном сосуде — уур-нидүүре или ступке, как объяснил мастер — в таких ступках раньше толкли зеленый чай или зерно. Никаких особенных украшений не было на уур-нидүүре, кроме колосьев, узкого темного ободка на горлышке да четкого орнамента у основания.

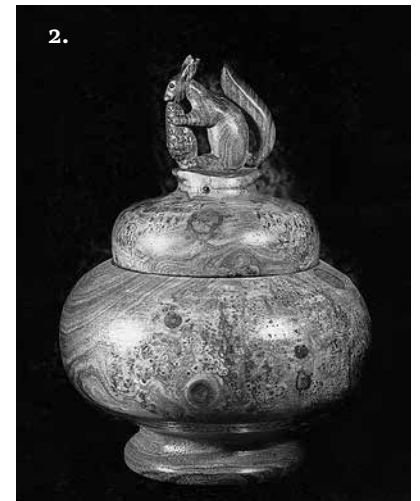
Поодаль от уур-нидүүра стояла уже готовая работа — ваза, напоминающая островерхую бурятскую шапку — малагай. Олений рог, вкрапленный орнаментом в крышку, и барашки по окружности гармонично сочетались с простыми формами вещи и красотой дерева, заложенной в нем самой матерью-природой.

Мы видели и другие работы Ленхобоева — с одним только легким орнаментом. Но странное дело — чем больше смотришь на такую вещь, тем больше она очаровывает вас. Трудно даже сказать, почему она прекрасна.

Красота... ее узнаешь мгновенно, даже не осознавая сначала, что особенно трогает в ней.

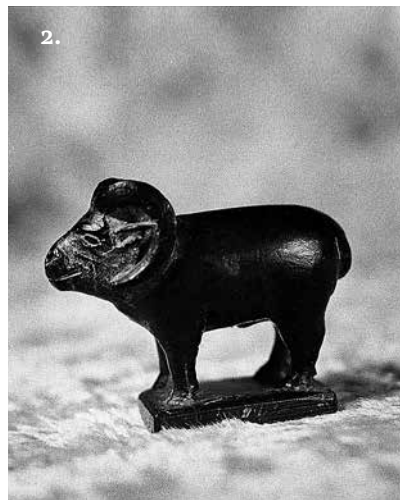
Так может восхитить нас пляска тонов и оттенков закатного неба, багряные огни осенней листвы, луна, вдруг блеснувшая из-под летящих облаков.

Но если красота, дарованная нам природой, не устает восхищать и радовать нас, то красота, созданная руками человека, восхищая и радуя, вызывает одновременно раздумье о том, чего же может достичь человек усилием воли, постоянным воспитанием и развитием своих способностей и духовных сил.

Авторские работы Г.Л. Ленхобоева:

- 1) Ваза с инкрустацией (ильмовый корень, рога, коралл);
- 2) «Ваза с белкой» (березовый корень, 1964 г.);
- 3) «Охотник» (корень багульника, 1967 г.);
- 4) «Охотник с добычей» (ильмовый корень, 1969 г.).

Авторские работы Г.Л. Ленхобоева:

- 1) «Лошадь» (камень, 1969 г.);
- 2) «Баран» (камень, 1969 г.);
- 3) «Медведь на коряге» (корень багульника, кедр, 1961 г.);
- 4) «Девочка в национальной бурятской одежде» (агальматолит, 1969 г.).

Гармонией и простотой веет от лучших работ Ленхобоева. Той гармоничной простотой, что всегда питала народное искусство.

Когда мы смотрим на готовые, сияющие жизнью работы Ленхобоева, то не видим в них ни малейшего следа усилий, напряжения, творческих мук. Нам кажется: все, что вышло из-под рук мастера, создано как-то само по себе, одним чистым дыханием, легким порывом. Не такое ли чувство испытываем мы на концерте большого артиста. Кажется, что поет он легко, как птица, и что пение для него не труд, а забава. А многие ли знают, какого напряженного, непрерывного, порою мучительного труда стоит певцу эта кажущаяся легкость?

Длинен путь от родившегося у художника замысла до его свершения, длинен и нелегок.

... Корень добыт. Но пройдут месяцы, прежде чем можно будет приступить к его обработке. Чтобы дать своим изделиям долгую жизнь, мастер проваривает корень, изгоняет из него смолы, делает его более плотным, а, значит, и более прочным, облагораживает цвет. Почти год сушит на вольном воздухе — изделие тогда не потеряет форму. Потом корень разделяется на куски и еще раз просушивается. Дерево становится послушным воле мастера.

Галдан Ленхобоевич высыпает на стол перед нами свои инструменты — различные ножички, пилки, стамески, рашпили, все это сделал он сам. Клей у него особый — он варит его из печени осетра, политуру тоже варит особым способом. Мастер своими руками готовит себе материалы — так делали когда-то все уважающие свой труд художники.

Материал готов. Но он останется черным, если попадет в равнодушные руки ремесленника, а не творца.

Не вдруг рождается у Ленхобоева замысел. Долгие раздумья, десятки эскизов...

Облик своих изделий Ленхобоев умело отбирает из того лучшего, что оставили ему в наследство предки — искусные оронгойские резчики. Но он вносит в это лучшее — выдумку, свежую мысль, оригинальность.

Мы видим среди его работ не только традиционные национальные изделия. В самые последние месяцы мастер увлекся своеобразным родом искусства.

...Вы садитесь в красновато-коричневое кресло. На его боках и спинке сошлись обитатели тайги — мохнатая медведица с резвыми медвежатами, клыкастый кабан, хлопотунья-белка, озорно выглянувшая из дупла... Кажется, дотронется мастер-кудесник сво-

ей волшебной палочкой до этого таежного царства, и оживет оно, и огласится комната звериными голосами...

Это удивительное кресло вырезано из одного большого корня ильмы.

Увидели мы и другие вещи... Притаилась в углу блестящая, готовая расправить свое гибкое тело и прыгнуть на добычу, пятнистая змея; протянулась когтистая медвежья лапа, чтобы поддержать абажур...

Большинство своих изделий мастер делает из корня ильма — он многофигурен, у него плотная и удобная для обработки древесина. Очень эффектны изделия из березового *кана*¹. Изящные статуэтки с мордочками зверьков, скалами, стволами деревьев вырезаны из легкого, как пена, кудрявого корня багульника — нового для бурятских мастеров материала. А свои прекрасные вазы Ленхобоев точит из молодого корня березы.

Мастеру пятьдесят пять лет, а он неумен, как молодой, в поисках нового, неизведанного. Ленхобоев чтит народные традиции, но он не раб их. Он ищет новые формы своих изделий и новые материалы.

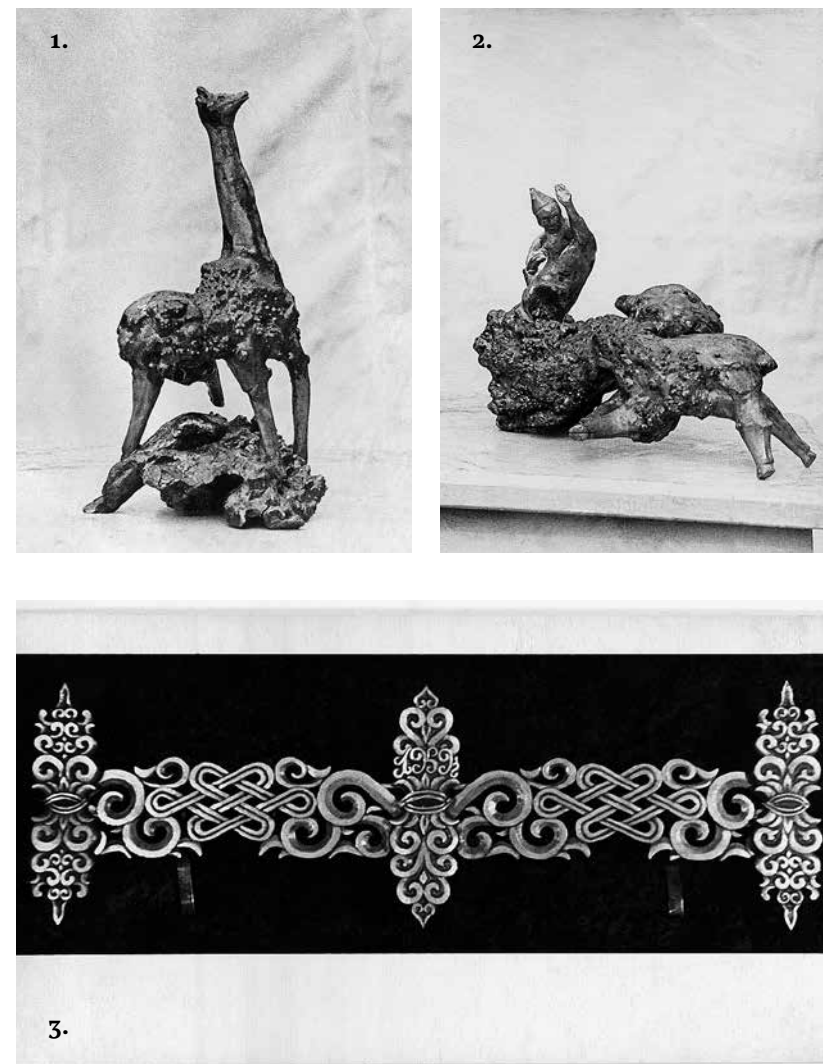
Ленхобоев не замыкается в своем мирке, он стремится расширить свой кругозор, познать жизнь во всем ее многообразии и полноте. Он ездит по советской стране, побывал в демократической Германии, совсем недавно — в Китае и Монголии. С глубоким уважением отзывается он о людях труда и тех местах, где путешествовал, интересно, по-своему, с присущей ему наблюдательностью и анализом говорит о том, что повидал и услышал.

Из мастерской Ленхобоева выходишь с таким чувством, словно ты в знойный день выпил добрый глоток родниковой воды.

Самобытное искусство Ленхобоева полюбили в народе. Его произведения демонстрируются на выставках, украшают витрины музея изобразительных искусств в Ленинграде и картинной галереи в Улан-Удэ. На всероссийской выставке художественной промышленности его произведения удостоены второй премии. Недавно Галдан Ленхобоевич избран в республиканский художественный Совет.

Ленхобоев уважает свой талант. А уважать талант — это значит, пренебречь многими удобствами, отдыхом, совсем не делая из этого особой жертвы. Уважать талант — это значит, работать и работать, работать самозабвенно, тщательно, терпеливо, с восторгом и болью. Ибо из этих противоположных и вместе с тем нераздельных понятий и создается Красота...

¹ Кан — нарост на стволе.

Авторские работы Г.Л. Ленхобоева:

- 1) «Жирафа» (корень багульника, 1965 г.);
- 2) «Пастушок» (корень багульника, 1967 г.);
- 3) Бурятский национальный орнамент — эскиз украшения для зеркала-трюмо (резьба по дереву, 1959 г.).

ВЧЕРА И ЗАВТРА

Озираясь по сторонам, мальчишки шли по лесу. Они задумали обязательно посмотреть Тэмээн-Шулуун (Камень-Верблюд), столь опекаемый от чужого глаза стариками улуса. Но разве укроешь что-нибудь от мальчишек? Все таинственное притягивает их, как магнит. Был в этой ватаге, конечно, и Галдан.

Каждый мальчишка знал: сделаешь что-нибудь плохое и не со знаешься у священного камня — духи сразу зашибут тебя. От малейшего шороха, от неожиданного птичьего крика у ребят замирало сердце. И все же они, как настоящие разведчики, шли вперед.

Над верхушками деревьев показались красноватые утесы. Ребята пошли еще тише. И вот уже последние кусты. Галдан отвел рукой ветку и осторожно выглянул. На выступах скал, высоко над землей, мальчик увидел непонятные знаки. Присмотревшись, он разглядел фигурку лошади, всадника с луком, бегущих оленей.

— Ребята, смотри, — прошептал Галдан.

Мальчики подбежали к скалам и стали взбираться выше. И в других местах оказались рисунки и какие-то знаки. Нечего было и думать добраться до них — они были очень высоко, да еще на выступах, висевших прямо над головой.

— Это, однако, Дэлэхэйн Эзэн рисовал, — прошептал один из разведчиков, — чтобы никто не ходил сюда.

Мальчики задумались.

Галдан смотрел на рисунки и вдруг заметил, как закачался на скале пучок сухой травы. «Ветер однако», — подумал мальчик. Неожиданно ему показалось, что у одной из нарисованных лошадей поднималась передняя нога.

— Смотрите, зашевелилась! — воскликнул Галдан. Сердце у него шибко забилося.

И все увидели, что действительно на скале что-то движется.

— Духи!!! — крикнул кто-то из ребят.

В это мгновение там, где что-то зашевелилось, сорвался камень. Ребят как не было, только качались растревоженные ветки черемухи...

Лишь много лет спустя Галдан понял, что это была, наверное, змея...

Дома Галдан ничего не сказал о своем путешествии. Но его постоянно донимала мысль о таинственных знаках.

— Дедушка, а дедушка, — приставал он к Ленхобо Гармаевичу, — а что это за знаки на священном камне?

Дед отмалчивался или даже сердился.

А Галдан знал, что деду многое известно о старине. Недаром после беспокойного рабочего дня Ленхобо Гармаевич допоздна сидел за столом и выводил затейливые монгольские письмена. Галдану очень хотелось прочесть про то, что было в старину. И не только прочесть, но и самому записывать.

Как когда-то дед почувствовал стремление Галдана к художественному ремеслу, так и сейчас приметил желание мальчика научиться грамоте. Дед с внуком взялись за ученье.

И пришло время, когда за одним столом сидели два летописца. Дед продолжал начатую много лет назад историю своего оронгойского рода, а внук еще детским почерком старательно записывал приметы к перемене погоды, рассказанные ему бабушкой Дарой. И записывал Галдан не просто так, а для дела — потом он сам проверит, правильно ли говорит бабушка.

Славная была бабушка у Галдана. Так и прозвали ее на селе — добрая Дара. Еще и сейчас Галдан вспоминает, как ласково гладила она его ершистые смолые волосы и как все ребятишки, примостившись у ярко вспыхивающего очага, заслушивались сказками бабушки Дары. Рассказывала бабка весело, с присказками и прибаутками. И откуда только знала она столько удивительных историй! И какие это разные были истории, совсем непохожие одна на другую! То это были сказы о баторах — и всем ребятам хотелось после этого быть такими же сильными и смелыми, как Айдарай Мэргэн или Тэтэгэлжэн Хүбүүн: то бабка повествовала о гигантской птице ёло, обгладывающей скалы, — и ребята долго потом разыскивали изъеденные ею места. Бабка умело подражала голосам животных. Ребята как наяву видели добрых и хитрых, умных и глупых зверей, которые часто превращались в человека. Особенно запомнилась Галдану сказка об осиротевшем верблюжонке. У верблюжонка убили мать, и он терпит много бед, пока не вырастает большим и сильным. Сказка повествует о силе природы и о простых людях, знающих цену добру и злу...

Мудрые сказки доброй Дары, поэзия древних легенд, что пели улигершины, самобытное творчество народных умельцев, упорный труд скотоводов и землепашцев, кузнецов и плотников, суровая и прекрасная природа Оронгойской долины — все это воспитывало в Галдане любовь к родному краю, к родному народу. А чем больше любишь, тем больше хочется познать то, что любишь.

... В далекий Оронгой пришли Советы, а с ними — новая жизнь. У людей появились новые интересы. Бесконечно раздвинулись горизонты, каждый стремился узнать о жизни в Большом мире. Ленхобо Гармаевич жалел только об одном: что годы его уходят и ему не придется как следует увидеть новую жизнь — ту жизнь, о которой

мечтал веками трудовой люд, за которую бились с темными силами Зла герои народных сказаний. Теперь старику хотелось украсить своими умелыми руками не дацан или церковь, не избу богатея, а народный дом, избу-читальню, школу...

Ленхобо Гармаевич понял, что прошло время тайн — от кого прятать теперь свои секреты? Старик решился — конечно, после долгих раздумий и внутренней борьбы — на шаг, о котором раньше не мог и помыслить. Буда Гармаев и Гунтуб Эрдынеев вместе с Галданом отправились к тем священным скалам, что издревле держались под запретом. Старики растолковывали юноше значение таинственных знаков. Галдан слушал их размеренную неторопливую речь, и перед ним вставали яркие, полуфантастические картины прошлого...

Галдан подробно записал все услышанное от стариков. Записывая, он думал над каждым толкованием. Многие казалось ему верным, но со многим не могла согласиться его молодость, не принимающая на веру готовые истины, тем более рожденные религиозными представлениями. Юноша нетерпеливо искал ответы. Но ответ пришел спустя годы, когда Галдан постепенно из простого собирателя превратился в исследователя.

... Галдан Ленхобоевич показывает нам стопу толстых тетрадей — свод многочисленных записей на монгольском, бурятском и русском языках, альбомы зарисовок и фотографий. За этими десятками и сотнями страниц — годы пытливых наблюдений и сопоставлений, предположений и выводов. Открывая тетрадь или альбом, он рассказывает о походах к седой древности родной Бурят-Монголии.

— Как отпуск, всегда уезжаю в горы или степь, — говорит Галдан Ленхобоевич. — Посчастливилось мне бывать в экспедициях с Алексеем Павловичем Окладниковым. Удивительный человек, скажу я вам, отзывчивое сердце! Поездка с ним — что твой институт.

И Ленхобоев с увлечением рассказывает, как водил Окладникова по историческим местам, где были наскальные рисунки, стойбища кочевников, городища, могильники...

Ленхобоев поведал ученому все, что вобрала в себя его цепкая, пытливая память. Наивная поэзия старины звучала в рассказах следопытов. Но ученый с интересом слушал эти повествования — он умел найти в них то, что шло от реального и что — от вымысла. В долгих беседах в пути, у костра нашел Галдан Ленхобоевич ответы на многое из того, что было для него загадкой. Он узнал, например, что таинственные наскальные знаки, которые с трепетом показывали ему старики, выдавая их за знаки предков оронгойских бурят, были куда более древними — их оставили люди бронзового века... Загадочный лик древности смотрел на Ленхобоева с замшелых малиновых скал. Неведомые племена и народы проходили по горам

и долинам, строили свой очаг, сражались с хищными зверями, защищались от вражеских набегов, радовались и страдали. Как и сотни, как и тысячи лет назад, вздымаются к синему небу вечные памятники идей и верований ушедших поколений...

Горячий интерес к истории приводил Ленхобоева к встречам с археологами, этнографами, лингвистами, искусствоведами.

Пришло время, когда стали писать о нем и когда он сам стал печататься в научных изданиях.

Окладников, ученый с мировым именем, высоко оценил труды Ленхобоева. «Он ознакомил археологов с рядом открытых им ранее, неизвестных науке, интересных археологических местонахождений», — пишет профессор. Окладников говорит, что среди фольклорных записей Ленхобоева

имеется немало драгоценных мифологических преданий, которые уходят своими истоками в отдаленнейшую древность. Исключительно интересны, в частности, упоминаемые в записях древние «надписи» уйгурским шрифтом на скалах, ныне, к сожалению, уже не существующие... Совершенно неожиданными для исследователей, занятых изучением археологических памятников Бурят-Монголии, являются записанные Г. Ленхобоевым легенды о писаницах и оленных камнях.

Многое привлекает пытливого краеведа. Он записал оригинальные легенды и предания о происхождении оронгойских, селенгинских и кяхтинских бурят. В живой, занимательной форме описал свадебные обряды и игры Оронгойской долины — это повествование читается как занимательное художественное произведение.

Ленхобоева интересует, как можно использовать в наши дни наследие искусных рук бурятских умельцев. Он описал старинные национальные наряды, зарисовал более ста узлов из волоса и шерсти, шелка и кожи, описал способы шитья и вязки. Старинные наряды и вязка вполне могут послужить основой для изготовления красивой современной одежды и предметов хозяйственного обихода, так много в них выдумки, привлекательности, добротности.

Нас и сейчас поражает необычайная яркость и долговечность дацанских росписей. Ленхобоеву удалось узнать, как делались краски, и он хочет рассказать об этом нашим художникам.

Каждому народу свойственно быстро откликаться на события современности, давать меткую оценку любому явлению общественной жизни. Неистощимый кладезь народной мудрости — поговорки, пословицы, загадки. Множество старинных и современных бурятских загадок записал Галдан Ленхобоевич.

Ленхобоев умеет быть затейником — есть такие люди в народе. Устройство автомашины и сложный процесс стекольного производства он изложил для молодежи в форме забавных, остроумных загадок.

Что бы Ленхобоев ни делал — он всегда преисполнен чувства гуманности, он стремится все отдать людям. Так и с последним его замыслом — поделиться с другими своими знаниями в такой интересной и самобытной, совсем неизученной области, как бурятская народная медицина. Когда-то это была почти единственная защита бурят от страшных болезней, порой губивших целые улусы. Лечили и ламы — они и были в то время «законными» целителями. Буддийское духовенство считало, что народные лекари подрывают веру в божественное начало, и всячески их преследовало. Однако охотнее буряты лечились у своих испытанных лекарей.

Галдан сызмальства видел и принимал близко к сердцу людские страдания. Он присматривался к народным лекарям, учился находить травы и пользоваться ими. В каждом улусе были искусные костоправы, Галдан учился и у них.

Люди в белых халатах во всеоружии передовой советской медицины пришли ныне в самые глухие утолки. Навсегда изгнаны многие болезни, которые могли привести к вырождению нации. Однако и теперь находит применение в медицине многовековой опыт народного врачевания, Ленхобоев работает сейчас над обобщением своих медицинских заметок. Этим летом Галдан Ленхобоевич едет с археологической экспедицией в места, где ему не довелось еще побывать, — в Баргузин и Курумкан. Попутно он познакомится с многообразной флорой Прибайкалья и пополнит свою коллекцию лекарственных трав.

Когда-то, в дни молодости, смастерил Галдан макет завода. Он вспомнил о забытом макете сейчас, в радостные дни сорокалетия завода.

Высоко, под самым потолком, среди других забытых вещей, стоял на складе этот макет. Давняя пыль покрыла кубики приземистых, кустарного типа, корпусов.

А раньше макет-ветеран знал лучшие времена. Он бывал на выставках, новичков приводили к нему и говорили:

— Смотри. Где ты будешь работать!

Макет появился на свет давно, когда предприятие звали еще «Механлитом». Это был первый завод на берегах Селенги.

И вот старый макет сняли с запыленных полок. И все поразились, как изменился завод. Вместо нескольких небольших мастер-

ских появились обширные каменные корпуса. Не детали уже выходят из них, а машины, блестящие краской, во дворе выстроились в ряд мощные автокраны, их отправляли в разные концы страны и за границу.

Завод продолжает строиться. Оттого даже в морозные зимние дни дымят костры, разогревая промерзлую землю под фундаменты новых зданий.

Ремонтный завод стал машиностроительным, с высокой культурой труда, с передовыми традициями. На заводе «Электромашина» идет напряженная борьба за новые высоты, за будущее.

Каждое утро идет Галдан Ленхобоев на свой завод. Он знает: этот день не будет похож на вчерашний, потому что принесет новое, новое у станка и в творческой мастерской. В этом новом и есть радость Созидания, радость Труда, радость Жизни.

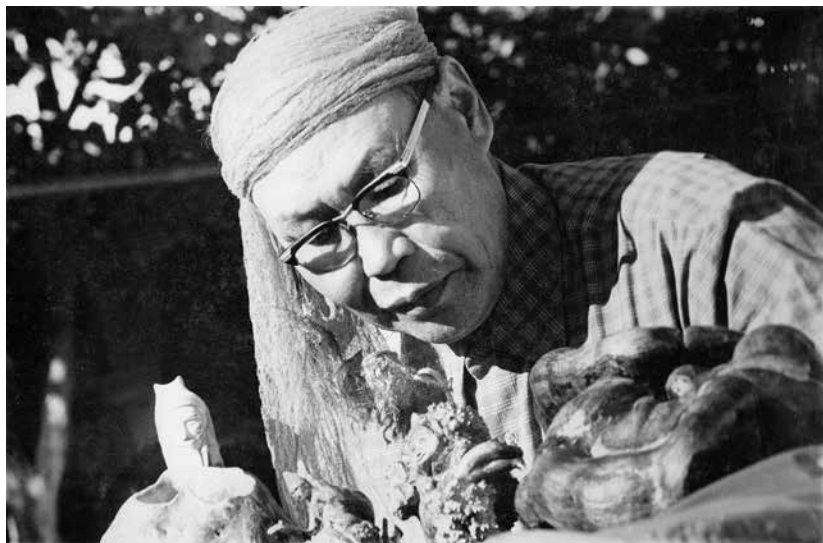
Мы рассказали, дорогой товарищ, об одном из наших современников, о простом человеке, с каким ты встречаешься, может быть, каждый день.

Нам и хотелось показать жизнь этого человека не затем, чтобы выделить его, обособить от других. Нет, не потому, а чтобы каждый из нас светлее, ярче увидел в своем современнике черты вестника будущего.

Если ты нашел что-то общее с нашим героем в себе или в своих товарищах, порадуйся, дай волю всему хорошему, пусть оно растет, ширится, как разлив внешних вод, несущих обновление всему живому.

Этому живому и жить в коммунизме!

*Г.Л. Ленхобоев за
работой над поделками.
Улан-Удэ, 1974 г.*

Перебирая книги по истории Бурятии, я наткнулся на знакомое имя. Известный археолог, знаток истории народов Сибири Алексей Павлович Окладников писал в предисловии к одной научной статье о своем неутомимом помощнике — буряте Ленхобоеве: «Он познакомил археологов с рядом открытых им, ранее неизвестных науке, интересных археологических месторождений...»

А сама эта статья была подписана... Галданом Ленхобоевым.

В тот же день я поделился своим «открытием» с редактором журнала «Байкал» Африканом Андреевичем Бальбуровым. В моих словах сквозил упрек: какие любопытные люди живут в вашей республике, а вы о них ничего не знаете. Ни слова не говоря, Бальбуров отпер сейф и достал рукопись: «История завода “Электромашина”». На рукописи стояла фамилия автора — Галдан Ленхобоев.

— Очень интересно, — сказал Бальбуров. — История родного завода, написанная рабочим. То, о чем мечтал Горький...

— Познакомьте же меня с ним! — попросил я Бальбурава.

И вот мы, минуя проходную, пересекаем заводской двор. В цехе, где работает Галдан Ленхобоевич, — гул деревообрабатывающих станков: разговаривать трудно.

Галдану Ленхобоевичу уже много за пятьдесят, но он очень подвижен, а лицо его, как у всех открытых людей, переменчиво. На нем,

как на водной глади Байкала, сразу отражается душевная погода. Я ищу в его внешности, в его лице черты исключительности, потому что, согласитесь, не каждому выпадает такое: одновременно быть незаурядным художником, отличным рабочим, ученым-краеведом, дотошным знатоком истории родного края не на уровне добросовестного любителя, а, скажем, на высоте автора научных статей. Ничего особенного. Рабочий как рабочий...

Мы договорились встретиться после смены, а пока знакомимся с заводом. На «Электромашине» утверждают, что нет такого станка, в котором Галдан Ленхобоевич не разбирался бы как специалист.

Он пришел сюда, когда завода еще, собственно, не было: вдоль берега Селенги тянулись низкие мрачные мастерские. А сегодня это крупное промышленное предприятие — большие светлые корпуса, чистый асфальтированный двор, ровный, тяжелый шум станков. И я пожелал про себя, чтобы книга об истории этого завода, написанная свидетелем и участником этой истории, скорее появилась в книжных магазинах Улан-Удэ, а может быть, Москвы и Ленинграда.

Живет Галдан Ленхобоевич на окраине Улан-Удэ, где дома взбегает на пригорок живописной толпой. Все комнаты заполнены изделиями его собственных рук. И мебель почти вся сработана им. Я уселся в диковинное кресло, положил руки на подлокотник, а из-под ладони смотрело на меня лесное зверье: персонажи волшебных бурятских сказок, жители таежных чащ и забайкальских степей... На столах — выточенные из дерева вазы. Вечернее солнце, пробившись сквозь густоту сада, посаженного добрыми руками хозяина, высвечивает живую ткань древесины.

Я пытаюсь сказать Ленхобоеву неуклюжий комплимент. Галдан Ленхобоевич отвечает мне, что он видит себя лишь скромным экскурсоводом по необъятному и бескрайнему музею, имя которому Природа.

Разговор идет о рукописи «История завода “Электромашина”».

— Эта рукопись, — и Галдан Ленхобоев кладет руку на кипу аккуратно переплетенных листов, — была написана по заказу совнархоза. Там мне сразу поставили условие: никакой лирики, побольше цифр... Поначалу я пытался точно следовать этим указаниям. Но как спрячешь за мертвыми цифрами живых людей, с которыми поднимал завод? Как не упомянуть друга, в трудную минуту поддержавшего тебя? В какие схемы и диаграммы уложишь чувства и мысли, помогавшие нам перенести трудности первых лет строительства новой Бурятии, выстоять войну?... Ведь у нашего народа раньше вовсе не было рабочего класса. Прежде лишь единицы допускались в мастерские и депо Транссибирской магистрали, и то на самую черную работу. Сколько интересного можно вспомнить!...

Он очень скромнен, этот рабочий человек. Он говорит просто, но самые обыкновенные и привычные слова в его устах обретают особую весомость, наверное, потому, что за ними стоят годы труда, раздумий, исканий.

Заметив, что я разглядываю резьбу по дереву, Галдан Ленхобоевич замечает:

— Оронгойские буряты испокон веков занимались художественной обработкой домашней утвари. В улусах Харгана, Гильбира, Верхний и Нижний Оронгой исстари жили кузнецы и кровельщики, плотники, столяры, токари и резчики по дереву. Оттуда родом был мой дед Ленхобо Гармаев, искусник и мастер на все руки, грамотей и книгопечатник. Да, да, книгопечатник, ибо грамота в среде оронгойских бурят почиталась наряду с удачью и силой, и спрос на книги был велик... Дед однажды отдал за нужную ему книгу лошадь вместе с телегой!

Одна за другой на стол ложатся книги, рукописи, принадлежащие модельщику завода «Электромашина» Галдану Ленхобоевичу, который собственными руками зачинал промышленность новой Бурятии.

Слов нет, величественен подвиг тех, кто в наши дни строит в Сибири гигантские электростанции, возводит новые города. Но пришли они сюда, прямо скажем, не на пустое место. Крепко стоят сибирские города, отстроенные в первые пятилетки, в ту пору, когда здесь действительно бродил медведь по горелому лесу и тяжело плескались в реках жирные таймени.

Верно, нынче другие масштабы. Если уж строится предприятие, то это целый комплекс, огромный комбинат, и возводится не один город, а целый промышленный район с цепью городов и рабочих поселков. Но подвиг строителей коммунизма велик не только своими сегодняшними свершениями, а и теми революционными традициями, которые живут и продолжают!

Галдан Ленхобоевич — по-настоящему редкий мастер. Но ведь рядом с ним трудятся сотни, тысячи других мастеров, руками которых держится индустриальная Сибирь. Великолепные умельцы, стойкие большевики, они отстояли революцию, создали промышленность, подняли ее до уровня современной техники. Об этой рабочей гвардии широкий читатель знает очень мало.

Какой же мерой измерить подвиг людей, всю жизнь отдавших этой земле?

Тридцать лет на одном заводе... У Галдана Ленхобоевича нет инженерного диплома, но покажите ему любой чертеж, и он прочтет его с такой же легкостью, как опытный музыкант читает ноты с листа.

Я спрашиваю Ленхобоева: что же самое замечательное было в его жизни?

— Синоптики утверждают, что много солнечных дней в нашей республике. Говорят, что-то триста дней из трехсот шестидесяти... Какой же из них ярче? Да и дождливый день по-своему хорош. Может, мое счастье в том и состоит, что я всю жизнь люблю трудиться и работаю каждый день...

... Только что прошел дождь. Он незаметно подкрался, хлынул потоком на зеленые листья сада, зашумел хлопотливо, озорно и перестал, уйдя на другой берег Селенги.

Галдан Ленхобоевич ловит ладонью вечерний луч, пробившийся сквозь мокрую листву сада, и задумчиво говорит:

— Скоро у меня отпуск.

Интересно послушать: как такой организованный человек проводит отпуск? И тут Галдан Ленхобоевич оказывается верным себе — можно подумать, что он собирается не на отдых, а в ответственную научную экспедицию.

— Поброжу по тайге, — говорит Галдан Ленхобоевич, — и корни багульника, и ильмы надо поискать, лекарственные травы...

Кстати, Галдан Ленхобоевич — большой знаток народной медицины. И не только знаток. Ему принадлежит множество поправок к своду лекарственных рецептов тибетской медицины.

... Мы ушли от гостеприимного хозяина уже поздней ночью, когда мгла окутала засыпающий город: где-то грустно звенел последний трамвай. Разноцветные огоньки, отраженные в Селенге, гасли один за другим. Перед уходом, как и полагается доброму хозяину, Галдан Ленхобоевич одарил каждого гостя подарком.

На моем письменном столе сейчас стоит деревянная скульптура. Целая живая картинка таежной жизни. На самом верху примостилась белка, а внизу, в чудовищных переплетениях корня багульника, притаились лесные зверюшки, которых и не разглядишь сразу.

Я пишу эти строки и вижу Галдана Ленхобоевича, художника, ученого, рабочего, в прибайкальской тайге. Он неторопливо идет по тропе, легко ступая по хвойному насту, нагибается к обнажившемуся корню и, откопав, кладет его в видавший виды вещевой мешок. Пройдет время, и из этого неказистого на вид нагромождения родится поэтическая лесная сказка, и Галдан Ленхобоевич подарит людям новую радость.

*«Воспоминания — это волшебные
одежды, которые от употребления
не изнашиваются»*

Р. СТИВЕНСОН

*Родные места Галдана
Ленхобоевича. Местность
Олзон за селами Хурамша,
Кокорино, Гильбира. 2012 г.*

**СПАСИБО,
Галдан!**

ПАМЯТИ МАСТЕРА

(10.09.91)

Вот таким, как на этой фотографии, сосредоточенно-деятельным запомнится тысячам людей Галдан Ленхубоевич Ленхубоев. Когда летом этого года перестало биться его сердце, из разных концов страны пришли слова скорби в адрес родных и близких Галдана Ленхубоевича. И, пожалуй, наиболее точно называли его друзья из Армении — «Варпет», «Мастер».

Мастером с большой буквы называли своего коллегу и те, кто работал вместе с Г. Ленхубоевым на заводе «Механлит» — ныне «Электромашина», которому он отдал 37 лет долго и славно прожитой жизни. Модельщик высочайшей квалификации, он стоял у истоков рождавшихся в умах конструкторов, инженеров идей, воплощал их в моделях часто меняющейся номенклатуры изделий. Мастер вносил в них свое, предлагал наиболее оптимальные варианты, вносил усовершенствования. По праву носил Галдан Ленхубоевич почетное звание «Заслуженный рационализатор РСФСР».

Родившийся 34 года назад в селе Олзон в крестьянской семье, Галдан Ленхубоевич стал одним из лучших представителей народившегося рабочего класса из коренных жителей Бурятии. Но крепкие узы связывали его с родной землей, с народными традициями, бытом, фольклором. С молоком матери впитал он в себя высокую нравственность, духовную культуру, искусство родного бурятского народа. Старомонгольской и тибетской письменности обучал юного Галдана дед по

матери Академик наук СССР Г. Н. Марчук. Но для самого Мастера были не менее ценны, чем оценка президента Академии, сотни благодарностей от тех, кого он избавил от недугов.

Целитель и ученый, поэт и художник — вот таковы наиболее яркие стороны множества ипостасей этой незаурядной личности. Его талант, самообытность, в разные годы и по разным поводам подчеркивали замечательный ученый Герой Социалистического Труда академик А. Н. Ойлатинский (Г. проводил

ученого), сестра И. РСФСР можно г. этими с. ных фак. даже не. лась, по. лько»...

Галдан. ти наро. рини Род. рия, фо. Нам, жу. эти стро. он памя. публиков. кансисх.

Памят. сны, доб. лыми, п. экзепоня. и в реес.

ПАМЯТИ МАСТЕРА

Маргарита Ломунова,
Газета «Правда Бурятии»
(Улан-Удэ, 1991)

Вот таким, как на этой фотографии, сосредоточенно-деятельным запомнится тысячам людей Галдан Ленхубоевич Ленхубоев. Когда летом этого года перестало биться его сердце, из разных концов страны пришли слова скорби в адрес родных и близких Галдана Ленхубоевича. И, пожалуй, наиболее точно называли его друзья из Армении — «Варпет», «Мастер».

Мастером с большой буквы называли своего коллегу и те, кто работал вместе с Г. Ленхубоевым на заводе «Механлит» — ныне «Электромашина», которому он отдал тридцать семь лет долго и славно прожитой жизни. Модельщик высочайшей квалификации, он стоял у истоков рождавшихся в умах конструкторов, инженеров идей, воплощал их в моделях часто меняющейся номенклатуры изделий. Мастер вносил в них свое, предлагал наиболее оптимальные варианты, вносил усовершенствования. По праву носил Галдан Ленхубоевич почетное звание «Заслуженный рационализатор РСФСР».

Родившийся восемьдесят четыре года назад в селе Олзон в крестьянской семье, Галдан Ленхубоевич стал одним из лучших представителей народившегося рабочего класса из коренных жителей Бурятии. Но крепкие узы связывали его с родной землей, с народными традициями, бытом, фольклором. С молоком матери впитал он в себя высокую нравственность, духовную культуру, искусство родного бурятского народа. Старомонгольской и тибетской грамоте обучал юного Галдана дед по материнской линии, лама-лекарь, он же передавал внуку секреты медицины, которые изучал и применял на практике до последних дней своей жизни Мастер. После выхода на пенсию Галдан Ленхубоевич работал в Бурятском институте общественных наук над переводами тибетских медицинских трактатов. Эту сторону его деятельности высоко оценил президент

Памяти мастера: [Ученый, поэт, художник Г. Ленхубоев] // Правда Бурятии. — 1991. — 10 сент. — С. 3.

Академии наук СССР Г.И. Марчук. Но для самого Мастера были не менее ценны, чем оценка президента Академии, сотни благодарностей от тех, кого он избавил от недугов.

Целитель и ученый, поэт и художник — вот таковы наиболее яркие стороны множества ипостасей этой незаурядной личности. Его талант, самобытность в разные годы и по разным поводам подчеркивали замечательный ученый Герой Социалистического Труда академик А.П. Окладников (Галдан Ленхобоевич не раз был проводником археологических экспедиций ученого), профессор Д.Д. Лубсанов, писатель Ю. Рыхэу, народный художник РСФСР Д.-Н.Д. Дугаров. Этот список можно продолжить. Вот поэтому нет под этими словами памяти Мастера конкретных фамилий. Их было бы очень много даже сейчас, когда горечь утраты сменилась, по словам поэта, осознанной болью.

Галдан Ленхобоевич останется в памяти народной своими книгами по истории родного завода, по этнографии, истории, фольклору, по сборникам стихов. Нам, журналистам, в том числе пишущим эти строки Ч. Гомбоину и Б. Жанчипову, он памятен своими статьями, стихами, публиковавшимися на страницах республиканских газет.

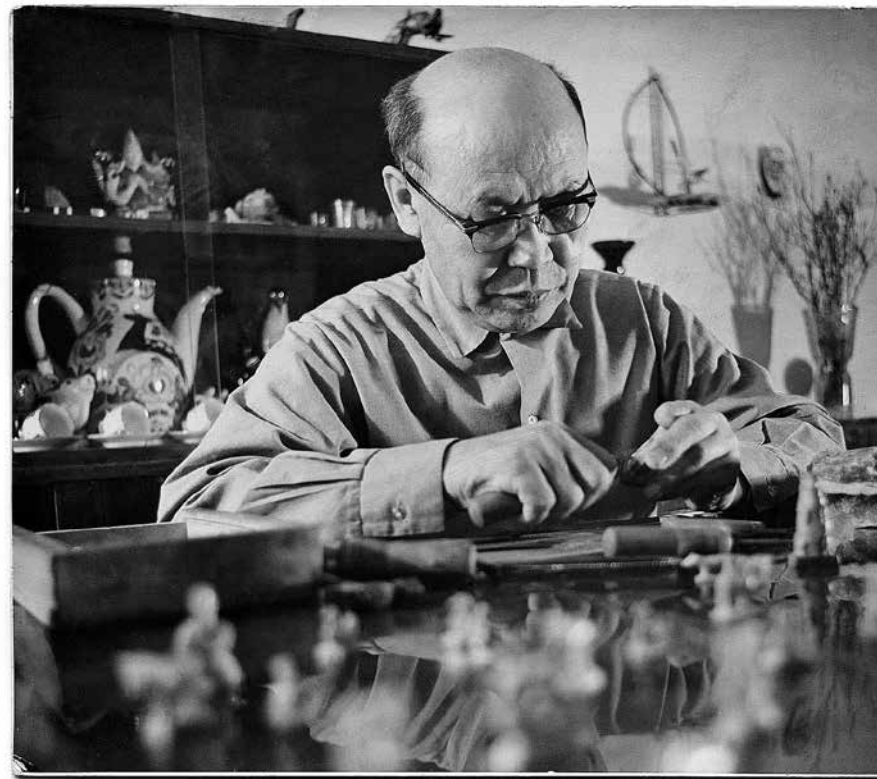
Памятен Галдан Ленхобоевич для тысяч любителей прекрасного своими изделиями прикладного искусства, которые экспонировались на десятках вернисажей и в республике, и за ее пределами. Он по праву является членом Союза художников СССР, подлинным художественным Мастером.

Г.Л. Ленхобоев награждался орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями. Но превыше всех наград Галдан Ленхобоевич ценил признание и уважение людей. И эту любовь, и признание он заслужил всей своей жизнью.

— Сперва мальчик учится лук делать, ножом работать, — сказал Галдан Ленхобоевич.

Удивительные вещи окружали нас в его доме. Нет, они не походили на музейные экспонаты — они верно служили людям. И вместе с тем были неповторимы. Не из лесной ли сказки перенеслись сюда эти кресло, табуретки, этажерки... Сколько зверья сошлось сразу! В каждом выступе притаились. Олень застыл в стремительном беге. Соболь тупую мордочку вверх тянет. А птицы всякой не счесть вовсе. На полках, в шкафах — тоже живые существа из дерева...

Среди родичей Галдана Ленхобоевича — оронгойских бурят — были и мастера, и врачеватели, и философы... С малых лет ребенка обучали всему, что знали сами... «Сперва мальчик учится лук делать. Потом игрушки режет. С семи лет учат по-настоящему. В тринадцать лет я уже по найму работал: дома отделывал, домашнюю обстановку мастерил», — рассказывал хозяин дома.

Галдан Ленхобоев — участник II декады бурятского искусства и литературы (1959, Москва), республиканских, зональных и всероссийских выставок. Его изделия из камня и дерева с успехом демонстрировались на выставках народно-прикладного искусства в Улан-Удэ, Ленинграде, Москве и украшали витрины изобразительного искусства.

Галдан Ленхобоевич Ленхобоев — известный в Бурятии человек. Рабочий-модельщик. Заслуженный рационализатор РСФСР. Орденом Трудового Красного Знамени награжден. Не раз избирали депутатом городского Совета в Улан-Удэ. Вся жизнь связана с заводом «Электромашина» — первенцем нашей индустрии. Сорок лет за одним верстаком проработал: «Мозоли выросли в мои руки прочнее, чем корни векового кедра в землю»... Очерк есть у него — «Товарищ завод» называется — летопись родного предприятия. Вместе шли, рука об руку — в годы индустриализации, Великой Отечественной, в послевоенную пору...

Уходил на пенсию—подарил заводу вазу. Из корня березы сделал. Я фотографию видела: ваза прекрасна. Круглая, как чаша. На крышке—белка, орехи грызет... А когда Монгольская Народная Республика отмечала свое пятидесятилетие, Ленхобоева попросили в подарок другу Советской страны тоже вазу сделать. Из корня ильма вырезал ее, отделал чеканкой, костью...

Разное, говорит, дерево идет в дело. Корень багульника—тот сам фигурный, причудливый. У ильма—корневище сильное... Не сразу мастер возьмет в руки нож. До того сушить дерево надо, варить иногда. Зато прочным будет, трещин не даст.

«Работы его понять нетрудно, они просты и доверчивы, словно сама природа». Это—из посвященной Галдану Ленхобоеву лады «Короткий сон» Виктора Гончарова.

А как не сказать о вырезанных им из камня фигурках людей, животных! Руки и глаза—главные инструменты. Его шахматы—настоящие произведения искусства. В трех экземплярах их создал. Один хранится в Москве, в Институте восточных культур. Другой—в музее Улан-Удэ. Третий—себе оставил. Фигуры—животные, что обитают в его краю. А король, королева? Не в своем ли улусе встречал он эту простую женщину! В халате длинном, волосы в косички заплетены... Все из камня агальмотелита. Хороший камень, вязкий. Красный—бурятский, серый—тувинский. Однако не лежит рядом с домом. Далеко ехать надо, землю копать, достать, потом тащить на своих плечах в рюкзаке. Комары дорогой съедят... А часы, проведенные за работой, какой же художник считает. На пенсию вышел—и двадцать часов просидит—не заметит...

Сказать, что Галдан Ленхобоев—прекрасный скульптор,—еще ничего не сказать о Галдане Ленхобоеве. Кто из бурятской детворы не знает его книжку «Загадки». Сам собирал—придумал. Мои друзья бурятские поэты перевели мне некоторые главы—просто и увлекательно даются детям знания о зверях и птицах, о машинах. И поэма у него есть—«Слава рекам»—взволнованный рассказ о больших и малых речках, которыми богата его сторона. Для каждой—свои слова нашел. Знает, откуда имя ее пришло...

Всего за несколько дней, как я пришла к Ленхобоеву, он вернулся с экспедиции по горному Алтаю. Вместе с учеными Сибирского отделения Академии наук обследовал неизвестные ранее лечебные источники—аршаны. «Семь хороших источников обнаружили»,—рассказывал. Около двадцати лет он ходил по таежным дебрям вместе с академиком А. П. Окладниковым, не только был его проводником—сам помогал расшифровывать древние наскальные рисунки. Известный ученый посвятил Ленхобоеву главу в одной из своих книг и назвал ее «Мой друг Галдан».

Спокойствием от него веет... Что ж, мудрость всегда несуетна. Многое Ленхобоеву ведомо. Тысячелетний опыт древней культуры впитали его родичи—оронгойские буряты. В семье знали монгольскую грамоту. В юрте его матери бережно хранилась старинная книга. Обернутая в кусок желтого шелка, она благоухала запахом альпийских трав, сандалового дерева. Нет, не молитвы были в той книге, не заклęcia против злых сил. «Юм»—«Что?» она называлась. Здесь были ответы на вопросы о начале и причине вещей, об устройстве Вселенной и смысле жизни... «Перед нами как раз и лежал один из образцов философской литературы Востока, целая философская энциклопедия, составленная много веков назад»,—вспоминал Окладников.

... Листаю статью Г. Л. Ленхобоева, опубликованную Сибирским отделением Академии наук, о легендах и преданиях своего края, связанных с каменными статуями, наскальными рисунками. Ученые под его руководством повторили легендарные маршруты его предков, повстречали древние памятники, о которых рассказывали легенды... А вот другая его научная работа: «Узлы, швы и плетения у бурят»...

На одной из полок в доме Галдана Ленхобоевича примостилась деревянная фигурка охотника. К ремню лиса приторочена, в руке—рыбина. В другой—сеть, сейчас накроет ею пару куропаток. А за спиной—мешок с целебными травами. Не себя ли изобразил мастер? Травы и сейчас собирает. Оронгойские буряты хорошо знали тибетскую медицину. Об основах ее, о пульсовой диагностике работы есть у Ленхобоева... Словом, как написал Виктор Гончаров,—«знает он леса и горы, озера и реки»... И далее:

*Умеет особый,
лечебный чай заварить,
Умеет составить лекарство,—
которому цены нет.
... Хозяин своего края,
Живая карта—все знает.*

Галдан Ленхобоевич прилетел в Москву в костюме с полным набором государственных наград за работу на заводе. Орден и медали должны были служить ему защитой на случай обвинения в незаконности лечебной деятельности. Улан-Удэ, 1960-е гг.

СЛОВО О ВЕЛИКОМ ЛЕКАРЕ

*Борис Камов
(Москва, 2014)*

ЗНАКОМСТВО

Погибал девятилетний сын. У него была тяжелейшая форма пиелонефрита. Медики — вплоть до действительных членов Академии наук СССР — неторопливо и подробно объясняли, чего нужно ожидать в обозримое время.

Ситуация всполошила все наше с женой окружение. Друзья без всяких просьб привозили из командировок редчайшее по тем временам мумиё, продукты пчеловодства, травяные сборы, настойки на самогоне от безвестных лекарей. Часть этих снадобий, безусловно, обладала целебными свойствами. Но, во-первых, мы все тогда были поголовно безграмотны в народной медицине. Во-вторых, привезенные дары не имели внятных рекомендаций о составе, предназначении, дозировках.

Однажды позвонил наш друг писатель Лев Эммануилович Разгон. Это был редчайшей мудрости и доброты человек, который провел семнадцать лет на лесоповале в сталинских лагерях. Сейчас многим известна его книга «Непридуманное». Она считается выдающимся произведением мемуарной литературы.

— Боря, — сказал мне Лев Эммануилович, — приехал народный лекарь Ленхобоев из Бурятии. Он лечит порошками из трав, которые сам собирает. К нему рвется половина Союза писателей и полностью Большой театр. Я случайно узнал номер телефона той квартиры, где он остановился — запиши. Там же он и принимает.

Я записал, не зная, что с этим номером делать. Везти сына к нему на прием, даже если позовет, было невозможно. Мальчишка уже долгое время не вставал с постели. Пригласить лекаря домой, когда к нему рвалась половина болеющей Москвы, — подобная мысль выглядела полной фантастикой.

Об этом я сказал Разгону.

— Если ты до Ленхобоева дозвонишься, — ответил он, — ты должен успеть произнести два главных слова: «Болен ребенок». Когда звонят по поводу детей, он никогда ни в чем не отказывает.

Я дозвонился. Ленхобоев взял трубку. Наш разговор состоял из четырех слов. Я сказал: «Болен сын». Он ответил: «Продиктуйте адрес» и передал трубку женщине, которая исполняла обязанности секретаря.

Галдан Ленхобоевич в столичную пургу, когда снегом заносило все дороги, приехал на такси в тот час, который он сам назначил.

Это было его первое посещение нашего дома, где он потом много раз бывал. Полностью нашего сына Галдан Ленхобоевич не вылечил. Форма заболевания после двух скарлатин подряд была крайне тяжелой. Но заслуга Ленхобоева состояла в том, что он остановил распад пораженных почек, на что, главным образом, и ссылались врачи. Попросту говоря, Ленхобоев продлил ему дни.

Я воспользовался подаренным временем и ринулся в изучение народной медицины в разных ее направлениях. За сравнительно короткий срок я нашел способы и средства прочно поставить ребенка на ноги. Я уложился в отведенный срок. Сын с той поры больше не болел, а моя судьба сделала резкий поворот. Я стал целителем.

Что-то я вобрал из опыта Галдана Ленхобоевича, что-то из йоги и древнеславянской, величайшей, но малоизвестной врачебной науки. При этом у меня до сих пор сохранилось убеждение, что я долгие годы шел параллельным путем с Галданом Ленхобоевичем.

История о том, как молодой журналист, учитель по образованию, превратился еще и в народного целителя, подробно рассказана мной в книге «Реальность чуда»¹. А Галдан Ленхобоевич навсегда стал для нашей семьи близким человеком. Мы дружили с ним более десяти лет. Дальше судьба увела нас в разные стороны. Но мы в семье считаем огромным счастьем, что он присутствовал в нашей жизни.

ЛЕНХОБОВЕЧ ДОМА

Несколько месяцев после нашего знакомства Сережа глотал порошки. Но тут произошли два опасных события почти сразу. У сына без видимых внешних причин ухудшились анализы. А в Улан-Удэ, как нам стало известно, ухудшились отношения Ленхобоева с местным начальством. Это вызвало серьезную тревогу у многих сотен столичных пациентов.

Я незадолго до этого опубликовал в «Литературной газете» целую полосу, посвященную оздоровительным возможностям индийской системы йог. Она тоже находилась под молчаливым запретом. Все книги по йоге были изъяты из публичных библиотек. В Москве их можно было получить по специальному разрешению только в «Ленинке»¹. Страница в «Литературной газете» состояла из семи интервью выдающихся медиков Советского Союза. Шестеро из них во главе с академиком П. К. Анохиным высказались за использование йоги в целях укрепления и восстановления здоровья. Подборка интервью стала сенсационной.

Я предложил редакции подготовить нечто подобное о тибетской медицине. Примером ее полезности должна была служить деятельность Ленхобоева.

«Если появится статья о нем в столичной газете, — говорил я, — бурятское начальство, возможно, станет к нему доброжелательнее».

Редакция согласилась. Мне быстро подготовили документы. Я прилетел в Улан-Удэ и целых две недели провел рядом с Галданом Ленхобоевичем. В этой моей поездке было много загадочного. И первая загадка состояла в том, что за все дни, проведенные в столице Бурятии, у великого лекаря почти не было посетителей, словно кто-то их придерживал, чтобы пациенты не мешали нашему общению.

Я расспрашивал его об особенностях тибетской медицины. В послесталинскую эпоху мы оставались невеждами поневоле. Из естественнонаучных трудов мы лучше всего знали брошюру-сказку Энгельса о превращении обезьяны в человека.

Ленхобоев много и охотно о своей науке рассказывал. Меня интересовали примеры из его врачебной практики. Он вспоминал разные случаи, которые производили на меня сильное впечатление. Диктофон все записывал.

В быту Галдан Ленхобоевич был необыкновенно скромен. К столу трижды в день подавалась на наших глазах приготовленная лапша с мелко порезанной бараниной десятиминутной варки. В обед он наливал себе и предлагал всем присутствующим маленькую стопку водки. Говорил, что в разумных дозах водка необыкновенно полезна в отличие от виноградных вин и в особенности от коньяка. Эти напитки, просвещал он меня, засоряют кровь. А правильно очищенная водка сгорает в организме бесследно.

Рецепт супа с бараниной я привез в Москву. Этим блюдом мы с женой, Эллой Гдальевой, потом часто потчевали гостей. Самую большую кастрюлю, какая имела в нашем доме, гости опустошали до дна, хотя на столе было много другого.

¹ Камов Борис. Реальность чуда. Записки целителя. М., Захаров. 2003 г.

¹ «Ленинкой» в обиходе называли Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина — главную в стране.

До сих пор лапша с бараниной быстрой варки присутствует в нашей семье под названием «Галдановский суп». Под этим именем я включил рецепт супа и в мою новую книгу «Я—детский целитель», которую сейчас заканчиваю.

Только дважды Ленхобоев нарушил скромность повседневной еды: в день моего приезда и вечером накануне отлета. Стол буквально ломился: он был уставлен блюдами и выпечкой только бурятской кухни.

Крошечный кабинет Галдана Ленхобоевича приятно поражал аккуратностью. Нигде не было ни одного случайного предмета. Менялись только стопки книг на маленьком столе. Вероятно, когда я поздно вечером уходил в гостиницу, хозяин еще работал. А вставал он в пять утра.

Первое, что делал Ленхобоев после пробуждения,— открывал входную дверь. С этого часа к нему без звонка мог войти любой человек, который нуждался в помощи.

Библиотека Ленхобоева влекла экзотичностью книг на разных языках. Помню, я обратил внимание на диковинное издание. Книга имела форму альбома для рисования, только меньшего размера. Текст был напечатан на бумаге такой тонкости и одновременно прочности, какой я нигде больше не встречал. Обложка состояла из двух дощечек, прошитых шелковым шнуром.

— Этой книге две тысячи лет,— сказал Галдан Ленхобоевич. Заметив сомнение на моем лице, он добавил.— Сейчас я вам покажу.

Он стал листать страницы. Содержание книги составляли по преимуществу рисунки растений и животных. Текста было совсем мало. Ленхобоев остановился на изображении рогатой змеи.

— Это практический справочник по лекарственному сырью,— пояснил он.— Когда-то в рецепты включали порошок из рогатой змеи. Посмотрите энциклопедию: там написано, что рогатые змеи перевелись две тысячи лет назад. Значит, книга была написана, когда они еще ползали по земле.

В этом тесном, но очень уютном кабинетике мы провели с Галданом Ленхобоевичем десятки часов. Утро начиналось с вопросов, которые я готовил в гостинице. Галдан Ленхобоевич, не обижаясь на меня за мою наивность, а иногда и невежество, подробно все объяснял, попутно что-либо демонстрируя.

Я тогда еще не занимался целительством, но изучал йогу и пробовал свои силы по преимуществу в энерголечении.

В Москве я пытался помочь, если у кого-то болела голова или зуб. Тогда не приходило на ум, что мои расспросы и ответы моего собеседника, записанные на пленку, со временем окажутся краткосрочными курсами, введением в восточную медицину и многое изменят в моей судьбе.

Еще мне в моем лекарском развитии помогли потом те счастливые случаи, когда мы подружились, и я иногда видел Ленхобоева в работе.

И хотя йоготерапия была параллельной областью восточной медицины (кстати, более легкой для самостоятельного изучения), в обоих направлениях древней оздоровительной науки обнаружилось много общего.

ЧТО УМЕЛ ЛЕНХОБОВ

В Москве с середины 1960-х годов и до кончины Галдана Ленхобоевича в 1984 году существовала неформальная община «галдановцев». Это были его пациенты или родственники пациентов, которые держались друг за дружку вот по какой причине.

Великий лекарь, которому большинство членов содружества было обязано спасением от смерти или просто выздоровлением, жил, как известно, в Бурятии. А эти пациенты— в Москве. Когда Ленхобоев приезжал в столицу, он привозил, вероятно, пуды своих порошков. После его отъезда они почему-то кончались. И тогда был запущен уникальнейший конвейер.

Кто-то из галдановцев летел в Улан-Удэ, получал у Ленхобоева необходимую лично ему консультацию и увозил груз. Он состоял из многих десятков аккуратно запакованных бандеролей с надписанными фамилиями и телефонами. В Москве курьер обзванивал всех, кому привез бандероль. В назначенный день получатели собирались в квартире когда-то известного драматурга Константина Тренева на улице Горького (ныне Тверская), рядом с главпочтамтом.

Квартира была большая, полученная в подарок от Сталина за некогда знаменитую пьесу «Любовь Яровая». В ней молодая женщина отказывалась от мужа во имя революции.

Люди собирались не только для того, чтобы получить пакет с порошками, но и для того, чтобы услышать, как поживает Ленхобоев, когда планирует приехать. Но, помимо этого, публика собиралась еще и для обмена сведениями, кто как поправляется на галдановских порошках. За бандеролями часто приходили с детьми.

Однажды я заметил мальчонку лет пяти, максимум шести. На нем была аккуратно сшитая военная форма. На шее— деревянный автомат. Но выглядел он странно— довольно высокий для своих пяти-шести лет и худой настолько, что под гимнастеркой проступали ключицы. В лице ни кровинки, словно его ни разу в жизни не выпускали на солнце.

— Как поживаешь, солдат? — спросил я его, протягивая руку. Он ее пожал.

— Хорошо.

— Что ты называешь «хорошо»?

— Я долго валялся в постели. Теперь хожу.

— Ты чувствуешь себя здоровым?

— Еще нет.

— Почему?

— Играть в войну я уже могу. А драться — еще нет.

В тот день в квартире Тренева был и Ленхобоев. Мальчишку привели ему показать после проведенного лечения. Я спросил у Галдана Ленхобоевича: «Что за мальчик? Чем он болен?»

— Потом, — ответил Галдан Ленхобоевич. — Сейчас некогда.

Когда публика разошлась, Ленхобоев рассказал:

— Этот мальчик умирал. У него перестали расти почки. Другие органы продолжали расти. А почки нет.

— Почему они остановились?

— У него оказалась холодная кровь. Не хватало теплых элементов.

— Как маленький ребенок мог их растерять?

— Он их не терял. Забирали родители.

— Каким образом?

— Им обоим не хватало своей энергии. Он поэтому и родился слабым. А мать (конечно, не зная об этом) забирала часть энергии у сына.

— Как такое может быть?! — я слышал о такого рода «хищениях» впервые.

— Чаше, чем вы думаете. Доктора вообще не имеют понятия о теплых и холодных элементах. Они поэтому не видят, если человеку их недостает. А это похоже на то, как если б у человека с рождения было мало крови. Называется такое перекачивание «материнский вампиризм». Или «вампиризм семейный».

— Как же вампиризм лечится? Можно ли от него избавиться? Может ли человек от вампира защититься?

— Существует много способов защиты. Но этого мало. Человек, который пострадал, должен уметь украденный запас восстанавливать. Это отдельный разговор. Я лечил мальчика и одновременно лечил родителей. Отцу и матери я все объяснил. Иначе они потеряли бы парнишку. Мать, выслушав меня, упала в обморок. Когда я привел родителей в мало-мальский порядок, — стал оживать мальчик.

— Чем же вы всех троих лечили?

— Порошками. И диетой. Прежде всего десятиминутной бараниной, какую мы едим с вами каждый день.

Прошло несколько лет. Продолжая заниматься журналистикой, написав несколько книг, я всерьез занялся целительством. Это

не была тибетская медицина. Она для меня оказалась неподъемной. Я довольно глубоко погрузился в йоготерапию, но все виды восточной медицины близки между собой, потому что основываются на энергетической теории.

Однажды мой друг, известный в ту пору публицист Игорь Михайлович Ачильдиев, пожаловался, что у его соседей большое несчастье. Погибает сын Олег. Слабеет без видимых причин. Но главное — его тошнит после каждой еды. Печень у него в порядке. Кишечник тоже. Врачи разводят руками.

Я ответил: «Пусть родители приведут ребенка ко мне. Я догадываюсь, что там может быть».

— Не приведут, — ответил Ачильдиев, — они врачи. Кандидаты наук.

Олега привезла бабушка. С помощью «третьего глаза» подтвердилось мое предположение, что у мальчика отстают в развитии почки. Но порошков Ленхобоева у меня не было. Просить их прислать было делом бесполезным. Без собственного диагноза Галдан Ленхобоевич порошки никому не раздавал.

Я решил восполнить хронический энергодифицит у Олега экстра-сенсорной «подкачкой». Во время сеансов я накладывал свои ладони на зону его почек. Мальчик ожил. Почки набрали положенный им вес и объем. Олег закончил школу. Сильно вырос — под два метра. Стал врачом.

Еще один случай. Где-то на окраине Улан-Удэ парень лет шестнадцати ехал на телеге, стоя в полный рост. Телегу трянуло. Наездник слетел и плашмя, животом, ударился о землю. Не знаю, кто его подобрал. Привезли в больницу. На теле — ни царапины. Внутренние органы целы. Кровоизлияния в полость живота нет. А парень угасает. Послали машину за Ленхобоевым. Он отказался ехать.

— Почему? — изумился посланец. — Парнишка погибает.

— Обком партии мне запретил. Сказали: «Будешь лечить — посадим. Диплома врача у тебя нет».

— Что же делать?! — работник больницы был в отчаянии.

— Пусть главный врач пришлет мне бумагу с печатью, что больной умирает.

Привезли бумагу. Ленхобоев поехал. Пощупал пульс. Постоял возле постели. Лицо парня порозовело, и он спокойно уснул. Галдан Ленхобоевич на той же «Волге» вернулся домой. Парня через три-четыре дня выписали.

Я спросил Ленхобоева, что с мальчишкой случилось: ведь не было никаких травм. На этот раз он почему-то не захотел мне объяснять. Вероятно, я пытался проникнуть в зону производственных секретов. Я вежливо настаивал. Галдан Ленхобоевич сдался:

- У него в печени был порван нерв. Такое рентген не мог увидеть.
- Что же вы сделали, стоя у постели?
- Ничего. Я только соединил концы.
- Как?! Вы же к нему не прикасались?!

Галдан Ленхобоевич относился ко мне очень хорошо. С полным доверием. Я был понимающим собеседником, но в этом пункте нашей беседы он снова не пожелал говорить. Я продолжал ждать, не задавая других вопросов.

— Я велел этим двум концам соединиться, — признался Ленхобоевич. — Они соединились и срослись.

В Москве я пересказал эти и другие истории жене. Мы оба вспомнили Григория Распутина. В начале XX века в Петербурге умирал цесаревич Алексей. Врачи объявили родителям, что жить ему осталось несколько часов. Но царица не поверила, что надежд больше нет. Она тайно вызвала Распутина, которому придворные врачи запретили даже подходить к наследнику царского престола.

Григорий Ефимович приехал, постоял сколько-то времени возле умирающего ребенка. Цесаревич, который еще недавно метался от боли, при Распутине спокойно уснул. А когда пробудился, стал просить есть...

Шли годы. Я все чаще помогал людям в качестве целителя. Однажды произошло вот что. В Прибалтику, на курорт, уехал мой приятель, писатель-фронтовик. Он был существенно старше меня. И вдруг звонок его жены Майи:

— Боря, у Яши открылась язва. Его срочно прооперировали. С язвой теперь все в порядке.

— Рад, что все прошло благополучно.

— Подожди, не спеши. Когда они закончили все дела, связанные с язвой, и собрались зашивать разрез, хирург нечаянно задел скальпелем поджелудочную железу. Она стала сочиться. Хирурги понадеялись, что она сама зарастет. Но железа не зарастает. Шов не закрывается. Яша круглые сутки лежит на мокрой клеенке.

— Майя, но Яша в больнице. Рядом хирурги. Я — в Москве и хирургией вообще не занимаюсь.

— Но они не знают, что делать...

На другой день Майя позвонила снова:

— Боря, сделайте что-нибудь. Хирурги собираются делать вторую операцию. Но Яша ее не выдержит. Не тот возраст.

— Маечка, но я ума не приложу...

Рядом стояла жена Элла Гдальевна. Она заведовала биохимической лабораторией кафедры хирургии Второго медицинского института имени Сеченова. Она слышала весь разговор. Я еще держал в руке трубку, а Элла Гдальевна мне настойчиво повторяла:

— Сделай, как Галдан с тем мальчиком, который упал с телеги.

— Ты смеешься, — ответил я ей, — кто такой Галдан и кто в народной медицине я?

— Все равно. Попробуй, — велела она.

— Хорошо. Попробую, — сказал я Майе в трубку.

Я ушел к себе в кабинет. Провел сеанс медитации. Я представил поджелудочную железу с узким разрезом, дал команду краям срастись и представил, как это должно произойти.

Вечером позвонила плачущая Майя:

— Поджелудочная перестала сочиться.

Я в своей целительской практике повторил все случаи, о которых мне рассказывал Галдан Ленхобоевич. Это удалось благодаря магнитофонным записям, сделанным мной — журналистом. Сегодня я понимаю: если бы я жил с Ленхобоевым рядом, если бы последние годы мы встречались с ним не за вечерним столом, а за столом рабочим, я мог бы записать сотни похожих историй, которые подавались повторению.

В одном официальном письме, которое публикуется в этом же одноместнике, великий лекарь пишет, что у него было несколько тысяч пациентов. На самом деле их насчитывалось много больше. Ленхобоев нарочно занижал эти цифры, чтобы не раздражать начальство. Чем большему количеству больных он помогал, тем чиновники больше на него злились.

Галдан Ленхобоевич владел искусством диагностики. В том числе опережающей. Он видел не только то, что происходило в организме пациента сию минуту, но нередко и то, что могло или должно было произойти. Я испытал это на себе.

В ту пору я отличался отменным здоровьем. На эту мою особенность обращали внимание все медики, с которыми я имел дело. И здесь нет никакого парадокса. Все, кто состоял в Союзе писателей СССР, обязаны были проходить ежегодную диспансеризацию, которая иногда занимала дня два. Показатели моих анализов, замеров, прослушиваний всегда были очень хорошими.

Однажды, когда Ленхобоев был у нас дома, я решил немного схулиганить. Я попросил его продиагностировать меня, не объясняя, зачем мне это нужно. Он с вежливой готовностью наложил пальцы на мое запястье. Я ожидал, что Ленхобоев присоединится к восторгам литфондовских врачей (которые считались одними из лучших в Москве: им у нас значительно больше платили). Вместо восторгов я услышал:

— Камов, печень плохая.

Я опешил. Я только в детстве однажды болел корью и всего лишь несколько раз простужался. Больше со мной ничего не случилось.

Я смущенно отошел в сторону. Я просто не поверил Галдану Ленхобоевичу, с которым давно общался и счастливых пациентов которого много раз видел.

Прошло года два — я впервые в жизни почувствовал, что у меня имеется печень. И она мною сильно недовольна.

Тогда я догадался почему. В 1970-е годы я много ездил по стране в командировки. Это были годы повального увлечения водкой. Куда бы я ни прилетал, я слышал одно и то же: «Если вы с нами не выпьете — никакого разговора не будет». А пить полагалось не из стопочек-рюмочек — из легендарных граненых стаканов. По преимуществу — до дна.

И еще один случай, который остается для меня загадкой до сих пор. У меня есть двоюродный брат, теперь — выдающийся терапевт. Попастъ на прием к нему — такой же подарок судьбы, как в свое время к Ленхобоеву. У брата была жена. В прошлом она работала в школе. Позднее стала доктором наук, автором методик и книг по педагогике. Назову ее Галей.

Когда Галдан Ленхобоевич только появился в Москве, Галя, почетательница всего модного, заявила, что ей нужно попасть к тибетскому медику. Брат ухмыльнулся, но помог. Целых две минуты Галя излагала жалобы. Лекарь ее прервал (за дверью стояла длинная очередь), послушал пульс и сказал:

— Вы — здоровая. А неприятные ощущения в спине от того несчастного случая, когда вас сбила с ног машина и потом еще волокла по дороге.

Галя возмутилась. Вскочила. Кокетливо встала вполборота (это она умела) и не без сарказма спросила:

— Я похожа на женщину, которую раздавил и потом волок по асфальту грузовик?!

Галя оскорбленно хлопнула дверью и ушла. А по дороге ей пришлось на память, как она выходила однажды со двора школы. Ее ударил крылом грузовик, а кузов зацепил за разрез на спине пальто и волок, пока шоферу не начали кричать пешеходы.

Под колеса Галя не попала, но сильный удар и страх пережила. Сама она про несчастный случай забыла, но организм об ударе и стрессе продолжал помнить. И Ленхобоев по току крови в ее сосудах прочитал, что однажды произошло у ворот школы.

БУРЯТСКИЙ ОБКОМ КПСС — РЕГИСТРАТУРА ЛЕКАРЯ ЛЕНХОБОВЕВА

Бурятский обком партии считал Галдана Ленхобоевича собственностью своего учреждения. История такой приватизации могла бы стать основой детективного или даже уголовного романа.

Многие годы Ленхобоев был известен в Бурятии как передовой труженик литейного производства, рационализатор и изобретатель, награжденный орденом Трудового Красного Знамени. Изобретения приносили немалую прибыль производству.

Когда Ленхобоев вышел на пенсию и неожиданно для всех занялся лечением, многие, в том числе в обкоме, смотрели на это как на забаву. Люди часто, выйдя на «заслуженный отдых», начинали промышлять охотой, увлекаться рыболовством, предавались чудачествам. Окружающие считали, что и Ленхобоев нашел для себя от скуки непривычное, но безобидное занятие. Пусть.

Но поток людей, которые нуждались в помощи, нарастал. В местном мвд и кгб без труда подсчитали, что в отдельные дни к лекарю приходит и приезжает из отдаленных местностей более четырехсот человек. Ленхобоев всех принимал. Ни один посетитель не уходил от него обиженным.

Такая немыслимая для евромедика производительность труда оказалась возможна благодаря уникальной технологии. Пульсовая диагностика продолжалась от десяти секунд до одной минуты. Я сам это наблюдал, и Ленхобоев несколько раз слушал мой собственный пульс.

Когда лекарю становилось понятно, какие проблемы у посетителя, — пациент получал порошки, которые шли под номерами. Порошки были ручного приготовления. Они требовали огромного, кропотливого труда по собиранию или приобретению растительного сырья, его сушке, измельчению, дозировке и упаковке в самодельные фантики из чистой бумаги. Дозировки были одноразовыми. Только на этой стадии лекарственного производства Галдану Ленхобоевичу кто-нибудь помогал. Ведь порошки изготавливались тысячами. Все остальное он делал сам.

Ленхобоев рассказывал, какую жесткую проверку ему устраивали зарубежные торговцы лекарственным сырьем. Он приезжал в Китай или в Монголию. Приходил в такую лавку, перечислял, что ему нужно или выкладывал на прилавок список.

Торговец, благодаря за приход и непрерывно кланяясь, уходил в кладовку и приносил образец. Обычно это было старое, пересохшее растение, которое никуда не годилось. Ленхобоев, не говоря ху-

дого слова, его отодвигал. Торговец изображал смущение и приносил другой образец: уже на что-то пригодный, но все равно низкого качества.

Только после того, как Ленхобоев давал понять, что ему снова попытаются всучить дрянной товар, продавец приносил нужный образец. Хозяин лавки уже не кланялся, не делал заискивающих движений. Лицо его становилось спокойным и выражало уважение.

Наплыв людей серьезно встревожил руководство Бурятии. Прием посетителей был запрещен без объяснения причин и обещаний когда-нибудь разрешить снова. Но запреты стали вызывать возмущение жителей края.

Люди приезжали издалека. Ленхобоев вынужден был им говорить, что лечить ему запрещено под угрозой ареста, что его могут обвинить в организации недозволенного промысла.

Когда поток пациентов, желающих попасть к лекарю, заметно уменьшался, Галдану Ленхобоевичу давали понять, что он может снова понемногу принимать людей. Но возле его дома не было столпотворения. Количество посетителей от него не зависело. Ленхобоев никого к себе не приглашал. Не давал никаких объявлений. Возобновив прием, он жил в постоянном напряжении, что в любой момент прибежит гонец из обкома с новым запретом. Ситуация резко поменялась после одного случая.

Первый секретарь обкома приехал в Москву в Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза. Там он узнал, что куратор Бурятии, непосредственный начальник над ней, тяжело болен. Врачи подозревают, что он уже не выживет.

Каждый куратор много значил для финансирования, обеспечения строительными материалами, станками, для определения годовых планов, короче, для судьбы региона. Расстроенный секретарь обкома сказал:

— У нас в Улан-Удэ есть народный лекарь. В детстве его учили тибетской медицине. Он может делать порошки. Многим они помогают.

— Помогают?! Как его можно привезти в Москву?!

Секретарь обкома позвонил своему заместителю. За Ленхобоевым без предупреждения приехала машина. Ничего не объясняя встревоженному лекарю, ему дали четверть часа на сборы: «Только не забудьте порошки!» Доставили на аэродром и посадили в самолет. Вызов считался секретным.

В Москве его прямо на летном поле ждала другая автомашина. Ленхобоева доставили в центр столицы. Только здесь объяснили, что его ждут в главной кремлевской лечебнице. От ее ворот до стен самого Кремля по прямой было меньше пятидесяти метров.

В палате Ленхобоев подержал в своих руках запястье главного московского начальника над Бурятией. Посоветовал врачам, которые набились в одноместную палату, не откладывая, помыть больного горячей водой (чего они очень давно не делали!). Затем распорядился поменять меню — перевел пациента с жиденькой каши на бурятский стол с бараниной. И, разумеется, подобрал порошки.

На другой день умирающий куратор стал оживать. Вскоре он вернулся в кабинет на Старой площади. Новость взволновала партийный аппарат. Еще больше медицинское руководство страны. Было решено приглашать лекаря в Москву, если понадобится. Но о самом Ленхобоеве никто не подумал. Никакой даже временной должности самостоятельному лекарю без образования, недавнему модельщику литейного цеха, никто давать не собирался. Платить — тоже. Договорились, что вызовы Ленхобоеву в Москву будут направлять в обком, который берется отвечать за своевременные прилеты лекаря.

Невиданная обязанность резко повысила авторитет Бурятского обкома в ряду других территорий Советского Союза. Полагаю, что Улан-Удэ получил за счет такой партийной нагрузки немало материальных преимуществ.

Осуществлялась миссия следующим образом. Прямым начальником над Ленхобоевым в Улан-Удэ поставили заведующего отделом науки. Тот заведующий, которого я застал, был откровенным невежей, о чем я еще расскажу.

Когда поступал запрос из Москвы, заведующий бежал к Ленхобоеву, показывал телеграмму на красном бланке с грифом «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ». Телеграмма должна была произвести впечатление на лекаря. Одновременно посыльный убеждался, что Ленхобоев жив-здоров и полученные сведения ему понятны. Через час приходила машина, везла его в аэропорт. Посыльный каждый раз должен был лично убедиться, что лекарь в самолет сел, а машина поднялась в воздух. После этого по вч шло сообщение в цк.

Обком оплачивал перелеты. Деньги для проживания в гостиницах Ленхобоев не брал — останавливался в домах пациентов, которые были счастливы поселить его у себя. И еще ему полагались суточные, в Советском Союзе одинаковые для всех, — два рубля шестьдесят копеек.

В Москве, а тем более в Улан-Удэ, считалось, что труд пенсионера, который совершает многочасовые перелеты и производит спасательно-оздоровительные работы, непосильные для самой обеспеченной профессуры, оплачивается по достоинству. «Каждому по труду». Ведь Ленхобоеву оказывалась большая честь.

А дальше стал совершаться наглый беспредел. Весь обком, все городское начальство лечилось у Ленхобоева со своими женами,

братьями, сестрами, тещами и выводками детей. И коль скоро разговор у нас откровенный, то скажу: никто из обкомовцев ни разу ему не заплатил и не предложил ни копейки, хотя бы за лекарства. А ведь большое количество лекарственного сырья Ленхобоев покупал в Монголии и в Китае.

Дальше. Если люди приезжали в Ленхобоеву самотеком, если прием больных в этот момент не был запрещен, то никаких разрешений постучаться в квартиру к Ленхобоеву не требовалось. Но если какое-либо иногороднее учреждение желало цивилизованно организовать консультацию для своего сотрудника или группы сотрудников, осуществить это можно было только через обком партии... только с его разрешения.

Я уже писал в своей книге, что стал свидетелем совершенно подлой сцены. К Ленхобоеву ворвался его куратор и надсмотрщик, заведующий отделом науки. В руках у него была телеграмма от первого секретаря Союза композиторов СССР, выдающегося композитора Тихона Николаевича Хренникова. Тихон Николаевич просил обком организовать консультацию у Ленхобоева. В срочной помощи нуждался Дмитрий Дмитриевич Шостакович, который давно тяжело болел.

— Хорошо. Пусть едет, — ответил Ленхобоев.

— Как «пусть едет»?! — возмутился куратор. — Мы уже ответили, что ты не можешь его принять. Ты очень занят.

Я отвел этого невежественного негодяя в сторону: в доме было десятка два гостей.

— Вы знаете, кто такой Шостакович? — спросил я его. Куратор произносил его фамилию по складам, заглядывая в телеграмму. — Это величайший композитор. Как Чайковский. Вы слышали о Чайковском?

— Да. У него есть музыка про какое-то озеро.

— Почему же вы не разрешили Шостаковичу приехать?

— А вдруг бы он от порошков Галдана умер? Ведь Герой труда.

— Но вы же от его порошков еще не умерли? Я помню: прошлый раз вы пришли за ними опять, потому что порошки у вас кончились. Почему же от них должен умереть Шостакович?

После ухода гостей Ленхобоев, тоже расстроенный историей с телеграммой, спросил меня, кто такой Шостакович. Я объяснил более подробно, чем этому олуху.

— А какая у него болезнь?

Я не знал, но вот что я сумел рассказать. Как раз этим же летом я попал на неповторимый концерт в Московской консерватории. Новые романсы Шостаковича исполняла Галина Вишневская под аккомпанемент Ростроповича. В гостевой ложе Большого зала

концерт слушал Александр Солженицын, который в это время жил у Ростроповича на даче. Галина Вишневская со сцены кидала ему букеты, которые подносили ей. А когда потрясающий концерт закончился, публика стала требовать на сцену автора. И вышел Шостакович.

Я за свою жизнь видел его несколько раз. Когда он появился под оглушительные овации перед публикой после исполнения романсов, сразу было заметно, что он отчаянно болен. Спина его была прямой, как у солдата времен Николая Первого на параде. В ответ на аплодисменты композитор хотел поклониться, но сделать это ему не удавалось. И он только слегка наклонялся вперед всем телом. Возникало впечатление, что у Дмитрия Дмитриевича окостеневает позвоночник¹.

— Вы бы могли Шостаковичу помочь? — спросил я Ленхобоева.

— Только по вашему рассказу я окончательно судить не могу. Но, скорей всего, я бы ему помог.

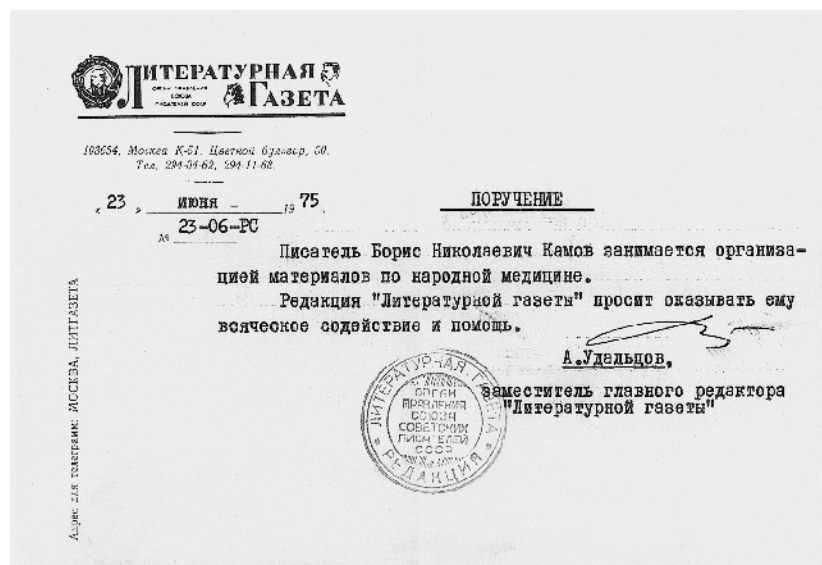
Тогда же Галдан Ленхобоевич мне сообщил, что скоро в Улан-Удэ придут та же Вишневская с Ростроповичем. Только они писем в обком посылать не стали. Чтобы попасть на прием к Ленхобоеву, оба великих артиста организовали... гастроли по Бурятии.

Вскоре после истории с телеграммой Шостакович скончался. А я много раз потом думал: если бы этот «куратор» из обкома не ответил отказом на письмо Хренникова, если б Ленхобоеву удалось композитору помочь — сколько бы Дмитрий Дмитриевич еще прожил? И, возможно, создал новых произведений...

* * *

Хочу рассказать еще об одном необычном эпизоде, связанном с моим пребыванием в Улан-Удэ. Вскоре после приезда меня принял секретарь обкома, который отвечал за науку. Это был сумрачный, полный мужчина лет сорока пяти. Он выглядел физически сильным, но производил впечатление нездорового человека.

1 Позднее выяснилось, что я в своем диагнозе ошибся лишь частично. У Шостаковича отмирал не позвоночник — отмирали мышцы. Происходила их атрофия, которая создавала паралич и приводила к смерти. Думаю, что Дмитрий Дмитриевич был как раз тем больным, помочь которому могла только восточная медицина, включая йогу. Современные врачи утверждают, что причиной этого заболевания (называется оно сокращенно БАС) служит нарушение клеточного питания. Я полагаю, что в первую очередь, было нарушено питание энергетическое. То самое, которого не хватало мальчику с автоматом и моему пациенту Олегу. «Куратор» из обкома, безусловно, сократил дни великого композитора.

После обмена любезностями (я все-таки был представителем Москвы) собеседник спросил, что меня привело в Бурятию. Я ответил, что москвичей тревожит судьба Ленхобоева.

В дома огромного количества жителей столицы Галдан Ленхобоевич принес здоровье, радость, покой, уверенность в благополучии. И мы бы все хотели, чтобы и его жизнь, и работа оказались более легкими.

— Поэтому, — продолжал я, — мне поручено спросить у руководителей республики: что в работе Ленхобоева вызывает недовольство? Чем мы могли бы помочь вам и ему, чтобы ликвидировать постоянную напряженность.

Собеседник ответил:

— К нему каждый день приезжают толпы. Бывает по двести-триста человек.

— Но Ленхобоев не виноват. Приезжают больные. Причем эти люди сначала обращались к врачам и облегчения не получили.

— Да, но он же берет деньги.

— Он обязан брать деньги. Так положено по законам восточной медицины. Считается, что вместе с деньгами лекарь уносит болезнь. И второе: он берет очень мало. Когда у меня погибал сын и мне удалось пригласить Ленхобоева к себе домой, он в пургу проехал почти через всю Москву, а взял за визит всего пять рублей. Думаю, он больше заплатил таксисту.

Если это главный пункт разногласий, — продолжал я, — то помогите ему открыть центр. Посадите туда кассиршу. Пусть она собирает деньги, а вы будете Ленхобоеву выдавать зарплату. Я полагаю, он согласится. Он устал работать в одиночку.

Мало того, к вам начнут прилетать пациенты из других стран. Вы станете получать валюту. На лечении заграничных туристов всегда расцветали и продолжают расцветать города. Сейчас, например, сотни тысяч людей едут лечиться на Филиппины. Уже не один город, а целая страна имеет на этом несколько миллиардов долларов год. Не говоря уже о том, что остаются в живых дети и возвращаются к труду работоспособные люди.

— Нам это не нужно, — небрежно ответил мне собеседник. — Мы получаем деньги из бюджета. Нам этого хватает.

Я не захотел с ним спорить. Не стал ему рассказывать, что летел в Бурятию на самолете ил-18, который приписан к аэропорту Улан-Удэ. В салоне практически не работал кондиционер. В многочасовом полете была невыносимая духота. Нескольким пожилым людям на высоте стало плохо. Стюардессы разносили капли и таблетки. Я тоже в свои тридцать с чем-то лет с трудом перенес нехватку кислорода, точно мы оказались в затонувшей подводной лодке.

В аэропорту я пошел искать начальство. Кого-то нашел. Выложил на стол свои мандаты. Спросил, как они могут отпускать в рейс машину, в которой нечем дышать. Начальник ответил:

— Нет денег на ремонт.

Когда я вернулся домой и написал статью «Искатель рецептов», она была одобрена редакцией. Оставалось только запустить ее в набор. Но это оказалось невозможно. Требовалось получить согласие обкома, а он разрешения не дал. Статья впервые появляется на свет в этом одностомнике, посвященном Ленхобоеву, сорок лет спустя. Как, вероятно, заметил или еще заметит читатель, в ней не было ничего обличительного или скандального. Она была спокойно-информационной. Почему же статью зарубили?

Бурятский обком не желал никакой огласки, распространения сведений о деятельности великого лекаря. Партийные боссы не желали, чтобы в Улан-Удэ двинулись толпы людей, которые надеялись стать здоровыми. Большинству из них, кроме Ленхобоева, рассчитывать больше было не на кого.

Для приема паломников нужно было, чтобы Ленхобоев имел хоть какое-нибудь помещение для приема посетителей, отдельно — для производства лекарств. Требовалось соорудить хотя бы крошечную аптеку для продажи спасительных средств.

Дальше. Лекарствам требовалась фирменная упаковка, а не четвертушки писчей бумаги с надписями от руки. Наконец, город должен был построить хотя бы еще одну гостиницу со столовой (о ресторане уже никто не говорил). Иными словами, от местного руководства требовалась не Бог весть какая организационно-созидательная работа.

Но никто из тех партийных деятелей, с которыми я общался, не желал этого делать. Каждого из них вполне устраивало, что они лечатся у Галдана Ленхобоевича сами и лечат свою родню. Эти бюджетососальщики довольствовались функциями: «держат и не пущать». Здоровье и судьба других «строителей коммунизма» их не заботили.

ОДИН НА ОДИН С МЕСТНОЙ НАУКОЙ

Как известно, в Улан-Удэ был открыт Бурятский научно-исследовательский институт тибетской медицины. Галдан Ленхобоевич ждал этого события с нетерпением. Он полагал, что возникновение такого учреждения снимет все запреты с тибетской медицины. Хотя бы в пределах Бурятии. И еще он надеялся, что станет одним из сотрудников хотя бы и на самой маленькой должности. Ему было важно получить официальный статус медика восточной школы и перестать быть кустарем-одиночкой. Мизерность зарплаты его не смущала. Он не стремился к большим заработкам.

Москва, которая много лет приглашала его на консультации в Кремлевскую больницу, беззастенчиво пользовалась его услугами, никакого официального статуса ему не дала. Для входа в Кремлевку ему выписывали разовый пропуск или пропуск на несколько дней.

Но все надежды рухнули. Передо мной копии двух удостоверений. В одном говорилось, что Ленхобоев командирован «для изыскания лекарственных трав и их заготовки». В другом заявлялось, что Галдан Ленхобоевич «является штатным сотрудником...» некоего учреждения и что он «участвует в изучении флоры и фауны (растительного и животного мира)».

Первый мандат Ленхобоев получил, когда работал в лесхозе под Улан-Удэ. Второй ему выдали в Бурятском научно-исследовательском институте, который являлся филиалом Сибирского отделения Академии наук СССР. В лесхозе и в академическом институте великому лекарю, которому в Москве доверяли лечение ведущих военных и государственных деятелей, подобрали одинаковое занятие: искать и заготавливать лекарственное сырье... Ни на что иное ученые мужи и не менее ученые дамы не сочли Ленхобоева пригодным.

Формальным поводом в отказе послужило то обстоятельство, что у Галдана Ленхобоевича не было никакого документа о медицинском образовании. Второй причиной явилось то, что Ленхобоев и сотрудники института не нашли общего языка. У них не совпадали информационные источники.

Ленхобоев ссылаясь на древние тексты, фундаментальные труды, известные ему с детства, и те, которые он читал в буквальном смысле на разных языках в последующие сорок лет. Его собеседники и оппоненты в ранге ученых о большинстве из этих работ не имели ни малейшего представления.

Но главное заключалось в том, что институт был призван заниматься вопросами оздоровления и поисками лечебных средств. И никто, кроме Ленхобоева, не обладал такой массой уже готовых, апробированных сведений, рецептов и способов восстановления здоровья.

Я не говорю уже о том, что никто не обладал и способностью к безошибочной диагностике, умением получать информацию о больном, считывая кончиками пальцев сведения, поставляемые пульсирующей кровью. Рядом с великим лекарем эти фигуры с врачебными и другими дипломами чувствовали себя голыми королями и пляжно одетыми королевами.

Если бы руководителями Бурятского института назначили людей, которые действительно хотели бы запустить в повседневную практику древние лекарства, возобновить их применение, то первым предметом изучения должен был стать сам Ленхобоев.

Его техника диагностики. Его многочисленные наблюдения за действиями тех или иных лекарств. Его самые тяжелые случаи, когда удавалось вернуть к жизни людей, которых уже перевели в палату для умирающих.

После великой (и погубленной!) династии Бадмаевых, о которой существует большая литература, Ленхобоев оставался самым крупным представителем тибетской медицины в Советской России второй половины XX века.

* * *

Считаю своим долгом поведать об уникальном способе использования опыта Галдана Ленхобоевича в качестве сотрудника института.

Не знаю, как называлась должность Ленхобоева в бумагах отдела кадров. Но круглый год собирать в тайге листики и корешки было невозможно: холодно и мешал снег. А деньги все равно до весны платить приходилось, то руководство института перевело Ленхобоева в... завхозы. Об этом я узнал в очередной его прилет в столицу.

— Галдан Ленхобоевич, — спросил я его за ужином у нас дома, — зачем вы согласились на эту должность? Вам что жить не на что?

Он сердито (впервые за все годы!) ответил:

— Зачем согласился?! Чтобы ездить в Москву. Несколько раз в аэропорту мне отказались продать билеты. Обком не хотел, чтобы я ездил. А теперь я могу ездить в командировки. Например, нашему директору стали нужны новые унитазы. Заграничные. Чтоб не стыдно было перед иностранцами, когда они пойдут в уборную. И вот я сижу за столом у вас.

* * *

Он был очень одинок в этом мире, несмотря на множество знакомств. В нашей квартире на проспекте Мира ему было уютно. Жена, покойная Элла Гдальевна, относилась к нему с большой нежностью. Оно готовила к его приходу те блюда, которые ему нравились. Ухаживала за ним за столом, негромко рассказывала, кто из наших знакомых чем занимается, если мы кого-то приглашали. Он, случалась, еще из аэропорта звонил нам:

— Камов, — говорил он в трубку, — Камов, я только что прилетел. Я хочу вечером у вас ужинать.

Мы, бывало, звали много народу — моих друзей, журналистов, и коллег жены — хирургов. Публика была совсем иной, чем та, с которой Ленхобоев чаще всего имел дело. И она ему нравилась. Было оживленно и весело. Народ собирался по преимуществу молодой — до сорока лет. И потом аура здоровых, успешных людей иная, чем у больных.

Ленхобоев оживал. С него слетала хмурость, он переставал быть неразговорчивым. Лицо его постоянно улыбалось. Он часто смеялся высоким, заливистым смехом. Но за столом в большой комнате существовал один запрет: «Ни слова о болезнях!»

ЛЕНХОБОЕВА НЕТ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Практическую тибетскую медицину в новой России теперь представляют по преимуществу иностранцы. Вероятно, это квалифицированные медики, но я не слышал об их работе ни одного восторженного слова из тех, что мне доводилось слышать о Ленхобоеве. Между тем триста лет назад на территории Бурятии существовала своя тибетская медицина с лекарями и преподавателями высочайшего уровня. Они получали признание зарубежных коллег.

Сегодняшняя ситуация в этой области на территории той же Бурятии выглядит нелепой. Имеется научное учреждение, которое изучает теорию. Предполагаю, что там же исследуются лечебные средства, их исцеляющие свойства, что, разумеется, хорошо.

Но при этом не существует ни одного учебного заведения, которое готовило бы практиков — врачей тибетской школы, пригодных к профессионально-грамотному применению изучаемых средств.

Ситуация сравнима с тем, как если бы Россия продолжала ежегодно выпускать сотни тысяч замечательных автомашин, но закрыла бы все школы для подготовки водителей.

Без пульсовой диагностики, основы этой великой науки, рецепты не работают. Или работают очень слабо. Я лично познакомился с двумя глубоко драматичными историями.

Когда в 1950-х годах я учился в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена (теперь это университет), я познакомился со старшекурсником Борисом Гусевым. Общение наше было поверхностным. Потом мы потеряли друг друга. Но когда я стал знакомиться с историей тибетской медицины в России, мне стало известно, что Борис Сергеевич Гусев, выпускник нашего института, бывший фронтовик, а ныне известный писатель, — родной и единственный внук Петра Александровича Бадмаева. Гусеву (из всех былых богатств) достался по наследству от матери очень большой архив знаменитейшего лекаря.

После опубликования в газете «Совершенно секретно» моего очерка «Тайны тибетских лам» Гусев позвонил мне. Жил он в Москве. Я пригласил его в гости. Мы провели несколько замечательных вечеров.

Гусев поведал, с каким трудом ему удалось опубликовать главную часть наследия деда. Это был перевод — *пересказ* величайшего труда по древней врачебной науке «Чжуд-ши». Оригинал величайшего лечебника создан в поэтической форме. Она была специально изобретена авторами учебника, чтобы легче было шифровать самую сокровенную информацию, понятную только посвященным.

А Петр Александрович Бадмаев на великолепном русском языке создал свой вариант, адресованный в буквальном смысле народу. Его вариант «Чжуд-ши» содержал расшифровку многих рецептов, которые считались величайшей тайной на протяжении столетий.

Но другая часть архива, которой Бадмаев пользовался в своей практике, которая хранила его врачебный опыт за несколько десятилетий (а через кабинет Петра Александровича прошли сотни именитейших пациентов), — это информационное богатство осталось без всякого оздоровительного применения, не принесло пользы ни одному тяжелому больному.

Ощущая свой возраст, Борис Сергеевич передал часть бумаг своей дочери. Как многие девушки, она вышла замуж за иностранца, уехала в чужую страну и увезла с собой отцовско-дедовский подарок. В тех бумагах содержался, в частности, универсальный рецепт против рака. Копию рецепта Гусев себе не оставил. Почему — объяснять он не стал.

Расскажу еще один случай, который свидетельствует о том, что в жизни не бывает ничего случайного.

Приехав из Москвы в тогдашний Ленинград, я был приглашен на конференцию в Институт мозга человека Академии наук СССР, которым руководила Н. П. Бехтерева. Там я познакомился с Кириллом Николаевичем Бадмаевым — радиологом, доктором наук, сыном Николая Николаевича Бадмаева. Мы мгновенно сдружились. Кирилл Николаевич пригласил меня к себе домой. Это была квартира его отца, где Николай Николаевича и арестовали.

Наше общение протекало в таком темпе, что Кирилл Николаевич в знак очень большого доверия пригласил меня участвовать в нешуточном проекте — написании книги о семье Бадмаевых. К величайшему сожалению, проект не состоялся. Кирилл Николаевич поведал мне о тайном механизме величайшей трагедии, которая произошла в этих стенах.

Отцу после звонка из столицы разрешили открыть кабинет тибетской медицины в единственной платной поликлинике Ленинграда. Поликлиника находилась в Максимилиановском переулке, который был известен каждому жителю города. Скорая помощь тогда была налажена очень плохо. Телефонов в большинстве квартир не было. Такси нужно было ловить на улице. Если человеку дома становилось плохо, он шел или ехал на трамвае в Максимилиановский, известный всему городу. Врачи там трудились квалифицированные, а зарплаты по довоенным временам — внушительные.

Коллеги по Максимилиановке не на шутку испугались, что Бадмаев составит им большую конкуренцию. И они начнут терять в работах.

По этому поводу спешно Большой дом на Литейном проспекте, где находилось главное управление НКВД, был направлен коллективный донос. Клеветническое послание содержало все, что было нужно, чтобы человека забрали и увезли. Но бумага содержала рекомендацию — условие.

Сообщалось, что огромную ценность «для строительства коммунизма» представляют документы Бадмаева, особенно его рецепты. Доносчики просили, чтобы, арестовав Николая Николаевича, сотрудники не тронули его архив, оставили в покое его семью. Цель была такая: три сына Бадмаева закончат медицинский институт и продолжат дело отца, большого специалиста по древней медицине, который, надо же такому случиться, оказался «врагом народа».

Вопреки существовавшей практике, у семьи не отобрали отдельную квартиру; чекисты не унесли ни одной бумажки; сыновей не исключили из комсомола, не отчислили из института. Все трое получили врачебные дипломы. Один из сыновей (имя его, к сожалению, не помню) стал крупным военным медиком. Про Кирилла Николаевича я уже рассказывал. А третий брат, Андрей Николаевич, терапевт, решил, оставаясь врачом европейской школы, продолжить дело отца.

Он подробно изучил (насколько смог!) архив. Многое понял. Занялся изготовлением лекарств. Начал потихоньку лечить, пользуясь отцовскими записями. Когда я об этом узнал, я чуть не подпрыгнул. Дома, в Москве, в тот момент тяжело болела жена. Ленхобоев находился в Улан-Удэ. Везти туда жену в самолете, в котором не работал кондиционер, я не мог. Я попросил Кирилла Николаевича познакомить меня с братом.

Андрей Николаевич оказался необыкновенно приветливым человеком. Он тут же пригласил жену и меня к себе на консультацию. Я вызвал жену из Москвы. Андрей Николаевич нас принял. Он долго осматривал Эллу Гдальевну, внимательно прочитал привезенные анализы. Потом снабдил нас порошками собственного изготовления, никаких денег ни за что не взял.

Жена аккуратно пропила все порошки, было их немало. В ее состоянии ничего не изменилось. Могущественные лекарственные средства, назначенные без пульсовой диагностики, попросту не работали.

Ни один из потомков великих лекарей, не владея этим инструментом, не стал полноценным лекарем древней школы.

Современная евромедицина за последние десятилетия сделала много больших открытий. Она спасла от гибели и пожизненных увечий сотни миллионов людей. Но у древних медиков и теперешних врачей разный взгляд на человеческий организм. Разное видение происходящих в нем процессов.

Какая медицина лучше? Сравнивать сейчас не берусь. Могут только привести один факт: в США, полностью обеспеченных новейшим диагностическим оборудованием и лечебными средствами, ежегодно умирают сотни тысяч пациентов, *которые получали правильно прописанные лекарства*. Объяснение здесь относительно простое.

Дорогостоящие услуги американских врачей базируются на абсолютном доверии к диагностической автоматике. А практика, в том числе ритуальная, показывает: умному роботу во многих случаях бывает далеко до уровня мудрости практикующего врача с большим стажем. Вот почему в практике лекаря тибетской школы массовая гибель больных по вине этого лекаря невозможна.

Имея за плечами полувековой опыт целителя, в том числе опыт работы в клиниках Москвы, хочу сказать: многие больные лучше переносят и воспринимают средства народной медицины, чем продукцию химфарминдустрии. Объяснение предельно простое: *древняя медицина стремится пробудить защитные силы самого организма. Современная врачебная наука старается их заменить*.

То и другое имеет право на существование и применение. Но выбор способа лечения, на которое отзовется организм, зависит от запаса защитных сил.

Лекарь тибетской школы определяет объем запаса в первые три-пять секунд. Евромедик не знает, что это такое. Его не учили сто лет назад. Не учат и сегодня. И он начинает вводить антибиотики один за другим. Я называю такой способ исцеления «шрапнельным методом» в надежде: «что-нибудь да попадет». Вот почему так важно, чтобы каждый потенциальный или реальный больной имел выбор.

Возвращаясь к главной теме нашего разговора, хочу сказать: больше нельзя терпеть ситуацию, созданную эпохой развитого идиотизма. Бурятия должна снова и уже навсегда вернуть себе звание и положение столицы восточной медицины на территории России. Для этого имеются два пути.

Путь первый. Отобрать группу молодых выпускников-медиков и послать их учиться языку и лечебному делу хотя бы в соседнюю Монголию. Вариант сравнительно дешевый и быстрый, но он не обещает возникновения собственной врачебной школы.

Сегодняшний читатель не знает, когда Мао Цзэдун впервые прилетел в Советский Союз, ему нечем было платить за материальную помощь, оказанную Китаю. И он предложил Сталину начать платить... обучением советских врачей китайской медицине.

Диверсантами в этой истории оказались чиновники из Министерства здравоохранения СССР. Они испугались сравнения возможностей наших врачей с китайскими.

В министерстве решили ограничиться обучением иглоукалыванию. Из Китая вернулась замечательная группа специалистов, но обучать других наших врачей они не могли. В результате у нас до сих пор нет полноценной школы акупунктуры.

Поэтому главная задача в деле обучения отечественных тибетских медиков — создание собственного учебно-практического центра. Преподавать в нем на первых порах должны первоклассные преподаватели из-за рубежа.

Меня могут спросить:

— В монастыри на обучение врачебной науке брали мальчиков в возрасте пяти лет. Как быть теперь?

У меня есть два ответа.

Первый ответ: когда Петр Александрович Бадмаев надеялся открыть школу тибетской медицины в Петербурге, он просил выделить ему для обучения молодых выпускников Военно-хирургической академии, которую закончил сам.

Когда полвека спустя Галдан Ленхобоевич Ленхобоев добивался в ЦК партии разрешения на открытие собственной школы, он тоже просил ему дать для дополнительного образования молодых врачей.

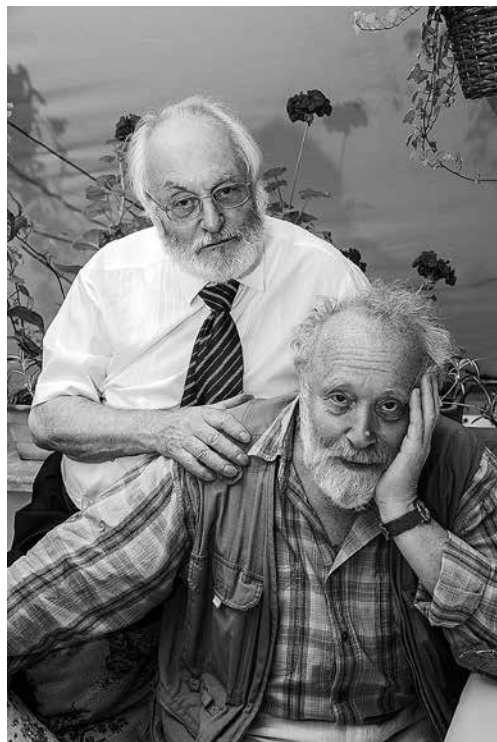
Это значит, что Бадмаев и Ленхобоев, независимо друг от друга, считали, что имеются возможности обучения пульсовой диагностики не только в раннем детстве, но и в возрасте 18–22 лет.

Второй мой ответ. Мы сегодня обучаем наших детей и внуков языкам, рисованию, музыке, фигурному катанию, шахматам, математике с 4–6 лет. Что, в принципе, мешает начать в том же возрасте обучение пульсовой диагностике в будущем центре? Качество обучения будет на первых порах ниже, чем в монастырских школах. Но «начинается река, как известно, с ручейка»...

Хочу верить, что в недалеком будущем мечты отечественных великих лекарей о создании школ тибетской медицины в России сбываются.

*Галдан Ленхобоев
и Нима Жамбалдагбаев.
Всестороннее
обследование методом
пульсовой диагностики
продолжалось, как
правило, не более
одной минуты.
Улан-Удэ, 1980-е гг.*

*Борис Камов в день
своего 80-летия
с другом, художником
и кинорежиссером
Юрием Норштейном.
Москва, 5 августа
2012 г.*

ОБ АВТОРЕ:

Родился в 1932 году в Ленинграде. Тимуровец блокады.

По образованию педагог, преподаватель русского языка и литературы. По роду деятельности — публицист, специалист по журналистским расследованиям. Литературовед, главный биограф А. П. Гайдара.

Член Союза писателей Москвы и Союза журналистов РФ.

За книгу «Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. Спецрасследование» удостоен главной журналистской премии Артема Боровика.

В качестве народного целителя разработал оригинальные методы безлекарственного излечения ряда хронических заболеваний у детей и взрослых. «Метод Б. Н. Камова по сопроводительному лечению онкологических больных» официально признан ведущими онкологами. Применялся почти десять лет в ряде столичных клиник. Среди них — Российский онкологический научный центр им. Н. Н. Блохина (детское отделение).

Разработчик теперь известного фиточая «Чай Б. Н. Камова» № 1–7. Рецептура семи чаев разной направленности удостоена золотой и серебряной медалей.

Член-корреспондент Академии технологических наук России (по отделению «Здоровьесберегающие технологии»).

АВТОР КНИГ:

1. *Камов Б.Н.* Реальность чуда. Записки целителя. М., Захаров, 2003.
2. *Камов Б.Н.* Как стать женщиной. Как остаться мужчиной. Пособие по половому воспитанию детей и оздоровлению половой системы мужчин и женщин. М., Прометей. 1995.
(Второе издание этой книги вышло в 1998 г. под названием «Благословляю Вас на счастье»).
3. *Камов Б.Н.* Ненависть к народной медицине. Как она искалечила судьбу России. Исследование по истории народной медицины в России / Советском Союзе. (Готовится к печати).
4. *Камов Б.Н.* Я — детский целитель. Лечебник в форме воспоминаний (рукопись).

Галдан Ленхобоев в улусе
Олзон, конец 1930-х гг.

ВОСПОМИНАНИЯ О ГАЛДАНЕ ЛЕНХОБОЕВЕ

СЭРЖЭМА
ГАЛДАНОВНА
ЛЕНХОБОЕВА,
дочь:

— Для моего отца главным делом всегда была работа. Он любил работать и все время работал. Всю жизнь по гудку завода, который был слышен и на нашей улице, он пешком шел в гору на завод, целый день там работал и обратно возвращался домой.

Он вообще собирался работать до 60 лет, так как не знал тонкостей трудового законодательства. Одна знакомая специалист-кадровик ему объяснила, что он может уйти на пенсию раньше. В 58 лет вышел на пенсию, хотя мог выйти и в 55 лет, так как у него было 37 лет непрерывного стажа на одном месте.

Рано вставал — с гимном Советского Союза. Тогда радио ночью не работало, и он с вечера оставлял радиоприемник включенным на полную громкость, и все утром в 6:00 буквально сваливались с кроватей от гимна «Союз нерушимый республик свободных...». Выйдя на пенсию, продолжал также просыпаться под гимн СССР. Гости из Москвы, которые останавливались у нас, искренне удивлялись, зачем пенсионеру так рано вставать. А спать ложился довольно поздно, в 23:00, иногда в 24:00.

Отдыхать в обычном понимании отец не слишком любил, то есть в театры, кино и так далее не ходил. В кино был несколько раз. Самый важный киносеанс был после войны, когда папу познакомили с его будущей женой Мэдэгмой Жимбиевной. Это был узбекский фильм «Тахир и Зухра» 1945 года. После этого фильма они поженились. Был еще раз на фильме «Фантомас».

*Г. Ленхобоев за рулем
ныне уже раритетного
автомобиля, конец 1940-х гг.*

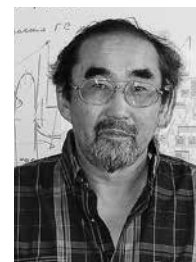

*Г.Л. Ленхобоев на немецком
мотоцикле «Зундап»
с охотничьим ружьем.
1950-е гг.*

Когда папа вышел на пенсию, у него появилось свободное время, и он решил заняться тем, чем хотел. В его роду были эмчи-ламы. Занятие медициной его действительно увлекло. Зимой занимался переводами, писал свои литературные труды, печатал на печатной машинке материалы в трех экземплярах. Летом травы собирал, сушил, молот, принимал пациентов. С весны до осени ездили за лекарствами. Осенью — за различными плодами. Лекарственное сырье собирали в основном в радиусе 60–100 километров от города, выбирались в Иволгинский, Заиграевский районы. Иногда и в другие места по основным республиканским трактам, в том числе и на Байкал. Но за редким сырьем ездил папа и далеко в Среднюю Азию. Был в Узбекистане один раз. Собирал там в пустыне «ферулу вонючую» и другие эндемики Средней Азии.

У нас были разные транспортные средства. В 1950-е годы папа купил у ветерана-фронтовика трофейный немецкий мотоцикл с коляской марки «Зундап». На нем много ездил, и сохранилось много фотографий на этом мотоцикле. Потом в 1960-х годах купил подержанный «Москвич-412». В 1970-е купил новые белые «Жигули» первой модели итальянской сборки «Фиат». В 1985 году приобрел новый ваз-2106 бежевого цвета. На всех этих машинах ездили за сырьем. Папа ремонтировал их сам. Во-первых, потому что все умел, а, во-вторых, тогда не было СТО.

Мой отец был великим тружеником, который всю свою жизнь посвятил людям.

*НИМА ЦЫРЕНОВИЧ ЖАМБАЛДАГБАЕВ,
кандидат философских наук, старший научный
сотрудник ИЦиГ СО РАН (Институт цитологии
и генетики, Новосибирск):*

— Познакомились мы в 1977 году, теплым январским вечером, полным снега и слякоти, когда я вместе с Лидией Дашиевной, тогда еще будущей супругой, студенткой пятого курса факультета журналистики МГУ, встречал его в московском аэропорту Домодедово. Лидия Дашиевна, будучи родственницей, хорошо знала Галдана Ленхобоевича с детства. К нам вышел пожилой мужчина довольно крепкого телосложения, среднего роста, в очках, внимательно, но ненавязчиво посмотрев на меня, обратился к Лиде. Здесь и со-

стоялось наше знакомство. Он тихим, чуть глуховатым голосом задал мне стандартные для бурят вопросы — типа откуда и чем занимаюсь и, получив ответы, занялся своим багажом, который состоял из всего-то одного рюкзака. Это был, как выяснилось позже, один из многочисленных приездов Галдана Ленхобоевича в Москву, где его ждали сотни и тысячи больных, жаждущих встречи с ним по поводу консультаций и лечения.

За время пребывания его в Москве мы неоднократно встречались с ним, иногда беседовали на ту или иную тему, как правило, так или иначе связанной с бурятами, и более того, мне удалось поприсутствовать несколько раз на приемах больных, чему я был чрезмерно рад. А для Лидии Дашиевны все это было делом знакомым, обыденным, поскольку она помогала Галдану Ленхобоевичу с подросткового возраста. И здесь передо мной предстал весьма уравновешенный и спокойный человек с очень широким кругом интересов — от истории бурят и философии буддизма до особенностей выращивания пшеницы китайцами.

В тот период я, конечно, еще не знал, как эта встреча, так же как и знакомство с Лидией Дашиевной, повлияет на мою судьбу, перевернет ее и направит ее по совершенно другому руслу — в мир тибетской медицины, в мир истории и мудрости Бурятии. Это было очень далеко от проблем современной логики, которыми я тогда занимался. Однако все свершилось довольно быстро. Буквально через год-полтора мы с Лидией Дашиевной обосновались в Новосибирске, в Академгородке, и при мощной поддержке академика Г. И. Марчука, в то время председателя СО АН СССР, и академика А. С. Алексеева, в то время замдиректора ВЦ СО АН СССР, начали совместную работу с Галданом Ленхобоевичем. Эта работа предполагала де-факто два аспекта: практический и научный. В первом случае все сводилось к полноценной помощи Галдану Ленхобоевичу в заготовке, переработке лекарственного сырья, приготовлении самих лекарств, а также участие в приемах больных, которые проводились в основном в городах Улан-Удэ, Новосибирск, Москва. Заготовка сырья осуществлялась, как правило, на территории Бурятии и Читинской области. Каждое лето для этой цели организовывалась специальная экспедиция. Лишь однажды в рамках экспедиции, организованной ВЦ СО АН СССР, мы принимали участие в поездке в Горный Алтай для знакомства с местной флорой. Продолжалась эта работа в целом с разной степенью интенсивности в течение шести-семи лет, пока Галдан Ленхобоевич не стал отходить от дел в силу возраста.

Что касается научной части, то можно выделить здесь три направления работ:

- 1) Исследование физическими методами лекарственного сырья, используемого Галданом Ленхобоевичем.
- 2) Разработка технических средств для исследования пульса по методике тибетской медицины. Здесь основным консультантом должен был стать Галдан Ленхобоевич.
- 3) Исследование первоисточников тибетской медицины. Перевод на русский язык и публикация работ Галдана Ленхобоевича.

Эти работы предполагалось вести в рамках более широкого круга экологических проблем, для чего в ВЦ СО АН СССР была создана специальная структура — отдел экологических систем, где указанные темы наряду с некоторыми другими стали приоритетными. По каждому из этих направлений были получены обнадеживающие результаты, однако в силу разных обстоятельств они не получили дальнейшего развития в Новосибирске, хотя часть тем была продолжена в Улан-Удэ, в БНЦ СО АН СССР, например, тема, связанная с пульсовой диагностикой, вполне укоренилась и продолжает разрабатываться до сих пор в лаборатории профессора В. В. Бороноева. Такова внешняя канва наших взаимоотношений с Галданом Ленхобоевичем.

Стоит заметить, что столь неподдельный и действенный интерес со стороны руководства СО АН СССР к его деятельности имел веские и вполне осязаемые причины. Конечно же, в первую очередь, это были впечатляющие, иногда на грани чуда, успехи в лечении заболеваний, в том числе болезней, не всегда поддающихся лечению современными методами. Здесь явно просматривалась, в случае освоения с помощью научных средств тибетских методов, перспектива выхода на совершенно новый уровень при лечении болезней. Кстати, эта перспектива актуальна и в наши дни.

Не меньше интереса и даже восхищения вызывало виртуозное владение Галданом Ленхобоевичем искусством пульсовой диагностики, которое и лежало в основе его успехов в лечении заболеваний. В частности, он мог исходя из показаний пульса выявить не только текущую патологию, но и те болезни, которыми больной болел раньше и, более того, указать при их наличии на предпосылки возникновения некоторых тяжелых заболеваний, включая онкологические, примерно за год до их явного проявления. И, конечно же, подкупали в учителе его открытость, готовность обсуждать возникающие проблемы и помочь по мере возможности ученым. Он без утайки предоставлял им имеющиеся у него материалы, давал рекомендации, комментировал и мог даже вступить в дискуссию, которая, как правило, носила вполне конструктивный характер. Между тем, с официальной точки зрения, учитель не имел никакого

*Мать Галдана Ленхобоева
с дочерью второго сына
Лубсан-Доржо — внучкой
Ниней, 1950-е гг.*

образования и, более того, считался вообще неграмотным. Во всяком случае именно подобный аргумент использовался местными властями при обвинении его в незаконной лечебной деятельности, пока этот процесс не был остановлен вышестоящими инстанциями. На самом деле он умел писать и читать на бурятском и русском языках весьма сносно, переводил со старомонгольского языка без словаря, иногда можно было застать его за чтением и тибетских текстов. Насколько я знаю, кириллицу он освоил самостоятельно, а старомонгольский и тибетский языки ему помогли изучить дед и дядя с материнской стороны.

Пожалуй, дед Лёнхобо Гармаев с дядей, мама Лёнхобын Ухёнэй, судя по рассказам, сыграли решающую роль в становлении Галдана Ленхобоевича. Лёнхобо Гармаев, будучи известным кузнецом, столяром, резчиком, плотником, в общем, мастером на все руки, а также знатоком глубокой старины, владея старомонгольской письменностью, все свое умение и знания передал своему внуку. Дядя же научил распознавать лекарственные травы, собирать их, обрабатывать и превращать их в лекарства, слушать пульс и оценивать состояние организма человека, читать и понимать тибетские медицинские тексты. При этом он никогда не был хувараком при дацане. Дело в том, что, когда Галдану Ленхобоевичу исполнилось, наверное, семь-восемь лет, родители обратились к Хамбо ламе Д.-Д. Этигэлэву, которого хорошо знали, за советом, отдавать его в хуварак или

нет, на что он ответил: грядут большие изменения, религии могут быть уничтожены, духовенство искоренено, и чтобы сохранить ему жизнь, не отдавайте его в дацан. Родители так и поступили. Наверное, этим сохранили ему жизнь в последующем. Удивительно, ведь это было сказано задолго до Октябрьской революции. Что касается мамы, то от нее ему досталась любовь к бурятским легендам, историям, сказкам, присказкам и прибауткам, словом, ко всему тому, что вплетено в кровь и плоть бурятского народа.

За время, отведенное судьбой для совместной работы с учителем, мне приходилось видеть его в самых разных ситуациях. При этом, кажется, что его внутреннее состояние всегда оставалось одним и тем же — спокойным и одновременно готовым взяться за любое дело, каким бы оно ни было. Это было хорошо видно во время экспедиций по сбору лекарственных растений. Я не помню ни одного случая, когда бы Галдан Ленхобоевич вышел из себя или отсиживался в стороне, когда все остальные были заняты сбором трав или копали корни, хотя ему в ту пору было уже больше семидесяти лет. Более того, работая так же, как и все, он следил за ходом работы и корректировал ее, если в этом появлялась необходимость. У него явно были организаторские способности.

До сих пор Галдан Ленхобоевич предстает перед мной непрерывно работающим, занятым то вырезанием из корней замысловатых фигур, то переводом какого-нибудь текста, то объясняющим больному природу его болезни, то собирающим травы или ремонтирующим свою машину. При этом внешне он никогда и никуда не спешил, делал работу, казалось бы, медленно, однако она довольно быстро заканчивалась. По моим наблюдениям, это было следствием тщательного планирования, детализации и организации работ. При этом, что удивительно, план работы в его голове зарождался почти мгновенно и так же быстро он мог быть реализован с легкостью и как бы без особых усилий.

Как-то мы с учителем составляли таблицу теплых и холодных свойств пищевых продуктов и лекарственных средств тибетской медицины. Конечно, здесь моя роль была чисто технической — записывать, оформлять в виде таблиц то, что он говорил. Вызывало восхищение то, что он говорил о не менее тысячах растений с названиями на трех языках — тибетском, бурятском и русском, об их свойствах, показаниях, времени сбора и т.д., не обращая ни к каким справочникам и книгам. Он помнил все это наизусть.

Не менее любопытным было то, что для учителя работа и обучение представляли собой единый процесс. Он не выделял обучение как самостоятельный процесс, а рассматривал его как один из аспектов работы. Хорошо демонстрирует это его высказывание:

«Тот, кто хочет научиться чему-то, научится и в процессе работы, а того, кто не хочет учиться, ничто не заставит научиться данному делу».

В соответствии с этими представлениями в наших взаимоотношениях с учителем было мало того, что можно было бы назвать обучением в классическом смысле — типа лекций, семинаров, т.е. неких специальных занятий. Все шло по ходу работы, так сказать, попутно, например, показывались растения, что называется вживую, демонстрировались способы сушки, обработки, методы их хранения и т.д. Примерно в этом же духе проходили и приемы больных, нам было позволено наблюдать и слушать, видеть воочию сам процесс диагностики и назначения лекарств и участвовать при этом как технические работники. Мы не принимали никаких решений. Это было прерогативой учителя. Кроме того, он открыл нам доступ к тибетским медицинским трактатам, прежде всего к «Чжуд-ши» и «Лхан таб». Осваивали мы эти трактаты, пытаясь перевести их на русский язык, и получили в связи с этим возможность обращения к учителю за разъяснениями, в чем он никогда не отказывал. Сегодня, если что-то мы и понимаем в тибетской медицине в том варианте, который он развивал, и если где-то и можем помочь людям, то, конечно же, мы всецело обязаны этим своему учителю Галдану Ленхобоевичу, в ком были воплощены и реализованы лучшие культурные, трудовые, духовные традиции нашего народа.

ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ОКЛАДНИКОВА,
доктор исторических наук
(Санкт-Петербург):

— С моим отцом у Галдана Ленхобоева были весьма дружеские отношения. В разговорах отец и моя матушка с большим теплом и интересом говорили о нем. Разумеется, обсуждались особенности его врачевания. Мое же знакомство с ним состоялось в Академгородке под Новосибирском. Галдан Ленхобоевич был приглашен туда академиком М. А. Лаврентьевым — он консультировал супругу М. А. Лаврентьева, которая неважно себя чувствовала. Летним днем я по приглашению Галдана Ленхобоевича зашла в коттедж математика Алексева, где в небольшой светлой комнате он принимал

пациентов только по приглашению. В молчаливой атмосфере происходила диагностика: Галдан Ленхобоевич просто слушал пульс и внимательно осматривал открытые места тела, то есть те, которые не были прикрыты одеждой. Потом делал записи и сообщал, что в следующий приезд привезет лекарство. Лекарством были небольшие мешочки с молотыми травами и другими ингредиентами. Все это было очень не похоже на аллопатические методики — анализы крови, прослушивание, рентген, к которым мы были привычны. Поэтому его воспринимали как волшебника и мага, более чем как врача. О том, как помогали его лекарства, ходили легенды среди жителей Золотой долины и тех избранных жителей Академгородка, которые были близки семьям докторов наук и академиков.

Странные для привыкших к аллопатии фитотерапевтические методики. Удивляла роспись приема микроскопических доз лекарственных препаратов, которые он рекомендовал. Все это было очень необычно, ново даже для моей матушки, знакомой с гомеопатией. Я не припомню, чтобы отец, получив от Галдана лекарства, использовал их систематически, в отличие от моей мамы. Она была очень организованным, но страдавшим от гипертонии человеком. На некоторое время лекарства принесли ей облегчение, но потом они закончились, а Галдан более не приезжал в Академгородок.

Общество Золотой долины было стратифицировано, а в целом его представители резко по социально-номенклатурным признакам отличались от массы жителей Академгородка в целом. В этом проявлялся феномен спецзоны Академгородка как особого научного и социального феномена в эпоху 1960–1970-х: происходило много особенного — работало кафе под Интегралом, где выступали Галич, Окуджава ..., читал лекции Л. Н. Гумилев, тайно, без афиширования врачевал Галдан Ленхобоевич. В 1980-е все это было прекращено и разогнано.

Внешне Галдан выглядел очень скромным, сдержанным, молчаливым человеком. Был сухощав, строен. Взгляд его был строг и внимателен.

В период, когда Галдан Ленхобоев и мой отец активно общались, я большую часть времени жила в Петербурге, училась и воспитывала маленького сына. Знаю только, что он был великим человеком и уникальным сыном своего народа, как и все народные герои-самородки, он хранил информацию, которая была редким опытом поколений буддийских натурфилософов. Эта информация в той форме, на том метаязыке, которым он владел, была недоступна, а потому и непонятна европейскому научному сообществу. Но понимание того, что природу, человека, общество можно описывать не только языком позитивистской науки, будоражило сознание

и возбуждало мысль образованной элиты, т.е. жителей Золотой долины Академгородка. Его медицинские практики реально работали и помогали людям — а это всегда дорогого стоит. Галдан Ленхобоев был талантлив во всем, он обладал навыками мастеров традиционного искусства, т.е. тем, что сегодня по всему миру является сберегательной основой народного духа в региональных культурах всего мира. Традиционное мировоззрение как основа народного искусства — это умение организовывать интенсивные динамические коммуникативные стратегии во благо устойчивого развития всей человеческой популяции. По типу личности он был настоящим народным интеллигентом, мыслителем и творцом.

ОЛЬГА БУРОВА,
нутрициолог, США (Holistic Health Practitioner
/NHP/, Nutritionist, Dallas, Texas, USA):

— Галдан Ленхобоевич Ленхобоев — человек, оказавший, наверное, самое большое влияние на всю мою жизнь. Он не только спас мою маму от смерти, когда я была еще ребенком, но и зажег во мне огромный интерес к изучению тибетской медицины, что и стало фундаментом того, чему я посвятила всю свою деятельность, — помогать людям быть здоровыми и счастливыми.

Когда мне было около шести лет, моя мама умирала от болезни почек. Врачи говорили моему отцу о том, что они уже ничем не могут помочь и пора готовить ребенка к уходу матери. В одной палате с мамой оказалась женщина, которая рассказала о лекаре Галдане. Мама попросила отнести ее к нему, так как ходить она уже не могла. По счастливому стечению обстоятельств, мы жили почти по соседству, в районе Шишковка в Улан-Удэ. Галдан сказал, что лечили ее не от той болезни, а потому безуспешно. Он дал ей порошки № 24 и № 28 для приема утром и вечером. До сих пор помню запах этих порошков — аромат счастья и детства. Примерно через месяц моя мама уже танцевала! (Скоро ей будет восемьдесят, но она до сих пор танцует!). С тех пор мы и стали почти родственниками с Галданом. Судьба мне подарила общение более двенадцати лет с одним из самых талантливых людей на Земле. Чехов был прав, талантливые люди талантливы во всем. Галдан Ленхобоевич — ярчайший тому пример.

После столь чудодейственного оздоровления мама писала письма в Министерство здравоохранения СССР, в Совет Министров СССР и другие организации с просьбой помочь Галдану Ленхобоеву в его деятельности. Надо отдать должное, что она всегда получала ответ, суть которого была в том, что они знают о нем, изучают, но не могут содействовать из-за отсутствия диплома врача. В личной беседе с министром здравоохранения Бурятской АССР (женщина, фамилию которой мама не помнит) мама получила такой ответ: «Лечитесь. Мы ведь не запрещаем. Но если мы официально его признаем, то Улан-Удэ превратится в огромную гостиницу. Сюда вся страна сбежится».

Жена Галдана, которую я звала Машей, была очень милой, открытой и всегда улыбающейся женщиной. Единственная дочь Сэржэма уже была взрослой и редко бывала дома. Может быть, поэтому я практически стала их ребенком. Мне всегда были рады, и я чувствовала себя у них как дома. После школы я очень часто шла прямо к ним домой на улицу Амагаева. Часами я просиживала в кабинете Галдана, наблюдая за приемом пациентов. Именно тогда я убедилась в его почти безграничных возможностях.

Галдан не интересовался, какой диагноз поставили врачи, не просил никаких результатов анализов. Он и вопросов практически не задавал. Я не помню, чтобы он разглядывал язык пациента или использовал другие методы анализа, кроме пульса. Он просто брал руку больного, прикладывал свой палец с первой отрубленной фалангой к запястью, закрывал глаза и через несколько секунд рассказывал историю пациента. На очень ломаном, но понятном, порой смешном для меня, языке Галдан мог углубляться в прошлое, где случилось важное событие, касающееся здоровья. Например, человек упал в десятилетнем возрасте и ударился сильно головой и т.д. А потом он рассказывал то, что сейчас мучает данного пациента, где и как у него болит. Мне всегда нравилось наблюдать ошеломленные глаза тех, кто, даже зная, что попал к необычному доктору, был шокирован его способностями. После этого Галдан выбирал из огромного набора порошков нужный и, отмерив ложечкой необходимое количество, заворачивал его в бумажный конвертик, надписывал номер и рассказывал, как его применять.

Галдан был категорически против приема фармацевтических медицинских препаратов, созданных человеком в лабораториях. Он говорил, что все, что необходимо человеку, уже создано Природой.

Я не помню ни одного случая, когда Галдан отказал бы в помощи. Но я много раз была свидетелем того, что он не брался лечить кого-либо заочно, не определив проблему самостоятельно. Диагнозам врачей он не доверял, так как часто его мнение не совпадало с их

заключением. Он говорил, что современная медицина в основном не понимает причину заболевания и потому борется с ее симптомами, а не с самой болезнью. А заочно поставить диагноз невозможно, так как даже совершенно сходные симптомы могут быть вызваны разными причинами.

На мой вопрос, какие болезни он вылечить не может, Галдан отвечал: «Те, что не описаны в этих книгах». И указывал на шкафы в его кабинете. Болезни радиации — новые болезни, созданные человеком, в этих книгах отсутствуют. Вот почему он не мог спасти свою Машу.

С огромным благоговением я всегда смотрела на эти старинные фолианты, написанные на древнем тибетском языке. Много времени Галдан проводил над переводами этих книг для того, чтобы новые поколения могли воспользоваться драгоценными знаниями. Интересная история у этих фолиантов, часть из которых была с обгоревшими краями. Это те самые книги, которые тайно вывозились двумя поездами из Тибета во время войны. Один из них попал под бомбежку. Подробно об этой истории Галдан рассказывал в интервью журналу «Наука и жизнь» примерно в начале 80-х годов прошлого века.

В основе тибетской медицины лежит философия буддизма. Вообще религиозным я бы Галдана не назвала, хотя именно он впервые познакомил меня с буддизмом. Он привез нас с мамой в Иволгинский дацан, где мы провели целый день, встречаясь с ламами, бродя из одного храма в другой. Там же встречались с местным предсказателем, который по старинным длинным узким книжечкам прочитал мое будущее, спросив только дату и время рождения и отсчитав девять месяцев назад. Пока все сбывается.

С Галданом никогда не было скучно, он был очень остроумным, интересным рассказчиком. А я любила его слушать. Пока моя мама готовила всеми нами любимые бурятские буузы и саламат, мы пили зеленый чай с молоком и Галдан с улыбкой отвечал на мои бесконечные вопросы. Многие истории меня поражали, но больше всего мое юношеское сознание внутренне восставало против фактов его гонений за то, что он смел лечить людей, хотя не имел медицинского диплома. Долгое время он был целителем «в подполье». А его дядя, который и был его учителем, вообще был репрессирован.

В те редкие часы, когда поток пациентов прекращался, я как завороченная наблюдала за тем, как Галдан превращал какую-нибудь корягу в изысканной красоты вещь, как кресло или журнальный столик. Большой журнальный стол, который, надеюсь, и сейчас существует, я помогала покрывать лаком. А веселая белочка, выпитая им из коряги, которую я нашла, теперь живет со мной в Америке.

Но, наверное, самыми интересными были наши совместные поездки за материалами для его чудодейственных лекарств. Где мы только не побывали, объездив всю Бурятию на его стареньком «Москвиче». Тогда мне довелось узнать о множестве интересных растений и минералов, их применении, особенностях сбора и заготовки. «Степи, горы, леса и озера Забайкалья — самые богатые места на Земле, где можно найти практически все, что необходимо», — говорил Галдан. А кардамон, корицу, гвоздику и другие дефицитные в те времена специи, часто используемые им в его порошках, доставала моя мама «по благу» (новое поколение и слово-то такого не знает, наверное). За очень редкими специальными компонентами Галдану приходилось выезжать за пределы Советского Союза. Но такая возможность появилась позже, когда он уже лечил важных людей из руководства партии и правительства.

Как результат к Галдану стали проявлять все больший интерес и медицинские руководители. Началось активное признание его заслуг, стали приезжать многие ученые. На летний период Галдану стали выделять студентов для помощи в заготовке сырья. Но никто по-настоящему не мог быть его полноценным преемником, кому бы он смог передать все свои знания и умения. И в первую очередь — умение читать пульс. Когда-то я его спросила, почему он не готовит замену, ведь он не вечный. С грустью Галдан ответил:

Ну, кто же мне отдаст своего ребенка в раннем возрасте (около четырех лет) на долгие годы для кропотливого обучения? Даже десяти лет для этого мало. Слишком много необходимо изучить, чтобы к зрелому возрасту стать мастером. Все источники написаны на тибетском языке. Только несколько людей осталось, кто его знает. Я все перевести не успею. А научить читать пульс — самое сложное. Далеко не каждого научить можно даже за долгие годы. Здесь еще талант нужен. Как в любом искусстве. Взрослый человек может понять азы, но мастером не станет.

Я убедилась в правоте его слов уже много раз. И в России и во многих других странах я встречалась с врачами, использующими пульсовую диагностику. Никто даже близко не подошел к его мастерству.

— Значит с Вами уйдет это искусство? Кто же будет нас всех лечить?

— Значит. Но что я могу поделать? Я стараюсь, тороплюсь передать что могу. Сейчас появились люди, которых интересует тибетская медицина. Она не умрет, просто будет развиваться с учетом новых научных достижений.

Когда я уже училась в институте в Ленинграде, я получила от Галдана бандерольку с препринтным изданием его совместной работы с лабораторией кафедры тибетской медицины СО РАН «О горячих и холодных свойствах продуктов и лекарственных средств»¹.

Тогда я еще не знала, какую огромную роль сыграет эта его работа в моей судьбе. Теперь же, после многих лет поисков, я с огромной радостью могу констатировать, что есть такая современная наука, которая очень успешно развивается на принципах тибетской медицины. Пока в основном она практикуется в Америке. Называется она *Nutritional Balancing Science*. И в качестве нутрициолога я практикую ее уже несколько лет.

Когда-то, очень давно, я услышала от Галдана, что человека можно сравнить с энергетической станцией. Все блоки этой станции должны работать слаженно, и тогда человек здоров. Когда в каком-либо блоке этой станции возникает избыток энергии (болезнь жара) или недостаток энергии (болезнь холода), то нарушается баланс и возникает болезнь. При помощи определенных питательных веществ из пищи или природных лекарств можно восстановить этот баланс, и тогда болезнь уходит.

Теперь как никогда я понимаю глубокую истину этих слов. Многие ранее просто принятые на веру слова Галдана сейчас я хорошо осознаю и могу объяснить моим пациентам. К примеру, почему дыхательная гимнастика должна быть разной для разных людей. При склонности к болезням холода дополнительный кислород помогает, а при болезнях жара — нет. И наоборот. Когда-то на мой вопрос о том, какая из тогда популярных методик будет лучше для меня, он ответил, что мне нужно увеличивать количество углекислого газа в крови, задерживая дыхание на выдохе. В то время как моей маме нужно больше кислорода, что возможно при более глубоком дыхании с задержкой на вдохе. На мои вопросы о диетах он отвечал, что нет одной универсальной для всех. Но есть основные принципы, работающие всегда: питаться немного и просто; употреблять продукты, выращенные в той местности, где живешь, заморские продукты не желательны; переваренное мясо — яд. Но вегетарианцем Галдан не был и не приветствовал этого. Напутствуя меня во взрослую жизнь, когда я улетала учиться в Ленинград, Галдан сказал с улыбкой: «Уж если и придется иногда пить алкоголь, то пей немножко беленькую». Беленькой он называл водку.

Очень многое я бы отдала сейчас за возможность поднять чарочку водки за здоровье Великого Человека Галдана, спасшего мою маму и давшего мне путевку в жизнь. Да не судьба. Казалось, он

будет вечным, и можно жить ничего не боясь, потому что есть тот, кто всегда спасет. Но даже он не вечен. Хотя Галдан навсегда в моем сердце, как и в сердце каждого человека, кому он даровал жизнь во второй раз.

И мы все, кому повезло прикоснуться к этому источнику, должны сделать все, чтобы он никогда не иссяк. Чтобы слова Галдана о том, что тибетская медицина не умрет, но будет развиваться с учетом новых научных достижений, стали пророческими. А он ошибаться не мог.

БИМБА БАТОМУНКУЕВИЧ НАМЗАЛОВ,
доктор биологических наук, профессор БГУ:

— С Галданом Ленхобоевичем меня познакомили в кабинете заведующего отделом индо-тибетской медицины Бурятского института естественных наук БФ СО АН СССР д.м.н. Лидии Лукиничны Хундановой. Это было осенью, предположительно в октябре 1974 года, около сорока лет назад. На встречу также был приглашен ученый — лама Дашанима Дамдинович Бадмаев — научный сотрудник этого отдела. Суть вопроса и повод для встречи — консилиум по идентификации, названию и особенностям применения в традиционной медицине местного вида травянистого растения из рода спаржа (*Asparagus L.*) — спаржи бурятской. Лидия Лукинична разложила на столе несколько растений спаржи с мощными мочковатыми корнями и обратилась к знатокам с просьбой высказаться по особенностям применения в лечебных целях корней и побегов, о местонахождениях растения в Бурятии, а также она интересовалась названием (бурятским, тибетским) этого растения.

Я был на этой встрече как помощник двух знаменитых врачей. В то время после окончания БГПИ я работал в должности лаборанта-ботаника в отделе индо-тибетской медицины и обеспечивал сбор лекарственного сырья для изготовления из них (после соответствующей обработки) лекарственных препаратов по прописям тибетских источников. В дальнейшем они использовались для экспериментов по их лечебным свойствам.

¹ См. стр. 14 данного издания.

Творческого консилиума, как ожидала Лидия Лукинична, не получилось, каждый из приглашенных лам-знатоков по-своему, в рамках своих традиционных представлений, называли растение и даже в некоторых случаях они по-разному трактовали ее лечебные свойства. В ходе дискуссии знатоки были очень упрямы и отстаивали свои взгляды, и даже в какой-то мере категорично.

После, вспоминая эту встречу, Галдан Ленхобоевич как-то заметил: «Энэ юрэдөө хори эмшэ ламанар энэ ургамал оройдоо мэдэхгүй байгаа юм. Урдань баһал ламанар иигэжэл тоосолдожо байгша хэн даа». По сути этот пример ярко иллюстрирует то, что каждый дацан был отдельной научно-медицинской школой со своими традициями и установками, и, как правило, они очень стойко стояли на своих позициях, практически полностью исключая взгляды лам соседних или отдаленных дацанских медицинских школ.

Во время экспедиционных поездок за поисками целебных растений Галдан Ленхобоев говорил не только о растениях, но и рассказывал об истории той долины, где мы находились, о легендарных личностях прошлых эпох. Он обладал энциклопедическими познаниями в различных областях природы, истории и культуры не только Бурятии, но и, на мой взгляд, всей Центральной Азии. Вспоминается такой эпизод. Наш маршрут пролегал по Тугнуйской степи. Как-то он рассказывал о былых боевых походах меркитов (*мэргэдүүд* — бур.), а их хана Токто-беки называл по-бурятски — «Тогтохо-байха», в переводе «может останавливать» всех врагов. В какой-то момент он обратил наше внимание на приметную скалу в отрогах хребта Цаган-Дабан и отметил, что где-то в этих скалах хан приказал спрятать свои сокровища, и на этих же скалах, в расщелинах гранитных плит, мы добывали целебное мумие (*барагшанай бааһан* — бур.). Как он говорил — отличного качества, они были черные, блестящие.

Позже уже в Новосибирске (я поступил в аспирантуру в Центральный Сибирский ботанический сад — один из институтов Академгородка) приходилось не раз встречаться с Галданом Ленхобоевичем. Я получал задания — переводить с бурятского языка на русский язык заметки о лекарственных растениях тибетской и бурятской народной медицины. Я с большим удовольствием занимался этими приятными и интересными для меня поручениями. Приходилось неоднократно советоваться или что-то уточнять по названиям и свойствам целебных растений. Эти беседы порой были продолжительными, Галдан Ленхобоевич, увлекаясь, нередко переходил к легендам и воспоминаниям. Много забылось, но было очень интересно. Бывали моменты, я оказывался в гостях у известных ученых — докторов наук, профессоров, академиков, которые лечились у Галдана Ленхобоевича. Были очень увлекательные беседы за гостевым столом, Галдан Ленхобоевич всегда о чем-то рассказывал.

В память о своем дорогом учителе мне удалось вместе со своей ученицей кандидатом биологических наук, доцентом кафедры ботаники БГУ Татьяной Георгиевной Басхаевой издать книгу «Этноботаническое исследование. Справочник растений бурятской народной медицины». Мы ее посвятили столетию Галдана Ленхобоевича — большого ученого, мудреца и одного из удивительно одаренных сыновей бурятского народа. Книга была рождена как итог моих встреч и бесед с Галданом Ленхобоевичем как во время экспедиций, так и в тиши его уютного, почти музейного облика кабинета в его городской квартире. Также в книге были использованы фрагменты его рукописей, которые я переводил на русский язык.

Есть большая надежда, что эта книга, содержащая кладезь идей и мудрых подсказок и наблюдений о лекарственных растениях, их свойствах, послужит источником открытий новых, неизведанных целебных растений и поможет науке о здоровье Человека.

ГАЛСАН БАТОВЕВИЧ БАТОВЕВ,
кандидат психологических наук:

— Я родом из улуса Сахюрта Агинского округа. Это произошло в 1950-е годы. Окончив Агинское педагогическое училище, отработав один год учителем в Урдо-Аге, я стал студентом факультета бурятского языка и литературы Бурятского государственного педагогического института.

Однажды на улице Рабочей (сейчас имени Сухэ-Батора) ко мне обратился невысокий, но крепкого телосложения смуглолицый человек с пристальным взглядом:

— Где учишься?

— Я учусь в пединституте, — ответил я.

— Меня зовут Галдан Ленхобоев. Я рабочий на заводе «Механлит». Ты к нам приходи, поработаем вместе, — сказав это, он дал свой адрес.

Дом его был недалеко от завода. В доме было много вырезанных из кедра птиц, зверей. Были также литые ритуальные бронзовые буддийские *сүгсэ* для лампад и чашечки для подношений, которые ставят перед бурханами.

Совместная работа заключалась в следующем: Галдан Ленхобоевич читает записи со старомонгольского, а я это записываю на бумаге кириллицей. Перед тем как начать чтение, сначала он мыл руки, возжигал лампадку перед бурханами. Бывало, целые ночи проводили за этим занятием. Так как он работал, мы могли посвятить нашей совместной работе только выходные дни. За давностью лет я не припомню, что он мне диктовал, но рассказов интересных от него я слышал немало.

Галдан Ленхобоевич варил вкусный суп, чтобы меня, студента, досыта накормить. Деньги платил. По тем временам я заработал большие деньги. Спортивный костюм себе купил, долго его носил.

Однажды он поведал мне:

— Когда мне было семь лет, мой дедушка, взяв с меня клятву, что сказанное им я никому не имею права говорить, а потом только сыну своему смогу рассказать, повел меня за собой. Рассказывал, что здесь была стоянка Далай Даблан хана, при ней находились тайные копатели золота и серебра и так далее. Все показывал, обучал, заставлял хорошо все запоминать. У вас в Аге есть могильные курганы и, как говорят, в родовых кочевьях рода *борджигин* находится родовая стоянка Чингисхана.

Сейчас другое время настало. Все на бумагу запишем, говорил он. В этой местности буряты все знали. Знали, что есть тут золотые и серебряные жилы. На такой жиле поставив юрту и никому не сообщив об этом, из золота и серебра разные красивые изделия делали: подвески, украшения и многое другое. Сами не торговали, а продавали через других людей.

Галдан Ленхобоевич рассказывал об образе жизни иволгинских бурят, о природных явлениях, о климатических условиях, ханских стоянках. Здесь люди селились в горах, выбирали для поселения места повыше. Когда я интересовался этим, он объяснял, что они выбирали место, откуда все просматривалось: не приближается ли враг, не подступают ли грабители, которые могли выкрасть жен, девушек. Рассказывая, как подавали сигналы, разжигая костры, смеялся, что не было других забот, как охранять женщин.

Он говорил, что его земляки могли смастерить все, что угодно, искусных мастеров было немало, в том числе они изготавливали ружья. Даже женщины умели делать винтовки. Такие были умельцы — делали ружье с такой пулей, которая в стволе быстро вращалась, увеличивая убойную силу, скорость и дальность. Их называли *минтэ*, предположительно, от слова «винт» или «винтовка».

ДАШИНИМА ТАГАРОВНА БАЛЬЖИЕВА,
землячка Галдана Ленхобоева,
1936 г.р. (с. Хурамша):

— Наши семьи жили в Олзоне по соседству. Маленькими детьми мы захаживали к Ленхобоевым. *Ухёнэй абгай*, женщина очень чистоплотная, содержала свой дом в полном порядке. Домашний алтарь в их доме был закрыт занавеской. А ее саму, мне кажется, мы всегда заставляли за чтением одной из ламских книг, которых было много. Позже мы узнали, что она так прочитала многотомный «Юм». Угостив нас куском сахара или хлеба, она нас выпроваживала — ей было некогда отвлекаться на нас, ребяташек.

Мы детьми в Олзоне работали в бригаде на сенокосе, на конях подвозили копна. Когда в жару нас отпускали на отдых, мы заходили играть в амбар, который называли «Ленхобын Ухёнэйн амбар». Эта женщина знала и ремесло дархана. Амбар был добротный, почти новенький.

В 1950-х годах семьи начали переселяться на центральную колхозную усадьбу в Хурамшу. Ухёнэй абгай со своими книгами и алтарем тоже перебралась туда. Мы переехали позже, поэтому мы ее уже потеряли из виду, не знаю, когда она умерла.

Галдан ахай был сухощавым смуглым человеком. Мы знали, что он уран дархан — искусный мастер. В 1973 году я заболела, врачи лечили легкие, я пять месяцев пролежала в больнице. В то время Галдан ахай, выйдя на пенсию, уже занимался тибетской медициной. Когда я приехала к нему, он пощупал и внимательно прослушал мой пульс и сказал, что никакой болезни легких у меня нет, что надо лечить почки. Я настояла, чтобы он мне все-таки дал порошки для лечения легких. Я обратилась также к нашему очень хорошему ламе Даба-Самбу — он также отрицал диагноз врачей. Тогда я начала принимать лекарства от Галдан ахай. Он просил, чтобы я не ложилась в больницу, предупредил меня, что при приеме его лекарств у меня может подниматься температура, открыться рвота, но никакого обострения не произошло, лекарства хорошо подошли. За свое выздоровление я была очень благодарна моему спасителю, об этом всегда рассказываю своим детям.

ДОРЖИ ГАРМАЕВИЧ ПУРБУЕВ,
заслуженный художник России:

—Галдана Ленхобоева — для меня Галдан ахай — я знал с детства. В Олзоне наши родовые бууса находились рядом, мы одного рода Олзон. Конечно, он прекрасно знал всех моих родственников, соответственно и я знал его происхождение.

Хорошо помню его маму — Ухёнэй абгай, женщину умелую и по тому времени очень грамотную. Заходя к ним в дом, частенько заставлял ее за чтением старинных книг. Я никогда не видел, чтобы другая женщина в нашем улусе проводила время за таким занятием. Сейчас мои земляки утверждают, что эта мудрая женщина знала все шестнадцать томов священной книги «Юм». А я знаю больше — она тайком добиралась из Олзона до разгромленного и заброшенного Янгажинского дацана, чтобы собрать уцелевшие листы священных буддийских книг, которые были выброшены из храма на произвол судьбы. Она рисковала жизнью, но не могла смириться с тем, что происходило. Не знаю, как она добиралась — пешком ли, на лошади ли, могла ли, кроме своих сыновей, кого-то другого позвать на это рискованное дело. Галдан ахай, приезжая в родные места, часто заходил к нам поговорить с дедом. Из их разговоров я знал, что Ухёнэй абгай прятала собранные книги в укромных местах, вырыв в земле яму. У нее было несколько схронов в разных местах у подножия олзонских гор. Позже также тайком их вывозил оттуда Галдан ахай.

Оставшись с тремя маленькими сыновьями, рассказывают, она могла пойти в ближайший лесок и вернуться с добытой косулей. Что сама срубила и построила дом.

Мой дед по отцу, которого в округе больше величали Дядя, в свое время тоже притягивал внимание любознательного и пытливого мальчика — он с большим удовольствием наблюдал, как мой дед Гарма столярничал, мастерил хозяйственную утварь, воспользовавшись моментом, можно было взять в руки какой-нибудь инструмент из множества других, коих в дедушкином сундуке было множество — всевозможные пилы, молотки, шило, сверла, рубанки, стамески и прочее добро. Ими дед мастерил много всего, что вызывало большой интерес подростка. Став взрослым, он не забывал нас. В один из приездов он привез с собой фотоаппарат и сделал нам единственную фотографию моего деда, очень дорогую память для нас.

Слева: Дядя — один из олзонских дарханов Гарма Гомбоев (1873–1958 гг.), участвовавший в строительстве Янгажинского дацана. Фото сделано Галданом Ленхобоевым примерно в 1954 г. Справа: культовые предметы из домашнего алтаря, выполненные мастером.

Галдан ахай, зная, что я расту без отца, который не вернулся с фронта, опекал меня как своего сына. Он мне всегда напоминал, что я из рода дарханов, потому в руках моих должен быть дар свыше. После окончания школы я пристроился к нему учеником на завод «Электромашина», проработал рядом с ним полгода.

Работа на заводе была по душе Галдану Ленхобоеву, он жил ею, завод же в его лице имел великолепного мастера, который мог решить любую сложную проблему, непосильную даже дипломированному инженеру. В нем жила природная смекалка, было развито пространственное мышление, обеспечивающее любые непростые практические решения, поэтому часто рядом с ним можно было видеть заводских инженеров. Сколько новшеств им было придумано. Не имея теоретических знаний и вообще даже мало-мальски школьного образования, этот человек мог разобраться в непростых деталях, механизмах, усовершенствовать их. Благодаря ему завод хорошо справлялся с заданиями, выполнял планы. Он по праву заслужил свое звание «Заслуженный рационализатор РСФСР».

Он часто внушал мне, что надо учиться дальше. Знания он считал богатством человека, которое никто не может у него отнять. Не без его влияния я решил продолжить свое образование.

Человек он был немногословный, пустых разговоров не любил. Был очень скромным. Он больше времени уделял какому-нибудь занятию, занимался самообразованием. Не афишируя свой интерес к тибетской медицине, долгие годы он самостоятельно изучал ее по древним книгам, тщательно разбирал лекарственную рецептуру. Сделанные им лекарства он возил в Москву и другие города, лечил больных. Они там имели большой эффект, нежели для жителей Бурятии, из-за чего Галдан ахай делал вывод, что местное население уже адаптировалось к используемым в рецептах травам. Поэтому его слава лекаря быстро разнеслась по столице, люди искали пути, как пробиться к нему на прием. Даже обращались в обком партии, правда, их работники, кажется, порой перестраховывались, не допуская к нему высокопоставленных больных. Тем не менее он многих лечил, и при этом очень эффективно.

Собирать лекарственные травы он часто выезжал в Ацагат. Медицинская школа Ацагатского дацана была очень известной. Места к северу от Ацагатского дацана он считал *аршаантай*, то есть имеющими целебную силу. Я бывал с ним там, ездили за некоторыми растениями в Еравну. Конечно же, он бывал в родных местах и там набирал то, что ему было нужно. Галдан ахай был хорошо знаком с Мунхэ ламой — Пандито Хамбо ламой Мунко Цыбиковым, который был эмчи-ламой, они прекрасно общались.

Лекарства Галдана Ленхобоева, сделанные по старинным рецептам, были проверены лабораторно в медицинском центре, они дали хороший результат. Галдан ахай говорил, что подтвердилась эффективность на 80 процентов.

С детства непритязательный Галдан ахай и отдых свой совмещал со сбором трав, кореньев. Он отдыхал, когда выезжал на природу. Это был великий труженик.

ЗОЯ НИМАЕВНА НИМАЕВА,
1938 г.р. (с. Оронгой):

— Когда мы были детьми, Галдан ахай уже давно жил в городе, но частенько приезжал в Олзон к матери. Конечно, мы, дети, стеснялись его, боялись незнакомых людей. Тогда его мама Ухёнэй абгай жила

одна. Это была особенная женщина, не похожая на других. Дом, построенный ею, кажется, и поныне стоит в Оронгое — из Олзона, когда в 1950-х годах произошло переселение, его перевез младший брат Галдана Ленхобоева Лубсан-Доржи. В доме у их матери всегда было чисто, она всегда хлопотала возле алтаря, помню, на Сагаалган она разворачивала много бурханов-танка.

Увязавшись за своими бабушками, в детстве мы ходили на обоо. Сейчас из смутных воспоминаний предстает такая картина: Ухёнэй абгай исступленно молится, очень громко прося божеств и сахюусанов уберечь ее сына — видимо, это было во время войны. У ее сына, который воевал на фронте, было тройное имя — Сэрэн-Бальжи-Нима. Потом после молебна, спустившись с обоо, устраивали найр — праздник. Мама Галдана Ленхобоева исполняла восхваление коня — мориной соло — в честь победившего в скачках скакуна. Тогда, наверное, больше некому было это делать — мужчины на войне, а те, кто не был на фронте, отдавались целиком работе в колхозе.

НОРБО ЖАПОВНА БАТУЕВА,
фельдшер-лаборант (1954 г.р.):

— К Галдану Ленхобоевичу я попала в 1980-х годах, на него вышли мы через его соседа, нашего общего земляка Доржиева Василия Лубсановича. Он мне очень помог. Я лежала в больницах, лечила почки, у меня было высокое давление. Конечно же, я согласилась, когда он предложил мне поработать с ним. К тому времени я окончила медицинские курсы и помогала вести прием больных. В специальную большую тетрадь с красивым переплетом я записывала фамилию, имя, отчество, домашние адреса с почтовыми индексами, место работы, профессию и должность. Адреса были нужны для того, чтобы высылать лекарства на повторный курс лечения. Он говорил мне, какие порошки выдать — они все имели свои номера. Это тоже вносилось в тетрадь.

Прием больных Галдан Ленхобоевич проводил по вторникам и пятницам. Откуда только не приезжали люди. Порой в день принимали до пятидесяти человек. Бывало, договариваться о приеме приезжали работники горисполкома и обкома партии. По всей ви-

димости, они записывали к нему непростых людей. Помню, был у него один больной из Москвы по фамилии Зинченко — за него хлопотали из руководства «Электромашин», где Ленхобоев проработал до пенсии.

У него лечились люди в разных городах, нам приходилось ездить к ним в Москву, Ленинград, Новосибирск, Барнаул. Те, кто постоянно лечился у Галдана Ленхобоева, звонили, писали письма, консультировались. Приезжали к нему на прием и из районов республики. Больные много рассказывали о своих болезнях, привозили с собой свои анализы, медицинские книжки, рентген-снимки. Галдану Ленхобоевичу они были не нужны. Он только очень внимательно слушал пульс, ему порой приходилось просить людей быть потише, не говорить, пока он слушает пульс.

Потом по пульсу подробно рассказывал, что происходит в организме, терпеливо объяснял происхождение болезни. По пульсу определял, в каком месте у человека был перелом конечностей, что когда-то было сотрясение мозга, что отсутствует одно яичко и т.д. Например, у меня давление поднималось до двухсот — он говорил, что это почечное *хиц*, поэтому лечил почки. Учащенное сердцебиение у меня объяснял тоже работой почек. Порой даже причина астматической одышки могла быть в почках. Почки — очень важный орган, они все очищают, говорил лекарь, именно они не дают нагрузку сердцу. Если медики лечили последствия болезней, то Галдан Ленхобоевич находил корень болезни, и его лечение было направлено именно на него — поэтому оно было эффективным. Некоторые болезни он объяснял плохим кровообращением, охлажденной кровью.

Так, определив корень болезни, он давал людям очень полезные и необходимые советы. Они касались правильного питания при той или иной болезни, многие болезни мы приобретаем, употребляя пищу холодного свойства, тогда как для нас, живущих в холодных климатических условиях, наоборот, предписан прием пищи с теплыми свойствами. Надо хорошо уяснить классификацию продуктов по этим свойствам. Он объяснял, к каким последствиям может привести болезнь, если его не лечить правильно, какие сопутствующие болячки могут появиться. Он был убедителен, говорил спокойно на простом, доступном языке.

Если строго следовать его лечению, соблюдать все рекомендации, то можно вылечить самые тяжелые заболевания. Я знаю, например, женщину, у которой Галдан Ленхобоевич вылечил цирроз печени. И таких фактов очень много.

Галдан Ленхобоевич был спокойным человеком, с очень сильной и мощной аурой. При нем я даже не болела. Я боялась уезжать

от него, искала повод быть дольше рядом с ним — настолько целительной была его аура.

Конечно, это была очень тонкая натура, глубоко одаренная. Издавна только такие люди творческого склада, имеющие природный художественный дар, могли хорошо освоить пульсовую диагностику.

К нему приходили не только лечиться. К нему приходили ученые, чтобы проконсультироваться по буддийской философии, в частности, я помню, бывала Хунданова из Бурятского научного центра. Круг его знакомых был очень большой — геологи, врачи, историки и другие.

Галдан Ленхобоевич, наверное, оказал влияние и на мой выбор профессии. Так как я знала растения, которые с ним собирала, я решила заочно закончить биологический факультет. Травы для лекарств мы собирали в самых разных местах — в Закамне, Читинской области, Баргузине, Оке, Курумкане, Тарбагатае. Недостающие компоненты он заказывал в Китай, Монголию, Тибет.

ТУЯНА ВАСИЛЬЕВНА ЦЫБДЕНОВА,
победитель VIII Всероссийского конкурса
на звание «Лучший врач года», заведующая
отделением врачей семейной практики
городской поликлиники № 1 г. Улан-Удэ:

— Мой дед, Доржиев Лубсан Доржиевич, 1907 года рождения, вернее, он старший брат моего отца, воспитавший его, был ровесником Галдана Ленхобоевича Ленхобоева и его земляком. Они хорошо знали друг друга и всегда общались. Первый раз Галдана Ленхобоевича я увидела в 1967 году. Мой дед 7 января, поскользнувшись, сломал несколько ребер и лежал, испытывая адские боли, которые не давали ни подняться с кровати, ни нормально дышать. Тогда пригласили его друга, и он приехал к нам на бульвар Карла Маркса, 17. Два дня Галдан Ленхобоевич делал легкими поглаживающими движениями деду массаж в области ребер, после которых он уже чувствовал себя нормально, мог вставать и ходить.

Дедушка умер 2 декабря 1970 года. Галдан Ленхобоевич, конечно же, был на похоронах и поминках. Мы виделись на дню по несколько раз, ходили друг к другу, когда они с женой Хандажап зимой жили на бульваре К. Маркса, а летом — на Амагаева в своем деревянном доме.

Галдан ахай никогда не сидел без дела. Очень много писал. Я ему печатала на пишущей машинке. Тексты были разные: и по лекарственным препаратам, и по древней истории монголов.

Мне было 15–16 лет, когда я вместе со старшим братом Володей начала помогать Галдану Ленхобоевичу. Готовили лекарства — собирали травы, по рецептуре смешивали ингредиенты. В состав одного сбора могло входить до 19 компонентов, а порой — даже 20–22. Кроме лекарственных растений, которые мы ездили собирать на Верхнюю Березовку, Омулевку, в Тарбагатайский район, в лекарства входили шафран, который заказывали в Индию, по тем временам цена одного килограмма шафрана была 6 тысяч рублей, и мумиё, которое стоило 1700 рублей за килограмм. Также в составе некоторых сборов использовались выкидыши оленя.

Галдан Ленхобоевич был очень интересным собеседником. Наверное, он лечил еще и своими разговорами. Он разговаривал с людьми с улыбкой, с удовольствием смеялся, у него было хорошее чувство юмора, и он всегда был позитивно настроен. Я помню, у них были целые альбомы с визитками — в те времена они были в основном только у известных людей. Помню визитки легендарного Георгия Жукова, ректора мгу, директора Большого театра Бориса Покровского, космонавтов, кого-то из династии Дуровых. Много общался с учеными из Новосибирского Академгородка — он ездил к ним, к нему приезжали оттуда — Марчук, Александров, Лаврентьев и другие.

Он был от природы очень интеллигентным, разносторонним человеком, много общался с разными известными людьми. Он отмечал, что чем выше статус человека, тем он проще, тогда как простой председатель колхоза изображает из себя очень важного и недоступного человека.

В 1978 году к Ленхобоеву приезжали четыре грузина из Сухуми. Они ночевали у нас дома, у каждого было раковое заболевание разной этиологии. Галдан Ленхобоевич дал им лекарства. В 1982 году по их следам в Улан-Удэ приехал еще один грузин, чтобы получить лекарства от бурятского целителя для своего брата, у которого обнаружили рак мочевого пузыря. Он разыскал нас, хотя мы уже переехали в другое место. Нам было очень радостно услышать, что те четверо смогли одолеть смертельные болезни, пропив лекарства Галдана Ленхобоевича и строго следуя его рекомендациям. Через гостя они приглашали нас к себе в Сухуми.

В апреле 1975 года к Галдану Ленхобоевичу приезжали Мстислав Ростропович и Галина Вишневская. Они в Москве и Ленинграде уже не давали концерты, а в Улан-Удэ любители классической музыки имели счастье слушать выступления одной из выдающихся музыкальных пар в мировой истории на двух концертах.

Мстислав Ростропович подарил свою фотографию на память Галдану Ленхобоеву во время приезда в Улан-Удэ в 1975 г.

Я тогда, конечно, не понимала, какие это величины, могла бы зайти к своим добрым соседям, чтобы взглянуть на них. Мой двоюродный брат столкнулся с ними в подъезде нашего дома. Они приехали к лекарю прямо из театра, Галина Вишневская была еще в концертном платье. Второй вечер они провели в доме на Амагаева. У певицы на руке был массивный японский перстень с черным камнем, на который обратила внимание тетя Хандажап. Гостя сняла его и подарила ей. Хозяева хранили его на тарелочке в серванте просто как украшение.

Эта супружеская пара приехала к бурятскому целителю из-за болезни Вишневской. У нее был рак молочной железы. Не знаю подробностей — была ли у нее операция и как лечили медики, но в любом случае она прожила немало после встречи с Галданом Ленхобоевичем.

В своей работе я пользуюсь советами Галдана Ленхобоева. Сегодня трудно отделить, что от него, а что из других нетрадиционных методов лечения. Как врач я могу утверждать, что рак — это охлаждение крови. У Галдана Ленхобоева есть очень простой и доступный рецепт, который помогает охлажденному организму. Бульон из бараньих лыток варится без соли, как только закипит, он готов. Лытку можно положить в морозилку до следующего раза и использовать несколько раз. Эффект от приема этого бульона хороший. Многие мои больные, которые прошли курсы химиотерапии, пили этот бульон и отмечали улучшение. Сегодня как никогда нам нужны труды Галдана Ленхобоева по тибетской медицине, древние методы исцеления бурятского народа.

ВАЛЕНТИНА САЛЖИТОВНА ДОРЖИЕВА,
жительница г. Улан-Удэ:

— Мое знакомство с Галданом Ленхобоевым состоялось в 1969 году. Мне было всего девятнадцать лет, я только что закончила учебу в Агинском педагогическом училище, но меня мучили жестокие судороги в ногах, которые порой даже не давали встать на ноги и ходить, и так происходило каждую ночь. В Улан-Удэ у меня были две знакомые Дулмы, выступавшие в ансамбле песни и танца «Бай-

кал»: одна танцевала, а другая — играла на чанзе. Они знали Галдана Ленхобоевича и сказали мне, что он хороший лекарь и ему нужна секретарь-машинистка, а я тогда умела печатать на пишущей машинке. Так я оказалась у моего спасителя. Принял он меня хорошо, разговаривать с людьми я умела и пишущую машинку хорошо знала. Печатала я ему тексты на русском языке, а он же их переводил сначала с тибетского языка на бурятский, а потом — на русский.

Галдан Ленхобоевич получал очень много писем отовсюду, люди писали о своих болезнях, задавали вопросы, благодарили за лечение. Я отвечала на эти письма. При мне пришла посылка из Якутска с унтами — подарком от благодарных пациентов.

Состояние моего здоровья он проверил с помощью пульсовой диагностики. Внимательно послушав мой пульс, Галдан Ленхобоевич объяснил мне, что вся проблема в сердце, от его охлаждения. Если сказать медицинским языком, у меня был ревматизм сердца. Действительно, когда я училась в педучилище, на выходные я ездила домой, с поезда сходила рано утром, а дальше мне надо было пройти пешком по морозу восемнадцать километров.

Галдан Ленхобоевич сам заваривал мне в литровой кружке лекарственный сбор — питье было очень горьким. Я три раза приняла это лекарство, и судороги прошли с первого раза. Проработала я у Ленхобоева всего две недели. Много интересного я за это время узнала и услышала. Например, Галдан Ленхобоевич говорил, что употребление в пищу конской печени, что особенно было распространено у западных бурят, не позволяет женщинам рожать, и на самом деле в богатых семьях детей было мало.

Прием больных обычно проходил в первой половине дня. Потом Галдан Ленхобоевич мог побывать где-нибудь в больнице, приносил оттуда с хирургических операций камни, которые удаляли из внутренних органов — бывали дробленные, а однажды он показал огромный камень — я была поражена.

Галдан Ленхобоевич рассказывал, что в 1960-х годах ему разрешили открыть клинику в Ленинграде, но потом решение изменилось не в пользу тибетской медицины. А ведь в этом городе во времена Николая II был известен приближенный к императорской семье врач тибетской медицины Петр Бадмаев (при крещении был назван в честь Петра I), имелась сеть аптек с тибетскими лекарствами. Пришлось Галдану Ленхобоевичу в 1966 году вывезти из города на Неве свои сундуки с лекарственным сырьем, а когда он приехал в Улан-Удэ, пришли к нему два офицера-гэбэшника и все изъяли. Частная практика с применением методов восточной медицины в то время не приветствовалась. Поэтому про свои приемы больных и лечение Галдан Ленхобоевич просил не распространяться.

Я проработала с Ленхобоевым всего две недели. На зимние каникулы из Ленинграда приехала его дочка. Он давал мне деньги за работу, но я вместо них попросила для себя лекарства. Он собрал мне пятнадцать порций того лекарства, которое я при нем принимала. Но принимать их я не стала, потому что на тот момент меня не беспокоили никакие болячки. Я была молода, многого не понимала. Позже я жалела, что не продолжила лечение, возможно, если бы я допила все прописанные лекарства, мне удалось бы избежать дальнейших проблем со здоровьем. Но все же я очень благодарна за встречу с этим замечательным человеком, за то, что он избавил меня от страшных судорог в ногах и я в девятнадцать лет смогла поехать работать и даже возглавить центральную библиотеку в Курумкане.

Позже, в 1980-х годах, я снова услышала о Галдане Ленхобоеве от моей тети Батожаповой Надежды Бадмажаповны. Она тогда работала главным бухгалтером Союза художников Бурятии, ездила в командировку с отчетами в Москву. Тогда председателем Союза художников Бур АССР был Дашанима Дугаров — бывая в Москве, он останавливался в гостинице «Минск». Дугаров сделал бронь и для своего сотрудника. Моя тетя была очень удивлена тем, что к ней в номер стали стучаться, приходить работники со всей гостиницы — они хорошо знали Галдана Ленхобоевича и заказывали его лекарства. Однажды тетя вынуждена была вернуться на один день в Улан-Удэ, потому что что-то в отчете «не срослось». Так, она привезла целую кучу бумажек с заказами. Утром отдала рецепты, а к вечеру Галдан Ленхобоевич собрал все необходимые лекарства.

Наш бурятский эмчи Галдан Ленхобоев помогал многим. Очень ценно то, что его лечение было направлено на устранение причин болезни. Как это здорово, когда человек может помочь избежать многих проблем.

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА ГЛОТОВА,
жительница г. Улан-Удэ:

— В 1983 году у мамы обнаружили опухоль в молочной железе. Биопсия показала, что она злокачественная. Стратегия лечения была такой: облучение, возможная радикальная операция по удалению

молочной железы, химиотерапия. Однако мы понимали, что это лечение может и не привести к выздоровлению. Но тут мой коллега по работе Бато Аюшеевич Гылыков сказал решительно, что нам обязательно надо обратиться к травнику. Именно так прозвучало. Видимо, чтобы нам было понятнее. В тот момент мы были готовы идти куда угодно и хвататься за любую соломинку.

И вот в обговоренный срок с утра мы стоим у двери квартиры на бульваре Карла Маркса. Пришли на прием без особой надежды, так как не были знакомы ни с тибетской медициной, ни с самим тибетологом Галданом Ленхобоевым.

Заходим, в коридоре сидят люди. Заглядываю в комнату, вижу несколько человек и только произношу имя Бато Аюшеевича, как пожилой бурят сразу приглашает нас зайти.

За столом, на котором было очень много всяких баночек и пакетиков с травами, сидели тибетолог Галдан Ленхобоев, его помощница — молодая симпатичная девушка, рядом — средних лет человек, который оказался ученым из Бурятского научного центра Эльбертом Базароном. Тибетолог спросил, с какой проблемой мы пришли. Рассказываем. Слегка кивает и начинает слушать пульс. Это удивительно, так как про диагноз по пульсу мы еще не знали. Очень спокоен, на лице нет выражения какого-то «ужасного приговора» для нас (я за этим пристально следила и, увидев уверенность в его глазах, успокоилась). Тибетолог лишь спросил, не принимала ли мама сеансов облучения. Отвечаем, еще нет. Показалось, что он очень негативно относится к такому способу лечения. Почему, спрашивать было некогда. После слушания пульса начал быстро говорить девушке-помощнице, какие лекарства из каких баночек и пакетиков доставать. Та мгновенно исполняет: достает, считает, упаковывает. На каждой пакетики она под диктовку Ленхобоева надписывает способы и время употребления. Галдан говорил в основном на бурятском языке, а переводил нам Эльберт Базарон. Я слушаю, уточняю уже у самого Эльберта, так как думаю, что тибетолог не знает русского.

В дальнейшем были и операция, и облучение, и химиотерапия. Но одновременно мама с особой аккуратностью принимала все лекарства: по часам, по дням, разбавляя сывороткой, когда было надо, или запивая сырой водой.

С тех пор прошел тридцать один год. Мы говорим, что вовремя успели — застали болезнь на ранней стадии и предприняли все, чтобы победить онкологию. И только спустя много лет мы узнали, с каким доктором нам посчастливилось встретиться и как он нам помог! Низкий поклон памяти Галдана Ленхобоева!

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ,
президент детского шахматного
фонда Бурятии:

— По своей первой профессии я врач. Не помню, как я познакомился с нашим известным лекарем-тибетологом, но в 1980-х годах я привозил к нему своих друзей из Москвы. У жены моего друга из Казахстана (позже он возглавлял одно из ведомств Республики Казахстан) были серьезные проблемы с почками, она десять лет лечилась в известной московской клинике, но особых улучшений не было. Мы побывали на приеме у Галдана Ленхобоева на улице Амагаева, он дал свои лекарства, после приема которых пациентка сдала анализы там, где раньше наблюдалась. В этот раз в клинике белка в моче не нашли — конечно же, врачи успех записали на свой счет. У другого моего друга поводом для обращения к Галдану Ленхобоевичу была аллергия, лечение у тибетолога было успешным.

ОТЗЫВЫ БЛАГОДАРНЫХ ПАЦИЕНТОВ, ПРИСЛАННЫЕ ИЗ НОВОСИБИРСКА К СТОЛЕТИЮ ГАЛДАНА ЛЕНХОБОЕВА

АКАДЕМИК М. А. ЛАВРЕНТЬЕВ:

— О Галдане Ленхобоевиче я впервые услышал от своей жены Инны Михайловны Лаврентьевой, которая ездила на консультацию в Улан-Удэ. Он прописал ей курс лечения — прием порошков, которые он сам изготавливал. Лечение заметно подействовало.

Несколько лет спустя Галдан Ленхобоевич приезжал в Новосибирск. Останавливался он у наших друзей Алексеевых. Многие жители Академгородка хотели попасть к нему на прием.

Про меня и мою жену он сказал, что у нас в смысле здоровья типичный недостаток для жителей городов — слабая почка. Для лечения нужно принять курс порошков и выполнить определенные рекомендации по питанию. Лечение по методике Ленхобоева существенно помогло многим жителям Академгородка.

Методикой Ленхобоева заинтересовался председатель Сибирского отделения Академии наук и директор Вычислительного центра академик Гурий Иванович Марчук. Под его руководством был организован семинар по математическому моделированию, были построены и исследованы математические модели болезней и процессов лечения.

Личное знакомство с Галданом Ленхобоевичем оставляло глубокое впечатление. Можно сказать, что он был ярким представителем древней цивилизации, которая в настоящее время сравнительно малоизвестна нашему научному миру.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА АЛЕКСЕЕВА:

— С Галданом Ленхобоевичем Ленхобоевым я познакомилась приблизительно сорок лет назад при достаточно грустных для меня обстоятельствах. Несколько лет меня мучили обмороки, причину которых не знали, предполагали эпилепсию и безуспешно ее лечили, усугубляя и так плохое состояние.

В больнице я познакомилась с молодой женщиной, которая также падала в обморок, ей поставили диагноз — рассеянный склероз. Папа этой женщины, геолог, узнал в Бурятии о Галдане Ленхобое-

виче и посоветовал нам ехать в Улан-Удэ, что мы и сделали. Галдан Ленхобоевич за три минуты поставил нам верные диагнозы (это подтвердила в дальнейшем и официальная медицина). У меня была болезнь печени, которая привела к нарушению гормонального равновесия и в результате к онкологии в матке. Процессы разложения новообразований приводили к замусориванию крови, и как результат — обмороки. В результате лечения его порошками я выздоровела.

У приятельницы оказалась болезнь почек, что приводило попаданию в кровь разного рода «мусора», который разрушал нервные окончания спинного мозга, что и приводило к обморокам. Ее Галдан Ленхобоевич тоже вылечил. Как говорил мой муж: «Мы стали свидетелями чуда». Это касалось и диагностики, и лечения.

Среди наших близких и знакомых есть люди, которых Галдан Ленхобоевич вылечил от рака кишечника, рака крови (два случая) и много-много других людей, которым Галдан Ленхобоевич даровал здоровье. Светлая память о нем всегда в наших сердцах.

Ю. Г. МАТУШКИН,
заведующий сектором Института цитологии и генетики СО РАН,
кандидат биологических наук:

— С Галданом Ленхобоевым я познакомился осенью 1981 года, когда попал к нему на прием в связи с тяжелой и непонятной (для врачей из поликлиники) болезнью. В тот момент Галдан Ленхобоевич приехал в Новосибирск и вел прием на квартире у своих родственников. Надо сказать, слухом земля полнится, и очередь стояла еще на лестничной клетке. Хорошо помню также характерный запах порошков, которыми лечил Галдан Ленхобоевич. Думаю, это была большая удача для меня, что я попал к нему на прием, т.к. после довольно длительного лечения этими тибетскими (бурятскими) средствами я выздоровел.

Я общался с Галданом Ленхобоевичем второй раз, когда через несколько лет приехал к нему в Улан-Удэ на прием, скорее профилактический, чем по необходимости. В этот раз мне посчастливилось сидеть с ним за одним столом и в полной мере оценить его мудрость, простоту и прекрасное чувство юмора.

Определенно он был замечательным и выдающимся человеком. Я утвердился в этом своем мнении, когда узнал в общих чертах историю его жизни. Храню по нему светлую и благодарную память.

ТАМАРА ИВАНОВНА ШТАТНОВА:

— Одно упоминание этого имени вносит тепло, свет, радость и бесконечную признательность человеку, который сотворил чудо, вылечив нашего сына. Впервые мы познакомились с ним в 1974 году в Улан-Удэ на приеме по поводу болезни нашего сына, а затем он приехал в Академгородок по нашей просьбе.

Дни, когда он жил у нас в доме, были проникнуты атмосферой радости, света и уверенности в его знаниях и возможностях. Он покорял всех нас своей добротой, детской непосредственностью, юмором, любовью к людям, за что получал от всех нас искренность и тепло наших сердец. Ночные беседы с ним, часто до рассвета, покоряли нас эрудицией, разносторонними знаниями во многих областях науки и жизни. Ареал его знаний поражал своей широтой и глубиной. Нередко казалось, что этот человек живет не первую жизнь, зная о ней столько много, что для приобретения этих знаний одной жизни было бы мало.

Но самое главное призвание в жизни — помогать больным людям. Такой доброте, любви к человеку, вселению уверенности в положительный исход лечения можно было бы поучиться любому лечащему доктору. Во время приема он принимал всех желающих попасть к нему на лечение, никогда не считаясь ни со своим временем, ни со своими силами. Это самопожертвование во имя людей снискало к нему уважение и любовь всех лечившихся у него.

В нашем случае — это онкологическое заболевание, имевшее мрачный прогноз. После очень внимательного осмотра сына он первый вселил в нас надежду на положительный исход лечения. Лечение проходило трудно для всех, но вера помогала нам справляться с этим. Через три года Галдан Ленхобоевич отменил лекарства. Мы несказанно были рады этому, но тревога оставалась еще очень долго.

К нему обращались родители, у которых дети страдали тяжелыми формами аллергии, почечной недостаточностью и нервными заболеваниями. Он восстанавливал двигательные функции у детей с церебральным параличом. Перечислить все заболевания, которые он излечивал, невозможно. К нашей большой радости, у него есть последователи, которые продолжают его дело и оно в надежных руках. Мы постоянно прибегаем к их помощи и надеемся, что преемственность поколений будет продолжаться и в будущем на благо больным людям.

ТВОРИТЬ ДОБРО
ДРУГИМ ВО БЛАГО

Серафима Очирова,
редактор издания

Книга, которую вы держите в руках,—лишь часть огромного наследия Галдана Ленхобоева. Его труды на бурятском языке войдут во вторую книгу. В ней будет работа «Сэлэнгын түрэ хуримай түүхэнээ—Из истории свадебных обрядов селенгинских бурят». Описываемые в ней обряды как живая картина жизни: диалоги, песни, благопожелания вкрапляются в сценарий большого свадебного торжества.

Ряд работ на родном языке Галдан Ленхобоев посвятил истории селенгинских бурят, оставил также немало поэтических произведений, собранных и созданных им загадок, пословиц и поговорок.

Удивительно сплетаются в узор судеб обстоятельства. Только однажды я видела Галдана Ленхобоевича при его жизни. Он приехал в родные края собирать лекарственные травы и остановился в доме отдыха на аршане Ухаа Толгой. Моя мама взяла меня с собой, когда поехала отвезти ему свежего молока. Я помню, большой бильярдный стол в «Красной комнате» был весь в желтых цветах хараганы, они сушились при закрытых окнах. Второй раз его имя я услышала, когда Доржо ахай привез из города *домог*—отпечатанные на пишущей машинке листы домашнего самиздата, сделанные Галдан ахай. Мы с мамой дописывали туда тех, кто родился и еще не был внесен в родословные древа олзонцев.

В судьбе Галдана Ленхобоева—явная кармическая связь с XII Пандито Хамбо ламой Даша Доржо Этигэловым. В уголке своего сердца он, кажется, всегда держал его образ, поклонялся ему, порой оброня с уст его имя, о чем свидетельствуют родные. Есть версия, что Этигэлэй хамба, зная о том, какие времена грядут, уберег Галдана Ленхобоева от участи многих лам и хуvaraков, которые позже были уничтожены репрессией,—не дал стать священнослужителем.

И более того, предвидел, что он станет связующим звеном в цепи преемственности, сохранит древние знания эмчи-лам.

Галдан Ленхобоев также сумел оставить нам имена знаменитых оронгойских мастеров, построивших дацаны этнической Бурят-Монголии, и передать для изучения секреты исконных бурятских ремесел—рецепты составления красок, изготовления клея для иконописания, изготовления луков, стрел и других столярных и малярных работ, опыт строительства дацанов, церквей, жилых и общественных зданий. Сегодня другой его труд «Узлы, швы и плетение у бурят» передает уникальные знания, которые раньше передавались из поколения в поколение. Без этих, казалось бы, уже несколько архаичных на сегодня навыков мы утрачиваем не только ту гибкость ума, которая была присуща нашим предкам, но и еще что-то более важное, некий код нашего разума. Хочется верить, этими «узлами», которые оставил нам в наследство Галдан Ленхобоев, отныне крепко будут завязаны узы поколений бурят.

—Человек не рождается из цветка,—всегда говорила моя мама.—От крови и плоти родителей. Он должен стремиться вернуть долг перед ними. Драгоценная жизнь, подаренная ему, имеет своим смыслом—добро. Добро отцу и матери, своей семье, людям, своему народу. Добро, сотворенное человеком, способно преодолеть время и смерть. Так, все то, что сделано Галданом Ленхобоевым, по сути, завещано людям. Такое огромное наследие, которое не каждый смертный может оставить, должно принадлежать народу.

Выросший рядом со своим дедом, при небогатом домашнем хозяйстве матери с одним конем, одной коровой и восемью овцами, мальчик от природы был любознателен. Он рано понял, что главное богатство человека—это знания. Видно, так рассуждали и те, кто воспитывал мальчика. Его мама Ухёнэй абгай была удивительной женщиной, по тем временам было настоящим достижением прочитывать шестнадцать томов священной буддийской книги «Юм».

Работая над книгой, я была потрясена, узнав еще один факт ее биографии—она тайком ходила по ночам собирать рассыпанные и разлетевшиеся листы ксилографов разоренного Янгажинского дацана. Не близок путь от Олзона до того места для пешего человека. Рискуя жизнью, добродетельная мать прятала священные реликвии. После нее эти книги хранил сам Галдан Ленхобоев, из них он черпал свои знания в тибетской медицине. Разве не духовный подвиг совершала женщина?!

Мы живем добродетелями своих родных—это нам надо всегда помнить. Благodeяния наши будут путеводной звездой для наших детей. Родителей не выбирают, но счастье—родиться в семье, где

каждое поколение щипливали добродетели для положительной кармы своих детей. Эти буддийские книги, собранные Лёнхобын Ухёнэй, переданы Сэржэмой Галдановной и младшим Галданом в музей истории им. М. Н. Хангалова — по описи больше ста томов.

Немалая часть вошедших в книгу работ Галдана Ленхобоева, газетные и журнальные публикации, документы бережно сохранены его родными. Его внук Галдан оказал неоценимую помощь в составлении и издании книги. Выросший в городе, он, как и многие его сверстники, до недавнего времени мог сказать словами известного бурятского поэта Баира Дугарова: «Язык отцов, прости за немоту». Изучивший иностранные языки, он, переводчик с английского и китайского, уже взрослым человеком научился говорить на бурятском языке.

Я часто размышляю, для чего была дарована мне человеческая жизнь: в страшных муках рождения она сразу могла закончить свое земное существование (врачи боролись за жизнь только моей мамы). Моя добрая бабушка — нагаса эжы вымолила ее мне. Имевшая судьбу тысяч земных женщин, которые рожали и воспитывали детей, ухаживали за скотом, она была женщиной, идущей по пути бодхисаттвы, недаром она была названа именем богини — Дара. Как истинная верующая она не только молилась и читала мантры. Я знаю, как на попутных машинах она добиралась до Иволгинского дацана, чтобы поддержать лам, которые в то время не имели возможности свободно уходить за пределы дацана — пекла хлеб, зачастую отрывая от своей семьи последнюю муку, копила масло, чтобы растопить для зула в дацане, молоко. В каждый свой приезд по очереди обходила лам со своими угощениями и, конечно же, обращалась к ним с просьбами помолиться за тех, кто находился вдали от дома, за благополучие родных и близких.

При моем рождении она просила покровительства и заступничества XVIII Хамбо ламы Еши-Доржи Шарапова. «Шарабай багша найжатайш», — внушала мне и подчеркивала значимость такого великого благословения достопочтенного учителя. Моя работа над книгой — дань им.

С возвращением Хамбо ламы Этигэлова связано и возвращение нам имени Галдана Ленхобоева. В сентябре 2002 года мир услышал сенсационное известие: в Бурятии найдено тело Великого ламы, который 75 лет находился под землей. В декабре этого же года в Гильбиринской средней школе отмечали 95-летие поэта, художника, археолога, лекаря-тибетолога Галдана Ленхобоева. Инициатор проведения мероприятия — заведующая школьным музеем Дарима Нимаевна Нимаева, которая тоже родом из Олзона. Благодаря неутомимой энергии этого человека были собраны материа-

лы о жизни и деятельности Галдана Ленхобоева, коллеги-учителя продолжили ее дело. Сейчас школьный музей носит имя Галдана Ленхобоева. В 2002 году в газете «Молодежь Бурятии» я опубликовала статью «Бурятский да Винчи». Мы мечтали отметить столетие Галдана Ленхобоева на республиканском уровне. Но наших силенок тогда не хватило, мы стали думать об издании сборника работ Галдана Ленхобоева, собирать материалы.

Некоторые публикации, вошедшие в книгу, выдержаны в рамках идеологических штампов своего времени. И мы оставили их как иллюстрацию той действительности, в которой жил и творил человек. Хотя сам Галдан Ленхобоев никогда не был членом партии, ему не были чужды некоторые коммунистические взгляды. Но, несмотря на это, он оставался типичным представителем монгольского мира, в котором человек всегда был близок к окружающей среде, наблюдая природные и биологические явления, жил в согласии с природой, впитывая от нее мудрость и интуитивные знания, закрепленные в генах народа. Умение делать разнообразную работу, что наглядно видно на примере Галдана Ленхобоева, связано с особенностями ведения хозяйства кочевой цивилизации.

Издавна у бурят существовали традиции домашнего обучения, обычным делом было изучение дома тибетского и старомонгольского языков, благодаря которым Ленхобоев стал настоящим передатчиком знаний бурятских лекарей, оронгойских дарханов-мастеров и безвестных сказителей своей знаменитой родины.

Сейчас, когда мы свободно можем лечиться у эмчи-лам в дацанах и врачей в центрах восточной медицины, нам стоит помнить, кому мы во многом обязаны этим. Нам трудно представить, что Галдан Ленхобоев лечил людей в непростое и даже опасное для целителей тоталитарное советское время. Он не побоялся, рискнул и смог передать нам знания, полученные им.

Пусть сегодня, открывая каждую страницу этой книги, мы будем становиться лучше и мудрее. Будем наполняться гордостью за то, что наша земля и народ родили такого творца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

6	ПРЕДИСЛОВИЕ	234	ГЛАВА III
	Благословенная судьба / <i>Г.В. Ленхобоев</i>		БОГАТСТВО РОДНОГО КРАЯ
12	ГЛАВА I	236	Узлы, швы, плетение у бурят / <i>Г.Л. Ленхобоев, Е. Хамзина</i>
	ТАЙНЫ ТИБЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ	266	Материалы о народных умельцах Оронгоя / <i>Г.Л. Ленхобоев, К.М. Герасимова</i>
14	О теплых и холодных свойствах пищевых продуктов и лекарственных средств / <i>Г.Л. Ленхобоев, Н.Ц. Жамбалдагбаев</i>	286	Фольклорные записи Г.Л. Ленхобоева / <i>А.П. Окладников</i>
54	Причины внутренних болезней (некоторые сведения из тибетской медицины) / <i>Г.Л. Ленхобоев</i>	306	Археологическая разведка на обоо Чингисхана / <i>Г.Л. Ленхобоев</i>
76	Некоторые сведения о пульсовой диагностике (фрагменты из трактатов тибетской медицины) / <i>Г.Л. Ленхобоев</i>	312	Летопись острой сопки / <i>А.П. Окладников</i>
90	С годами пришедший опыт (о бурятской народной медицине) / <i>Г.Л. Ленхобоев, Н.Ц. Жамбалдагбаев</i>	322	Сына Атиллы звали Чингисом / <i>Ч. Гомбоин, А. Жалсараев</i>
100	Тайны тибетской медицины / <i>О. Балабанов</i>	328	Что общего между Чингисханом и Гильбирой?
124	Тайны тибетских лам / <i>Б.Н. Камов</i>	332	Древние наскальные рисунки, или о чем говорят камни
136	Искатель рецептов / <i>Б.Н. Камов</i>	338	ГЛАВА IV
142	Бракшун — забайкальское мумиё / <i>К. Блинова, Г. Яковлев, Н. Сыровежко</i>		В СЕРДЦЕ ОТЗОВЕТСЯ
147	Приложения: статьи и фото разных лет	340	Щедрость / <i>Г.Н. Балзовский, О.В. Серова</i>
156	ГЛАВА II	362	Корни тайги (Сибирь героическая) / <i>Ю.С. Рыхтэу</i>
	ТРУДОВАЯ КНИЖКА	368	СПАСИБО, ГАЛДАН!
158	На берегу полноводной Селенги... История завода «Электромашина» / <i>Г.Л. Ленхобоев</i>	370	Памяти мастера / <i>М. Ломунова</i>
204	Давайте работать инициативно! / <i>Г.Л. Ленхобоев</i>	376	Слово о великом лекаре / <i>Б.Н. Камов</i>
208	Как улусный паренек пришел на завод / <i>Б. Махатов</i>	404	Воспоминания о Галдане Ленхобоеве
224	Галдан Ленхобоев и Бажей Жатухаев / <i>А.А. Бальбуров</i>	440	Творить добро другим во благо / <i>С.П. Очирова</i>

Г.Л. Ленхобоев,
1940-е гг.

**БЛАГОДАРИМ
ЗА СОДЕЙСТВИЕ
В ВЫПУСКЕ КНИГИ:**

*Издание осуществлено при финансовой
поддержке Министерства культуры
Республики Бурятия в рамках
Государственной программы
Республики Бурятия
«Культура Бурятии»*

ЛАМ ИВОЛГИНСКОГО ДАЦАНА
Ганжур ламу Раднаева, геше Дымбрыла Дашибалданова

ЦЕНТР БИБЛИОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ
Национальной библиотеки Республики Бурятия
и лично *Базарову Дариму Васильевну*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
и лично *Бороноеву Татьяну Анатольевну*

МУЗЕЙ ИСТОРИИ Г. УЛАН-УДЭ
и лично *Дашанимаеву Аюну Владимировну*

**ГИЛЬБИРИНСКУЮ СРЕДНЮЮ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ
ШКОЛУ Иволгинского района Республики Бурятия**

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИМ. ГАЛДАНА ЛЕНХОБОВЕВА
Гильбиринской средней общеобразовательной школы
и лично *Доржиеву Цыпилму Содномовну*

СЕМЬЮ ЛЕНХОБОВЕВЫХ
и лично *Ленхобоева Галдана Викторовича*

ГАЛДАН ЛЕНХОБОВ:
благословенная судьба

Идея

СЕРАФИМА ОЧИРОВА

Ответственный редактор

ЖАННА ДЫМЧИКОВА

Редактор

СЕРАФИМА ОЧИРОВА

Технический редактор

ДЫЖИТ БАТУЕВА

Дизайн, верстка

ШАРАЙД О. ГАЛСАН

Фото

СЕРГЕЙ ИЛЬИН

Корректор

ТАТЬЯНА ГИРГУШКИНА

Набор текстов

НАМЖИЛМА БАЛЬЖИНИМАЕВА,
ГЭСЭГМА ДОРЖИЕВА

Монгол бэшэг

ЖАРГАЛ БАДАГАРОВ

Редакция проекта «Буряад-Монгол Ном»:

Республика Бурятия 670000

Улан-Удэ, ул. Ербанова 4

Тел. +7 (3012) 21 48 57

Email: buryadnom@gmail.com

http://buryadnom.blogspot.com

По вопросам распространения:

Тел. +7 (914) 844 9579

Email: buryadnom@gmail.com

Подписано в печать 27.12.2014

Бумага офсетная 120 г/м²

Формат 60×90/16

Тираж 350 экз. Тип. зак. № 6654

PRINTLETO.RU (Москва)

СЕРГЕЙ ИЛЬИН
ТАТЬЯНА ГИРГУШКИНА
НАМЖИЛМА БАЛЬЖИНИМАЕВА,
ГЭСЭГМА ДОРЖИЕВА

ISBN 978-5-9905883-5-6

9 785990 588356

Отзывы о книге
и пожелания
присылайте по адресу:
buryadnom@gmail.com

